

NEWMEDIA STARS

БУРЖУАЗНЫЙ
Ж У Р Н А Л

ДозорЪ

ВЗГЛЯД
ДЕЛОВАЯ ГАЗЕТА

MADEINRUSSIA.TV

НЕЗНАКОМКА **СОБСТВЕННИК** **ОНУ.РУ** **Redstorm**
журнал о людях и домах Creative Studio

Читай блог автора на
БЛОГИ@MAIL.RU
<http://blogs.mail.ru>

WWW.THEOIL.RU

нефть

Марина
Юденич

ПОПУЛЯРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

Издательство «Популярная литература»
Москва, 2007

УДК 821.161.1-312.4*Юденич
ББК 84(2РОС=РУС)6-44
Ю16

Книга издана при поддержке Newmedia Stars

Юденич М.А.

Ю16 Нефть. – М.: Издательство «Популярная литература», 2007. – 312 с.

Придет время, и конец XX века историки назовут эпохой борьбы за нефть. Страны и целые континенты оказались на пороге энергетического коллапса. Вспыхнули войны, запылал Ближний Восток. Россия стала объектом политического и террористического шантажа. Следом пришло время государственных переворотов, провокаций и небывалой коррупции. Сохранить статус великой державы или превратиться в большую аграрную страну на окраине Европы, природные богатства которой – странным образом – оказались в собственности международных корпораций или отдельных лиц? Страна оказалась на краю пропасти, в нескольких шагах от финала собственной великой истории...

Этому времени посвящен роман, основанный во многом на документальных материалах и личных наблюдениях автора, которой довелось оказаться практически в центре событий.

В то же время необходимо заметить, что роман «Нефть» является художественным произведением, и любые аналогии с реальными событиями и реально существующими лицами могут быть только случайными.

УДК 821.161.1-312.4*Юденич
ББК 84(2РОС=РУС)6-44
Ю16

ISBN 978-5-903396-06-1

© Юденич М.А., 2007

© Издательство «Популярная литература», 2007

© Дизайн обложки А. Маслов, студия Redstorm, 2007

Марина
Юденич

Автор выражает глубокую благодарность
генерал-полковнику **А. Г. Ч.**
за помощь в создании романа.

Истории, не связанные никоим образом, разнесенные во времени и в пространстве, легли в основу всего того, что случилось много позже. Вернее – должно было случиться. Но не случилось. Ибо можно, разумеется, отловить редкую бабочку. И рассчитать время. И даже силу, с которой ваша хрупкая красавица должна будет взмахнуть своими слабыми крыльями. И совершить невозможное – заставить бабочку взмахнуть крыльями в расчетное время, с нужной – заданной – силой. И ожидать урагана, который непременно грянет где-то, за тысячу верст от того места, где ваша бабочка, взмахнув нарядными крыльями, нарушила хрупкое равновесие Вселенной.

И не дожидаться. Потому что где-то, за тысячи верст от вас и вашей бабочки, другая бабочка, повинувшись кому-то другому, тоже взмахнула крыльями.

Или – что даже более вероятно – между ними двумя, заточенными в неволю, оказалась третья – свободная и безрассудная бабочка, которая ярким солнечным днем просто кружилась в ласковом теплом воздухе, беззаботно помахивая крылышками. И ничего не произошло. Потому что усилиями трех маленьких насекомых Вселенная сохранила равновесие. А та история, которая должна была произойти по замыслу ловцов бабочек, закончилась в тот момент, когда – собственно – только должна была начаться. В этом была, как мне кажется, некоторая высшая логика. Логика Вселенной, сохранившей равновесие.

1991 ГОД

США, ШТАТ КОЛОРАДО

Жара, казалось, выжгла все – и воду, жизнь, и краски. Белое солнце – в бледном, выцветшем небе. Белая земля – вокруг. Редкий кустарник-колючка, зацепившийся в придорожной пыли, казался белым. Грязно-белым. И только гудрон на шоссе был черным и будто лоснился, потея и плавясь на адской жаре. И в это почти невозможно было поверить. Как невозможно было поверить, что где-то далеко, в бесконечной высоте раскаленного неба, царит нестерпимый холод и длинноногие стюардессы с красивыми бесстрастными лицами зачем-то напоминают расслабленным пассажирам о том, что снаружи – минус 80 по Цельсию. И только что не добавляют, копируя интонации телевизионных людей, читающих сводки погоды: если вы собираетесь именно сейчас покинуть борт нашего лайнера, одевайтесь теплее. И не забудьте варежки.

Он даже хихикнул. Какие только мысли не лезут в голову от скуки. Невероятно. Здесь все казалось невероятным. Зной на поверхности. Прохлада за облаками. И даже тот непреложный факт, что они существуют где-то, в объективной реальности – зной, прохлада, земля, солнце, облака, пустыня, город Денвер, штат Колорадо, Соединенные Штаты Америки, планета Земля, Вселенная... Бред.

Он тряхнул головой, отгоняя наваждение.

Странные мысли лезут в голову – это просто усталость. И глубина – восемьдесят два фута под землей, поверхностью той самой раскаленной пустыни, в которую здесь и сейчас трудно поверить. Человеку – как бы ни эволюционировала популяция под напором цивилизации и прогресса – надлежало жить на земле. Не под и не над ней. Но об этом теперь лучше было не думать.

Два часа до окончания смены. Можно – и нужно! – было провести их с пользой. Просто необходимо. В *The New Yorker* ждали статью еще на прошлой неделе. Манкировать ожиданием *The New Yorker* было недальновидно. И легкомысленно, по меньшей мере. К тому же – он действительно хотел написать эту статью.

Он представлял себе эту статью на глянцевых страницах *The New Yorker* и редакционную преамбулу журнала: «Впервые за шесть лет существования National Nanoscience Center один из его основателей, доктор Уильям Клаггетт, приоткрывает завесу тайны, скрывающей все эти годы...» Шесть лет назад в это невозможно было поверить. Он и не верил. Даже когда переступил порог зала заседаний кабинета в Белом доме. И увидел их всех, вместе, за небольшим овальным столом: президента,

вице-президента, государственного секретаря, министра обороны, директора ЦРУ, председателя Объединенного комитета начальников штабов, помощника по национальной безопасности и нескольких сенаторов, пользующихся, как ему сказали, особым доверием Белого дома.

Он хорошо помнил, о чем подумал тогда, разглядывая исподволь каждого из них – и всех вместе, занявших привычные места вокруг стола: «Вот люди, которые управляют Америкой, а зачастую – и миром. Отсюда, из этого неброского кабинета, сидя в точности на тех же местах, что и теперь».

И что-то еще про обыденное воплощение власти. Еще он подумал о том, что никто и никогда – возможно – не узнает, что именно предложит им сегодня, 19 ноября 1985 года, он, доктор Уильям Клаггетт. Им и – собственно – всему человечеству. Эта была горькая мысль. Горечь была настолько острой, что он сохранил ее привкус на долгие шесть лет. Впрочем, это была совершенно напрасная горечь. Все вышло иначе. Все сложилось.

Теперь The New Yorker ждал его статью, в которой уже можно было рассказать обо всем и подготовиться к тому, что рассказывать впредь придется много, подробно и популярно.

Он пробежал глазами по монитору: «Шесть лет назад я предложил термин MNT (Molecular nanotechnology) – как определение зарождающейся технологии, которая имеет потенциал, чтобы изменить мировую энергосистему, осуществить переворот в политике, экономике и вооруженных силах всех государств.

Она несет миру то главное, чего уже давно с надеждой ожидает человечество, – нанотехнологическую альтернативу энергоресурсам. Как известно, мировая экономика напрямую зависит от энергоресурсов и в первую очередь от нефти. Также мы знаем, сколько вооруженных конфликтов спровоцировала борьба за «черное золото», а нанотехнологии способны эту причину для войны снять: с MNT эффективность сбора солнечной энергии вырастет настолько, что про нефть и уголь все забудут напрочь. Энергия Солнца в равной степени доступна всем государствам на планете, и трудно придумать, как одна страна перекроет другой доступ к этому источнику. Следовательно, на одну причину для войн станет меньше, интерес стран друг к другу в плане энергоресурсов сойдет на нет. Это было неплохо, но требовало продолжения. Конкретики. Рассказа о том, что именно происходит сейчас в толще раскаленной земли, на глубине 82 футов, в подземном комплексе, заложенном в начале 1980-х годов для испытаний аппаратуры подводных лодок в предельно жестких условиях».

Проект был грандиозным, но что-то не заладилось у военных с самого начала, и время ушло. Свертывание «гонки вооружений» с неизбежностью привело к сокращению финансирования – и консервации комплекса. Прошло пять с половиной лет, прежде чем секретный доклад доктора Клаггетта на закрытом заседании кабинета возродил его к жизни.

В пустыне Колорадо, в восьмидесяти милях от Денвера возник National Nanoscience Center. Началась та самая конкретика, которую теперь предстояло описать максимально доходчиво и популярно. Как инструкцию по эксплуатации пароварки нового поколения.

«Однако создание наноматериалов требует первоначального сырья – нанокристаллитов, синтез которых в промышленном масштабе – важнейшая задача, стоящая сегодня перед нами. Можно говорить о двух способах производства нанокристаллитов.

В первом случае для их синтеза требуются «очень чистые» химические реактивы и большое количество электроэнергии. Результат – граммы конечного продукта.

Второй, воистину революционный и даже парадоксальный, разработан специалистами National Nanoscience Center. Мы первыми сумели синтезировать нанокристаллиты из устаревших взрывчатых веществ.

Кстати, их утилизация является давней головной болью военных и ученых, работающих на Пентагон. По их данным, на военных складах по всей стране хранится около 5 млрд снарядов, срок эксплуатации которых давно истек.

Как поступают с этой грудой взрывчатки в NNC? Подготовленные специальным образом взрывчатые вещества загружаются в экспериментальный реактор Центра. Происходит направленный взрыв. Фактически твердое взрывчатое вещество превращается в смесь жидкого углерода и газообразных продуктов. В результате чего в камере установится высокая температура и давление. Таким образом, мы одновременно получаем и энергию, и исходный материал для синтеза нанокристаллитов. Управление дальнейшим процессом требует высокого мастерства и филигранной точности. Если температура будет падать медленнее, чем давление, то процесс детонации может стать неуправляемым. Если же локальное давление снижать медленнее, начинается кристаллизация».

Он внезапно остановился, не закончив фразы. Дернул щекой, повинуясь острому импульсу невольной гримасы. Все это категорически не годилось. Как плохой учебник физики для начальной школы. Тускло, обыденно и коряво. И пугающе.

Реактор, взрыв, неуправляемые процессы... скверные ассоциации. Не прошло и пяти лет после катастрофы на русском реакторе. Разумеется,

это было другое, совсем другое, но объяснить это обывателю будет не просто. Тем более, что кое-кто давно пытается увязать их в один узел. Удар по клавише «delete» вышел явно сильнее, чем требовалось.

Палец сорвался, угодил на соседнюю клавишу – текст не пострадал. Он испытал короткую вспышку гнева, на смену которому быстро пришла тоскливая апатия – он совершенно не понимал, как и что следует писать дальше. Впереди, впрочем, было еще почти два часа. И 82 фута земной тверди над головой. Он снова подумал об этом.

И мысль немедленно пошла по известному кругу, пройденному уже десятки раз. Человеку надлежит пребывать на поверхности земли, не под и не над... Я схожу с ума? Он не испугался, потому что задавался этим вопросом не в первый раз. И не в первый раз привычно и бездумно отвечал себе: нет, я просто устал. И еще: я не люблю подземелье. Человеку надлежит... Тонкие пальцы сильно сжали виски. Надо было остановиться.

И начать все с начала, вернее, с того, на чем остановился. С того, что невозможно и недопустимо сопоставлять....

«Невозможно поверить, но сегодня раздаются голоса, требующие прекратить исследования в области нанотехнологий, потому что эта технология опаснее атомной...»

– Доктор Клаггетт!

От неожиданности он вздрогнул и испуганно отдернул руки от клавиатуры, будто занят был чем-то недозволенным и даже неприличным. И был застигнут врасплох. Странная иллюзия, диспетчер центрального реакторного зала, разумеется, не мог наблюдать за руководителем Центра. Мог только обратиться к нему напрямую, по громкой связи, выведенной в кабинет доктора Клаггетта.

– Какие-то проблемы, Буккер?

– Пока нет, сэр, но... температура падает несколько медленнее, чем давление...

– А мистер Керл? – Роберт Керл был главным инженером Центра, согласно инструкции, о любой нештатной ситуации диспетчер должен был докладывать именно ему.

– Я здесь, Уильям... – голос Керла был спокоен, но выходило, что он уже находится на центральном диспетчерском пункте....

– На сколько медленнее, Роберт?

– На шесть градусов в минуту... Пока.

Он машинально пошарил рукой на столе в поисках карандаша или ручки. Безо всякой необходимости. Поскольку уже подсчитал в уме – в запасе есть около сорока минут. При условии, что скорость падения

температуры не будет замедляться и дальше. Ситуация, в принципе, была далека от критической. Процесс можно было остановить в любую минуту. В любую из сорока минут, при условии, что вторая, автоматическая защита реактора сработает исправно. Но в этом, кажется, никто не сомневался. Он лично подписывал акты проверки системы и собственной латунной печатью скреплял пломбу на тумблере аварийной защиты.

– Хорошо, Роберт.

– Уильям?

– Я не хочу поспешных решений, Роберт.

– Ты спустишься к нам?

– Разумеется, через пару минут.

«Невозможно поверить, но сегодня раздаются голоса, требующие прекратить исследования в области нанотехнологий, потому что эта технология опаснее атомной...»

Очень даже возможно. Он уже слышал эти голоса, не раз и не два. Теперь – стоит только дать повод – они зазвучат громче. Он решительно подвинул к себе клавиатуру. Вдобавок ко всему у него украли время. Сорок минут – вместо двух часов. И – по-прежнему – 82 фута земной, раскаленной толщи над головой.

«Я уже вижу появление движений против нанотехнологий. Очень скоро появятся «Anti-nanotech Movement», как когда-то появилось «Anti-biotech Movement».

А между тем опасность нанотехнологий вовсе не в том, что MNT станет причиной несчастных случаев, или в возможности злоупотреблений ею.

Скорее, опасения вызывает ее нормальное, правильное использование как инструмента. С другой стороны, нанотехнологии могут и сами стать причиной конфликта, если мировые державы будут разрабатывать MNT разными темпами и с переменным успехом. Тогда нанотехнологии дестабилизируют отношения между странами, что приведет к переустройству мира. Нынешняя иерархия разрушится...»

– Уильям! – голос Керла был все еще спокоен.

И отлично. Он флегматик, пройдет еще минут десять, прежде чем начнется настоящая паника. У него еще было время. И план. Но прежде следовало закончить работу – слава богу, теперь он знал, что и как следует писать.

«К тому же для стран-экспортеров нефти MNT в качестве альтернативы энергоресурсам будет означать потерю власти. А те, у кого нефти много, вряд ли приветливо встретят нанотехнологии, что позволяет гово-

рять о такой угрозе, как антинанотехнологический терроризм. Впрочем, боевые действия в эпоху нанотехнологий потеряют всякий смысл».

– Мистер Клаггетт!

– Да, Роберт. Прости. Я тут кое в чем разобрался.

– Температура...

– Больше не снижается, я знаю. И тем не менее, нет причин для беспокойства.

– Я не понимаю.

– Потерпи пару минут, дружище, я спускаюсь.

Он передернул тумблер на пульте связи, отгородившись разом от всего внешнего мира. И вернулся к тексту, испытав при этом редкое чувство наслаждения от предстоящего творчества.

«Изменение характера войны. Сегодня оружие массового уничтожения можно обнаружить и вопреки желанию государства-хозяина. В случае же с MNT ни о каком сокращении нановооружений и контроле над ним, соответственно, не может идти речи. Нанотехнологии не только создадут средства уничтожения супермикроскопических размеров, но и миниатюризируют средства их производства.

Сегодня, чтобы победить врага, достаточно уничтожить его самолеты, танки и тому подобное – война выиграна. Но если это невидимое нанооружие, которое легко производится на таких же невидимых фабриках? Здания военных заводов уйдут в прошлое, уступив место дешевому и быстрому молекулярному производству нанооружия: вместо одной уничтоженной нанофабрики тут же появится новая. В итоге применение нанотехнологического вооружения будет означать одно – полное истребление населения враждебного государства. При этом та же MNT будет делать людей фактически бессмертными...»

Он взглянул на часы. Двенадцать минут. Процесс, разумеется, все еще можно остановить. И Роберт Керл – вне всякого сомнения – сделает это, не дожидаясь больше ничьих указаний и распоряжений. И будет уверен, что в этот момент сработает еще одна, автоматическая защита реактора. И вместе они – человек и автомат – не без труда справятся с возникшей проблемой. Однако ж, не будет никаких «вместе». Потому что он, доктор Уильям Клаггетт, давным-давно заблокировал назойливую автоматику, напомилавшую о себе всякий раз, когда показатели немного отклонялись от нормы. И – выходило – поступил в высшей степени предусмотрительно.

«Невозможно поверить, но сегодня раздаются голоса, требующие прекратить исследования в области нанотехнологий, потому что эта технология опаснее атомной...»

Он замер. Будто бы только теперь заметил эту фразу на мониторе. И то, что зачем-то набрал ее целых три раза – предваряя, как эпиграфом, небольшой убогий текст. И еще один – четвертый – раз в финале. Он взялся было читать этот странный текст, непонятно откуда возникший на мониторе его компьютера, но, пробежав первые строки, обреченно прикрыл глаза. Это бред. А я – сумасшедший. Но с этим уже ничего нельзя поделать. 82 фута над головой – испытание не для всякого. Потому что человеку, что бы там ни говорили разные умники, следовало обитать на земле. Мысль была привычной, умиротворяющей и почти приятной. И больше не было ничего.

Кто-то скажет: мистика. И я соглашусь. По крайней мере, отчетливый налет мистицизма. Потому что слишком похоже на старый – правда, добротный вполне – шпионский роман. Ремейк на тему «наш человек в Гаване». Или – Мадриде. Или – Мюнхене. Но тогда – уж точно – образца 1933 года. Но все было как было. Гавана. Не 58-й, правда, 2007-й. Но – если не смотреть на календарь – все то же.

Поначалу, впрочем, все складывалось обыденно вполне. Друг друзей случайно оказался в Гаване одновременно со мной. Однако ж, в отличие от меня, – не в первый раз, и даже более того. Как утверждали друзья – он, «их человек в Гаване», хорошо знает город. И страну. И готов поделиться знаниями и даже поработать гидом.

И вот мы встретились. Не скажу, умножают ли его знания его печали, однако ж – накладывают ряд ограничений. Это точно. Потому все, что я могу сказать о нем, укладывается в сухое, обезличенное до протокольного: «ветеран внешней разведки». В силу этого непреложного обстоятельства – отдохнуть у теплых берегов зимой может только здесь, в Гаване. А у других берегов – нежелательно. Даже теперь, когда пенсия, заслуженный – как принято говорить – отдых и неожиданно много непривычно свободного времени.

Впрочем, это всего лишь мои собственные суждения. Вполне вероятно, что все обстоит именно так, но не исключено, что иначе. Единственное, о чем можно судить наверняка, – он немолод, но молодеж, невысок, сухощав, сед. Тонкое смуглое лицо, крупный нос с горбинкой. Испанец, но родился в России в 44-м. Родители погибли. Оба.

И снова – мои суждения, основанные всего лишь на общих представлениях об исторических событиях тех времен. Коммунисты? Разведчики? Партизаны? Подпольщики? Где погибли – в Мадриде? На нашей, Отечественной? Или в нашем же – Гулаге? Последнее, впрочем, вряд ли. Не видать ему, сыну репрессированных, – Первого Главного Управления. Хотя кто его знает, как оно там было на самом деле? Об этом мы не говорим. А вот о судьбах человечества – сколько угодно. Почему – о них?

Разговор садится на этот неизбежный риф всякого вербального интеллектуального плавания, не связанного рамками жесткой тематики и временными отягощениями, – проще, обычного трепя двух неплохо образованных русских на отдыхе – как-то незаметно. Как – собственно – и садятся всегда на рифы, в прямом и переносном значении этого слова. И завязает надолго. Сначала – неизбежное, кубинское – про истоки Ка-

рибского кризиса, потом – про кризисы вообще. И вот оно – гигантское, непознанное, всплывает в темных глубинах океана мировой истории – бесконечное и от того еще более невнятное суждение о том, отчего, собственно, не живут в мире и согласии люди. Тогда и теперь. Он, впрочем, как опытный лоцман, не только знаком с фарватером, очертаниями и размерами рифа, но и природу его явления в этих бездонных глубинах объясняет легко.

– Ну, вот с какого момента – по-вашему, исчисляется новейшая история человечества?

– С начала XX века, по-моему.

– Да, это общепринятая веха.

– А есть еще какая-то?

– Полагаю, есть. Если рассматривать новейшую историю не с формально-календарных позиций, а исходя из того, что ее – эту историю – определяет.

– И что же ее определяют?

– Угледороды. Как основа мировой экономики. Истоки этого грядущего угледородного господства, между прочим, следует искать не в двадцатом и даже не в девятнадцатом веке, хотя оформилось оно, пожалуй, именно в девятнадцатом. Но заложено было раньше. Имя отца-основателя, кстати, известно. И повод – известен. И это – довольно мистическое сочетание. Странно даже, что любители исторической мистики и конспирологии до сих пор не обратили внимания...

– Ну, не томите же!

– А все просто. В 1777 году ученик иезуитов Алессандро Вольта изобрел пистолет. Прославился он, кстати, не этим и не тогда. Позже, когда изобрел первый источник постоянного тока...

– Погодите, но это же в честь него... вольт...

– Да, именно – как единица электрического напряжения. Но все это случится много позже и к нашей истории отношения не имеет. Нам интересен именно год 1777-й. И пистолет Вольта, основанный на том, что вместо пороха в нем – от электрической искры – подрывалась смесь воздуха с каменноугольным газом. Иными словами, именно Вольта, именно в 1777 году, возможно – сам того не подозревая, сформулировал принцип двигателя внутреннего сгорания. И все. Джина выпустили из бутылки. Впрочем, не джина даже – вселенское божество. Одновременно – бога и Маммону. Что бы там ни говорили теологи. Если же оставить патетику – в тот момент была заложена основа экономического угледородного господства. Правда, некоторое – еще довольно долгое – время человечество жило в неведении. Осознание же породило страх – стало

ясно, что они, эти самые углеводороды, есть не везде, не у всех, вдобавок – запасы не безграничны. Страх породил агрессию. Вспомним теперь – что именно пытался создать Вольта? Оружие. Вот вам и мистика. Если же отбросить мистику, в начале XXI века, в сухом экономическом и политическом остатке, мы имеем природные углеводороды – как основу мировой экономики. И гигантскую общечеловеческую проблему – последовательно: экономическую и геополитическую, – связанную с их ощутимой нехваткой и крайне неравномерным распределением на планете. И четкое осознание того, что решить ее можно тремя способами. Первый – безусловно, прогрессивен. Альтернативы, новые энергетические технологии, не связанные с использованием углеводородов. Будущее – я уверен – за ним. Но – именно что будущее. Иными словами, на практике этот способ будет задействован еще очень не скоро. Второй – военный. Вторая половина двадцатого века прошла едва ли не при его доминанте. Пылающий Ближний Восток тому примером. И – самое показательное сегодня – Ирак. Но именно показательность Ирака заставляет усомниться в действительности. И эффективности. Вернее – показательной неэффективности. Теперь уже очевидной всем. И остается – третий. И обретает особую значимость. Способ политических манипуляций. Не политический. А именно – политических манипуляций: давления, угроз, шантажа. Стремление – искусными тайными тропами или жестким силовым маневром привести к власти проводников своих интересов. Наглядности и некоторого даже литературного изящества ради, я бы назвал его способом «плаща и кинжала».

Тут, кстати, присутствует некая отчетливая геополитическая тонкость. В нашем контексте она весьма важна. Заключается в том, что способ решения проблемы зависит от региона, о котором идет речь. Проще говоря, на Ближнем Востоке ставка – в большей степени – делалась на решение проблемы военным путем. Разумеется, это не исключает политических манипуляций. Они были. И какие! Но – как ни крути – за оружие хватались много чаще. Собственно – по сей день. В нашем случае – СССР, а потом России – в бой идут плащи и кинжалы. – Ну, с нами воевать – себе дороже. Доказано многократно. – Это – главный фактор. Но есть и некоторые, второстепенные. Но это уже частности, а в частности обычно вязнут коготки. Потому – идем дальше. – Идем. Возвращаясь к двум последним способам, как ни назови, выходит – что последние два способа направлены на захват территорий, обладающих запасами углеводородов? – Именно так и выходит. Захват военный – затратный, расточительный по части финансовых и людских ресурсов. И кредиту доверия собствен-

ных избирателей – тоже. Захват политический – тоже недешев. Но в начале двадцать первого века он явно более предпочтителен. Полагаю, теперь и по большей части мы будем иметь дело именно с ним.

– Ну, если говорить о затратах – есть еще фактор времени. На политические манипуляции порой уходят годы.

– Так они и ушли – годы. То обстоятельство, что мы с вами сегодня, в январе 2007 года, формулируем эту проблему и называем способы ее решения, не исключает ведь того, что кто-то сформулировал ее много раньше, и определил способы, и приступил к их реализации?

Он слегка улыбается. И я – тоже. Действительно то, о чем я узнаю сейчас, в январе 2007-го многим другим было известно прежде. И уж тем более тем, кто уполномочен решать эти столь гигантские планетарные проблемы. Или – по меньшей мере, полагает, что уполномочен. И берется решать. Да ведь – собственно – многое из того, что сказано, и я знала прежде. Этот странный человек в Гаване просто собрал воедино и построил в неожиданный, но практически безупречный логический ряд то, что – так или иначе давно, в принципе, в общих чертах – известно.

Включая историю итальянского физика Вольта, которую – вот уж точно – много лет назад рассказывал на школьных уроках мой учитель физики – пожилой, всклокоченный сумасброд, доморощенный провинциальный Эйнштейн, которого мы – злые дети – когда-то так отчаянно и беспощадно травили.

Впрочем, в этом, очевидно, и заключается высший пилотаж – собрать воедино широко – или не очень – известные, разрозненные факты и построить на их основе стройную теорию, которой удивится мир. Или не удивится, но согласится и станет следовать. В каких – только вот – небесах прята пилоты, обученные этому пилотажу? Не рыцари ли они тех самых плащей и кинжалов, о которых так неожиданно и поэтично он говорил в начале? Об этом, впрочем, мы не говорим, следуя молчаливому соглашению. А о чем другом – сколько угодно.

– И как давно... хм кто-то сформулировал эту проблему и обозначил пути ее решения?

– Полагаю, в окончательном, современном прочтении – в середине 80-х... Тогда же и приступили к реализации. И первые плоды пожали уже в начале 90-х. Особенно это касается людей, которых стремились привести к власти. И должен сказать – преуспели. Помните, что мы говорили о России? И способах решать проблемы, связанные с нею?

– Плащ и кинжал. Политические манипуляции.

– Верно. И ставленники. Большая – скажу я вам – сила...

– Полагаю, мы можем и должны быть откровенны вполне, прежде всего потому, что оба осознаем совершенно отчетливо – все, о чем идет речь здесь и сейчас, ни в коем не случае не призвано умалить достоинства президента и его заслуги перед страной.

Резкий пронзительный голос госсекретаря, любимый пародистами от оппозиции, сейчас звучал приглушенно и даже вкрадчиво. Никуда не делись только протяжные, мяукающие интонации, которые – собственно – и давали пищу разным, порой весьма смелым суждениям относительно его личных пристрастий и увлечений.

Политические оппоненты победившей команды младореформаторов ненавидели этого человека люто и самозабвенно. В этой ненависти все собралось воедино: причудливая фамилия, тяга к морализаторству, длинным пространственным речам, пересыпанным непонятными терминами – любимым ругательством госсекретаря, к примеру, было определение «ловкий престиджитатор», – жеманство, и даже узкий злой рот, и даже руки – тонкие, нервные руки записного интеллигента, которые госсекретарь картинно заламывал, выступая публично.

Впрочем, это была лишь вершина айсберга – огромной глыбы холодной ненависти, которая с недавних пор барражировала в темных водах общественного подсознания. В основании крылись упорные слухи о том, что именно этот эксцентричный женоподобный чиновник – главный идеолог и разработчик всех политических подлостей, которые вменяли в вину младореформаторам, от Беловежского сговора до передачи японцам островов Курильской гряды.

Уже смеркалось, за окнами в густой зелени деревьев запел соловей. Правительственная резиденция «Волынское-2», больше известная как «ближняя дача Сталина», утопала в зелени и создавала настроение действительно – совершенно дачное.

Трудно было поверить, что рядом, за зеленым забором, в нескольких десятках метров, – центр мегаполиса со всеми полагающимися прелестями большого города, и бесконечный поток машин пронесет мимо, по Кутузовскому проспекту, десятки тысяч людей.

Искренне наслаждаясь трелями соловья, Патриарх чувствовал себя прекрасно. Он давно жил на свете и научился радоваться мелочам. А вернее, жизни – в самых простых и – казалось бы – малозначительных ее проявлениях. И полагал это умение ценным. Едва ли не самым цен-

ным – из множества приобретенных за долгие годы жизни... Кроме того, он просто любил «Волынское».

Здесь, в этом тихом уютном кабинете, многие годы беседовал с разными людьми на разные, но почти всегда судьбоносные – как принято говорить – темы. Шли годы, менялись собеседники, содержание бесед, а «Волынское» оставалось неизменным, а он оставался неизменным его обитателем. И это было хорошо. И ради одного только этого стоило вести все те хитрые и сложные беседы, расставлять капканы и изобретать хитрые ловушки.

Заведующий сектором, потом – отделом, потом – секретарь ЦК КПСС и член Политбюро, теперь он числился видным деятелем команды реформаторов, идеологом демократических реформ и страстным обличителем коммунистических зверств.

Сейчас его конфидентом был вчерашний преподаватель философии из маленького уральского городка, который – в недавнем прошлом – мог разве что лицезреть хорошо отретушированный портрет Патриарха в пантеоне членов Политбюро на стене в парткоме и просто обязан был законспектировать и разъяснить студентам основные положения его, Патриарха, выступления на очередном пленуме ЦК КПСС.

– Это, разумеется, само собой, иначе каждому из нас следовало бы сейчас написать заявление об отставке...

Патриарх отчетливо нажимал на «о», отчего даже самые банальные фразы в его устах звучали живо и как-то особенно значимо. Как откровения какого-то былинного сказителя или – по меньшей мере – пожилого, мудрого крестьянина, со своей – доступной не каждому – правдой и собственным глубоким и точным пониманием природы происходящего.

Злые языки утверждали, что долгие годы, проведенные в Москве, в номенклатурной цитадели партийной империи – на Старой площади, давно и намертво вытравили из речей Патриарха даже намек на какое-либо просторечие. И в прошлой своей, цековской жизни он изъяснялся совершенно так же, как все партийные бонзы той поры – казенно и тускло, будто заученно излагая наизусть очередной документ очередного пленума.

«Заокал» же много позже, когда, вместе с модой на яркие галстуки и проклятые речи «без бумажки», возник в партийных эмпиреях спрос на некоторую – впрочем, строго лимитированную поначалу – оригинальность и самобытность.

Впрочем, как там оно было на самом деле, сказать наверняка теперь не мог уже никто.

– Безусловно. Безусловно так.

Госсекретарь картинно взмахнул тонкими руками, изобразив в воздухе какую-то сложную фигуру, и нервно – домиком – сжал кончики пальцев, уперев их в плотно сжатые губы. Grimаса, очевидно, должна была символизировать высшую степень озабоченности и глубокие размышления, коим Госсекретарь намеревался предаться. От Патриарха, однако, не укрылось другое: собеседник был растерян и забавные ужимки призваны всего лишь закамуфлировать испуг и выиграть время. От общих фраз и обязательных придворных реверансов следовало переходить к существу вопроса, и это – судя по всему – Госсекретаря откровенно страшило.

«А вот нечего было разводить политесы по поводу доверия и заслуг, мил человек. Нет потому что ни того, ни другого. Да и откуда бы взяться? Теперь будешь ходить вокруг да около, потому что начал за здравие, а говорить-то собрался за упокой. Оно и боязно. Ну, как я отсюда – да напрямиком к Нему. Не веришь. Боишься. Ну да, деваться-то тебе все равно некуда... Обождем».

Патриарх и впрямь – будто бы – приготовился к долгому ожиданию. Прикрыл глаза тяжелыми, дряблыми веками, то ли по-старчески коротко задремав, то ли в задумчивости разглядывая круглые блестящие носы своих добротных старомодных ботинок. И стал похож на большого флегматичного пса. Пауза затянулась. И Госсекретарь решился.

– Сегодня у нас есть горькое и тревожное понимание того, что в ближайшее время во властной команде могут произойти радикальные кадровые перемены. Никого из нас – полагаю – нельзя заподозрить в сугубо личном, меркантильном стремлении удержаться у власти и сохранить за собой высокие государственные посты. Никого из нас, полагаю... В то же время мы отдаем себе отчет в том, что, начиная системные преобразования, приняли огромный груз ответственности и целый ряд самых серьезных обязательств, выполнение которых – есть требование долга. И чести. Реформы, начатые нами...

Он говорил медленно, растягивая слова более, чем обычно, потому что взвешивал и подбирал каждое – сомневаясь в верности выбора даже в тот момент, когда слово уже срывалось с губ. Оттого окончания фраз интонационно взлетали вверх, будто, ничего не утверждая, Госсекретарь задавал бесконечные вопросы. Никого из нас, полагаю, нельзя заподозрить? Выполнение обязательств есть требование долга? И чести? – Да уж, чести...

Патриарх, не сдержавшись, усмехнулся – будто бы – про себя. Но бескровные губы слабо дрогнули, сложившись в непонятную гримасу. То ли осуждение. То ли просто – старческая привычка, размышляя, жевать гу-

бами. Госсекретарь оборвал фразу на полуслове, притом – не без некоторого облегчения. Он полагал, что сказал уже достаточно, чтобы рассчитывать хотя бы на реплику, слово или даже междометие, из которых можно было бы понять позицию собеседника. Пусть и в самых общих чертах. Пока же он играл втемную. Патриарх наконец заговорил.

– Вряд ли он сейчас пойдет на смену кабинета. Позиции в парламенте не те... Там затевают свои игры.

– Кабинета – нет.

– Да, это он, безусловно, понимает. Но избавиться персонально... От кого?

– Гайдара, Шахрая, вашего покорного слуги. Возможно еще – Федоров и Нечаев.

– Ну, это ненадолго.

– То есть?

– То есть – ожидания либеральных преобразований, причем – радикальных либеральных преобразований – в обществе еще довольно сильны. Реформаторы известны наперечет, поименно. Каждая из названных фигур – едва ли не знаковая.

– Плюс, как известно, коррелируется минусом. А признание – отрицанием, даже гонением...

– То есть противников тоже хватает, – временами и Патриарха забавляла склонность Госсекретаря к сложным вычурным фразам, однако, натешившись вдоволь, он позволял себе не зло и как бы ненароком щелкнуть того по носу, переведя на человеческий русский язык мысль, которую собеседник только что изложил продуманно высоким штилем.

– Врагов. Лютых и беспощадных.

– Ну, а как иначе? Одно без другого в политике не случается. Любовь без ненависти. Друзья без врагов.

– Но сегодня...

– В том-то и дело, что сегодня он, конечно, может совершить какой-то непродуманный шаг. Послушать кого-то, кто уж очень настойчиво шепчет в уши... Да еще в нужный момент, в подходящее время. Известно ведь...

– Известно... не то слово

– Но ненадолго. Потому что – повторюсь – какие бы там ни наступали подходящие моменты для любителей нашептывать в уши... и что бы такое он в эти моменты ни наворотил, позже все равно поступит соответственно с ожиданиями общества.

– Общество неоднородно.

– Да. Но пока в нем доминируют либеральные силы. Вернее, пока не сошла либеральная волна.

– Волна?

– Именно. Помнишь у Ленина?.. Ну конечно, помнишь, ты же научный коммунизм столько лет преподавал... Про декабристов, которые были страшно далеки от народа, но разбудили Герцена...

– Герцен развернул революционную агитацию...

– Вот-вот. Мы и были те самые декабристы, страшно далекие от народа. Но разбудили на сей раз отнюдь не Герцена, а ту самую волну – стихийной народной демократии. Это вроде как большая вода по весне на большой реке. Красиво, страшно. Ломает лед, рокочет, сметает все на пути, разливается широко, мощно. А пройдет день-другой – и нет воды. Грязь, ил, пена, щепки... Случается – мертвечина. А вода – послушная и ласковая, течет себе снова в привычном русле, и будто бы не она давеча неслась лавиной. Вот и стихийный революционный порыв в обществе – как та вода. Пока еще не сошел окончательно, но уже идет на убыль. И он – если вернуться к нашим баранам – это чувствует ничуть не хуже нас с тобой.

– Лучше. Мы знаем. А он – чувствует.

– Ну, вот именно.

– Но вода – если продолжить вашу аналогию – неизбежно сойдет.

– Сойдет. Вот тогда он и сделает новые ставки. На тех людей, которые будут отвечать чаяниям общества. Вернее, тех сил в обществе, которые в тот момент будут доминировать. И проявлять наибольшую активность. И представлять наибольшую угрозу. И он не ошибется, можешь мне поверить...

«И с легкостью отшвырнет от себя декабристов, которые – собственно – на своих плечах вынесли его на гребень той самой волны.

Впрочем, это была, безусловно, взаимная потребность.

Им необходима была фигура, фигуре – необходима была свита, которая – в конечном итоге – сделала из фигуры короля.

И все. Мавры сделали свое дело. Странно, что они до сих пор этого не осознают. Впрочем, похоже, осознают помаленьку. Постигают горькие истины. Потому – вот – и прибежал. И заламывает теперь руки».

В мыслях его не было злорадства и торжества старого лиса, наблюдающего, как молодые бойкие сородичи бьются, задыхаясь и костенея, в хитрых капканах, которые он обошел почти без труда. Отстраненное созерцание. И слабое любопытство – что задумал витийствующий визави, о чем – собственно – пришел договариваться? Или – просить? В принципе, он готов был к такому повороту событий, и только слегка ошибся во времени. Но это ничего не меняло принципиально.

– Послушай, мы ведь с тобой старые марксисты...

Узкое лицо госсекретаря окаменело. Круглые черные глаза-бурячки, не мигая, впились в собеседника. Взгляд стал злым и холодным.

«Не пялся, не пялся. Не страшно. Подумаешь – оскорбился. Тоже мне, гегельянец. Гигант либеральной мысли. Ленинские-то конспекты небось до сих пор сложены стопочкой на даче, на антресолях. А там все – аккуратненько, красивенько, подчеркнута красным фломастером, с пометками «NB!» на полях. Чтоб уж совсем по-ленински. Как у Ильича».

Госсекретарь между тем справился с приступом внезапной злости. Тонкие губы сложились в улыбку, недобрую, но он, кажется, не умел улыбаться иначе.

– Все мы родом... из классиков.

– Вот и я про то же. Про то, вернее, что базис определяет надстройку – и с этим никакие либеральные учения ничего не могут поделать...

– Ну, это вопрос дискуссионный.

– А мы возьмем – и, наплевав на все дискуссии, примем за данность.

– И что же?

– Сойдемся на том, что, рано или поздно, – все придет к этому знаменателю, и люди, вовремя позаботившиеся о надежном базисе, спокойно сформируют адекватную стабильную надстройку. Без всякого шума и ненужных потрясений.

– И кто же эти люди?

– Об этом самое время подумать сейчас, пока не сошла волна. И есть возможность оказать реальную помощь в формировании будущего базиса.

– Ну, этим – собственно – мы занимаемся...

– Я знаю. Потому и просил приехать сегодня...

Разговор наконец вынырнул из опасной, скользкой колеи и свернул на накатанную, хорошо известную дорогу. Госсекретарь с явным облегчением оседлал любимого конька. За глаза его называли «серым кардиналом» нынешней властной команды, и он нисколько не обиделся бы – назови кто в глаза. Потому что был абсолютно уверен в том, что так и есть. Патриарх – по его мнению – был искушен, многоопытен, умен, но изрядно отставал в части современных политических технологий, потому – годился как исполнитель отдельных, пусть и тонких, манипуляций в сложной паутине политической интриги, целостный рисунок которой прямо сейчас, в эти минуты, складывался в голове Государственного секретаря России. Это, безусловно, было так. Впрочем, существовало еще и нечто, о чем Госсекретарь даже не догадывался, но хорошо знал и искусно вплетал в паутину его интриги Патриарх.

Итак, он знает толк в дайкири. И – много еще в чем. Но об этом – впереди. Сегодня дайкири было актуально, как никогда, потому что мы встречались в «El Floridita». Крошечный бар, затерянный в узких улочках колониального города. Впрочем, «затерянный» – здесь всего лишь метафора, безусловно. Авторская, и не слишком удачная применительно к «El Floridita». Крохотный бар – правда. Народная тропа, однако ж, не позволяет затеряться. Потому как памятники нерукотворные у каждого свои, по мере жизненных предпочтений. У него, Эрнеста Хемингуэя, – маленькие, тесные бары, рассеянные теперь по всему миру.

Там всегда полумрак, и воздух пропитан кислым сигарным дымом, и темное дерево барных стоек не спасают уже никакие усердия пожилых барменов, сколько ни трут они полированную поверхность мокрыми тряпками.

Темные круги – отпечатки тысяч влажных стаканов – проступают на лоснящейся поверхности, отполированной тысячами локтей. И мелкие щербинки, и глубокие царапины кое-где как следы от шрапнели на лафите старой пушки. На войне как на войне. В баре – как в баре. В парижском Ritz и где-то в Мадриде наверняка. Но более всего здесь – в Гаване. Не верьте, когда вам станут рассказывать про «бар Хемингуэя в Гаване», смело посылайте горе-знатоков к черту. Он жил в Гаване, он пил в Гаване, и, разумеется, он не мог ограничиться одним баром. Не тот город – старая Гавана. Не тому пороку – или искусству? – предавался старик, чтобы тупо напиваться в одном-единственном баре. Здесь были тонкости.

В «El Floridita», к примеру, – исключительно дайкири, двойной дайкири, если быть точным. Потом – «la Badeguita», и там уже совсем другая история. Потому что там был мохито. И снова – тонкости. Не тот нарядный гербарий в аквариуме узкого бокала, что подают теперь во всем мире, полагая, что подают мохито. В его мохито, кроме сахара, лайма, мяты, воды, дробленого льда и, разумеется, светлого рома (упаси вас боже от Gavana Club, ибо Gavana Club – узнаваемая игрушка для туристов, забава на экспорт, наподобие сигар Kohiba. Правильный мохито требует исключительно «Caneu». На самом деле «Caneu» – это всего лишь многократно воспетый Хемингуэем «Bacardi», но бренд «Bacardi» каким-то образом умыкнули американцы, и то, что пил Хэм на Кубе, называется теперь «Caneu». Впрочем, это отнюдь не секрет мохито, а, скорее, – его залог) ...так вот, помимо всего означенного, в его мохито всегда присутст-

вовали несколько капель горькой настойки *angostura*. Всего несколько капель. Но эти несколько капель решают все.

Потом, ближе к ночи, зыбкий лифт, ржаво поскрипывая, доставлял его на крышу, и там, на террасе открытого ресторана, окутанной горячим дыханием окрестных крыш, остывающих в короткой ночной прохладе, он завершал день, отдавая предпочтение *Dry Martini*...

Впрочем, все это, безусловно, предмет для другой, отдельной истории. Эта – началась в «*El Floridita*», теплым январским полднем января 2007 года.

Яркое солнце в небесах и прохладный свежий ветер Атлантики дарили этой зимней Гаване редкую в здешних местах благодать солнечной свежей прохлады. Яркой и радостной. В «*El Floridita*», впрочем, обязательный полумрак. И – шумная, зыбкая, осязаемая теснота. У стойки – разумеется, старой, деревянной, темной, отполированной тысячами локтей, – о которых, собственно, выше – туристы под объективы фотокамер прилаживаются к бронзовому бородатому изваянию, которое предприимчивые хозяева ловко примостили в углу, утверждая, что именно там и было его постоянное место. И бронзовую книжицу зачем-то аккуратно выложили подле, на темной – выдавшей всякое, кроме, пожалуй, книг – стойке.

Стоило бы, возможно, увековечить в бронзе хрупкий бокал маргариты. Но что сделано – то сделано, как известно. Бронзовый Хэм обосновался навек в углу у стойки, густо облепленной туристами. Напротив – прямо у входа крохотный оркестрик пожилых усталых мачо бесконечно лабают что-то свое, ритмичное и мелодичное одновременно. Внимание туристов разрывается между бронзовым Хэмом, пожилыми музыкантами, грузным седым барменом и обязательным здешним дайкири. Туристы спешат – фото с классиком, фото с барменом. Жизнерадостно дрыгнуться под ритмичные гитарные переборы, проглотить дайкири, едва не задохнуться, потому что в бокале на две трети – сплошной дробленый лед, и разомлевшая в тепле глотка немедленно отзывается испуганным лихорадочным спазмом. Сглотнуть, перетерпеть. Бежать дальше.

Бармен – грузный, не улыбочивый белый старик. Потомок колонизаторов, чудом избежавший сочных индейских, креольских и африканских примесей в своей голубой испанской крови. Короткий седой бобр, надменные очки в тонкой золотой оправе. Туристам – туристично, чего бы ни требовал бизнес и искрометное карибское гостеприимство. И дайкири – соответственно. Безусловно правильный дайкири, до меньшего он не опустится даже в самом страшном сне. Но не более. Другое

дело – те, кто за столиками в крохотном зале в дальнем – от стойки – углу. Там – ценители и знатоки. Возможно – Хемингуэя, но по большей части – дайкири. К ним, временами, когда вдруг схлынет поток торопливых туристов, он уходит, оставляя свой пост у стойки, пропустить стаканчик-другой, переброситься парой фраз о чем-то, неспешном и, вероятно, совсем не важном. А возможно – напротив – чрезвычайно важным, о чем только и можно узнать именно так, походя, невзначай. В полумраке старого бара, затерянного в узких улочках колониальной Гаваны. Мне повезло. Я – там, за маленьким красным столиком.

Время течет незаметно. Час, два, три? Вероятно.

Ранним утром такси забрало меня из Варадеро. Пару часов в дороге, и сразу – сюда, в паутину тонких, изломанных улиц, в «El Floridita». Здесь у меня была назначена новая встреча. С ним. «Моим человеком в Гаване». Впрочем, о нем мы – как прежде – ни слова не скажем сегодня. Как и в прошлый раз. О чем другом – сколько угодно. А о Фиделе, к примеру? Понятно же, что у всех здесь на уме. Хотя и не на устах, конечно.

– В Госдепе сейчас лихорадочно перетрясают кадровый резерв. Листают папку.

– «Папку Мадлен»?

Настает мое время задохнуться ледяным дайкири. И вспомнить пресловутую «парность случаев». Гипотезу спорную, теоретически – бездоказательную совершенно. На практике же – доказанную многократно.

Суть ее в том, что некое нетривиальное событие непременно повторяется – на протяжении относительно небольшого отрезка времени.

От пустычного – потерянных, к примеру, перчаток (если, конечно, вы не теряете их два раза на дню), которые непременно отзовутся потерянным через пару дней зонтиком.

Встречи с одноклассником, которого не видел много лет, и вслед за ней – очень скоро, неожиданно и тоже случайно свидания с первой учительницей, которая вас – между прочим – с тем самым одноклассником усадила однажды за парту. Первого сентября безумно далекого теперь уже года.

До редчайших в мировой практике катаклизмов, которые – в силу все той же загадочной теории – тоже, оказывается, «ходят парой». Теперь она, «парная теория», явилась мне во всей красе. Неожиданно, как, впрочем, ей и полагается. Про «папку Мадлен» рассказали мне совсем недавно в Москве. И про «кадровый резерв Вашингтона». Тема была моя любимая, про «теорию заговора», в которую я – как известно – не верю. Потому – собственно – и зашел разговор. Про заговоры. Происки. И «папку Мадлен». Он слегка морщится. То ли – не жалуется Мадлен. То ли – досадует на меня.

– Ну, Мадлен... величина переменная. Было время – была папка Эбигнева... И так – по восходящей. До папки – Алана.

– Какого Алана?

– Даллеса.

– А-а-а... – Я изо всех сил старалась скрыть разочарование. – Это из серии «план Даллеса по развалу СССР»? Было еще «секретное приложение к плану Маршалла»? Я знаю автора...

– И я знаю. Но то, что некий известный нам обоим автор написал некий, широко известный документ, вовсе не означает, что некто третий не вынашивал намерений, упомянутых в документе.

– То есть план действительно существовал?

– То есть вы спрашиваете меня, существует ли практика, когда соответствующие структуры одной сверхдержавы пытаются моделировать экономическую, общественно-политическую, социальную и прочие ситуации в другой сверхдержаве сообразно со своими геополитическими интересами? И управлять этими ситуациями, по мере собственных возможностей и в соответствии с практикой, сложившейся в данный момент? – он даже улыбается, настолько идиотским оказался мой вопрос в такой интерпретации.

– Практика, безусловно, существует. Странно было бы другое. Кстати, что значит: «в соответствии со сложившейся практикой»?

– То, что сверхдержавы, как правило, руководствуются не нормами права, а одномоментной практикой решения тех или иных вопросов, сложившейся на основе: а) собственной внутренней ситуации, б) баланса взаимоотношений между ними. Иными словами, что позволяют им внутренние и внешние оппоненты. Была вот когда-то практика – намеревались высадить в почву десяток ракет с ядерными боеголовками, тут, неподалеку, как капусту в собственном огороде. Сегодня сложившаяся практика – это Ирак... Изменится ситуация – сложится другая практика.

– А изменится?

– Всенепременно. Уже меняется. Притом ощутимо. Но я не занимаюсь политическим прогнозированием.

– А политическими воспоминаниями?

– В разумных пределах.

– Тогда – почему именно «план Даллеса» или «план Маршалла»...

– Но разве Даллес и Маршалл не возглавляли в свое время те самые соответствующие структуры?

– Но в той редакции, в которой гуляли эти планы по советским кухням?..

– А эта редакция – не технический ли вопрос из области внутренней

контрпропаганды? И пропаганды. Это, кстати, уже ваша епархия. Вам ли не знать?

У него своеобразная манера вести полемику. Не спорить, но повторять мысль оппонента в своей – безусловно корректной – интерпретации, и вежливо уточнять: так ли? Согласен ли? Оппонент вынужден соглашаться. И – следом – опровергать самого себя.

– Но «папка Мадлен», или Збигнева, или кого-то там еще... как мне про нее рассказали, это «кадровый резерв Вашингтона» – грубо говоря, список лиц, которых Госдеп намерен привести к власти в России? И – во всем мире. И, собственно, приводил на протяжении всей истории?

– Ну, грубо говоря, можно сказать и так. Это, кстати, и будет примером внутренней редакции.

– А не грубо?

– Не претендуя на академизм формулировки, я бы сказал, это условное определение некой планомерной аналитической и методической работы по определению лиц, наиболее соответствующих представлению администрации об идеальном российском истэблшменте. В идеале – правящем. Разумеется, с точки зрения ее, администрации США, интересов.

– А потом?

– Потом – столь же планомерная работа с этим истэблшментом. «Образовательная, воспитательная», как говорили в вашем любимом комсомоле. И все формы протекционизма, разумеется, как составляющая этой работы.

– Сейчас вы произнесете сакраментальное «агенты влияния»...

– Может, и произнесу. Но прежде – давайте определимся, что есть «агент влияния», чтобы не заплутать в дебрях необщих понятий.

– Ну, это классика.

– И все же.

– Высокопоставленный чиновник или вообще человек, занимающий высокое положение в обществе, принадлежащий к элитам. Лидер мнений, если говорить языком современных технологий – тоже.

– Приблизительно так. А дальше?

– Что дальше?

– Что должно произойти с этим человеком, чтобы он оказался агентом влияния?

– Его должны завербовать, разумеется. Как – не мне вам рассказывать.

– И не надо. Впрочем, некоторую осведомленность вы все же проявили, потому что выдали почти классическое «нашенское» определение.

– ???

– Методология. В этой части наша и американская отличаются существенно. Вербовка – была нашим обязательным условием. Завербованный и обученный агент, занимающий высокое положение в обществе и способный целенаправленно оказывать негласное влияние на идеологию, политику, развитие отдельных событий, действия населения или определенной группы... Как-то так. Или очень похоже. По учебнику.

– По какому такому учебнику?

– Не ерничайте. По нашему учебнику. Американцы пошли другим путем. Не сразу, в конце 70-х. Возникло тройственное понятие «единомышленников, союзников и помощников США» и стало методологическим триумвиратом, треугольником в основании пирамиды. Вербовку как инструмент приобщения строители этой пирамиды использовали значительно реже. Применительно к «помощникам», и далеко не всегда. Сместились акценты деятельности. Приобщение – потом. Отбор – отнюдь не естественный, разумеется – сначала. Мы, кстати, не взяли на вооружение отнюдь не потому, что метода была плоха. Или – мы дураки. Ни то, ни другое. Вы, кстати, должны бы уже догадаться – почему.

– Психология?

– Умница. У нас, в начале 70-х – все еще «продажная буржуазная девка». Ну, или что-то похожее. Не слишком желательное, не слишком надежное. Там – настоящий прорыв. В спецслужбах – золотой век личностной и социальной аналитики. Агента не обязательно стало ломать через колено, приманивать девками, пугать компроматом. Хотя и этого никто не отменял. И не отменил поныне. Продуктивнее, однако, и во сто крат надежнее в узком социуме вычленивать потенциального единомышленника. Дальше – техника. Опять же – по вашей части.

– Этот агент-единомышленник, выходит, по-вашему, какое-то слепое орудие шпионского производства?

– Не выходит. В какой-то момент оно прозревает. Потому что после отсева вступает в действие сложная система формирования и продвижения. Здесь – на каком-то этапе, кстати, возможна уже та самая вербовка, о которой вы так бодро отрапортовали вначале. Но можно обойтись и без нее. Конклюдентная форма сделки. Знаете ведь, что это такое?

– Помню. Из гражданского права. Молчаливое согласие.

– Именно. Молчаливое. С одной стороны – гранты без счета, издание грошовых книжонок за приличные гонорары, публичные лекции, для десятка скучающих первокурсников в заштатном провинциальном университете – по ставке гарвардской профессуры. Политическая поддержка. Любезный вашему сердцу PR. Ну, и так далее, и тому подобное, от дешевых квартирок в Париже до бесплатных перелетов

первым классом. А сладкий мед будто бы «международного признания», а трепетное – «правозащитник»? Все как из рога изобилия. И совершенно понятно – что взамен. Хотя напрямую – об этом, возможно, не сказано ни слова. И он почти не лукавит, когда яростно опровергает обвинения в продажности.

– И даже почти уверен в этом, потому что есть такая штука – психологическая защита.

– Ну, эти тонкости по вашей части. Впрочем, вероятно.

– И все эти персонажи – в «папке Мадлен»?

– Это была бы не папка. А «воз Мадлен» и «маленькая тележка Кондолизы» – в придачу... Нет, разумеется, в папке госсекретаря – не так много персонажей. Те, кто потенциально, по оценке аналитиков Госдепа, могут занять ключевые посты. Человек десять-пятнадцать. Фактология. Подробности биографии, о которых, возможно, не догадывается сам фигурант. Медицина и генетика. Психолингвистика. Глубокая аналитика. Бесконечно занимательное чтение, похлеще любого романа, уж поверьте. Остальные – сообразно ранжиру, в папках Луизы, Джона, Фредерика. И Розалинды. Впрочем, если говорить символически, то все это вместе, в целом, безусловно «папка Мадлен».

– Кстати, почему все еще Мадлен?

– Хороший вопрос. Я тоже думал об этом. «Папка Эби» очень быстро стала «папкой Мадлен». А малышку Конди отчего-то еще не увековечили в этом шпионском фольклоре.

– И – отчего же?

– На мой взгляд, тут возможны два варианта. Первый – по части «трепетной любви» к России Мадлен в разы превзошла всех предшественников. И Кондолизе до нее недалеко.

– Почему, кстати?

– Потому что в душе госпожа Мадлен Олбрайт остается Марией Яной Корбель. Еврейской девочкой из Праги, вынужденной бежать, спасаясь от коммунистического нашествия. И бедствовать, и долго скитаться по свету. И проглотить не одну краюху горького эмигрантского хлеба, прежде чем почувствовать гражданкой своей страны. Изжить комплекс эмигранта. Но не комплекс «ребенка Варшавского договора». Это – штука чрезвычайно живучая, нестерпимая и порой мучительная. Наподобие неизлечимой невротической экземы. Только – душевной. Ей в той или иной степени подвержены все выходцы из стран-участниц.

– Но разве это не общее, постколониальное? Со своей спецификой, разумеется.

– Слишком «специфической спецификой», чтобы равнять в общем, постколониальном ряду. Не станем теперь рассуждать, чего больше принесло советское военное и послевоенное присутствие востоку Европы – зла или добра. Тема бесконечна, как спор о примате яйца над курицей. И наоборот. Очевидно, что к общей нелюбви жителей колониальных окраин к гражданам метрополии ощутимо примешивается и едва ли не превалирует горькая обида просвещенных детей цивилизованной Европы, вынужденных сносить иго азиатов-варваров. Ужасно. Унизительно. Нестерпимо. Прививается на генетическом уровне, как штамм вечной ненависти. И вечного стремления взять реванш. Особенно – если позволяют возможности. Одна-единственная, но фатальная деталь породила немало проблем во взаимоотношениях США с Союзом, а позже – Россией. У руля американской внешней политики долгие годы находились «дети Варшавского договора». Бжезинский, Маски, Олбрайт... – И тем не менее, «папка Мадлен»?

– Ну, это уже сугубо личное. А вернее – личностное. Не случись мюнхенских соглашений и советского вторжения в Чехословакию, отец госпожи Мадлен – дипломат Йозеф Корбель имел все шансы стать министром иностранных дел в правительстве Бенеша-Массарика. Имел, правда, и шанс отправиться в печь Бухенвальда или Дахау – но это не оставило в сознании дочери столь глубокого следа. Что, впрочем, объяснимо и понятно. Людям свойственно сокрушаться об упущенной выгоде. Столь же свойственно им стремление забывать о трагедиях, которых удалось счастливо избежать. И потом – только, чур, не сердитесь и не обижайтесь. Старик Зби – мужчина. Мадлен – со всей своей железной логикой и хваткой, все равно – женщина. Одинокая женщина, которая принесла на алтарь своей политической борьбы – очень многое. Даже счастье доживать жизнь с любимым человеком. Кстати, ее «особое отношение к России» с годами становится заметно ярче и сильнее. Как это у классика? «Я знал одной лишь думы власть. Одну, но пламенную страсть. Она, как червь, во мне жила...» И – что-то там нехорошее сделала с душой.

– А второй вариант?

– Второй более связан со временем, нежели с личностью во времени. Иными словами, Мадлен Олбрайт пришла во внешнюю политику США в годы, чрезвычайно урожайные для «папки Мадлен» Я бы сказал, годы невиданного прежде урожая. Распад Союза – имею в виду не только события августа 91-го, но годы так называемой «перестройки» – и постсоветская лихорадка открыли миру многие уникальные персонажи. Армии «единомышленников, союзников и помощников» прибыло настоль-

ко, что в Госдепе перестало хватать бюджета. Правда-правда, я читал одну любопытную записку в Сенат за подписью Мадлен... Впрочем, это уже совсем не обязательные детали.

– А у нас?

– Что – у нас?

– Совсем нет папки?

– Отчего же это – совсем?

– И на случай... Фиделя?

– Кстати, о Фиделе... Лет тридцать назад он весьма творчески переработал мохито. На свой лад. Хотите попробовать?

Я уже поняла. Когда он не хочет отвечать на вопрос, просто берет его – этот неудобный вопрос – и изящно переносит в другую плоскость. Кстати, о Фиделе... И его фирменном мохито. Две чайных ложки сахарного песка...

1992 ГОД

ВАШИНГТОН, БЕЛЫЙ ДОМ

Охранник у западных ворот Белого дома изучал его права уже несколько минут, скрупулезно сверяя данные с каким-то своими записями в толстом блокноте в водонепроницаемой обложке. И сам, похоже, испытывал некоторую неловкость.

- Простите сэ. Мы еще недостаточно изучили новый персонал.
- Все в порядке. Впереди у нас целых четыре года для лучшего знакомства.
- Надеюсь, что восемь. Я голосую за демократов.
- Ничего не имею против, приятель.

Стоял ноябрь. Прошло чуть больше недели после выборов. Люди Клинтона только-только подтягивались в Белый дом, готовясь принимать дела. На стенах еще висели фотографии Буша и Квейла. В подвальном этаже, где размещалось большинство сотрудников Совета национальной безопасности, царил беспорядок. Распахнутые дверца шкафов, выдвинутые ящики, на столах – картонные коробки, набитые доверху папками, книгами, фотографиями в рамках и без. Личные вещи. Неприятная процедура. Щекотливая и несколько оскорбительная, в сущности, несмотря на принципиальную готовность повторять ее каждые четыре года. Ничего не поделаешь. К тому же республиканцев никто не тревожил целых восемь лет. Теперь пришло их время.

Следовало бы радоваться, но он испытывал скорее волнение, смешанное с некоторой тревогой. Стив Гарднер – по собственному глубокому убеждению – был нелюдимою библиотечной крысой, книжным червем, бледным и едва ли не бестелесным обитателем виртуального мира, чокнутым аналитиком, ценившим больше всего тишину и возможность «шевелить мозгами» в полном одиночестве. Собственно, это «шевеление мозгами» и было его основной работой, заказчиком которой выступало правительство США, а вернее – Совет национальной безопасности. Смысл этой работы, в принципе, укладывался в сухое определение «системного политического анализа». И этим – в сущности – можно было бы сказать все и не сказать ничего о том, чем занимался Стив Гарднер на службе у правительства США.

Иногда он чувствовал себя сценаристом и даже подумывал о том, что, будь его фантазия чуть более буйной и цветистой, он вполне мог работать на Голливуд. И возможно, успешнее, чем многие признанные мэтры сценарного дела, по крайней мере, в самые захватывающие моменты самых лихо закрученных фильмов он часто ловил себя на

мысли о том, что гораздо логичнее и разумнее было бы развернуть сюжет в прямо противоположную сторону. Но быстро осознал, что в этом случае история получилась бы совсем не такой захватывающей, как на экране.

Иными словами, его фантазия – на которую, безусловно, грех было жаловаться – была фантазией совершенно особого толка, функцией сознания, явно и очевидно зависимой, а вернее – производной от холодной рассудочной деятельности, в свою очередь подчиненной непреложным законам формальной логики.

Разумеется, можно было сказать, что основной его работой было написание сценариев – самых различных политических событий и явлений, которые с неизбежностью должны были или могли бы произойти в мире. Но это были сценарии, основанные на знании и анализе объективной реальности, сколь бы скрытой, неявной или откровенно искаженной она ни представлялась поначалу.

Сейчас, однако, ему предстояло отвлечься от привычного «шевеления мозгами» или, по меньшей мере, шевелить ими гораздо быстрее, а главное – в обстановке, которую Стив ненавидел более всего. Неразберихи, спешки, вдобавок – при полном отсутствии четко заданных параметров, должности и, вероятно, даже постоянного рабочего места. Впрочем, определенного места не было пока и у непосредственного руководителя Стива, заметной фигуры в окружении Клинтона, человека, которому – на этот счет у Стивена был готов в высшей степени оптимистичный сценарий – предстояло в ближайшее время занять видный пост в администрации президента, а в будущем – один из самых заметных постов. Пока же он вместе с другими сотрудниками Совбеза слонялся среди еще чужих столов с неприкаянной радостью новосела, оживающего долгожданное жилище.

– Пойдем ко мне в каморку, Стив.

Крохотный кабинет Дона действительно смахивал на каморку.

– Разумеется, я мог бы заполучить большой кабинет с мраморным камином. Но в старом здании Исполнительного комитета. Надеюсь, ты понимаешь, о чем я.

– Понимаю, сэр. Местоположение решает многое.

– Если не все. В политике, как и в недвижимости. Так вот. Официально мое местоположение пока не определено, но это и не важно.

– Коморка-то уже ваша.

– Верно. И первым делом, как обитателю этой каморки, мне придется стать посредником между президентом и старым персоналом NSC.

– Но это ведь не простая передача дел?

– Конечно. Для простой передачи мне бы ни за что не доверили каморку. Требуется отделить зерна от плевел и вынести зерна на заседание комитета принципалов. Вернее – гипотетических принципалов, потому что назначения еще не последовали. Они ждут от меня короткий меморандум об основных направлениях своей политики. В первую очередь – внешней. И ты очень разочаруешь меня, Стив, если скажешь, что у тебя нет ничего наготове...

– Но это... должен быть не вполне официальный документ?

– Совершенно неофициальный. Потому что официально – комитет принципалов соберется месяца через полтора-два.

– Иными словами, речь идет о некоей встрече неких людей, которые в будущем, вероятно, займут некие должности...

– Ты в хорошей форме, старина. Это вселяет оптимизм. Так вот, некие люди соберутся для того, чтобы обсудить варианты неких событий, которые, возможно, произойдут.

– Я бы сказал, сэр, неких действий, которые следует предпринять, чтобы некие события произошли. Впрочем, вы правы, прежде, разумеется, перечень необходимых и желательных событий.

– Ну, собственно, ты сформулировал свою задачу.

– Да. Но существуют варианты.

– Значит, я был прав. У тебя готова пара-тройка сценариев. Отлично. Пусть будут все. Одно только пожелание. После истории в Колорадо тема альтернативных источников откладывается на неопределенное время. Неопределенно долгое время.

– Я так не думаю, Дон. Свихнувшийся гений, подорвавший реактор в Колорадо, – фактор случайный...

– Иными словами, в твоём сценарии это не главный герой.

– В моем сценарии такой персонаж вообще не предусмотрен.

– То есть ты по-прежнему делаешь ставку на развитие альтернативных источников.

– В одном из сценариев.

– Этот сценарий, дружище, следует пока отложить. По крайней мере, на ближайшей встрече я его оглашать не стану.

– Но почему?

– Потому что я принимаю во внимание не только любимые тобой объективные факторы...

– Иными словами, кто-то из гипотетических людей не желает рассматривать этот вариант...

– Я бы сказал, отдает предпочтение – другому. Субъективное предпочтение другому... Надеюсь, ты меня понимаешь.

– Для полного понимания, сэр, мне не хватает списка этих гипотетических людей.

– Ты демонстрируешь абсолютное понимание, Стиви. Но список все равно получишь.

Полученный список содержал шесть имен. И это означало, что каждый из шести уже получил или в ближайшее время получит от президента США предложение занять один из высших постов в государстве. Имена не стали новостью для Стива – это тоже был своего рода сценарий. Предсказуемый вполне. И предсказанный. Хотя никто не просил о подобной услуге. Это было уже нечто машинальное, почти бессознательное. Как уверенность ревматика в том, что грядущие дни прольются обильными дождями. Можно было бы в очередной раз порадоваться точности собственного прогноза. Но Стив был собой недоволен. Объективное знание о том, кто войдет в приходящую властную команду Белого дома, не стало предметом для анализа субъективных факторов, которые необходимо было учесть при составлении других сценариев. Тех, которых ждала от него эта самая команда. Дон Сазерленд был прав. Впрочем, Дон был прав и в другом – в предположении, что сценарии, которые завтра будет изучать группа гипотетических людей, были практически готовы. Осталось внести некоторые поправки с учетом субъективных факторов.

Итак. Очевидно, Стив все же похоронил в себе беллетриста, потому что тусклая ученая крыса должна была бы тяготеть к заглавиям сложным, веским и труднопроизносимым. Стив предпочитал обратное – короткое, емкое, порой даже хлесткое настолько, что сотрудники Дона, занятые подготовкой документов для очередных заседаний очередных «гипотетических» людей, от греха подальше вообще убирали заголовки.

Тексты становились еще более обезличенными. Но это нисколько не умаляло их достоинств. Скорее – наоборот. Сценарии Стива всегда были определенным образом обезличены и носили сугубо неофициальный характер. Хотя неизменно сопровождались грифом секретности.

Позже – когда высокое собрание (вернее, впрочем, будет сказать – высочайшие заседания), которым они были адресованы, благосклонно принимало идеи сценариста (а оно принимало их почти всегда), бумага аккуратно трансформировалась в официальные меморандумы офиса Дона, также секретные по большей части, но адресованные уже совершенно конкретным людям, собранным воедино в рамках совершенно конкретного образования. Комитета принципалов. Или Объединенного комитета начальников штабов. Или – сенатского комитета. Или – одному единственному человеку. Президенту Соединенных Штатов Америки.

Тогда, как правило, появлялись заголовки сложные, веские и труднопроизносимые.

Позже – если дело прибирали к рукам военные, возникли названия абстрактные, доведенные до некоего конспирологического абсурда, порой, впрочем, не лишённые художественного осмысления. Рождались всевозможные «свинцовые бури» и «проливные ливни». Потом – когда сценарии воплощались в жизнь, грифы секретности опадали, как осенние листья, заголовки, похожие на названия приключенческих романов, попадали туда, где им было самое место, – на первые полосы газет. Дальнейшая их судьба зависела от того, насколько значительным – в историческом осмыслении – был сценарий. Серьезные – оседали на страницах аналитических исследований, чтобы потом – уже навечно – перекочевать в учебники истории. Рангом пониже – в лучшем случае – имели шанс зацепиться в каком-нибудь сугубо ведомственном фолианте.

Все это, впрочем, происходило много позже. Пока же Стивен играл на своем поле, он был здесь единственным игроком, тренером, судьей, и – в сущности – основоположником игры. Посему – устанавливал правила. Его заголовки были короткими, емкими и в высшей степени информативными.

В сущности, порой достаточно было только взглянуть на заголовок, чтобы понять, о чем, собственно, пойдет речь в сценарии. Из заголовка того файла, который он открыл первым, следовало, что основной проблемой и главным направлением политики Соединенных Штатов Америки в обозримом будущем станет нефть. Файл так и назывался. НЕФТЬ.

Большими буквами, которые только подчеркивали значимость направления. Его стратегическую значимость. Если не сказать – судьбоносную. Стив представил лица газетчиков...

Почему-то в этот миг он подумал именно о газетчиках, но это была своего рода сублимация мысли, потому что в действительности следовало бы говорить о лицах американцев. Всей нации – и огромного, подавляющего ее большинства, размером в какие-нибудь абсолютные 99,9999 %. Впрочем, на проблему можно было посмотреть и шире. В планетарном масштабе. И заявить с уверенностью, что абсолютное большинство людей, населяющих Землю в 1992 году, глубоко изумилось бы, произнеси кто вдруг это самое слово, обозначая ключевую проблему человечества в обозримом будущем. В течение каких-нибудь десяти-пятнадцати лет. И – тем не менее – это было так. И Стивен писал.

«...на протяжении последних 30 лет мы наблюдаем социально-экономическое явление – хаотизация мирового рынка энергоресурсов. С начала 70-х годов XX века цена нефти в течение коротких периодов вре-

мени – года-двух – стала резко колебаться, повышаясь порой в несколько раз: от 5–10 долл. за баррель до 35 долл. за баррель, и в такой же пропорции понижаясь. Ранее такого феномена мировая энергетика и экономика не знали – цены энергоресурсов, за редкими исключениями, связанными с войнами, изменялись с небольшими колебаниями преимущественно эволюционно.

Первый «нефтяной кризис» в мире разразился в 1973 году, после того как цены на нефтепродукты менее чем за год выросли приблизительно в 7 раз – с 1,75 долл. за баррель до 13 долларов. Считалось, что кризис стал своеобразной платой за всеобщую энергетическую расточительность. Цена энергоресурсов тогда практически во внимание не принималась. Эта дата – 1973 год – стала впоследствии точкой отсчета периода бурного внедрения энергосберегающих технологий во все сферы общественной жизни, что, в сущности, является точкой отсчета для эпохи постиндустриальной цивилизации.

Следующий энергетический кризис пришелся на 1979 год, когда цена нефти скачкообразно возросла еще приблизительно в три раза, достигнув уровня в 39 долл. за баррель. Этот до сих пор не побитый рекорд мировых цен был установлен во время исламской революции в Иране и разразившихся вслед за этим событием кризисов в отношениях США и Ирана, Ирака и Ирана. Не последнюю роль в этом сыграла и имевшая место в то время политическая конфронтация между экспортирующим нефть СССР и импортирующим ее Западом.

С этой «запредельной» планки началось медленное, но стабильное снижение мировых цен. Происходило это хорошо видимыми на рисунке волнами. Первая ярко выраженная «ценовая волна», начавшаяся с подъема в 1979 году и закончившаяся спадом в 1986 году, продолжалась 7 лет.

Сегодня мы находимся, можно сказать, в эпицентре следующей семилетней волны, которую следует ограничить временными рамками 1987–1994 годов, с абсолютным минимумом в 8 долл. за баррель и максимумом в 33 долл. за баррель в 1991 году. Если первый раз цена нефти на уровне свыше 30 долл. за баррель держалась около 5 лет, то во второй раз она простояла на этой отметке лишь несколько месяцев. Возможно, не последнюю роль в такой краткосрочности этого этапа энергетического кризиса сыграл крах Советского Союза, промышленные потребности которого в нефтяном сырье после 1991 года сократились более чем в два раза, а добыча упала менее чем на 40 процентов. Таким образом, дальнейшую, очевидно также короткую (вероятно – четырехлетнюю) волну цен следует ожидать в 1995–1998 годах. Фаза ее подъема, очевидно, придется на 1994–1996 годы.

Очередной, пятый рывок цен ожидается с конца 1998-го до середины 2000-го, с отметки в 10 долл. за баррель до 33 долл. за баррель...»

В принципе, он мог бы расширить прогноз, заведя его за рамки уходящего века. Но тенденции были ясны. И любому, кто даже бегло пробежался бы по колонкам цифр, аккуратно выведенным в преамбуле, слово НЕФТЬ, набранное крупным жирным шрифтом, уже не казалось бы причудливой метафорой. Впрочем, для принципалов, пусть и гипотетических, пока это не было новостью. От него ждали другого. Рекомендаций. Пришло время файлов, упакованных в папке НЕФТЬ.

Их было три, обозначенных так же коротко и емко. И такими же крупными буквами.

АЛЬТЕРНАТИВЫ БЛИЖНИЙ ВОСТОК РОССИЯ

Именно в таком порядке. По крайней мере, он отчетливо видел именно этот порядок. Вплоть до сегодняшнего дня, а вернее, до того момента, пока Дон Сазерленд не указал ему на существенную брешь в субъективном осмыслении проблемы.

АЛЬТЕРНАТИВЫ – немедленно уступали первую позицию. Хотя в душе Стив и теперь полагал, что поиск альтернативных источников из всех вариантов решения энергетической проблемы является самым прогрессивным. Какие бы сумасшедшие гении ни вмешивались в игру. За ним отчетливо проглядывала неразличимая пока в деталях, но – неизбежная и необходимая – стабильная энергетика XXI века. Однако ж – субъективный критерий, будь он трижды неладен! Верный принципу коротких «говорящих» названий, Стив называл его «фактором больного зуба». Здесь было все просто и ясно. «Больным зубом» уходящего Буша (а значит, и республиканцев на ближайшие пару-тройку десятилетий) станет БЛИЖНИЙ ВОСТОК.

На первый взгляд, их война в Заливе была короткой и победоносной. «Мы победим!» – сказал Буш в Вашингтоне 17 января 1991 года. А уже 3 марта в палатке на захваченной иракской военной базе Савфан Ирак официально принял условия мира. Вернее – иракские генералы. Но не Саддам. И в этом крылся залог той самой зубной боли, которую теперь – спустя полтора года – уверенно прогнозировал Стив. Большой зуб звался Саддамом, и Стивену было совершенно очевидно, что, в сущности, угробив двести тысяч своих солдат и триста воинов коалиции, он умудрился оставить президента Буша с носом. Аналитики Госдепа рассчитывали, что иракцы воспользуются ситуацией и сами избавятся от Саддама. И просчитались. Зуб, как бы ни колдова-

ли над ним искусники-стоматологи, уже никогда не станет здоровым. И будет – то тихо ныть, то взрываться приступами нестерпимой боли, до тех пор, пока кто-нибудь не решится выдрать его к чертовой матери. И неизвестно еще, чем обернется это мучительное удаление.

Навскидку – просматривались отнюдь не радужные перспективы. Но несмотря на это, привелось Стиву писать сценарий для принципалов-республиканцев, фактор «больного зуба» с неизбежностью вывел бы файл «Ближний Восток» на безусловное первое место.

С демократами все было чуть сложнее. Во-первых, их «зубная боль» была хворью застарелой, едва ли не хронической. Имя ей было – СССР, а позже – Россия. И это было совершенно объективное, легко объяснимое обстоятельство. Большинство тех, кто в разное время ведал внешней политикой демократической партии были выходцами из стран Восточной Европы. Где-то он даже читал про синдром «детей Варшавского договора» и был полностью согласен с этим определением. Патологическое неприятие России – было не то, что синдромом – пожалуй, комплексом. Это не поддавалось осмыслению. Отчетливо веяло мистикой.

Бжезинский, Маски и малоизвестная женщина с невыразительной внешностью пожилой домохозяйки – Мадлен Олбрайт, на подхвате у обоих. Это и была мистическая составляющая. Почему именно они? Почему исключительно и последовательно во внешней политике? Почему именно у демократов? Природа же самого синдрома была проста и понятна. Совершенно очевидно, что основные пути решения стратегической проблемы, сформулированной в папке «Нефть», комитет грядущих принципалов пожелает найти в папке «Россия». Таким и будет заголовок основного сценария.

2003 ГОД
МОСКВА

Она позвонила ночью. И – странное дело – я не испугалась и даже не встревожилась. И, разумеется, в тот момент, когда мелодичная трель звонка просочилась в мое расслабленное сознание, знать о том, что это звонит она, я не могла. И предположить не могла – мы не общались уже довольно долго. Да и общались когда-то не так, чтобы слишком близко. Словом, это был внезапный ночной звонок. И только.

– Прости. Я знаю, что поздно и мы теперь так далеко друг от друга...

– Километрах в двенадцати, полагаю...

Это была «стадия реверансов». Определение из нашего общего прошлого. Когда – отдавая дань безупречному воспитанию посольской дочки – она вдруг впадала в небывалую деликатность и пускалась в долгие пространственные рассуждения о том, как это мучительно неловко – грузить своими проблемами окружающих, пусть и друзей. И особенно – друзей...

– Я не об этом...

– А я об этом. О глубоких придворных реверансах, которые, как и прежде, можно оставить для других случаев жизни.

– Спасибо. Мне очень нужно поговорить с тобой. Очень.

– Прямо сейчас?

– Н-нет, конечно. – Сто к одному, она хотела сказать: да. Но – реверансы. Три часа по полуночи. Невозможно.

– Завтра?

– Да, да. Если ты смогла бы завтра... То есть уж – сегодня.

– Хочешь приехать?

– Нет. Давай где-нибудь... все равно... Где потише. И никаких... ну, ты понимаешь.

Реверансы. Никаких «рублевских рож» хотела сказать она – но сдержалась. Я вспомнила ресторанчик. Почему-то потом, много позже, я уже была склонна придать этому выбору если не мистическое, то уж по меньшей мере символическое значение. Но это часто бывает с людьми, когда случается что-то из ряда вон выходящее, особенно – страшное или трагическое. Кажется, что, предваряя событие – вокруг буквально роились знаки судьбы, и ангелы-хранители отчаянно, но безмолвно били крыльями, и персты призраков, воздетые из хлябей земных, прямо возвещали опасность...

Разумеется, все это приходит на ум потом, много позже, когда невозможно уже утверждать определенно, творилась вся эта мистика на самом деле или образы родились в сознании, под гнетом посттравматиче-

ского синдрома. Ресторанчик, словом, был будто идеально придуман для тайных, конспирологических встреч, назывался соответственно – «Диссидент». И размещался вполне подходяще. Столики на его открытой террасе располагались строго напротив известного здания на Лубянке, на уровне – примерно – шестого этажа. И было свежо, тихо и малоллюдно. «Чего ж вам боле?»

Через двенадцать часов, в четыре пополудни мы заняли столик на этой самой террасе. Нет, она не изменилась. Холеная блондинка без возраста, сошедшая со страниц дорогого глянца. Именно дорогого, на знаменах которого, непременно благородным серым шелком и обязательно от руки, вышито: expensive simplicity.

Она всегда была такой – «девочкой из хорошей московской семьи» сначала, новой русской женой – потом. Редкая довольно метаморфоза. Ибо девочки из хороших московских семей начала 80-х годов – в новый формат хороших семей не вписались категорически. И постарели стремительно, обабилась, остервенели – превратились в больных нечастных теток, любимых мужьями и презираемых детьми. Новые девочки из новых хороших семей, следуя неизбывной диалектике всех революционных процессов, подросли на унылых задворках нищих рабочих окраин, в сиротских приютах и придорожных борделях. Определение им, кстати, совершенно спонтанно сформулировал однажды счастливый муж-обладатель из новых. Ужинали под Москвой, небольшой случайной компанией.

– Что смотришь? – счастливцев, конечно, был пьян, но все еще проницателен.

Взгляд, которым я проводила хозяйку дома, не оставил без внимания и истолковал правильно. – Понимаю. За такие деньги могло быть что-нибудь поприличнее.

Фраза показалась мне безупречной и была взята на вооружение. Так вот, Елизавета была исключением. Деньгам, которыми, судя по всему, располагала, – соответствовала вполне. Возможно, что на этом приобретении супруг даже прилично сэкономил. Но это – разумеется – случилось несколько позже. Поначалу – положение родителей по определению гарантировало Лизе прочные позиции в блестящей когорте «тех девушек». Впрочем, в империи этим термином не пользовались и вряд ли знали, что емкое английское «those girls» означает не просто компанию девиц, объединенных по какому-нибудь принципу, а совершенно особенных девушек – «young ladies», являющих собой юную поросль национальных элит по обе стороны Атлантики. И хотя в Советском Союзе о существовании «those girls» даже не догадывались – «те девушки» в стране победившего социализма были. И какие!

Им бы возможности настоящих «those girls» – «те» в момент обратились бы в бледные тени наших номенклатурных девочек. Впрочем, относительно возможностей – вопрос далеко не однозначный. К примеру, юная дочь кого-то из партийных бонз вряд ли рискнула бы появиться на парижском показе haute couture и, небрежно повертев носиком, приобрести некоторую часть коллекции. Или на личном самолете махнуть на недельку на Барбадос. Но!

Мог ли, к примеру, Аристотель Онассис уставить очередной свадебный стол несчастной Кристины парадным севрским фарфором из Лувра или водрузить на блистательную голову Марии Каллас диадему Марии Стюарт, хранящуюся в Британском национальном музее? Словом, здесь было о чем поспорить. И подумать.

Но главное все же, что выгодно отличало наших принцесс от тех, кто сверкал знаменитыми бриллиантами и фарфоровыми зубами записных boy-friends со страниц гляцевых журналов, была безусловно их абсолютная исключительность. Недостигаемость. И никаких там сказочек про чистильщика обуви, ставшего миллионером!

Правящий клан был замкнут и – по словам собственного вождя - бесконечно далек от народа. Намного дальше, нежели в ту пору, когда писаны были пророческие строки. К тому же тщеславие не случайно считается любимым пороком сатаны. Возможность испытать это пагубное, но бесспорно сладостное чувство у наших героинь была практически безграничной. Промчаться в открытом кабриолете Bugatti по трассе Монте-Карло, в нарядном потоке таких же блистательных, совершенных, именитых... et cetera? Ничтожное удовольствие по сравнению с поездкой в неуклюжем папином «ЗИЛе» по абсолютно, сюрреалистически пустынной мостовой мегаполиса. Под полуденный бой курантов.

Развлекаясь при этом видом сбившихся в плотное испуганное стадо одинаково унылых машин и автобусов, набитых до отказа сплюсненными человеческими телами.

Замечая иногда взгляды – любопытные, раздраженные порой, но низкомерно покорные и заранее согласные на все, что придет в маразматическую папенькину голову. К тому же наши принцессы могли не бояться конкуренции – в каждой возрастной категории, на каждой ступени номенклатурной лестницы их количество было известно с рождения и почти неизменно. Равно как и количество принцев. Будущее, таким образом, было открытой, читаной-перечитаной книгой, вроде романа «Как закалялась сталь», с обязательным рефреном: «Чтобы не было мучительно больно...»

Итак, «та девушка» Лиза Лаврова – дочь карьерного дипломата, дослужившегося до ранга посла Советского Союза, к тому же в приличной европейской державе, – в семнадцать лет получила относительную свободу, став студенткой. Разумеется – МГИМО.

И немедленно очутилась в водовороте самых замечательных, развеселых событий и приключений, на которые в те времена хватало пороха и фантазий у московской золотой молодежи. Жизнь была бурная, распи-санная по минутам. К занятиям Лиза, несмотря ни на что, относилась серьезно и училась прилично.

Однако ж помимо лекций и семинаров успеть надо было неимоверно много. Премьеры в театрах, Доме кино, ужины в ресторанах, визиты к труднодоступным парикмахерам и портным. Поездки за город – бесконечная череда чьих-то дач с неизменными атрибутами советской роскоши и дачного шика – пылающими каминами, шашлыками и грузинским вином. И «ночники» – ночные сборища – в Архангельском, куда съезжалась модная Москва, вперемешку «кони, люди»: тогдашняя золотая молодежь, дипломаты, респектабельные «цеховики» и brutальные воры в законе. Еще – просто вечеринки в разных модных домах, где на крошечном пространстве – советских все-таки! – квартир собиралось несметное количество людей, в большинстве меж собой незнакомых. Но в этом, пожалуй, и была особая прелесть. Она очень быстро усвоила правила этого круга. И первое – мужчин следует менять, относиться к этому легко, даже если в этот момент менять не очень хочется. Потому что, во-первых, страдания унизительны, во-вторых, обязательно появится кто-то новый, как правило, много лучше.

Еще она быстро усвоила, что секс – это нечто вроде танца или партии в теннис. Иногда удовольствие бывает умопомрачительным, иногда – так себе, иногда – ничего, кроме разочарования, а то и брезгливой гадливости. Но такова жизнь. И главное – это тоже было правило клана – недопустимо смешивать секс с теми чувствами, что иногда рождаются в душе, – симпатией, ощущением душевного родства, привязанности, порой нежности или жалости. Ни в коем случае! Зерна – от плевел! И никак не иначе. Единственное, что она еще не решила для себя окончательно, – как следует относиться к будущему мужу? В том, что замуж нужно будет идти в определенное время – не раньше и не позже, – она знала точно. Тоже – правило. Все, однако, решилось быстро и как бы само собой, не оставляя места для принятия собственных решений.

Управляющим совзагранбанком в той европейской державе, где представлял империю Лавров-папа, назначили никому не известного товарища Лемеха, в семье которого подрастал сын – Леонид. И тоже, между

прочим, готовился вступить на перспективную стезю международного банковского дела. Молодой человек неприметной, но скорее приятной наружности, неплохо образованный, в меру интеллигентный, обладавший даже некоторым чувством юмора. И главное, он был готов – возможно, даже искренне – следовать неписаным правилам клана.

«Чего ж вам боле?» – воскликнул однажды классик по схожему поводу. Дело сделалось быстро. Молодые провели медовый месяц в Югославии, в Москве их ждала вполне приличная двухкомнатная квартира на набережной Тараса Шевченко. Некоторое время теперь предстояло жить относительно тихо и пристойно, в ожидании назначения Лемехамладшего в какую-нибудь подобающую – стараниями обоих отцов – заграницу. И – жили.

Кстати, занимавший некогда Лизу вопрос о соотношении в замужестве любви и секса, к счастью, решать не пришлось. Эмоций, даже отдаленно напоминающих любовь, муж не вызывал, с сексом справлялся на троечку, порой – на тройку с плюсом. Терпимо. Зажили, не лучась счастьем, но и не зная бед, в ожидании отъезда куда-нибудь. Все равно куда. В любом случае будет лучше. И уж по крайней мере, интереснее.

Вели размеренный образ здоровой светской жизни. Иными словами, в выходные играли в теннис, зимой катались на лыжах в Бакуриани или Терсколе, летом грелись на Золотых песках, иногда проводывали родителей в их респектабельной европейской стране. Само собой, посещали модные премьеры и вернисажи. Иногда позволяли себе расслабиться с приятелями – все теми же, что окружали ее и его в юности, – загудеть на чьей-нибудь даче дня на два. А на третий – с утра – отправиться всей пятой компанией пить пиво на Арбат, в неизменные «Жигули».

Потом начались перемены, столь стремительные и радикальные, что Лиза, несмотря на то что была дамой умной, в большей даже степени, чем могла себе позволить красивая женщина, не всегда понимала природу происходящего.

И уж тем более могла распознать причинно-следственные связи некоторых загадочных событий. Год тогда стоял 1988-й – тотальная капитализация страны не обозначилась даже призраком, вьющимся над Россией, первые предприниматели-одиночки звались кооператорами, но чаще – по старинке – спекулянтами. Словом, странная метаморфоза, случившаяся тогда со свекром, Елизавету несколько озадачила.

Во-первых, Лемех-старший зачастил в Москву.

Во-вторых, – и это было много важнее – человек менялся буквально на глазах. Довольно крупный – если судить по должности – совслужащий, неплохо образованный, облаченный в приличный европейский костюм

и вполне пристойные ботинки, он все равно казался Лизе провинциальным командированным. Инженером или бухгалтером небольшого завода где-нибудь в Урюпинске, робеющим в Москве уже от одного сознания того, что это столица. Особенно когда надевал шляпу. К концу 1988 года командированный канул безвозвратно. Растворился.

Возможно, как Мэри Поппинс, его унесли ветры перемен, но вероятнее всего, эти самые свежие ветры принесли нового Лемеха – спокойного, немногословного, уверенного в себе человека. К тому же не совсем обычного, ибо ему – это было видно невооруженным глазом, хотя свекор ни разу не обмолвился о грядущих переменнах – известно нечто, сокрытое от большинства. Однако несомненно важное. Возможно, чрезвычайно важное. Из числа тех событий, о которых дикторы программы «Время» сообщают стране, как правило, с каменными лицами.

В 1990-м Леня Лемех, всю сознательную жизнь существовавший исключительно по законам системы, совершил поступок, сравнимый разве что с добровольным выходом из рядов КПСС. Он уволился из Внешэкономбанка. С двумя другими, синхронно, как полагали, сошедшими с ума коллегами принялся за создание частного коммерческого банка. Одного из первых в СССР.

Лиза наблюдала за мужем с отстраненным вниманием, не беспокоилась и уж тем более не паниковала, хорошо понимая, что семейство Лемехов психическим заболеваниям не может быть подвержено по определению. Не та была генетическая организация, иная, проще говоря, порода. Вопросов, впрочем, не задавала.

А муж не горел желанием посвящать ее в подробности происходящего, ограничивался общими малопонятными репликами. Слава богу, ее это не задевало нисколько, как и все, что было связано с ним. В разгар семейного банковского строительства в Москву приехал отец Лизы.

Она любила отца, хотя не была приучена. Да и не умела выражать эту любовь, как другие дети, потому что с раннего детства твердо знала:

«Папа очень занят». Всегда. Вне зависимости от того, что происходило дома – мамин день рождения, первый звонок, выпускной бал у Лизы или даже смерть бабушки в Ленинграде. Еще отцу не следовало задавать лишних вопросов. Впрочем, когда позволяло время, он подолгу говорил с дочерью о разном, не дожидаясь вопросов. За это Лиза была отцу благодарна. И прощала вечную занятость, замкнутость и даже то обстоятельство, что, встречаясь и расставаясь, они почти никогда не целовали друг друга. Ни о чем не спросила она и теперь. Отец неожиданно заговорил сам:

– Ну что, готова выступить в роли мадам Ротшильд?

– Почему – Ротшильд?

– Не знаю. Первый известный банкир, который пришел на ум, – вот почему, наверное.

– Ну, я, собственно, уже лет пять как готовлюсь...

– Господь с тобой, Лизавета! Лет пять ты готовилась совершенно к другой роли. Послушай, девочка, ты что же, до сих пор ничего не знаешь?

– Нет, что-то знаю, разумеется. Но я ведь писала маме – Леня ушел из банка, пытается создать какое-то коммерческое подобие.

– Пытается?! Да... Ну, может, это правильно – зачем раньше времени лишние свидетели? Еще непонятно, как дело обернется. Не знаю, дочка, впервые за много лет – действительно не знаю. Может, так и надо? Как они. Может, действительно на пороге больших перемен стоим? Но... Как-то уж очень непривычно все это. Из государственного кармана – в какое-то – как это ты сказала? – подобие. Действительно подобие, пока ни то ни се. И главное – непонятно, что дальше? А деньги-то гигантские...

– Ты о чем, папа?

– Я-то? Да так, о своем, о делах, о проблемах... Ты не слушай. И не волнуйся. Муж у тебя, судя по всему, парень с головой. Авось удержит... на плечах.

Все прошло благополучно – и голова Леонида Лемеха, возможно чудом, удержалась на месте. Сам же Лемех причислен был к славной когорте яйцеголовых – впрочем, этих молодых в большинстве людей более пристало называть золотоголовыми. В России их, однако, отчего-то окрестили олигархами. Возможно, впрочем, не без некоторых оснований молодая капиталистическая поросль активно вторгалась в политику.

Ничего другого, однако, ей просто не оставалось – ибо Россия была, как и много лет назад, страной сугубо бюрократической. Следовательно, половину чиновников следовало купить, половиной – завладеть на официальных основаниях, заняв подобающее место во властных структурах. Технология с тех пор, разумеется, многократно совершенствовалась, шлифовалась, подстраивалась под ту или иную личность, но определение «олигарх» прилипло к крупным предпринимателям намертво. К новым, возможно, уже неоправданно.

Однако ж первые – числом девять или десять, – пожалуй, действительно были олигархами. И прекрасно осознавали это. Банк, созданный Лемехом, рос, сродни сказочному дитяти, не по дням, а по часам. Параллельно, но как-то тихо зачах небольшой совзагранбанчок, возглавляемый некогда Лемехом-страшим, который благополучно ушел на пенсию. Но благородный старик не покинул чужбину – остался, дабы помочь сыну наладить международные связи.

Очень скоро «Лемех-банк» – он действительно так назывался, чего уж скромничать, если судьба расщедрилась небывало? – одним из первых русских банков открыл филиал за границей. Разумеется, все в той же респектабельной европейской стране.

Он разместился в том же здании, где когда-то скромно управлял отнюдь не скромными делами бывшего советского банка Лемех-старший. Проще говоря, старик остался в своем же кабинете и при своих делах, сменив только руководство и... форму собственности. Однако в грохоте демократических преобразований на этот пустяк просто не обратил внимания.

Жизнь Лемехов-младших в Москве тем временем менялась разительно. Вернее будет сказать, что она кардинально изменилась в одночасье и продолжала меняться очень быстро в том же направлении. «Все выше, и выше, и выше», – пелось некогда в забытой советской песне, но в жизни Елизаветы Лемех все происходило именно таким образом. Однажды, обсуждая с очередным дизайнером декор очередного дома или квартиры, она неожиданно вспомнила отцовскую шутку относительно баронессы Ротшильд и, поразмыслив, пришла к выводу, что к этой роли она оказалась готова.

Сказалась, наверное, долгая посольская жизнь. Обилие посторонних людей вокруг, в том числе и в доме, а вернее, в домах. Разные машины, многочисленная охрана, повара, которым надо было непременно знать, что ты пожелаешь откусать завтра (Лиза никогда не знала), – все это было привычно с детства. Разумеется, отличий было не счесть – начиная с того, что там ничто не воспринималось как данное навечно и уж тем более не принадлежало, не было своим.

Но как бы там ни было, Лиза вдруг оказалась в атмосфере, которая была ей совсем не чужда. Полезным оказалось знание протокола – от правильной рассадки гостей, сервировки стола до безупречно соответствующих случаю туалетов и умения поддержать любую беседу.

– Я не ошибся, – глубокомысленно заметил однажды Лемех, провожая последнего гостя, легкомысленно стряхнувшего пепел от сигары прямо на подол нового Елизаветинового платья из последней коллекции *haute couture*.

– Ну, куда вы, право слово, так рано? Верочка в Швейцарии. Ей было бы спокойнее знать, что вы засиделись у нас. – Лиза ласково коснулась рукой атласного лацкана, усыпанного пеплом.

– А я и засиделся у вас, Лизонька. До рассвета засиделся, напился, как свинья, и спать повалился, еле выпроводили утром. Прелесть моя, умница, ты ведь не забудешь, что все так и было?

– Ну что с вами делать, Казанова вы этакий? Не забуду. Шлепайте по своим мамзелям.

Привстав на цыпочки, она едва коснулась щекой его оплывшей щеки и, энергично развернув массивное тело, легонько толкнула его к выходу.

– Лемех, ты счастливчик! – крикнул гость, обращаясь уже к собственной охране, ловко подхватившей хозяина на ступеньках.

Дверь, наконец, закрылась, и лишь тогда Лиза занялась своим платьем. На роскошном подоле зияла внушительная дыра с обугленными черными краями.

– Пьяная скотина!

Она произнесла это вяло, не зло и даже без раздражения. Именно тогда Лемех задумчиво сказал:

– Я не ошибся.

– В чем, собственно? В том, что привел это животное в дом?

– При чем здесь животное? Баранов нужно стричь. Вот и привел. А не ошибся, когда женился на тебе.

– Вот это новость! Что это, поздняя страсть? Или ранняя мудрость?

– Ни то ни другое – констатация факта. Они – он имел в виду ту самую десятку олигархов, в которую входил, сейчас в очень щекотливом положении. Ну не все, конечно. Первые жены – сама видишь, что такое. Клуши, без слез не взглянешь. А жениться на двадцатилетней говядине с копытами – это тоже, знаешь... рискованная операция и весьма.

– Говядине?

– Ну, иногда их так называют, этих, с ногами, но без мозгов. А что – говядина, по-моему, очень точно.

– И что же?

– Ничего. Я умный – я тебя выбрал, когда ничем этим даже не пахло. Посему можешь быть спокойна. Развод тебе не грозит. Ну, трахну на стороне какую говядину, тебя это, по-моему, не слишком волнует. А так – в горе и радости, в болезни и в чем-то там еще... Слушай, а давай венчаться? Красиво и... вообще, чтобы уж наверняка.

– Ты в себе сомневаешься – или во мне?

– В себе, конечно, ты ж у нас правильная девочка... А, девочка? Слушай, да сними ты эти лохмотья... Дыра ужасная, просто неприлично. Помочь?

– Ну помоги...

В конце концов, он был муж. К тому же тридцатилетнее тело не всегда внимало гласу рассудка, иногда ему просто хотелось плотских радостей. И с этим тоже приходилось считаться. Поднимаясь следом за мужем по широкой мраморной лестнице в спальню, Лиза с неожидан-

ной тоской подумала: «Господи, неужели и вправду теперь навсегда – и в горе, и в радости?..»

Год был 1993-й. В том году мы и познакомились с Лизой, потому что поселены были по соседству. Именно поселены – мужья синхронно схлопотали тогда государственные дачи по соседству, в Ильинском. Небольшие двухэтажные коттеджики. Однако ж – на Рублево-Успенском шоссе, за зеленым «политбюрошным» забором, под охраной всемогущей стражи самого президента, и – главное! – в тесном соседстве с крупными государевыми чиновниками, дружбы с которыми в ту пору исподволь добивалась молодая капиталистическая поросль.

Ее принимали радушно по одной простой причине – в нужные моменты они умели быть фантастически щедрыми и предупредительными. Стоило напыщенной матроне – супруге одного из президентских сподвижников – вскользь посетовать, что муж озадачил ее вечерним приемом гостей, сосед немедленно хватался за телефон. Вечером гостей матроны обслуживал один из самых дорогих московских ресторанов. Заказывали все: закуски, напитки, бригаду официантов, во главе с расторопным метрдотелем. Et cetera... Мелочь. Так и продавались – не задорого. История с прожженным платьем стала началом нашей – не дружбы, нет, для дружбы каждая из нас была слишком закрыта, слишком глубоко погружена в собственный панцирь и собственные комплексы, – приятельства. Именно так.

Мы были приятельницами до той поры, пока мужья не обзавелись гектарами собственной – а не арендованной – земли, не возвели на тех гектарах дома-усадыбы, не началась в тех домах новая жизнь и не пошла эта жизнь выкидывать разные коленца, о которых, вероятно, придется еще говорить здесь, но несколько позже.

Пока же – достаточно будет и того, что, сидя напротив меня на открытой террасе ресторана «Диссидент», не подруга и даже не приятельница моя Лиза Лемех спокойно и как-то отстраненно – как о деле обыденном и немного скучном – скажет, глядя мне прямо в глаза:

– Он хочет убить меня. И совершить государственный переворот. И я не сошла с ума. Есть доказательства. И еще – скажи, пожалуйста, ты никогда не задумывалась, почему из всех на вершине оказались только они? Несколько. Ну, ты ведь помнишь, сколько их было... поначалу... Движение....

2007 ГОД

ГАВАНА

Этот вечер мы коротали на террасе «Националя», и это было почти знакомо, притом – знакомо дважды. Объяснюсь, потому как это даже забавно. Есть перечень имен – теперь, впрочем, следует говорить «брендов», – неизменно присутствующих во всех мировых столицах. Эксельсиоры, Луксоры, Ритцы, Метрополи и Национали – не всегда, но чаще всего отели. В Москве – отчего-то из нитки этого буржуазного жемчуга прижилось только два перламутровых камушка, из которых «Националь» был, вне всякого сомнения, более престижным. Гламурным, впрочем, следовало бы сказать сейчас. «На уголке» – говорили когда-то в Москве, но понимали, о чем речь, немногие. Потом, понятное дело, изменилось все, забылся «уголок», но «Националь» остался. И это было знакомство номер один.

Знакомство номер два – шагнуло с экрана. Старых, голливудских, гангстерских фильмов. Он, кубинский «Националь», – оттуда, из жестокой и кровавой жизни загорелых брюнетов в белых костюмах и широкополых шляпах, с неизменным размочаленным окурком толстой сигары, небрежно прилипшим к вывороченной нижней губе. По образу и подобию изжеванной «беломорины», намертво зажеванной жесткими, обветренными губами колхозного тракториста, таксиста или бойца пехоты, идущего со штыком на немецкие танки. Словом – мужчины героического и решительного. Такой «киношный» штамп, шагнувший в жизнь, вполне допускаю, что – наоборот. Но речь не об этом.

Гаванский «Националь» – классическая обитель гангстеров образца 30-х, от Аль Капоне до сладкоголосого Синатры. Здесь, говорят, было их любимое пристанище, и пакт о создании игровой империи Лас-Вегаса был заключен именно здесь. Здесь все по-американски монументально, но безвкусно и пропитано неизбежной в таких случаях эклектикой, когда в одних стенах смешали модерн, арт-деко и неоклассицизм, сильно смахивающий на то, что у нас принято называть «сталинским ампиром».

Зато – великолепный выход на набережную Гаваны, открытая терраса и там, в простенках высоких окон, отражающих синеву неба, удобные мягкие диваны здешнего бара. И пальмы, слабо качаясь в вышине, – будто снова и снова подзывают официанта, с новым дайкири. И он – официант – спешит, разумеется. И приятный холод разливается по телу от большого глотка, и становится зябко, а внизу – и в это невозможно поверить – раскаленная обжигающая Гавана, и, тяжело ворочаясь в этом жарком мареве, вздыхает уставший океан.

– Бесконечная тема. Были ли в руководстве СССР агенты влияния? И если да – то кто персонально. Андропов, к примеру? О нем в этой связи говорят больше всего, не замечали? Так вот, я убежден – не был. Хотя проблема и даже некоторая предпосылка для такого суждения была. Помните, во времена СССР был известный анекдот: «Кто самый лучший йог в СССР?

– Фельдман.

– Почему???

– Потому что он прожил 75 лет, затаив дыхание». То же самое я могу сказать про Андропова. История его происхождения, а вернее – история еврейских корней по линии матери, изрядно определила его характер и психику. И деформировала их. Неординарный, умный человек, всю жизнь он прожил с серьезным моральным изъяном, постоянным страхом разоблачения. Учтите при этом, что в молодые годы он был свидетелем борьбы с космополитизмом. Кстати говоря, в ту пору его чуть не посадили по соответствующему доносу. Широко известен факт о том, как, уже будучи председателем КГБ СССР, Андропов встречался с доносчиком – бывшим секретарем Калининградского обкома КПСС. Никто, однако, никогда не вспоминает о сути того доноса – а он был именно о том, что Андропов скрыл свое происхождение. Можно ли считать этот факт – основой для работы вербовщиков? Безусловно. Имел ли место факт вербовки? Убежден, что нет. Происходило другое, возможно – более страшное. Он знал, что тайна его происхождения известна руководству страны, и Брежневу – лично, тем более – в период «развитого антисемитизма» – и в силу этого порой вынужден был быть более жестоким, чем того требовала ситуация. Потому что знал, что в любой момент ему могли намекнуть на некую объяснимую лояльность. Потому – не было никакой необходимости превращать его в агента влияния. В силу раздвоенности личности – он был и так ослаблен, подвержен влияниям, и – следовательно – вреден для спецслужб. Увы.

Горбачев? Фигура загадочная. Был момент, когда он исчез из поля зрения нашей резидентуры, находясь за границей. Был ли он впрямую завербован? Не думаю.

Яковлев? Допускаю вполне. Человек, у которого все сошлось – тяжелая юность, страшное детство, быстрый взлет и продвижение к высшим иерархическим ценностям Советского Союза, желание добиться еще большего в этой иерархии. Кстати, и технически условия его вербовки сложились блестяще – он оказался послом в одной из самых удобных стран – в Канаде. Не думаю, что он давал подписки – да мы, собственно, и говорили о разных подходах к вербовке агента, – но все

говорит о том, что он находился в прямом контакте с лицами, которые определяли судьбы мира.

– А Бурбулис?

– Это новая поросль. Уже не агенты. Мальчики из папки. Подобранные, призванные, приласканные... Это были уже никакие не агенты – подопытные кролики. Их находили, приглашали, привечали – вплоть до того, что одедали.... Забавные, скажу я вам, складывались метаморфозы, хотя и мелкие, до обидного. Вот выезжает какой-нибудь толковый парнишка учиться или стажироваться, словом – осваивать скромный грант малоизвестной неправительственной организации или университета, в университетских кругах – мягко говоря – не очень признанного, а возвращается... Ничего вроде бы не изменилось. Но что-то в глазах – потом понимаешь, не в глазах – на шее. Галстук. Дорогой. Или ботинки. Ну, что-то из категории *Valu*. Но он уже знает, что это дорого и это есть некий символ – как значок на лацкане, университетском пиджаке. И он уже понимает, что его выбрали, причислили, пока не задорого, за галстук, но если постараться... Ему уже объяснили перспективы. И он готов. Полагает, что ставленник – один из ставленников, которым – вот, не сегодня-завтра, доверят новую страну. И не ведает, глупыш, что на самом деле всего лишь кролик. Или мышонок. Готовый в нужный момент, если подойдут биометрические параметры, послужить человечеству. Вернее – некоторой его части. Они и расписаны были соответственно, похоже на лабораторные описания...

– А зачем им понадобились эти лабораторные мальчики, если были серьезные люди, официально завербованные, – как было принято у нас, или, следуя американской традиции, просто взятые под крыло. Единомышленники. У власти. У денег. У истоков принятия решений.

– Ну, было же ясно, что времена меняются. И даже Яковлев – что бы там ни говорили про него и как бы долго он ни просуществовал политически... И физически, кстати – тоже... Уйдет. А главное – уйдет система. Партийных резервов и рекомендаций. И все придет к общепринятому знаменателю. Им, кстати, близкому и понятному.

– Выборы?

– Что, простите?

– Вы имеете в виду выборы?

– Вы это всерьез?

– Отчасти.

– Да? А я полагал – красивого словца ради.

– Вовсе нет. Прошлый раз мы говорили о мальчиках, на которых надели дорогие галстуки, разве не из них позже стали формировать парламент? И парламенты?

– И много вы видели в первых российских парламентах дорогих галстуков?

Мы смеемся вместе. Долго. Потому – надо полагать, – что картинка перед глазами у каждого примерно одна.

– Нет, в числе подопытных были, конечно, и парламентарии. Были же варианты – двинуть дальше, в губернаторы, министры... Но речь не о них и принцип изменился отнюдь не в связи с тем, что выборы стали демократической панацеей.

– А что же?

– А капитализм. Проклятый. Настал ведь – и с этим надо было уже считаться всем. А в нем – отвратительном и мерзком – все начинается с чего? Простите уж за школярский вопрос, учились вы, судя по всему, хорошо – потому ответить не составит труда.

– С прибавочной стоимости.

– Учились хорошо, но сути проблемы не уловили.

– С первоначального накопления капитала.

– Умница.

– Полагаю, истории про то, что на этом непростом и довольно жестоком поприще побеждают сильные, обветренные мужчины, оставим Джеку Лондону. А по нему первичный накопитель, как правило, суров, жесток, порой – кровожаден, но всегда – самодостаточен. Он всегда Сам. Именно так – с большой буквы. Сам добывает свое золото, сам уничтожает конкурентов, сам рискует, сам страдает, сам богатеет потом и сам – в счастливом финале – избирает себе наследника.

– А это не так?

– Отчего же? В период первичного накопления капитала – зачастую именно так. Но смею напомнить, что этот период закончился уже очень давно. С той поры в мире сложились разные – по величине и степени влияния – группы людей, которые просто не могут допустить этого самого первобытного первичного накопителя – уж тем более целую популяцию накопителей – к дележу пирогов, которыми – смею заметить – питается большое количество людей. Едва ли не к тем семи хлебам, которые бескровно и справедливо мог разделить только один человек. Прочие – не обучены.

– Но все сейчас кричат именно о том, что Россия переживает период накопления первичного капитала...

– И правильно кричат. Но это – некоторым образом – уже не совсем российский капитал. То есть, юридически – хотя кому-то бы очень хотелось пересмотреть и эту позицию – однако ж, увы – юридически, безусловно, российский. Поэтому допустить к его первоначальному, а стало быть, с

неизбежностью потом – и вторичному накоплению какого-то случайного никто не пожелает. И не допустит.

– То есть толпа мальчиков в красных пиджаках и штанах от Версаче, заработавшая, «поднявшая» – если говорить их языком, первые миллионы на торговле «желтым железом» и шоколадками «Сникерс» – целенаправленно отобрана неким мировым правительством...

– Шутить изволите?

– Скорее уж – возмущаться.

– Логике старика, помешавшегося на своих конспирологических кроссвордах.

– Крайностях, в которые впадает этот кроссвордист.

– Крайности, девочка моя, запомните это на будущее – пригодится, – лучший способ определиться с серединой. Взвесить, выверить, гармонизировать, разглядеть – если угодно.

– Лицом к лицу...

– Ну, желаете почитать стихи, я не против.

– Не желаю. Итак, мальчики в красных пиджаках...

– Бросились за своей долей. Неважно чего. Желтого – как вы говорите – железа. Или «Сникерсов». Или стратегических бомбардировщиков, которые благополучно перековали на антипригарные сковородки. Оно – хаотичное, броуновское движение, и было первоначальным накоплением капитала. Процесс – однако – с неизбежностью двигался дальше. Происходила структуризация пиджаков – в первую очередь градационная, отраслевая, региональная... ну и далее – везде... Как говорили во времена моей молодости в московских пригородных электричках. Однако ж «везде» – и тогда в жаркой вагонной тесноте понятием было отнесенным. Везде-то везде, но до конечной, которая была и началом и концом одновременно. Диалектика-с. Заканчивалось железнодорожное движение, но начиналось какое-то иное, новое – то ли пешее, то ли – автобусное, то ли человек сразу оказывался у двери родного дома. Сиречь – предела компетенции.

– Хорошая у вас аллегория вышла, ностальгическая советская, я даже запах вспомнила тех пригородных московских электричек, особенно зимних, когда тянуло почему-то откуда-то угольком, хотя понятно было, что не было уже никакого угля.

– Был. По всей стране тянулись угольные составы, и возле железных дорог – это уж непременно – пахло мазутом и углем. Но это – уж точно – устойчивое советское воспоминание. А нашим ребятам в пиджаках предстояло построение совсем иного толка. Впрочем, «на первый-второй рассчитайсь» – это ведь тоже вполне советское. Вот и их предстояло не-

которым образом рассчитывать на первых-вторых. Третьих, четвертых, запасных. С тем, что в ближайшее – или отдаленное – время эти люди сформируют передовой отряд национальной элиты, часть которой – собственно – примет на себя управление государством. И все. И никаких агентов влияния. Эра благополучно завершена.

– Олигархия?

– В России отчего-то тяготеют именно к этому термину, хотя в данном контексте он небезупречен. И даже весьма уязвим.

– Да бог бы с ним, с термином. Я – про другое. Разве мировые элиты формируются не тем же селекционным способом, и так же – нужные кому-то персоналии изначально получают определенные бонусы, с тем чтобы потом отработать в нужном направлении.

– Безусловно. Система подготовки, образования мировых правящих элит, а главное – их сплочения и обучения сосуществованию, подчиненному не миру, как учили нас в СССР, а его величеству прагматизму, сложилась в середине позапрошлого века и благополучно существует по сей день.

Возьмите один лишь пример – Итон. Фабрика клубных пиджаков? Дудки!!! Холодный застенок, колония для малолетних преступников. Бесконечная муштра и палочная дисциплина. Настоящая порка – по крайней мере, раньше. Сейчас, говорят, как-то обходятся без нее. Даже странно. Холодная вода в умывальниках. Грубая, скудная пища. Жесткие матрасы и тонкие, колючие одеяла. Учеба до помутнения рассудка – математика и латынь, логика, риторика, древнейшая история...

Но едва ли не самое главное – культ физической силы, здорового тела. Спорт, спорт, спорт – возведенный в ранг религии. «Победа при Ватерлоо ковалась на спортивных площадках Итона» – это, кажется, Веллингтон. Впрочем, мне по душе пришла другая цитата. Джонатан Эткин, оставший военный министр и экс-депутат Британского парламента, уличенный в финансовых махинациях, отправляясь за решетку, философски заметил: «После Итона тюрьма не пугает». Готов подписаться под каждым словом. Причем, если потребуется, собственной кровью. Никак не иначе. Надо ли говорить, что дружба, родившаяся в таких условиях, неизменно становится настоящей. Верной. И долгой. Как правило – на всю жизнь.

Впрочем, сюда ведь идут главным образом, чтобы потом дружить. Ради этого стоило потерпеть. В Итоне учились едва ли не все бывшие короли Великобритании и ее премьеры, за исключением, разумеется, дочери бакалейщика – железной леди туманного Альбиона. А кто знает – сколько будущих? И не только Великобритании. Об этом помнят постоянно.

- Наши тоже.
- Наши – в большей степени. И правильно делают. Но раз уж мы заговорили о Британии, вам ведь известна, безусловно, главная тайна британского газона.
- Кажется, он растет триста лет.
- То же самое можно смело отнести к системе сосуществования мировых элит. Ей триста лет. И даже больше. Потому ни о каком справедливом – ну, или хотя бы относительно справедливом встраивании мальчиков в красных пиджаках в ряды мальчиков в клубных пиджаках не могло быть и речи. Вожди племени мумбу-юмбу не избираются на заседании клуба джентльменов из числа самих джентльменов. Их приводят к власти, изучив предварительно множество аспектов – от строения черепа и сексуальных предпочтений до склонности к издоимству и позднему энурезу. Однако ж все это – сущие пустяки. Вождь может до глубокой старости писаться в постель и даже – по случаю – предаться каннибализму, главное...
- Он должен был быть наш сукин сын.
- Верно. Он должен служить нам, изображая при этом что угодно – от демократии до глубокого тоталитаризма, замешанного на крови христианских младенцев. Мы станем его осуждать, попросим Папу – предать анафеме, мы призовем мировое сообщество к бойкоту, но ни один волосок при этом не упадет с его кудрявой головы. И ни одно из трех десятков покушений – понятное дело – не увенчается успехом. И это называется...
- Политикой двойных стандартов.
- Два балла по логике международных отношений. Имя этому явлению – геополитические интересы. Все остальное, вместе со всеми стандартами, может благополучно идти в задницу. Ту самую черную задницу каннибала, страдающего энурезом. Простите, что-то я разговорился, вернее, разболтался.
- Но наши?
- Что наши? Страдают ли энурезом? Не знаю, судя по некоторым медицинским и психологическим характеристикам, полагаю, что да. Но какое это имеет значение? Они будущие вожди племени мумбу-юмбу, определенные солидарным решением неких джентльменов.
- Их привели к власти?
- Потом. Пытались. И даже – кое-где преуспели. Но начали-то мы, если помните, совершенно с другой позиции. И если вы про нее забыли – двойка вам уже по диалектическому материализму, согласно классикам которого в основе любой надстроечной – в том числе и властной структуры – лежит...

– Базис.

– Ладно, тройка. Или даже четверка – если правильно сформулируете, что есть базис.

– Финансовая основа.

– Финансовые состояния, порождающие финансовые возможности, которые в свою очередь – и особенно в России! – порождают все иные, в том числе и политические возможности. Иными словами, избранным мальчикам из племени мумбу-юмбу надо было помочь разбогатеть. Благо возможности в России образца начала 90-х были безграничны. Так разбогатеть, чтобы уже никакие торговцы «сникерсами» и «желтым железом» и самые безоглядные расхитители государственного бюджета уже никогда не смогли сравняться. А значит – догнать. А значит – помешать, спутать планы. Но если вы сейчас спросите меня: какие планы – я сочту, что последний дайкири оказался откровенно лишним.

– Не спрошу.

– Замечательно. Тогда я, пожалуй, приглашу бармена?

1993 ГОД
ВАШИНГТОН

Клуб «Марс» располагался на углу авеню Массачусетс и Флорида. Направляясь туда, Стив подумал, что большая некогда резиденция Самнера Уэллса, лишенная нескольких гектаров земли, великолепного разбитого сада, конюшен – и прочего, что делало усадьбу усадьбой, кажется весьма сиротливой и неуместной здесь, в самом центре города – по сути своей и велемию времени отвергающего усадьбы. Теперь здесь был клуб, и Стивен еще раз подумал о бывшем государственном секретаре США – Самнере Уэллсе. Вряд ли тот стал бы возражать против клуба, respectable, известного и довольно закрытого.

Однако то обстоятельство, что членами клуба последние десятилетия были в основном представители весьма своеобразной столичной интеллигенции – известные медийные персоны, университетская профессура, научные консультанты правительства, аналитики и прочие странные типы вроде него, Стивена, отнюдь не порадовало бы Самнера Уэллса. Отчего-то – возможно, где-то в глубине подсознания у Стива и хранились партройка весьма характерных примеров, а быть может, и прямых высказываний госсекретаря Уэллса по поводу рафинированной высоколобой публики – но за ненадобностью эти знания были задвинуты в самый дальний, темный и пыльный угол. Словом, он не помнил ничего такого. Но отчего-то полагал, что Уэллсу здешняя публика не пришлась бы по вкусу. Вдобавок кормили в клубе плохо, впрочем, для Вашингтона это была не такая уж редкость. Зато – пафос. И – все понятно без слов, даже без первых слов, которыми собеседник все же вынужден будет очертить круг беседы.

Зачем, собственно, позвал? Короткое: «Стив, дружище, не откажешь же ты старому приятелю в скромной просьбе разделить его холостяцкий ланч» – не говорило ни о чем, а вернее очень даже ясно и подробно говорило Стиву о двух возможных обстоятельствах. Марвину Расселу – как это принято говорить, «известному политическому обозревателю», разумеется, уже было известно о том, что Стив, вероятнее всего, обоснуется под крылом Дона Сазерленда. И это было самым очевидным обстоятельством и главной причиной приглашения. Но не единственной.

Это назначение было предсказуемо, объяснимо и не настолько в конце концов интересно, чтобы звезда политической журналистики – а Марвин был, вне всякого сомнения, звезда – стал приглашать Стива в «Марс». Возможно – попить кофе где-нибудь на бегу. Не более. Стивена это не задевало нисколько, ибо было логично и абсолютно укладывалось в образ Марвина, который однажды Стив набросал в собственном сознании для соб-

ственного же пользования (а там – как пригодится) , дополнил позже некоторыми яркими характерными или – напротив – внезапными деталями, чтобы в случае чего и их иметь в виду.

Это была еще одна полезная привычка Стивена, один из тех кирпичиков, из которых позже сложилась цитадель его профессионального величия. Он замечал людей, порой случайно, порой целенаправленно выбирая в толпе окружающих персонажей, и – не слишком обременяя себя целенаправленной работой в этом направлении – штришками, от случая к случаю, мысленно – создавал не портрет даже, а некий трехмерный макет героя, с тем чтобы потом присоединить его к своей справочной системе. Где каждый персонаж, как кукла в невидимом театре, воссозданная до мельчайших деталей, висел до поры на крючке. Пора наступала – если кукле следовало начать действовать в одном из планов, разработанных Стивом, или – напротив – кукла вдруг начинала действовать сама, и тогда возникала нужда препарировать ее со всей тщательностью, дабы понять – почему, как и что из этих действий может в итоге выйти.

В этой кладовке Марвин висел на крючке давно и, откровенно говоря, мало занимал Стива, потому что был в высшей степени типичен, похож – как две капли воды – на десяток-другой таких же медийных персон, из числа «золотых перьев» и «лиц каналов». В душе Стивен не любил журналистов, и эта нелюбовь проистекала отнюдь не из вечного стремления тех проникнуть в тайны, вокруг которых вечно вертелся Стив.

Дело было в другом: Стив терпеть не мог прислугу, которая таковой себя признавать не хотела. Уборщиц, которые изображали из себя архитекторов, наводящих последний лоск на поверхность творения и – по отношению к проходящим мимо – вели себя соответственно. Поваров, полагающих, что им лучше знать, чего сегодня желает желудок Стива. Журналисты – в его разумении – были из той же категории. Прислуга, нанятая для того, чтобы рассказывать байки. Как, кому, в каком ключе – вариантов не счесть, но все строго оговорены контрактом. Однако – как никто другой из прочей «прислуги по сути», независимо от того, как называлась деятельность и сколь престижной она считалась – пресса с констатацией очевидного мириться не желала. Психологической защитой – и более ничем – Стив объяснял совершенно идиотскую сентенцию о четвертой власти. И обычное хамство, амигошонство, снобизм, и поверхностное всезнайство, и петушиные наряды и демонстрация независимости, и даже злость, и злобность, и зависть – все, все проистекало оттуда, из комплекса амбициозного лакея.

С медийными звездами все было проще, потому что – совсем уж на виду. Похлопывания по плечам, пинки под ребра – президента и вице, многозначительное: вчера, когда я обедал с Биллом... он сказал мне:

ты сможешь, только ты, тебе верят... теперь я не оставляю его (какую-то бяку) в покое (и это значит, что жизнь бяки закончилась)... Лакеи-фантазеры, воображающие себя членами клуба джентльменов, обидчивые лакеи – потому что сознание собственного лакейства еще не вытеснено окончательно в глубины подсознания, трусливые лакеи, потому что работодатель в любую минуту – иногда оговоренную контрактом, а порой – сложившуюся вне всяческих правовых полей, может дать увесистого пинка под зад. А продаться за те же пряники – не всегда просто. И от страха – на все готовые лакеи. То есть – в крайнем случае, даже почистить ботинки хозяину. Желательно – непублично. Но там уж как придется. Словом, Стив не любил журналистов.

И Марвин Рассел не был исключением. Возвращаясь к возможным вопросам, ради которых звезда, плавно скатившись со своих надменных медийных небес, снизошла до ланча с обычным политическим аналитиком, да еще в клубе «Марс», Стив определился. Либо Марвина Рассела интересовал будущий состав комитета принципалов. Притом, разумеется, не просто имена, они уже – секрет Полишинеля. Но – мотивации, интриги, договоренности, уступки, сдержки и противовесы. Словом, весь обычный политический тюнинг.

Либо Рассел решил заняться взрывом в Колорадо. Стивен помнил – Марвин уже писал о National Nanoscience Center, притом – едва ли не одним из первых. Теперь им могло двигать обычное первородное тщеславие – я породил, мне ли не рассказать о смерти. Или...

Третий вариант поначалу казался Стивену маловероятным, зато – случись все именно так – интрига могла закрутиться в тугую спираль легкого политического кризиса.

Не громкого – о котором немедленно раструбят первые полосы газет. Легкого и почти невесомого, бесшумного, известного – единицам, возможно лишь тем, кто сошелся в схватке, изящной, интеллектуальной, но от этого ничуть не менее смертельной. Это был любимый жанр Стива. Что-то изысканное и волнующе опасное от восточных единоборств. Слабый физически, сублильный Стив никогда не мечтал о татами, но это – некоторым образом – было оно. Вероятно даже, речь шла о более совершенном и жестоком боевом искусстве. Именно боевом. Судя по вчерашнему разговору, тема трагедии в Nanoscience и – главное – сами нанотехнологии как таковые, не укладываются в канву интересов основных фигурантов, и потому будут замалчиваться.

Однако ж – и Стиву ли было об этом не знать – если кто-то на Капитолийском, да и любом другом холме – если рассматривать холм как обитель некоторой власти, заинтересован помолчать, всегда найдется антагонист,

который уже в силу этого захочет поговорить. Притом, разумеется, на ту же самую тему. Иными словами, Марвину Расселу предложили поднять шум вокруг трагедии в Колорадо. Но кто и зачем? Этого – навскидку – не мог сказать даже Стивен. Впрочем – только навскидку, как выяснилось. Только навскидку.

Потому что через полтора часа – когда отвратительный ланч, главным провалом которого стал пережаренный кусок говядины знаменитого здешнего йоркширского пудинга, укутанный в кокон совершенно непропеченного теста, подходил к концу – он уже знал это имя. Имя человека, ради малейшей прихоти которого медийные звезды и даже целые планеты, не чета Марвину Расселу, плотным послушным стадом скатывались с небес и мчались туда, куда указывал пастух. И громко блеяли, если он того хотел. И молчали, когда отточенные ножи пастушьих подручных ловко вспарывали их натруженные глотки.

– Энтони Паттерсон?

– Ты гений, мой мальчик...

Марвин Рассел сиял. Бокал с драгоценным Petrus был водружен на стол с такой восторженной энергией, что тонкая ножка бокала едва не надломилась. Но и без этого рубиновая жидкость, возмущенно взметнувшись, выплеснулась на белую скатерть. Стив прикусил губу, чтобы не рассмеяться. Это было еще одно из давно подмеченных свойств Марвина, любой успех он всегда немедленно записывал на свой счет. Невозможная загадка, разгаданная Стивом за непропеченным пудингом, восхитила его, будто это он сам только что назвал имя, которое, направляясь на встречу, даже не рассматривал Стив.

– И его интересует причина?

– Совершенно не интересует, если все обстоит так, как говоришь ты. Свихнувшийся в подземелье гений и все такое прочее. Господи правый... В каком опасном мире мы живем, лаборантка, страдающая от ПМС, может ненароком отправить вселенную в тартарары... Слушай, неплохо, а? Это надо будет куда-то вплести. Собственно – в любую техногенную катастрофу. Да? Лаборантка, страдающая от ПМС...

– Все обстоит именно так. Я не о лаборантке – о взрыве в Колорадо.

– Значит, полагаю, ему будет достаточно получить информацию об этом еще из пары-тройки таких же надежных источников. И успокоиться. Сохранив, разумеется – а он, поверь мне, никогда ни о ком не забывает – глубокую признательность каждому, кто вовремя снабдил его достоверной информацией.

– Приятно слышать. Но я бы предпочел благодарности – обмен.

– Парень, мы говорим об Энтони Паттерсоне.

- Но ведь это он пожелал, чтобы ты допросил меня сегодня. С пристрастием.
- Скажем так, он поинтересовался, нет ли у меня на примете надежного и толкового парня в новой команде демократов...
- Пусть так. Но из этого следует, что у него была иная версия...
- Вероятно, была. Но что ты сейчас можешь предложить ему взамен?
- Возможно, что-то еще...
- Ты сукин сын, Стиви... Ты только что заверил меня, что в этом чертовом Колорадо взорвался какой-то псих, нажавший не на ту кнопку.
- Так и есть... Но – вдумайся, Марвин, – отправляясь на встречу с тобой, мог ли я знать, что сегодняшней наш паршивый пудинг оплатит не кто иной, как Энтони Паттерсон?
- Полагаю – нет. Нет. Не мог. Уверен, что не мог.
- Выходит, эта мысль пришла ко мне здесь и сейчас, в процессе того, как мы с тобой обсудили кое-что...
- Я понял, понял. Хочешь сказать, что если у тебя появится вдруг возможность вот так накоротке обсудить кое-что с Энтони Паттерсоном, твой паранормальный мозг родит что-то еще?
- Тебя собираются увольнять, Марвин?
- С чего ты взял, болван? Я – лучший. Мне нет замены.
- Ну, слава богу. Я счастлив. Честное слово – совершенно искренне счастлив.
- Засунь свое счастье в собственную задницу. Почему ты сказал эту мерзость сейчас? С чего в твоих чертовых гениальных мозгах родилась эта идиотская мысль?
- Все просто. Ты вдруг научился понимать быстро и излагать кратко. А раньше не умел.
- Скотина. Как ты понимаешь, с большей вероятностью я мог бы гарантировать тебе встречу с Господом Богом, притом прямо сейчас. О президенте мы даже не станем говорить – полагаю, ты видишь его раз пять на дню. Стив промолчал – Клинтон он видел раза два. На ходу, в плотном кольце сотрудников администрации, через головы охраны и плечо Дона Сазерленда, в темном коридоре возле ситуационной комнаты.
- Но я попытаюсь.
- Стив и не сомневался. Он попытается. И попытка будет удачной. Дело было теперь за Доном Сазерлендом, а вернее – кем-то над ним, уполномоченным дать согласие на этот разговор. Но Стив уже был уверен, что все сложится. Он еще не успел проанализировать истоки этой уверенности. Просто – она была. Возможно, интуитивной. С интуицией у Стива были странные отношения – с одной стороны, он никогда не склонен был на нее полагаться, с другой – не сомневался в наличии, и признавал, что иногда интуитивное приходит раньше рассудочного. И не ошибается, притом.

Движение... Кажется, это было безумно давно. В прошлом веке – уж точно. И отнюдь не в строгом календарном смысле. В прошлой жизни – было бы точнее, хотя, если вдуматься, каких-то 15 лет назад. Недавно мне попало на глаза серьезное исследование, что-то на тему «лингвистические характеристики новой русской буржуазии». Стало даже интересно: чего уж мы такого наговорили на чью-то диссертацию. Прочла. Тихо выпала в осадок.

«Основа современного российского бизнеса – «движение». Это особый процесс, так сказать, осмысленная тусовка, на которой можно о чем-то договориться, чуть-чуть потереть, оценить пассажиров. Движение может происходить где угодно: в клубе, в ресторане. Но это не всегда конкретное скопище людей в теме. Например, фраза «пошло движение по «Силовым машинам» означает, что бизнесом этой корпорации начинают интересоваться или вокруг нее что-то вертится, происходит. Движение отслеживают все, потому что тот, кто вовремя подсуетился, может получить «воздух» (прибыль), а те, кто прошляпил, рискует «попасть». Движение во многом зависело от государства: чиновников, силовых структур, разного рода лоббистов».

Немедленно рисовалось что-то масонское. Организованное и законспирированное. Тайное. Могущественное. Смеюсь от души. Но в какой-то момент понимаю – в сущности, так и было. Просто никто этого не понимал и – понятное дело – не формулировал. Внешне и по форме – движение было веселым, необременительным занятием, отдыхом, развлечением, переходящим зачастую в обычный русский загул. Кто и когда первым назвал процесс «движением», я сейчас сказать не берусь. В том же лингвистическом исследовании историческую периодизацию новой русской буржуазии связали с терминологией. С тем, к примеру, как в разные времена люди в России, занятые первичным накоплением капитала, определяли свое занятие. Вначале – утверждали исследователи – была «тема». Бизнес появлялся совершенно на пустом месте – вокруг не было ничего. И это начало было благоприятным. Для всех рискнувших. 700% прибыли считались нормальным показателем. И в принципе, можно было браться абсолютно за все и делать деньги.

Тогда и появилась «тема» – как определение любого дела, способного принести хорошую прибыль. Вокруг «тем» – собственно – и сложилось движение. Впрочем, таковым было содержание. Вероятно, до сих пор

не вполне осознанное самими участниками. Форма была обыденной до банальности.

Некоторое количество – от десяти до пятнадцати, иногда – больше, молодых московских предпринимателей в пятницу вечером ехали ужинать. Вернее, впрочем, будет сказать – начинали ужинать. Как правило, в ресторане «Токио» – одном из первых японских в Москве. Рассказывали, будто его открыл настоящий японец, долгое время живший в Союзе по причине собственного членства в рядах коммунистической партии Японии. Партии закончились, изрядно обрусевший японский коммунист трансформировался в удачливого московского ресторатора.

Японская пунктуальность и педантичность, доходящая до занудства, сослужила ему и ресторану добрую службу – в «Токио» всегда все было по-честному, безупречно по-японски: свежую рыбу, парное мраморное мясо, приправы, рис и водоросли для суши по воздуху доставляли из Японии, японские повара- «тэпан-яки» и основательно обученные ими русские подмастерья готовили, как полагалось, прямо перед клиентами на раскаленных металлических плитах. И даже официантки, одетые в непривычные тогда еще кимоно, были азиатками. Это был тоже довольно талантливый ход коммунистического японца – девушек выписывали из Бурятии или Калмыкии, разумеется, обучали самым строгим и правильным образом. Но все равно выходило дешево и – что называется – сердито, к тому же не возникало языковых проблем. И абсолютно вписывалось в стиль заведения.

И только метр в «Токио» был подчеркнуто европейским, вероятно породистым московским евреем, похожим, однако, одновременно и на французского аристократа, и на итальянского, и на испанского... И не на аристократа даже – потомственного дворецкого, в десятом колене живущего бок о бок с наследственной знатью, потому не только впитавшего политес на генетическом уровне, но и унаследовавшего фамильное хозяйское сходство. Новеньким – тем, кто только приближался к движению, но пока еще не был вполне своим, старшие товарищи настоятельно рекомендовали оставлять метру как минимум сотню долларов на чай. Дабы запомнил и – хотя бы мысленно, для начала – причислил к клану. Был здесь, разумеется, и более прагматичный смысл – свободных столиков, не говоря уж о кабинетах, вечером в пятницу в «Токио» было не сыскать.

Итак, пятничные движения начинались, как правило, в «Токио». Случались, впрочем, русские пятницы – тогда ехали в Камергерский, в подвальчик, где подавали знаменитый на все движение борщ с пампушками. Или – грузинские – в «Пиросмани». Выбор был невелик, ибо движение было уже довольно разборчиво в еде и питье.

За ужином – разумеется – «терли», говорили о делах и в этом смысле правы были исследователи лингвистических особенностей новой русской буржуазии – это было продолжение бизнес-процессов, однако скорее – бессознательное, нежели организованное и ожидаемое. Впрочем, надо признать, кое-кто уже тогда ехал не ужинать, а «тереть», и уезжал, «перетерев», а движение продолжалось.

Ехали – уже просто пить – в Ильинское, в закрытый крохотный микродиновский клуб. Ехали – в «Дары моря», ночной клуб на Тверской, прозванный так за соседство с известным рыбным магазином. Ехали – в «Феллини» к Лисовскому на Олимпийский проспект. Продолжая – самые стойкие – ехали в любопытное заведение, известное под номером «5005». И никакой нумерологии. Никакого креатива. И никакого пети-листермана – уж точно. Номер «5005» был номером пейджера менеджера заведения, взятого учредителями с должности главного администратора солидного мюзик-холла.

Те недавние времена, если уж говорить о символах, можно было бы назвать и «эпохой пейджеров», ибо маленькие примитивные коммуникаторы, работавшие – в сущности – по принципу «барышня, Смольный» (и можно только предполагать, чего могли наслушаться за смену многострадальные пейджинговые барышни) – были тогда много большим, чем просто техническим средством или предтечей мобильного телефона. Знаменитым «ударом ниже пейджера» – фразой, рожденной тогдашним президентским помощником профессором Лифшицем – они навсегда остались фразеологическим штампом времени. Но главное заключалось не в этом. На некоторое время пейджеры, а вернее, их номера, заменили имена собственные. Не стану утверждать, что повсюду, но в движении – совершенно точно. Никто не подписывал сообщения именами, фамилиями, прозвищами и даже инициалами – только цифры. Номер пейджера. «Вы где? Я уже в Дарах моря. 5555. 3119 тоже здесь». Вдобавок ко всему – пейджеры очень скоро стали любимой шпионской игрушкой, а шпионские игрушки – «прослушки», «наружки» и прочие «ушки» – были вообще общей слабостью и страстью движения. А вернее – игрой больших мальчиков, обожавших в детстве фильмы про шпионов. Устанавливали, к примеру, видеокамеры где-то на заднем бампере автомобиля, с тем чтобы можно было наблюдать, кто едет сзади. И не только наблюдать, но и долго рассматривать потом пленку – а все, разумеется, писалось – и анализировать, и выискивать в потоке машин – «хвосты» и «наружки». Я помню даже одного уважаемого, вполне взрослого человека, велевшего установить на своей машине какие-то хитрые резервуары с масляной жидкостью – на случай погони. Легким движением руки,

а вернее, потайного тумблера масло выплескивалось на дорогу – прямо под колеса преследователей. Когда я заметила этому милому и умному человеку, что, кажется, видела этот трюк в какой-то шпионской комедии, году в 70-м, он радостно закивал головой: так ведь именно оттуда... С пейджерами все оказалось еще более просто. Но занятно.

Очень скоро все уже знали, что существует некая простенькая хакерская программка, позволяющая проникать в базу любых пейджинговых компаний. Дальше все было совсем уж просто – в каждой службе безопасности установили компьютеры, снабженные этой программкой, и задали параметры поиска – номера интересующих абонентов. И все. Сообщения, поступающие на его пейджер, дублировались в режиме *on line*. Специально обученные люди потом распечатывали интересующие тексты – вечером шефу доставляли пухлый конверт – любопытное, страниц на пятьдесят чтиво на ночь. Вместо детектива.

«5005» был маленьким частным публичным домом, для очень узкого круга людей. Собственно, потенциальные клиенты создали и содержали его для себя, для «угощения» нужных, для того хотя бы, чтобы при случае прихвастнуть перед менее смекалистыми приятелями. Идея нескольких заметных участников движения была проста и гениальна, как впрочем, многое, что они делали в пору своего стремительного взлета. В самом центре столицы, в районе Камергерского переулка было выкуплено несколько больших и грязных коммунальных квартир, занимающих два этажа. Добротный ремонт, на который не пожалели ни денег, ни талантливых дизайнерских рук, преобразил прокопченные «вороньи слободки» в подобие уютного и почти семейного отеля с баром, небольшим рестораном, с отменной – тем не менее – кухней и несколькими уютными, со вкусом декорированными номерами.

Однако главным достижением заведения было изобретение (или повторение где-то уже опробованного?) вахтового метода работы персонала. Благодаря чему клиенты были гарантированы от любых притязаний, нежелательных встреч, и даже от того, чтобы случайно выяснить во фривольной беседе с приятелем, что недавняя подружка была общей. Делалось это просто.

В больших и малых провинциальных городах России специально обученные люди – «менеджеры по работе с персоналом» отбирали для работы в заведении юных женщин. Это ни в коем случае не были местные проститутки и даже особы, известные легкостью нравов, исключительно благополучные девочки из хороших семей, студентки, сотрудницы приличных фирм, примерные юные жены и молодые матери семейств. Далее все происходило чинно, пристойно и в определенном смысле по-

рядочно. По крайней мере, кандидаткам откровенно объясняли характер и особенности их будущей работы, сумму гонорара и характер санкций, в случае нарушения договоренностей.

Главное было в том, что предлагаемая работа была временной – на период отпуска, каникул, поездки в Москву за покупками, сдачи экзаменов в вуз, аспирантуру – вариантов было множество, а срок контракта ограничивался двумя-тремя неделями. Надо сказать, что процент отказов был крайне невелик.

Большинство милых провинциальных барышень и юных дам с удовольствием проводили несколько недель в столице, благополучно возвращаясь в родные пенаты с деньгами, заработать которые в любом другом месте было бы просто нереально. Само собой разумеется, что большинство путешественниц и отпускниц не склонны были распространяться о подробностях короткой отлучки. Потому информация о заведении практически никогда не выплескивалась публично. И просуществовало оно довольно долго. Пока не сменились ориентиры. Но это произошло некоторое время спустя.

Пока же – в начале 90-х свободная разгульная жизнь была едва ли не обязательным условием принадлежности к клану новых. Тогда еще только строителей, творцов грядущей жизни. Будущих хозяев. Обязательной составляющей образа начинающего капиталиста. Начинали на ровном месте, или – хуже того – карабкались из глубокой ямы дремучего невежества. Еще не обтесались «по Европам», не разглядели как следует вблизи настоящих, потомственных акул. Не распознали, как те режутся в бескрайних океанских просторах, чем тешат свирепые души. Потому – оглядывались назад. Вспоминали – благо память была свежа, да и пресса, охваченная разоблачительной лихорадкой, не скупилась на подробности «сладкой жизни» предшественников.

Государственная дача за зеленым забором, гаишник, отдающий честь вслед машине, несущейся по Рублево-Успенскому шоссе. Баня с бассейном, много виски и обнаженной женской натуры. Предел мечтаний, символы успеха. Калька тайных утех свергнутой партийной элиты. Резвились, по крупицам множа собственные символы. Ранние – часы Rolex, костюмы от Версаче, черный глянец шестисотых мерседесов вместо черного же глянца «ГАЗ-31». Номера, однако, те же. Предпочтительнее прочих – магическое «МОС». Резвясь, впрочем, решали дела. Делили страну, потрошили закрома Родины, прикупали усидевших чиновников, назначали новых, заключали коалиции, подписывали конвенции, карали нарушителей. Как полагается – «после непродолжительной гражданской панихиды». Классиков, впрочем, в новом прочте-

нии трактовали буквально. Хоронили тогда часто. Однако не грустили. С утра отпевали очередного нарушителя конвенции, в обед «поднимали десятку грина», вечером садились ужинать в узком кругу и за ужином продолжали делить страну, назначать чиновников...

И – собственно – это было движение. Кстати, о чиновниках. Смешное лингвистическое исследование, утверждавшее, что «Движение во многом зависело от государства: чиновников, силовых структур, разного рода лоббистов», зафиксировало ситуацию, но основательно ее переврало. То есть, перевернуло с ног на голову. В короткую, но безусловно яркую эпоху движения все обстояло с точностью до наоборот. Чиновников-силовиков, сотрудников правительства, администрации президента – иногда «брали с собой». Именно – брали с собой. Как берут – подкормить и приодеть – бедных родственников или старых друзей, не вписавшихся в жизненную колею. Те – в свою очередь – совершенно как бедные родственники и поотставшие друзья – почитали за честь оказаться в компании. Ибо – в сущности – и были тогда бедными родственниками. Вернее – просто бедными. Сейчас в это трудно было поверить, но было так. Иногда – дабы решить вопрос, достаточно было просто «пообедать» нужного человека во власти. Свозить семью на отдых в Турцию или Израиль. Преподнести дешевенький – тысяч за десять долларов – Rolex. И все.

На самом деле все это легко объяснимо. Хотя костюмы от Brioni на нынешних государевых людях и легкая уверенная небрежность, с которой они заказывают Chateau Petrus урожая 1966 года в парижском La Grande Cascade, почти лишают возможности в это поверить. Был короткий период, в сущности – исторический миг, смены караула. Межсезонье чиновных привилегий – когда, как в любом межсезонье, все неясно, смутно и меняется стремительно и радикально.

Еще существовало классическое, кремлевское, дармовое – государственные дачи и служебные квартиры в цеховских домах, бесплатные поликлиники с лучшими врачами и оборудованием и прочим, что сложилось едва ли не в двадцатых, оттачивалось в тридцатые, а в застойные семидесятые возведено было в абсолют, как едва ли не сакральное право члена правящей касты. Но государева «халява» стремительно теряла привлекательность, потому что купить – причем совершенно свободно – можно было уж много больше и лучше. И система материальных ценностей на какое-то – правда, непродолжительное – время обрела едва ли не абсолютно правильную форму, а вернее – структуру. Деньги стремительно приобретали большую ценность, нежели должность и место во властной иерархии. Новые обитатели политического

Олимпа еще не вполне ориентировались в способах получения дополнительных заработков. И были – повторюсь – бедны. Банально и скучно бедны. И уже изрядно тяготились этим. И готовы были продаваться. И пока – незадорого. Движение разбирало их, как детей из сиротского приюта, это было пока еще не столько необходимостью, сколько модой. Правда, полезной. Каждый непременно имел на содержании пару-тройку чиновников федерального уровня. Выбирали, руководствуясь разными параметрами. Порой – тем самым дачным соседством, о котором уже говорилось выше. Порой – случайно, оказавшись рядом на каком-то застолье. Порой – целенаправленно, если этого требовала «тема». Процессы прикармливания и, соответственно, обретения новых «тем» складывались спонтанно. По крайней мере, тогда – в начале 90-х, большинство полагало именно так.

1993 ГОД
О. МАВРИКИЙ

– Простите меня, мистер Гарднер, но через несколько минут мы будем заходить на посадку. Хотите кофе? – темнокожий стюард слегка дотронулся до плеча Стива.

– Я уже не сплю. Кофе не надо.

Стив рывком поднялся со своей импровизированной – но удивительно, как выяснилось, удобной постели – раскладного кресла в салоне «business-jet Citation X».

За десять, без малого, часов полета выспался он отлично. Пушистый легкий плед полетел на пол. Стив хрустко потянулся и, плюхнувшись в другое кресло, рывком отодвинул шторку иллюминатора. Маленький салон самолета немедленно затопило яркое солнечное сияние. На секунду Стив зажмурился, а когда глаза вновь обрели способность видеть, он завороченно приник к иллюминатору, наслаждаясь открывшейся картиной.

Свод небес и бескрайняя гладь океана внизу казались единым, волшебным пространством. Золотисто-голубым и абсолютно прозрачным. Если бы серебристое крыло маленького «business-jet Citation X» не заглядывало в иллюминатор, ирреальное ощущение одиночного парения было бы полным.

Самолет между тем снижался, заходя на посадку. Волшебное ощущение пропало. Стив различил внизу легкую рябь на глади бирюзовых вод и крохотный остров в бескрайнем просторе. На следующем витке стали заметны еще несколько клочков суши, ослепительно белых в лучах горячего африканского солнца. Дальше наблюдать за снижением он уже не стал. Это было не интересно. Лайнер стремительно преодолел широкую ленту раскаленного асфальта и замер возле стеклянного здания аэропорта.

– Порт-Луи, мистер Гарднер. За бортом – плюс тридцать семь по Цельсию, влажность...

– Впечатляет...

– Да, сэр... Здесь всегда так. Автомобиль мистера Паттерсона у трапа. Автомобиль у трапа.

Личный «business-jet Citation X», который глянцево-журналисты называют обычно летающим «Феррари» за скорость, но более – за цену, доставивший его из Вашингтона. Стив усмехнулся. Даже он – тогда, за столиком «Марса», после мерзкого пудинга, которым его накормили, – кстати, пудинг, видимо, следовало числить в одном ряду с самолетом и авто-

мобилем у трапа, потому что все это изобилие сыпалось из одного и того же рога – так вот, даже он, будучи – в принципе – абсолютно уверенным, что встреча сложится, не мог предположить, что она сложится именно так. С личным самолетом и личным автомобилем у трапа. От Энтони Паттерсона.

Можно было бы сказать, что Энтони Паттерсон был одним из столпов нефтяного бизнеса США, можно было бы назвать его легендарным магнатом и одним из самых влиятельных республиканцев, возможно – и самым влиятельным, потому что в свои трудные минуты старик Буш летал к старику Паттерсону, в какой бы точке планеты тот ни закидывал свои удочки, а не наоборот. Кстати, с удочками тот, похоже, не расставался ни на минуту, будто бы именно рыбалка составляла смысл его жизни, а все остальное было мелкими делишками, досадными – к тому же, – потому что отвлекали от основного. По крайней мере, всем своим образом жизни Энтони Паттерсон демонстрировал миру именно это. И все это, в сущности, было бы справедливо – но не отражало картину полностью.

Любитель отточенной словесности, Стив предпочел отбросить все термины и то множество определений, которыми можно было предварять имя Энтони Паттерсона. Кроме одного. Легенда. Но – действующая легенда. Про Энтони Паттерсона и вправду слагали легенды.

Говорили, к примеру, что однажды – рассказывая кому-то из журналистов о себе, он заметил: в моих венах вместо крови течет нефть. Притом с рождения. Фраза пошла гулять по свету и через пару лет внезапно всплыла в очередной серии бондианы. Там – про нефть вместо крови – говорила уже сексапильная восточная красавица, наследница нефтяной империи, которую у нее, разумеется, отняли ненасытные до черного золота британцы. Руками Бонда. Джеймса Бонда, как полагается.

И будто бы, узнав об этом, Энтони Паттерсон рассмеялся: «Их счастье, что мои слова вложили в такой хорошенький ротик. Будь иначе – у стаи моих адвокатов прибавилось бы работы, а у бюджета Eon Productions – ощутимых проблем». Впрочем, это была одна из самых безобидных легенд об Энтони Паттерсоне.

Словом, если бы Стив не был абсолютно уверен в том, что никакого «мирового правительства» в том виде, как его рисуют любители конспирологии, не существует, он был бы столь же абсолютно убежден, что кабинет возглавляет Энтони Паттерсон.

– ...Дорада, черт, меня побери! Но какая огромная дорада!

Энтони Паттерсон рискованно перегнулся через борт яхты, любуясь необычным зрелищем. Два темнокожих матроса налегли на лебедку, за-

- крепленную на корме. Через пару минут все было кончено. Рыба была жива и билась в конвульсиях. Но волшебное сияние погасло, стремительно растаяв в пучине. Дорада неожиданно оказалась ярко-желтой.
- Фантасмагория! Чудо. Настоящее чудо. Господа или природы – не суть. Это ли не счастье – хотя бы раз в жизни увидеть такое, – смуглое лицо Энтони Паттерсона действительно выражало радостное изумление человека, наблюдавшего нечто уникальное.
 - Все же вы удивительный человек, мистер Тони!
 - Чем же я так удивил тебя, малыш?
 - Такой восторг из-за какой-то рыбины.
 - Ах, вот ты о чем! Послушай, если ты на самом деле так думаешь, а не становишься в позу, – а с чего бы, собственно говоря, вам сейчас становиться в позу? – то мне тебя жаль. Ты совсем не умеешь радоваться жизни!
 - Просто меня радуют совсем другие вещи.
 - Меня – можешь себя представить – тоже. Но должно радовать все, что радостно, в принципе. Понимаешь, о чем я?
 - Думаю, что да.
 - Понимаешь. Ты вообще понимаешь много больше, чем прочие. Потому ты здесь.
 - Я понимаю и это, сэр.
 - Ладно, давай поговорим о твоих радостях.
 - Не могу сказать, что катастрофа в Колорадо так уж меня обрадовала, сэр.
 - Ну, не сама катастрофа, а тот змеиный клубок, который немедленно зашевелился вокруг. Впрочем, я полагал, что он – этот чертов клубок – зашевелился сначала, а уж потом рвануло в Колорадо. То есть именно потому и рвануло, что так захотел клубок. Но ты, малыш, сумел меня переубедить.
 - Благодарю, сэр. Вы что-то говорили о моей радости.
 - Ага! Значит – некоторой радости от этого взрыва ты ожидаешь?
 - Скорее от вас, сэр.
 - Хочешь знать, почему я решил, что это дурацкое подземелье взорвали намеренно?
 - Да, сэр. И кому, по-вашему, это могло быть на руку?
 - Психам.
 - Простите, сэр?
 - В большой политике у каждой уважающей себя команды всегда есть «вариант психа». На случай, когда другие варианты исчерпаны или категорически не годятся. Суть варианта, кстати, не так давно сформулировал человек, которого звали Геббельс. И кажется даже, доктор Геббельс.

- Чем хуже, тем лучше.
- Именно так, мой мальчик.
- Когда ситуация выходит из-под контроля, ее надо довести до абсурда. И ситуация перестанет быть. Как таковая. Потому что станет бредовой, психической, как минимум – опасной. Как максимум – угрожающей катастрофой. Все. Тема закрыта. Проще всего это проделывают психи. Те, которые необходимы любому политику на случай того самого, второго варианта. Для того, чтобы поджечь Рейхстаг или перерезать горло Марату.
- И вы полагали, что доктор Клагетт...
- Да. Именно такой псих, задействованный в нужную минуту.
- Но – кем? Иными словами, для кого, по-вашему, настало время варианта номер два. Логично предположить, что для вас.
- Для неоконцов? Безусловно. Но и для вас – тоже. Ты ведь знаешь, малыш, нанотехнологии сейчас не нужны никому. Ни вам, ни нам. Потому что наши тexasские ребята, по фамилии Буш, все еще бредят маленькой победоносной войной, а старая грымза, твоя нынешняя начальница и ее приятель-поляк не успокоятся, пока не доберутся до Кремля. И не проскачат по Красной площади на белых конях.
- Я знаю.
- И не только знаешь, но и пишешь об этом. Толково пишешь, должен отметить, малыш.
- Пишу, между прочим, для Дона Сазерленда, одного из руководителей Администрации президента США, под грифом «строго конфиденциально», причем – если говорить об этой записке – то написана она пару дней назад. Но вы цитируете ее, будто зачитанный том старой книги из своей библиотеки, – парировал Стив. Разумеется, мысленно.
- Вслух заметил только:
- И тем не менее, лабораторию в Колорадо никто не взрывал.
- И тем не менее, это ничего не меняет. Время психов все равно на подходе, и это совсем не радует меня, поверь, малыш. Единственное – все начнется не так скоро, как могло, если бы этот ученый псих не оказался случайным психом. В остальном же ситуация будет развиваться неизменно. Вы сейчас ползете в Россию, со всей нашей обычной наглостью, и вполне вероятно, добьетесь своего – посадите нужных людей в нужные кресла и станете дергать за ниточки. И возомните, что на самом деле управляете русскими. И ваша толстая Мадлен, может быть, даже испытает оргазм – если она вообще способна на такое, – как если бы ее толстая задница и впрямь затряслась в седле на булыжниках Красной площади. Но все это будут иллюзии.
- Но почему, сэр?

– Потому что Россия, сынок. Я называю ее местом, где ломаются самые совершенные аппараты. И рассыпаются самые хитроумные разговоры. Они другие. И когда мы лезем к ним с нашими стандартами, мерками и линейками – не выходит ничего хорошего. Или выходит – но очень ненадолго, потому что все наши механизмы – я, как ты понимаешь, имею в виду не только и не столько машины – они благополучно выводят из строя.

– Намеренно?

– Да черт их знает, я никогда не понимал русских. Вполне допускаю, нет, не намеренно. Но обязательно. В этом, кстати, главное различие в отношении к России между нами и вами.

– В чем именно, сэр?

– Вы все время пытаетесь перекроить их по придуманному вами образу и подобию, с тем чтобы потом – я уже говорил – просто дергать за ниточки. Мы исходим из того, что они такие, как есть – вечные противники. И на этом фундаменте строим свою с ними политику.

– Но согласитесь, что распад СССР и формирование новых властных элит, притом лояльных нам в высшей степени, – факт бесспорный.

– Бесспорный. Но не бессрочный, сынок. Поверь мне, эта ваша новая русская машинка поработает, поработает, да и сломается. И тогда – что? Вариант номер два. Психи.

– В каком формате?

– Ну, это детали – твой хлеб, сынок. Я мастер крупных мазков. Кровь, разумеется, я же говорил о том, что вариант два всегда требует немного крови. Переворот, возможно. Русские что-то последнее время любят перевороты...

– Ну, а вы?

– Что мы – сынок?

– В чем заключается ваш вариант номер два?

– В войне, разумеется. Ребята Буши не довоевали на Ближнем Востоке. Саддам не то, чтобы надавал нам по заднице, но плюнул в рожу. А это еще обиднее. Потому будем бодаться до тех пор, пока не заполучим его башку. Как в Средние века, на золотом блюде.

– И значит, у вас не будет психов?

– Ты слишком умен, малыш. Но даже это не заставит меня ответить, потому что наш «вариант два» может оказаться во сто крат страшнее кремлевской стряпни от Мадлен.

– Не понимаю, о чем вы, но искренне хочу надеяться, что до этого дело не дойдет, сэр.

– Твои бы слова – Богу в уши, малыш...

Похоже, это действительно было важно для Энтони Паттерсона. Он даже поднял прозрачный бокал на тонкой ножке, потянулся навстречу Стиву. Они чокнулись. Молча, будто пили за что-то важное, без слов понятное только им обоим.

1993 ГОД

МОСКВА, ИЛЬИНСКОЕ

Ресторан в Ильинском был и клубным, и дачным одновременно. Бывшая столовая на территории цековского дачного поселка, приведенная в божеский вид – с неким даже намеком на европейское изящество. Кормили вкусно. Но главное – здесь не было посторонних, на территорию поселка, как и прежде – в строгие советские времена – пускали исключительно по пропускам, у членов ресторанный клуба – пропуска были. Можно было, разумеется, привести с собой гостей, но – что называется – под собственную же ответственность. Здесь редко бывалолюдно, разве что в выходные, когда по дороге из города на дачу или просто пешком из дачного дома – приходили пообедать или поужинать с семьями.

Сегодня была среда. День еще только катился к вечеру, смеркалось, и в этом сумеречном полумраке казалось, на открытой летней площадке ресторана – пусто. Только казалось. За дальним столиком, почти скрывающимся в зелени пышных кустарников, обрамлявших площадку, расположились двое мужчин. Они появились одновременно, но порознь.

Один – невысокий, седой, с простецким лицом – директора затрапезного колхоза или небольшого заводика где-нибудь в Урюпинске, подкатил ко входу на служебной Audi 8, государственный номер которой начинался двумя нулями и был обрамлен вдобавок государственным триколором. Посвященному взгляду эти мелкие детали говорили о том, что перекусить пожаловал не какой-то случайный чиновник, а федеральный российский министр – предметно и персонально.

Второй – появился на тенистой аллее, ведущей к ресторану, пешком. Одет был небрежно, по-дачному – в джинсах, светлой рубашке с расстегнутым воротом и в легком трикотажном пуловере, наброшенном на плечи. На босых ногах – легкие мокасины. Ясно было, что человек шел из дома, да – собственно, и здесь, в ресторане – чувствовал себя совершенно по-домашнему. Спросил чаю с лимоном, внимательно в упор разглядывал собеседника, подперев кулаком острый подбородок, – такая была у него любимая поза. Так слушал и смотрел.

Собеседник – впрочем – не смущался нисколько, заказанный ужин уплетал с аппетитом, пропустив уже – между делом – несколько рюмок водки. Жевал, временами причмокивал, кряхтел, опрокинув рюмку, – но говорил. Ибо затем и приехал, а вернее – был зван сегодня. Рассказывать. – Вот что меня искренне удивляет, Саша... Ну, был бы чекист. Ну, гебье – оно и в Африке гебье. У них – инстинкт, бульдожий: сжал челюсти – на

до не надо, уже не отпустит. Но этот – мент. Опер. И – туда же. Короче. Совецание закрытое для сотрудников и слушателей академии безопасности. Выступал минут сорок. Я так понимаю, Саша – репетировал. Потому как – для таких откровений аудитория явно не та.

– А какая – та?

– А не знаю. Может, Верховный совет, может, съезд. Может – госсовет. Или Совбез.

– Ну, и зачем ему какие-то репетиции? Первый год замужем?

– Не знаю. Допускаю – сознательную утечку. Бросил камень, посмотри теперь, как пойдут круги по воде.

– Ладно, это выясним. Что говорил?

– Коротко. Пять разломов. Пять точек, ну, вернее, проблем, которые могут погубить Россию, если не предпринять следующих мер.

– Вот так, значит. Глобально. Ну, давай по порядку. С первой по пятую.

– Даю. Первое – развал структур бывшего КГБ СССР...

– Ну, это уже слышали не раз. Понятно – мужик бьется за бюджет. Штаты, оборудование, обучение, привлечение. Мне мой начальник службы безопасности ту же песню поет каждый божий день.

– Нет, погоди, тут не все так просто. Он не о деньгах и не о штатах. Во-первых, вывод погранвойск, в результате чего утрачена связь между первым эшелонам защиты и центральным звеном. Во-вторых, вывод ФАПСИ...

– Ну, понятное дело – уходит вся прослушка. Обидно.

– В-третьих – вывод следственного управления.

– Ну, это тоже понятно. За следствие бьются все: и ГБ, и прокуратура, и ты...

– У меня нет следствия.

– Знамо дело. А хотелось бы. Возбудил бы сейчас против меня пару-тройку дел, и говорили бы мы с тобой, Валентин Алексеевич, совсем по-другому. Правда ведь? То есть, это ты со мной говорил бы совсем по-другому. Ладно. Шучу. Это ваше ведомственное, ничего принципиально важного для себя я пока не слышу.

– В четвертых, хаотичное формирование новых спецслужб, наделенных правом ведения оперативно-розыскной деятельности. Ну, сам понимаешь – наружное наблюдение, «прослушки»...

– Ну, это еще более понятно. Конкуренция.

– Конкуренция конкуренцией, Саша, но по мне, не есть хорошо, когда одна спецслужба России бежит за другой.

– Это ты про ребят Коржакова, которые тебя пасут?

– Это я вообще.

– Ладно. Это все пять?

– Нет. Это пока только про развал КГБ.

- Понял. Проехали. Дальше.
- Развал оборонки, который программируется на законодательном уровне. Правительством, и даже президентом подписываются распоряжения и указы...
- Понял. Можешь не продолжать. Примеры приводил?
- Зачел несколько. Из целого списка, как я понял.
- Нужен весь список.
- Ну, попробую.
- Дальше.
- Отрыв сырьевых ресурсов от производственных, перерабатывающих комплексов. В качестве примера привел вывод и уничтожение предприятий химической промышленности, связанных с азотными удобрениями, что приведет к тому, что уже через пару лет у нас возникнет кризис...
- Хм, это большой привет господину Авену.
- Ну, этого я не знаю, это уже ваши проблемы – кому какой привет. Четвертое. Работа с политическими партиями и движениями – в том смысле, что сегодня с ними активно работают западные представители.
- Это работа называется раздачей денег. Раздавайте вы – будет ваша работа.
- Идеология. И особенно – пресса.
- Ну, это уже не со мной. Я газет не читаю, телевизор не смотрю, сижу вот, починаю примус...
- Тебе что, неинтересно, Саша?
- Почему неинтересно, очень даже интересно. Только поздно уже, а вставать завтра ни свет ни заря – такая у нас, у бизнесменов, нынче служба, не то что ваше чиновное сладкое житье.
- Да какое – поздно, Саша, десятый час?!
- Не сердись, Алексеевич, у меня еще пара терок в окрестностях. А ты – не спеши. Ты ужинай. Сегодня десерт говорят – сумасшедший.
- Да иди ты со своим десертом. Я сладкого не ем. Я в бильярд хотел партийку сгонять.
- И сгоняй. Хоть партийку, хоть две. Я сейчас тебе Соню пришло, помнишь, девочка такая с кошачьей походкой, она теперь здесь, в баре. И по совместительству в бильярдной. В качестве спарринг-партнера.
- Баба? В бильярд?
- Эта баба в бильярд обставила здесь уже столько народу, что я подумал – не определить ли ставки? Поверь на слово, Валя – что она творит с кием.
- А с хуем? – бутылка «Столового вина № 21» – водки, которую всем прочим предпочитал Валя, была уже почти пуста. И это сказывалось. По

лицу собеседника пробежала едва заметная гримаса, но реплику он парировал непринужденно.

– И с этим... тоже... проблем не возникнет.

Через полчаса тот же самый человек в мокасынах на босу ногу прогуливался здесь же, в Ильинском, вдоль берега реки с другим – по виду – таким же, как и сам, дачником. И только одна деталь диссонировала с этой почти пасторальной идиллией теплого летнего вечера. На узкой дороге, ведущей из Петрово-Дальнего на Рублево-Успенское шоссе, замерли, выстроившись гуськом, три машины – два лимузина BMW, один из которых вдобавок был бронирован, и массивный джип сопровождения. Крепкие молодые люди в темных костюмах, светлых рубашках, туго схваченных у ворота строгими галстуками, как на плацу выстроившись вдоль обочины, напряженно наблюдали за гуляющими вдоль реки дачниками.

Очевидно было, что сюда, к месту встречи, тот, что пил чай в ресторане, добирался уже не пешком, и собеседник – хотя, судя по всему, и жил поблизости – подъехал со всей дежурной свитой. И трудно было понять, действительно ли это продиктовано соображениями безопасности, либо налицо обычный выпендрез одного участника движения перед другом. Да и неважно.

– Значит, Баранников, все же полез...

– Полезет. всерьез рассматривать совещание какой-то там академии я бы не стал.

– Какая разница. Донес же твой Валька тебе через пару часов. Думаешь, за стенкой еще не знают?

– Знают, конечно. Но это и хорошо отчасти. Коржакова эти речи о множественности спецслужб... и об их незаконных полномочиях...

– То есть, о его незаконных полномочиях...

– Ну, разумеется... Так вот, Василича такие речи сильно опечалят. Да и времена теперь такие – Баранников не в фаворе. Заигрывает с Хасом, с Руцким. Словом, Деду особо и рассказывать ничего не придется.

– А кстати, есть что и рассказать. Мои люди в Швейцарии засекли недавно жен – Баранникова и Дунаева. За шопингом.

– Который сам же, поди, и оплатил.

– Без комментариев. Но есть счета из отелей и бутиков... Словом, тема...

– Ну, так и разыгрывай тему. Самое время. Я тоже кое-с кем проконсультируюсь по поводу генерала. Могут возникнуть неожиданные варианты, потому что беспокоить он начинает не только Василича с его прослушкой. И не только нас с нашими темами. Раздражаются люди куда более серьезные. Но – извини – старик, большего я тебе сейчас сказать не могу.

– Да мне и недосуг слушать. Мне, между прочим, еще эту пьяную скотину выдвораить домой. Он ведь может легко задряхнуть посреди зала. И обрыгать ковер.

– Ты бы, кстати, изобразил при клубе комнату отдыха, что ли. На такие вот случаи.

– Ну уж нет. Сам знаешь, чем это кончится.

– Вернее, что начнется.

– Вот-вот. А у меня теща наладилась завтракать там по воскресеньям, с утра пораньше. А тут комната отдыха – понимаешь...

Они рассмеялись, представив возможные коллизии, и двинулись к дороге. Люди на мосту стремительно занимали места в машинах.

Через несколько минут одна из них – тот самый бронированный BMW – мягко притормозила у входа в ресторан. Лампы внутри были пригашены, в холле царил глубокий полумрак. Казалось – никого. Но он был убежден в обратном – и не ошибся. Метрдотель, словно материализовавшийся дух заведения, возник из полумрака

– Доброй ночи, Александр Геннадьевич.

– Привет. Что гость?

– Отдыхают.

– И где же, на этот раз?

– В бильярдной.

Стараясь не шуметь, он направился в сторону бильярдной, и только тогда многоопытный метр решил уточнить:

– С Софьей.

– Это как же? – искренне удивился человек в мокасинах. – Там же вроде даже дивана нет, одни кресла. На полу, что ли?

– На столе... Извините.

Он аккуратно приоткрыл дверь бильярдной.

Все было так – на зеленом сукне отчетливо белел министерский зад, поверх которого небрежно переброшена стройная женская нога.

– Сукно же... – брошено было с досадой, вперемешку с брезгливым раздражением – Вот сволочь похотливая.

Последнее прозвучало уже безо всякого зла.

– Будите аккуратно. В машину. И восвояси.

– Все сделаем, не беспокойтесь. Ждали только команды.

– Ну, вперед. Спокойной ночи.

Ночь, между тем, уже шла на убыль. Короткая летняя ночь. В вышине темные силуэты сосен отчетливо проступали на синем фоне светлеющего неба.

– Сегодня мы обедаем в Ambos Mundos – говорит он.

И ни толики вопросительной интонации. Императивно. Но я и не спору. Такси – весьма пожилой, при том проживший отнюдь не смиренную британскую жизнь белый «Додж» образца 1953-го, разумеется, кабриолет, с красным кожаным салоном – верх автомобильного пижонства по-гавански – недолго петляет узкими улочками.

Ambos Mundos – отель, построенный, очевидно, в 50-е, а может, и раньше – но это не важно, потому что всем своим видом он говорит о том, что это колониальный отель. С маленькими узорными балкончиками, высокие, узкие окна которых скрываются за плотными жалюзи черного – или просто потемневшего от времени дерева.

– Он довольно долго жил здесь, в номере на шестом этаже, и даже – как говорят – именно там написал своего «Старика...» Туда мы заглянем непременно, но позже.

И я очень быстро понимаю – почему. Потому что потом, сколько бы он ни писал в номере, ближе к ночи зыбкий лифт, ржаво поскрипывая, доставлял его на крышу, и там, на террасе открытого ресторана, окутанной горячим дыханием окрестных крыш, остывающих в короткой ночной прохладе, он завершал день, отдавая предпочтение Dry Martini ...

Здесь мало что изменилось с тех пор. То же раскаленное дыхание окрестных крыш, с которым упрямо борется свежий ветер, налетающий с просторов Атлантики. И теснота. И полумрак. И шумные компании за соседними столиками, с аппетитом улетающие жареную свинину с острым соусом-похлебкой из черных бобов и рис с жареными бананами. Но мы – раз уж решили, идем по его следам и заказываем сухой «Мартини», разумеется, с огромными маслянистыми оливками и будто лаковыми черными маслинами. И продолжаем наш бесконечный разговор, который отчего-то непременно начинается вот так, поздними вечерами, в тех барах, где бывал и пивал здесь в Гаване большой, уставший человек, назвавший однажды собственное поколение потерянными.

– И стали мальчикам раздавать золото-серебро. Или нефть – ведерками. Или – резервуарами.

– Зря иронизируете. Брали сами. Все, что плохо лежало. А плохо лежало все. Но некоторые брали – весьма определенные вещи.

– По подсказке.

– Ну, вероятно, кто-то и подсказывал. Экономические советники уже входили в моду, мальчики из Гарварда и Йеля, оказавшиеся позже мел-

кими жуликами, консультировали не только Гайдара, но молодую капиталистическую поросль. Знаете ведь историю Шлейфера и Хэя?

– Что-то помнится смутно. Какой-то вроде скандал.

– Вроде. Профессор экономики из Гарварда и юрист из Джонатана в начале 90-х консультировали правительство Гайдара по вопросам приватизации. Работу финансировало Агентство международного развития США, выделившее для этого гранты в размере более 40 миллионов долларов на формирование цивилизованного фондового рынка и еще 130 миллионов долларов на финансирование связанных с этим программ. Кроме того, деньги поступали от TASIC (программа Евросоюза для технического сотрудничества и развития в странах Восточной Европы и СНГ), из Германии и Японии.

– И что – профессора все сперли?

– Ну, профессора или не профессора – вопрос открыт. Осудили пока профессоров, дома, в Америке, 34 миллиона долларов убытка, нанесенного США. Убыток, нанесенный России, понятное дело, никто не измерял. И речь не столько о прямом хищении, сколько об откровенно инсайдерских процессах. Здесь суммы, полагаю, могут всплыть на порядок больше.

– Но это обычное дело. Воры. Жулики. Вы же говорите о каком-то целевом распределении национального достояния. Нефти?

– Кого тогда, в начале 90-х, всерьез интересовала нефть, ценою по 6, кажется, долларов за баррель?

– Аналитиков в Госдепе, к примеру.

– Они, разумеется, прогнозировали. Но вот их потенциальные новые ставленники...

– Подопытные кролики?

– Да. Пребывающие к тому же еще в стадии экспериментальной – еще не известно было наверняка, на кого и в какой момент нужно будет делать ставку. И на каком поле играть. Так вот, экспериментальный молодняк так далеко не видел. И даже не пытался заглянуть.

– Тогда была тема.

– Простите?

– Тогда еще жили от «темь» к «теме».

– Верно. Так вот кое-кто вдруг выходил на тему весьма перспективную и долгосрочную.

– К примеру?

– То, что в СССР принято было называть «флагманами социалистической экономики», и первую очередь – оборонной промышленности, ВПК. Во-вторых, сырьевые добывающие отрасли. Не только углеводороды. Металлы, тот же никель. Главное не столько вывод из госсобст-

венности, сколько пагубная реструктуризация сбалансированных экономических систем. Отрыв добывающих отраслей от перерабатывающих комплексов. Помните, кстати, такую фамилию – Баранников?

– Он ведь возглавлял ФСБ, но как-то недолго. Потом поддержал Хасбулатовский мятеж и поплатился карьерой.

– И да и нет. Карьерой он поплатился отнюдь не за Хасбулатова. А именно за то, что озвучил эту проблему на съезде народных депутатов. Проблему целенаправленного демонтажа сложившихся экономических систем, таким образом, что отдельные фрагменты и целые отрасли попадают в руки коммерческих структур – на первый взгляд – совершенно не связанных. И это объявляется едва ли не победой рыночной идеологии над идеологией социалистического планирования. Вот она – вожделенная свободная конкуренция. Так вот, Баранников нащупал нити, эти независимые вроде бы структуры связующие, и пытался даже обнародовать кое-какие договоренности, позволяющие уже очень скоро обрести классических монополистов, диктующих условия не только рынку, но и государству в целом. Недослушали. Ельцин, говорят, разгневан был страшно, понятно, что костерок умело и целенаправленно разжигали и пламя поддерживали. Понятное дело, убрали его быстро и – должен признать, сработали сукины дети красиво.

Тогда же на съезде Баранников резко протестовал против выделения Погранслужбы из состава КГБ. Резоны были. Но речь сейчас не о них. По ней, по погранслужбе – ударили страшно и показательно. Дабы убедить Ельцина, да и всех сомневающихся – в том, что ни ФСБ, ни лично Баранников с ситуацией на границе не справляется.

Спустя несколько дней после выступления Баранникова на 12-ю погранзаставу Московского погранотряда на таджикско-афганской границе напали талибы. 250 человек против 45 пограничников. Демонстрация явная и очевидная. Наши, впрочем, продержались одиннадцать часов, и восемнадцать человек выжили. Но с погибшими обошлись поварварски, вернее, вполне по-талибански. Отрубленные головы, распоротые, выпотрошенные тела. Повторюсь – это была демонстрация. Но в тот момент афганцам она была совершенно не с руки.

– Если вы сейчас скажете, что это наши нарождающиеся олигархи в борьбе за сладкие куски государственного пирога – я все равно не поверю.

– И правильно сделаете. Куда им такое. Позже, кстати, мы выяснили – координировали действия отряда моджахедов из страны... Ну, скажем так, – имеющей возможность осуществлять координацию посредством космических технологий. А наши олигархеныччи... Некую роль они все же сыграли. Есть у меня сегодня вполне достоверная информация –

один министрик, к счастью, бывший и – что редкость – изрядно опозоренный перед отставкой, поспешил отчитаться перед кормильцем о докладе Баранникова, тот – поделился с друзьями, один из друзей – посоветовался с опекунами из Вашингтона. Он, разумеется, не хотел резни, и отрезанных голов, и – вообще – крови. Всего лишь не хотел терять лакомый кусок оборонки, который ему уже был обещан. А Баранников – напомним – предостерегал именно против этого. За что и поплатился. А ни за какого не за Хасбулатова. Отрезанные головы пограничников – неспособность организовать работу службы – посерьезнее будет.

– А Ельцин?

– Что Ельцин – был ли он в курсе этой схемы? Разумеется, нет.

– Почему же не доложили потом, когда все стало ясно? И про страну, которая осуществляла координацию посредством космической связи. И про олигарха-стукача. Пусть и невольного.

– Совершенно бесполезное занятие. Во-первых, Баранников изрядно портил картину Коржакову, который стремился к созданию собственной – самой мощной, информированной, наделенной небывалыми полномочиями спецслужбы в стране. И практически преуспел в этом деле. Во-вторых, рядом с Ельциным, в самом ближайшем кругу в тот момент находились люди, которых претензии Баранникова по реформированию экономики затрагивали лично и персонально. Потому как именно они и должны были распределить пирог именно так, чтобы не то, чтобы самые сладкие, но самые долгоиграющие куски достались отобранному, подходящим кроликам. Понимаете зачем?

– Чтобы дотянуть до нефти.

– Умница. Кролики мыслят поверхностно – это мы уже выяснили и доказали. Их интересует сиюминутная прибыль. Быстро. И много.

– И проесть.

– Ну, проесть, вложить в новую скорую тему – не суть. Главное – нефти они пока не замечают. Так вот, надо дать им возможность продержаться на плаву и заматереть до той поры, пока нефть не окажется актуальной. Потому Баранников со своими экономико-патриотическими идеями оказался очень даже не ко двору. И не ко времени. Ну, и третье, наконец, Ельцин был в тот момент занят – зрел конфликт с Верховным Советом. Потому – как это принято было раньше – все подчинено было задачам фронта и победы. Правда, что это была за победа, вернее, чья это была победа – тема особая. Сейчас не об этом.

– А Ельцин вообще?

– Что – вообще. Был ли агентом влияния или лабораторным мальчиком? Нет, разумеется, ни тем ни другим. Вам ли не знать. Он был их ко-

ролем, но – как водится в сказке – королем голым. Только – даже голый – он прекрасно подходил. Им подходил. А они – ему. Никто в целом мире не смог бы привести Ельцина к власти, возродив его из праха партийной опалы, кроме как радикальные демократы Межрегионалки.

– А они были – кто?

– Это сложно. Отчасти – те самые не завербованные официально агенты, о которых мы говорили вначале. Помните? Не агенты, единомышленники, действительно – единомышленники, откуда они берутся, единомышленники врагов, ну или противников – кстати, – мы непременно поговорим как-нибудь в другой раз, потому что это очень интересная и заслуживающая отдельного разговора тема.

Но в тот момент, критический – и с точки зрения экономики, и главное – идеологии, бездарно исковерканной тогдашней партийной номенклатурой, – никто кроме них не смог бы привести Ельцина власти. Не собрал бы и не вдохновил многотысячные митинги, не вооружил тезисами, не «влюбил» СМИ.

Впрочем, это была, безусловно, взаимная потребность. Ибо им необходима была фигура, фигуре – необходима была свита, которая – в конечном итоге – сделала из фигуры короля. Понимал ли это Ельцин? Безусловно. Потому так аккуратно, с исключительным аппаратным искусством отодвинул от реальной власти всех своих «творцов». От Яковлевых до Старовойтовой и Бурбулиса. Не говорю уже о Собчаке. Здесь надо отдать ему должное. Его звериному чутью и чувству момента. Он всегда, и совершенно точно притом, знал, когда нужно было ставить на либералов, а когда – наступало время Коржакова и товарищей.

Когда можно расслабиться и «забить» на все, когда необходимо собрать себя в кулак и явиться вдруг миру – который уже поставил на тебе крест – не дрожащей развалиной, а вполне дееспособным и властным политиком. Когда разбрасывать камни и когда собирать. Последнее, кстати, можно сказать и о роли, которую он сыграл в новейшей российской истории. Безусловно, позитивной вначале. Когда было время разбрасывать камни, а вернее, расчищать завалы, образовавшиеся поле крушения СССР. Которое, кстати, вопреки расхожему мнению, отнюдь не его рук дело. А вот завал, который образовался после, расчистить можно было только так. По-медвежьи. По-ельцински. Не обращая внимания на щепки, не беря в расчет тех, кого они – эти щепки – разили насмерть. Круша и ломая все на своем пути. Иначе – на мой взгляд – тот завал было не расчистить. Не разгрести. Не освободить площадку для будущих строителей. Проблемы начались потом.

И уверяю вас – это были вовсе не шасси американского самолета, на которые он якобы публично мочился, не немецкий оркестр и не крепкий сон в Шенноне. Все это в конце концов – давайте будем честны перед собою – не что иное, как особенности русского национального характера. И пусть в нас сейчас бросит камень тот из русских, а вернее российских, кто ни разу не засыпал «мордой в салате».

Непоследовательность – вот, на мой взгляд, первая и главная слабость Ельцина на посту главы государства. Когда поднятые в воздух самолеты с бомбовым грузом на борту вдруг получают приказ возвращаться обратно. И дела нет тому, кто отдал приказ, что сесть с этим бомбовым грузом бомбардировщики не могут, и – значит – бомбы надо где-то сбросить. Впрочем, это уже частности.

Когда сначала – под белые ручки ведут к власти воинственного психопата, потом долго разводят с ним политес, а потом развязывают беспрецедентную бойню. Когда сегодня мы – радикальные державники, а завтра – оголтелые либералы. Когда один и тот же персонаж, нисколько не меняясь и не скрывая ничего из собственной сущности, сегодня зван, обласкан и при высоких должностях, завтра – враг и изгой, а послезавтра – снова герой и друг. Потому, возможно, сегодня мне импонирует Путин. Он последователен, и – в этой последовательности – не подвержен ничьему влиянию. Впрочем, непоследовательность – штука, на мой взгляд, зачастую несамостоятельная.

Она есть следствие определенных влияний. А «влияния» – это еще одна политическая слабость Б.Н.

Проистекала она, на мой взгляд, из общего уклада его мировоззрения и мироощущения. А он, этот уклад, – произведен из традиций политбюро ЦК КПСС, когда политические возможности человека определяются не его способностями и даже не должностью, а близостью к телу. Между прочим, это довольно страшная традиция, потому что близким к телу может оказаться постельничий или парикмахер. А ни один механизм государственного регулирования не предусматривает регламент назначения и освобождения постельничего или парикмахера. Его, постельничего или парикмахера, невозможно легитимно отстранить от государственной власти, которую он – в принципе – осуществляет. И повлиять на него невозможно. И проконтролировать его нельзя. Кстати, в этой связи все разговоры о демократизме Б.Н. кажутся, мало говоря, неубедительными. И никакую не Демократию – именно так, с большой буквы – он отстаивал так яростно и безоглядно.

Собственную власть, а вернее, собственные позиции во власти, которые – это он понимал великолепно – могут быть сохранены только в

рамках того политического строя, который совершенно искренне строили первые его соратники. Потом пришло время собирать камни. Иными словами – строить. Этого он, как мне представляется, уже не мог. Началось то, что началось. Мавр, который сделал свое дело, должен был уйти, и он ушел.

– Но в «папке Мадден» он не числился?

– Отчего же – очень даже числился, там, в этой папке – разумеется, мы, сейчас говорим сугубо символически – много разных разделов и подразделов, а в них – агенты и единомышленники, кролики, которых – напомню – лабораторным образом готовят для выполнения определенных функций, и вот такие независимые вполне фигуры, как Ельцин, которыми – при определенном стечении обстоятельств – можно манипулировать. Не всегда успешно, потому что особенности русского менталитета вообще исключают использование строгой системы, мы в большинстве своем алогичны и импульсивны, потому плохо укладываемся в прокрустово ложе всяческих систем. То есть порой укладываемся, и даже очень хорошо поначалу, но потом начинаем вытворять такое, что никакая система просто предусмотреть не могла. И система дает сбой. Ельцин, кстати, не раз и не два – крушил эту самую систему, но системщики – на то они и системщики – изобретали способы защиты. По большей части – на основе человеческого фактора. Помните, что я говорил про особенное свойство российской власти – примат того, кто физически ближе к телу. Вот этот принцип и пользовали всюду. Ближе к телу оказывались – по большей части люди из папки, совсем неважно притом, из каких ее разделов. Главное – чтобы работала система манипуляции. И она работала.

2003 ГОД
МОСКВА

Некоторое время мы молчим. Она – вот никуда не денешься от старой польской закваски – как будто даже спокойна. Как будто не сообщила мне только что две вещи, после каждой из которых следует кричать: «SOS! Помогите! Милиция!» А в свете последней сентенции, касательно государственного переворота, – так и вовсе немедленно мчатся напротив – через площадь, в известное здание на Лубянке. Благо недалеко. И уже там кричать: «SOS! Помогите!» Но мы молчим. Потом молчать становится невмочь. – Ты уверена?

Идиотский вопрос. Но хоть что-то.

– Абсолютно. К тому же у меня есть документы. Здесь.

– Где здесь?

– В сумке, – она медленно тянет за ручку сумку, перекинутую через спинку кресла и, кажется, действительно всерьез собирается извлечь из нее документы, подтверждающие, что в стране готовится государственный переворот. Сюр. Сцена из скверного политического детектива перемещается с экрана, намереваясь немедленно воплотиться в реальную жизнь. Причем прямо здесь, в крохотном зале ресторанчика с подходящим – говорю же, мистика! – названием «Диссидент», выходящим – вдобавок ко всему – окнами и открытой террасой прямо на то самое здание на Лубянке, в которое – если все, что она говорит, – правда – следует немедленно перемещаться. Все это похоже на сон. Причем страшный и даже кошмарный, но почему-то пугаюсь я именно документов:

– Погоди. Это успеется. Давай лучше поговорим.

– Давай. Если ты не считаешь меня умалишенной.

– Не считаю. Но все... это... стало ведь ясно не вдруг. С чего-то же все началось?

– Лично со мной или вообще?

– А это как-то отличается?

– Отличается. Вообще – задолго до того, прежде чем я начала о чем-то догадываться. А уж когда начала догадываться и получила определенные подтверждения, тогда началось лично со мной.

– Ну, ладно, тогда давай – лично с тобой.

– Хорошо. Только сначала все равно немного придется про вообще. Я ведь не случайно спросила тебя – помнишь ли ты движение? И то, как оно зачало, зато образовалась «семибанкирщина» – как тогда говорили.

– Мне лично казалось, что некоторое время они существовали параллельно, потом – как обычно – выделилась группа лидеров, более удачли-

вых, рванула вперед. Оказалось, их семеро. Но и другие ведь не зачали, по крайней мере, не все.

– Не зачали и не все. И слава богу. Но вот лидеры... Почему, по-твоему, выделились именно они?

– Ну, никогда не задумывалась над этим всерьез. Повезло. Застолбили более правильные темы. Связи оказались помощнее. Ты же помнишь – у каждого были свои министры, вице-премьеры, прочие разные начальники, а Ельцин тогда часто тасовал колоду. Кто-то оказался наверху, кто-то выпал... Это тоже сыграло свою роль. Умнее в конце концов были, удачливее, не так расточительны и разгульны. Да мало ли.

– Все так. И немного не так. Сейчас долго объяснять, прочтешь в тех бумагах, что я привезла, – но я сегодня уверена, кое-кого из семерки просто вытащили за шиворот. Как котят из корзины. Тех, которые приглянулись.

– Кто?

– Я не знаю. Мощные политические и финансовые силы, разумеется, не в России. Думаю – по большей части в Америке.

– И зачем?

– Чтобы привести к власти в России, и потом – уже их руками – распорядиться тем, что их здесь интересует. Ну, нефтью, газом, наверное. Теперь – это ясно. И вообще – страной.

– Прямо мировое закулисье какое-то...

– Не веришь?

– Допускаю, что какие-то попытки влиять были, но чтобы в таком масштабе...

– Ладно, тогда давай обо мне, чтобы проще и понятней. И достоверней. Началось это в середине девяностых. Все было в порядке. Процветали, благоденствовали. Но – знаешь, как это бывает, незаметно, тихой сапой, просочилась в жизнь скука. Еще – не тоска. Однако из разных заслуживающих доверия источников – хороших романов, историй чужих трагедий и прочего – я точно знала: она не за горами. Потому что всегда приходит следом. Всюду вдвоем, неразлучные подружки – скука и тоска. Который уж век изводят людей. Пока же – безраздельно царила в душе скука. Так долго и неотвязно, что я даже вывела формулу: «Скука наваливается вовсе не тогда, когда нечем заняться, по-настоящему скучно – когда ничего не хочется». Мне тогда и правда ничего не хотелось. Совершенно – ничего. Даже ребенка, о котором когда-то мечтала, потому что слишком ясно поняла однажды: это будет ребенок Лемеха. И с первых дней, да что там дней – минут появления на свет воспитывать, кормить, одевать et cetera... его будут так, как сочтет целесообразным Лемех. И я ничего не смогу с этим поделать.

Более того – еще находясь в моей утробе – он станет собственностью Лемеха, как, собственно, и я сама. Так теперь складывалась жизнь. Хотя жаловаться на нее было глупо, да и некому – кроме ребенка, которого я теперь действительно не хотела, могла получить все, что вдруг, мельком пожелала. Лемех ведь не жаден, напротив – любит шикануть и потрясти окружающих безграничностью своих возможностей. Жена в этом смысле – хорошая витрина. Выход, как ни странно, подсказал Лемех, который однажды вдруг обратил внимание на мою апатию.

– Кислая ты, мать. Скучно живется, что ли?

– Скучно. – Знаешь, я почему-то всегда говорила ему правду, какой бы она ни была, может потому, что у нас в семье принято было так.

– А ты начни что-нибудь собирать. Затянет моментально. И хозяйству – опять же – польза.

– Что собирать?

– Ну, не знаю. Почтовые марки – это, пожалуй, не по тебе. Каких-нибудь бабочек. Или экзотические растения. В сущности, если вдуматься, все люди, по природе своей коллекционеры. Кто-то собирает и множит амурные связи. Кто-то – собственные благодеяния.

– А что собираешь ты?

– Я, матушка, принадлежу к одной из самых многочисленных популяций коллекционеров – я собираю деньги. Могла бы и догадаться. Чай, не дурочка.

– Так может и, мне...

– Что такое?

– Примкнуть к вашей популяции?

– Ничего не выйдет. Популяция объединяется на генетическом или физиологическом – уж не знаю, как правильно – уровне. Словом, мы с тобой разной крови. Понимаешь? Ничего у тебя на моем поприще не получится. И потом – зачем? Я в состоянии оплатить самую безумную твою блажь – собирай хоть Рембрандта. Или – ретромобили. Или – вот займись благотворительностью. Какими-нибудь бездомными, сиротами болезными... Говорят, теперь модно. И семье будет польза. Реноме.

– Сиротами?

– А еще лучше – возьми под опеку мои гимназии. Ты же знаешь – мы отбираем и учим талантливых детей по всей стране. Вот и займись. Дело благородное, опять же – семейное... Тебе и карты в руки...

Такой вот случился у нас нечаянный разговор. С него все и началось...

– Да, знаю я про ваши гимназии. Пресса столько трубила. «Будущее России», кажется?

– Именно так. Будущее. Словом, я решила попробовать свои силы. Проект уже тогда был гигантским, но меня это только радовало. И потом – понимаешь? – я в себе нисколько не сомневалась. И силы, и желание, и – видела же я, что за люди работают у Леонида на проекте – я, уж поверь, без ложной скромности – дала бы фору любому.

– Ни секунды не сомневаюсь.

– Вот и я не сомневалась. Там вкратце – чтобы не грузить тебя информацией – дела обстояли так. В двенадцати регионах России были созданы наши гимназии, входящие в единую образовательную систему «Будущее России» Как правило, гимназия строилась или реконструировалась на базе бывших пионерских лагерей, то есть – в некотором отдалении от города, на природе. Все радовались – воздух, свобода, и никаких тебе городских соблазнов, дворовых посиделок, пива и прочих тинейджерских радостей. Разумеется, дети учились и жили там же. Разумеется, условия были такие, что не снились лучшим школам тамошних городов, и даже самые обеспеченные – по местным меркам – семьи не могли позволить своим детям такой домашней жизни – с компьютерами, интернетом, спутниковым телевидением. Ну, про мебель, дизайн, еду, спортивные залы и бассейны, и даже конюшни с лошадьми кое-где, и крытые теннисные корты – можно не рассказывать. Все было по высшему классу. И преподавание, разумеется. А вернее – прежде всего.

– А кого брали в этот образовательный рай?

– Ты имеешь в виду детей или педагогов?

– И тех и других.

– Дети – прежде всего сотрудников корпорации, но – по рекомендации тамошних органов – как их... народного образования... – принимались одаренные дети из местных. И сироты. Особенно если отцы погибли в горячих точках. С преподавателями история была сложнее – в Москве сидел целый департамент, который занимался подбором достойных – от анкет до собеседования и тестов... В общем, система была отлажена, как часы. Как, впрочем, и всегда у Лемеха. И меня поначалу он видел некой свадебной генеральшей раз-два в год, прилетающей на белом вертолете и раздающей подарки. Но ты же знаешь, какая я зануда. Мне во всем – за что я берусь – надо проникнуть если не до самой сути, то хотя бы до некоторых основ.

Я помнила. Однажды много лет назад мы с Лизаветой решили сделать нехитрую косметическую процедуру – инъекцию botox. Безобидный, многократно опробованный препарат всего лишь слегка парализовал движение некоторых мышц лица, в результате чего извечная дамская проблема – мимические морщины просто переставали появляться. До

нас botox уколола если не половина Москвы, то две трети общих знакомых и приятельниц – совершенно точно. Длилась процедура около пятнадцати минут. Мы провели у врача четыре с половиной часа – все это время Лизавета задавала вопросы: от истории создания препарата до подробной статистики клинических испытаний, по годам, желательно – с графиком положительной (отрицательной) динамики. Да, она была такой. Во всем докапывалась до сути.

– И в чем же оказалась суть «Будущего России»?

– Прежде всего меня поразила эклектика, причем довольно странно скомпилированная эклектика – психологические разработки современной тоталитарной секты, минимализм английского скаутизма, идеологии преданности режиму, характерные для фашистской Германии, и реквизит сталинской эпохи. Это вкратце. Дети, прошедшие через наши гимназии, не умеют петь, сочинять стихи и играть в КВН, они должны быть однолинейны, запрограммированы на однозначные действия, как в армии, они носят значки с названием корпорации, молятся корпорации и, словно заведенные, повторяют слова основного лозунга, висящего над входом в лагерь: «Будет нефть – будут деньги!». Но все это – можешь себе представить – под соусом самых что ни на есть либеральных экономических теорий, которые читают приглашенные из-за границы преподаватели.

– Невозможно. Первое с неизбежностью придет в противоречие со вторым. То есть тоталитаризм с либеральными теориями.

– Верно. Но не сразу. И не со всеми. Пока же все будто бы подчинено интересам корпорации – которой, с одной стороны необходимы образованные либералы-рыночники, высоколобые творцы, изобретатели будущих технологий, с другой – дисциплинированные, подчиненные единой цели менеджеры, способные организовать и контролировать работу огромного количества людей. И в то же время основа гимназического воспитания – деловые игры в демократическое государство полувоенного образца. В государстве – своя валюта, есть парламент, правительство с несколькими министерствами и промышленность в виде нефтяной монополии. Больше ничего в государстве нет. Нет системной оппозиции. Нет свободы прессы с ее разногласиями. Нет конкурентов с их экономической разведкой и враждебными действиями по слиянию и поглощению. Это упрощенное государство. Даже популярная детская игра в «мафию» или «монополю» гораздо сложнее по набору механизмов, чем то, что предлагалось освоить детям в нашей гимназии. В то же время было несколько так называемых спецкурсов для особо одаренных. «Школа региональной журналистики», к примеру.

Что меня поразило – там постоянно устраивают конкурсы на лучший материал о «Лемехе» как структуре, сам Ленья, как ты понимаешь, тоже не был забыт. Так вот, все эти детские, подчас маловразумительные материалы наша пресс-служба размещала в региональных СМИ. В результате однотипные полудетские заметки о великом ЛЕМЕХЕ, великом Леониде Лемехе, плодились и множились на полях серенькой региональной печати. Расчет на количество и обычный провинциальный информационный голод. И веру в доброго богатого человека, волшебника, который однажды «прилетит в голубом вертолете». Ну, ты понимаешь.

Собственно, это были прямые затраты Леонида на собственное политическое будущее. Лемех мыслит как инвестор: вложить и получить прибыль. В данном случае прибыль мыслится как политическая. Было еще кое-что. Военно-патриотическое. Игра назвалась «Честь имею». Преподаватели – между прочим – как на подбор, офицеры элитных подразделений КГБ «Вымпел» и «Альфа» в отставке. Преподавали детям огневую подготовку, включая стрельбу из боевого оружия. Знаешь, это были не просто уроки и даже не просто стрельбища, на которых мы все в свое время побывали. Это было что-то ритуальное. Приобщение или даже причащение к оружию. А вот обычная в таких случаях строевая подготовка отсутствовала. Потому что это элемент коллективизма. А коллективизм – это опасно, это отход от либерализма. Нет, только ты и твой автомат!

Корпорация «Лемех» во всех методичках по воспитанию юношества подчеркивает, что воспитывает не дух коллективизма, а дух крайнего индивидуализма, какой воспитывали в скаутах, в эпоху покорения колоний и малых народностей, когда энергичные белые мужчины зажаривали какого-нибудь дикого австралийца на костре.

Словом, этого мне казалось слишком много, политики и вообще общей направленности нашей педагогики, которую – будто бы – курировала теперь именно я. Словом, поднакопив информации и собравшись с мыслями, я собиралась говорить об этом с Леонидом. И не успела. Случился погром.

– Погром?

– Ну, помнишь, болельщики разнесли Манежную площадь и почти весь центр после того, как наши проиграли кому-то в футбол?

– Ну, так недавно же совсем...

– Недавно. В том-то все и дело. Все встало на свои места недавно. Именно тогда.

– Ты была на Манежной?

– Рядом. Собственно, здесь – в «Наутилусе». Что-то покупала, присматривала... Я последнее время – при малейшей возможности – пытаюсь остаться одна. Без водителей, охраны. Сажусь за руль, еду куда глаза глядят. Но – сама понимаешь, так уж мы воспитаны и приучены – глядят они по большей степени по витринам. Вот и в этот раз – что-то я там углядела.

Машину оставила внизу, еще порадовалась, дура – что легко нашлось свободное место. А когда вышла... Там уже был ад, разъяренная агрессивная толпа, словно один безумный сгусток какого-то биологического вещества. Лишенный разума, но наделенный огромной силой. Жуткий.

От страха я зачем-то села в машину – представляешь, идиотка, спортивный «мерседес»-кабриолет. Слава богу, крыша была закрыта, но от чего может спасти парусиновая крыша? Все вместе – понятное дело – немедленно сослужило мне службу красной тряпки на корриде. Толпа, человек тридцать, окружила машину, начали раскачивать. Знаешь, это довольно странно, но в те минуты страха у меня не было, и ничего не было, никаких мыслей, ни о маме, ни уж тем более о Лемехе, а больше у меня близких людей нет. Да. Нет. Так уж вышло. Видимо, не заслужила. Так вот, ни о ком из них я не думала. И о смерти не думала. Одна только была мысль в голове. Не просто была – пульсировала, знаешь, как красная лампочка во время тревоги. Знаешь, о чем я думала? Только бы не больно. Пусть будет не больно. Честное слово – мне в тот момент было все равно – убьют, искалечат, изнасилуют, сожгут вместе с машиной. Только бы не почувствовать боли. Остальное – пусть.

И вдруг – все прекратилось. Они перестали раскачивать машину. Перестали орать. В мое водительское стекло кто-то аккуратно постучал: я не поверила глазам – это был преподаватель истории одной из наших подмосковных гимназий:

– Не беспокойтесь, пожалуйста, Елизавета Михайловна, вам ничего не грозит..

И я поверила ему. Отчего-то поверила сразу. Он что-то сказал людям, пытавшимся только что перевернуть мою машину, разумеется, вместе со мной, и они совершенно спокойно – будто не вопили только что совершенно по-звериному и безумие не корежило лица, повернулись и спокойно пошли прочь. Как обычные подростки, гуляющие по городу. И происходящее вокруг будто бы не замечали.

– Вы позволите, я сяду за руль? – он был сама любезность, как, впрочем, и всегда, в гимназии. Высокий, красивый блондин с мягкими манерами потомственного интеллигента.

– Вы уверены, что мы сможем уехать отсюда сейчас?

Площадь все еще была полна возбужденных людей. Неподалеку горела перевернутая машина. Какие-то подростки дрались между собой, истошно кричали девчонки, но тоже бросались в это живое, будто пожирающее себя месиво.

– Вне всяких сомнений.

Он коротко и негромко поговорил с кем-то по телефону. Я различила только: жена Лемеха... поедем аккуратно... лучше – по Тверской... нужен коридор. Этот коридор, кстати, потряс меня больше всего – так говорила охрана Леонида, когда кортежем ехали куда-то: «обеспечить коридор» или «зачистить коридор» – значило согласовать проезд с ГАИ так, чтобы под нас сдерживали поток машин и перекрывали движение на перекрестках. Здесь не было никакой охраны и никакого ГАИ, но мы спокойно – по какой-то странной диагонали миновали запруженное на родом пространство и действительно оказались на Тверской. Там тоже было спокойно. Но не нам. Некто обеспечивал тот самый коридор ничуть не менее профессионально, чем спецы из личной охраны Леонида. Впрочем, допускаю, что это были одни и те же люди...

1993 ГОД
ВАШИНГТОН

Совещание сотрудников Совета национальной безопасности – ритуал каждого дня, ранним утром, в половине восьмого утра в кабинете Франклина Делано Рузвельта (Roosevelt Room), разумеется – в отсутствие хозяина.

Но – шутки в сторону – это было чрезвычайно важное мероприятие дня, несмотря на то, что зачастую, продолжая обсуждать проблемы, люди перемещались за один из круглых столов в столовой Белого дома и на скорую руку завтракали, продолжая работать. Или работали – продолжая завтракать. Это – как угодно. Итогом этих ранних посиделок становился – ни много ни мало – конспект самых важных международных новостей и проблем, которые могли – и должны, в этом, в сущности и заключалась важность – стать блиц-меморандумом дня для президента и вице-президента страны. Свести документ воедино, отредактировать – зачастую в последний момент что-то убрав, а что-то, напротив, добавив – было первым утренним делом Дона Сазерленда. И Стива Гарднера, который расставался с Доном едва ли не в самой середине коридора, ведущего в апартаменты главы государства.

Сначала этот странный ритуал привлекал настороженное внимание дежурной смены охраны, но со временем охранники не только привыкли к странному променаду двух сотрудников СНБ, но и – некоторым образом постигнув суть происходящего – стали заметно выделять Стива в общей массе ребят из Совета. Ибо слишком уж это было явно и очевидно – он был последним, кто давал советы, прежде чем Дон Сазерленд получал возможность сделать то же самое – дать совет президенту США. И одному Создателю было известно – чья точка зрения, в конечном итоге, возобладает.

Вероятность, что именно этого – невысокого и хрупкого, похожего на отличника, правда, не из дорогой, престижной школы – парнишки складывалась из расчета один к трем. Совсем неплохая арифметика, по мнению людей из службы безопасности президента. Сегодня, впрочем, из удобной, в меру болтливой, но чрезвычайно продуктивной аналитической и справочной системы – каковой, в сущности, он и был при Доне Сазерленде, Стив превратился в скверно воспитанного нахального и агрессивного подростка, желающего обсуждать исключительно победу панк-трио Green Day на церемонии Kids' Choice Awards в Лос-Анджелесе. Причем немедленно. Он еще как-то держался за столом, но оставшись один на один с Доном, оказался почти невменяем:

– Послушай, ты должен выслушать это немедленно. И он должен выслушать это немедленно... Потому что это бомба – которую можно взорвать в нужный момент. А может – в ненужный. И это меняет все.

– Послушай, в молодости он, говорят, ни в чем себе не отказывал – не тряхнул ли старик прошлым? Что вы курили?

– Ничего. И пили только белое Montrachet.

– Ну, стало быть – оно было так хорошо, что у тебя помутился рассудок. От вина, лодки, самолета, роскоши...

– Ты отказываешься меня слушать?

– Разумеется, нет. Но не раньше, чем меня выслушает президент.

Критическая точка коридора, ведущего в президентские апартаменты, стремительно приближалась. Дон – вероятно, подсознательно желая отделаться от Стива, передвигался легкой трусцой, но Стив не отставал. Охранники, занявшие привычные позиции по периметру, пока еще только слегка удивились.

Эти двое должны были остановиться уже через пару шагов – по крайней мере, зона, в которой имел право передвигаться один, заканчивалась именно там, имя второго было отмечено на всех электронных и бумажных носителях знаком – «езде». Он мог следовать дальше. И так происходило всегда, совместная неторопливая прогулка по коридору и расставание в той самой, строго определенной точке. Сегодня все было несколько иначе: они передвигались много быстрее, были возбуждены, и вроде не собирались расставаться. Удивление охраны стремительно перерастало в тревогу. Стив – заговорило нелюбимое дитя, интуиция – еще не понял, но уже почувствовал это на несколько секунд раньше Дона, но остановились они практически одновременно. Дон-то – как раз понял, встретившись глазами с охранником.

– Прости, Пол. Заболтались.

– Никаких проблем, сэр.

– Так вот – полупешотом он обращался уже к Стиву – не хватало только, чтобы тебя уложили физиономией в ковер и надели наручники в президентском коридоре. У них – в отличие от нас – не возникает сомнений.

– Я понял. Извини. Но я иду к тебе и не уйду...

– Да, да, пока не дождешься меня. И не смей пить мою диет-колу. Тебе все равно, что лакать, а у меня диета.

– Не беспокойся, я вообще не пью эту гадость

– Прости, старик, ты предпочитаешь белое Montrachet...

Дон бросил это уже на ходу. Занятый своими мыслями, Стив даже не улыбнулся. Зато усмехнулся охранник, оказавшийся поблизости.

Веселые ребята, что ни говори, собрались в этом Совете национальной

безопасности. Несмотря на те проблемы, которые им приходится решать. Не позавидуешь. Дон возвратился от президента довольно скоро и в хорошем расположении духа. Это Стив, разумеется, мог предположить заранее и предположил, а вернее, был уверен – утреннее совещание не давало поводов для беспокойства и даже не сулило малых тревог. В ближайшее, разумеется, время.

– Итак, мистер гений и мистер магнат готовы потрясти мир?

– А ты полагаешь, мистеру магнату нужен целый мир?

– А ты полагаешь, он давно уже не принадлежит ему со всем живым, неживым, движимым и недвижимым...

– Полагаю – нет.

– Но у него есть план. И для этого потребовался ты.

– У него есть теория. А она – стоит десятка моих планов.

– Ладно, будем считать преамбулу законченной. Итак, чего хочет от нас и что предлагает взамен Энтони Паттерсон? Любопытно, кстати, кто-нибудь из его товарищей по партии, включая дружное техасское семейство и Дика, знает о вашей встрече?

– Полагаю – нет. Прежде всего – этого вряд ли хотел мистер Паттерсон. А потом – я слишком мелок.

– А я так полагаю – наоборот, мистер Паттерсон этого хотел. И получил. Другое дело – зачем? Но это ты сейчас мне расскажешь, парень. Недавно же я отказался от сигары у президента.

– Итак, теория. Я бы назвал ее «теорией психов». Или вариантом номер два. Видите ли, Дон, мистер Паттерсон полагает, что и их, и наш план по установлению контроля в нефтесыскающих – ну, я имею в виду и газ тоже – регионах провалятся. Каждый в свое время.

– Это еще почему?

– Касательно республиканцев – сказано было довольно мало.

– Еще бы! Его задача была – выкачать информацию из тебя, а не подарить тебе пару-тройку республиканских тайн.

– Нет, Дон. Это с неизбежностью военный путь, в крайнем случае – формат прямого государственного переворота, пусть даже такого мягкого и бескровного, как у Саудитов. Впрочем, Саудиты скорее исключение, которое доказывает правило.

– Ну, это исключение вдобавок активно пользуется нашу банковскую систему, потому говорить об исключении в чистом виде не приходится.

– Тем более. Итак, способ работает только некоторое время, а потом заходит в тупик. И начинается масштабная резня. Мы политики – и смотрим на это несколько иначе. Иными словами, мы понимаем, что любая бойня в какой-то момент заканчивается, просто потому, что все убивают всех.

Ну, почти. И все рушат – все. И тогда – на ровном, пустом, обезлюдевшем месте – удобно и просто строить что угодно. Вернее, что нужно нам.

– У тебя есть зеркало, Стив?

– Зачем вам зеркало, сэр?

– Хочу убедиться, что у меня не растут рога, а изо рта не вырываются языки пламени.

– С вами все в порядке, сэр. Это называется профессиональной деформацией, ну, вроде как у хирурга, который просто не имеет права жалеть человека на операционном столе. Конечно, мы хотим добра и – в конечном итоге – стремимся построить на том пустом безлюдном месте нечто, соответствующее вечным ценностям. Но потом. А сначала, чтобы можно было построить, – нужно подготовить площадку. Это закон жанра, сэр.

– А он, этот великий Энтони Паттерсон, конечно, покрыт одеянием из белых перьев, и над головой у него сияет этот магический круг.

– Нимб, сэр.

– Значит, сияет.

– Нет. Но он нефтяник – его задача, чтобы нефть добывалась, перерабатывалась и поступала в производство, и этот процесс должен происходить постоянно. Потому – его устраивают только стремительные победоносные войны. А таковых теперь уже не случится. Я писал об этом меморандум, если помните.

– Помню. Но восточные войны – это удел республиканцев. Мы решили – и между прочим, не без твоих аналитических выкладок – что работаем в России. И, собственно, работаем. И почему – скажи на милость – должен провалиться наш план?

– Потому что это Россия.

– О, вот только не надо про загадочную русскую душу. Слышали. Знаем. Преодолели. Разгадали. Это все?

– Он называет ее – Россию – местом, где ломаются машины. Я бы сказал, не машины, а наши отлаженные системы политтехнологии – кадровые, выборные, медийные. Он говорит, что они другие.

– Пришельцы.

– Нет, но ментальность – согласитесь – нельзя сбрасывать со счетов.

– Любая ментальность имеет цену.

– Согласен. И тем не менее, давайте рассмотрим несколько примеров...

– Давай не будем. Потому что каждый останется при своем. Я, президент и Мадлен.

– Разумеется, Мадлен. Я вот что вспомнил. Когда еще только шли баталии за приведение Ельцина к власти в России, она попросила меня написать краткую историю политических заговоров в России в XX веке.

- Думаю, это нужно было не для Ельцина, а для ее диссертации.
- Ну, не важно. Пусть бы она читала мои записки на ночь, вместо снотворного. Мне все равно. Потому что мне было интересно.
- И что, ты написал в итоге?
- Нет.
- Нет?
- В классическом варианте – невозможно, в принципе.
- Почему?
- Я написал, разумеется, но она тоже спросила.
- Потому что ты пишешь сплошную заумь.
- Пусть так. Она спросила. А я попросил разрешения сначала самому задать ей вопрос.
- И что же ты спросил?
- Я спросил. Вернее, я сказал – ну, оглянитесь вокруг себя, вы же знаете Россию, как никто в Белом доме, вы жили в этом обществе, можно сказать, что оно известно вам так же хорошо, как путь от спальни до кухни в собственной квартире...
- В своих обыкновениях, традициях и привычках – оно неизменно и однородно, как монолит. От люмпенов до элит. Так ли это? Она кивнула.
- Вы всерьез полагаете, что в случае действительного заговора он не рассыплется на втором (ладно, пусть третьем!) этапе подготовки, потому что кто-то обязательно провалит свой «участок». В силу обычной лени. Она засмеялась:
- Они говорят «пофигизма». И поют: «В красной армии штыки, чай, найдутся, без тебя там, милый мой, обойдутся».
- Что – запела?
- Ну, замурылыкала себе под нос, причем по-русски. Потом перевела. Дескать, даже в армию, по их мнению, идти не обязательно, потому что сходит кто-то другой. Кто-то заменит.
- Таких тонкостей, я, конечно, не знал, но продолжал:
- Потому что кто-то напьется, впадет в меланхолию, усомнится в том, что делает действительно правое дело, поразмыслив, возмутится, с какой это стати он должен подчиняться NN, которого – вроде бы – выбрали в главные заговорщики, хотя тот на самом-то деле дурак, испугается, проболтается, потому что напьется... далее по тексту, заложит сознательно, потому что усомнится в том, что делает действительно... далее по тексту.
- Я мог продолжать еще долго. Но она согласилась. И даже похлопала меня по щеке и назвала умным мальчиком. И сказала: «Вот потому во главе всех заговоров у них всегда стояли иностранцы».

– А это так?

– Ну, или инородцы – носители иной ментальности. Но я тогда не стал портить ей впечатление о «хорошем мальчике». Я не добавил, что и эти проекты, как правило, существовали недолго.

– Ладно. Имей в виду, ни президент, ни Мадлен, ни я с тобой не согласился. Но – допустим! Просто допустим, раз уж я лишился президентской сигары, – наши схемы дали сбой. И республиканские войны непроизвольно затянулись. Что – тогда? Что такое предлагаете вы с Энто-ни Паттерсоном?

– Я называю это «вариантом номер два».

– Не сердись, малыш, но мне, отчего-то интереснее, как называет это он.

– Вариантом психов. И мне это тоже нравится, куда больше. Я так и назвал сценарий: «Психи».

– Значит, сценарий уже готов?

– Разумеется, нет. Только название. Я же должен был получить твое согласие, а ты рвался курить сигару с президентом.

– Психи? Ты хоть представляешь, что начнется, если файл из твоего компьютера, обозначенный «Психи», просочится в прессу.

– Этого не может быть, сэр, потому что не может быть никогда...

Он еще не договорил фразы, но в голове уже пульсировало, похожее на красную лампу тревоги, может, точно такую, что пульсировала там, в Колорадо, в раскаленной пустыне, на глубине 82 футов под толщиной земной поверхности. Никогда, никогда, никогда... Черт возьми, все-таки он был суверен. И очень боялся этого: никогда. Которое, как известно, никогда не стоит утверждать наверняка. По крайней мере, произносить вслух.

2007 ГОД

ГАВАНА

Вдруг отступила жара. Чуть-чуть, отодвинувшись всего на несколько градусов, по Цельсию или Фаренгейту, не суть – в чем они тут измеряют свой беспощадный зной зимой. И теплое марево дождливых дней – летом. Он предложил мне просто побродить по Гаване. И разумеется, я согласилась. И не пожалела. Она подарила мне странное чувство. Схожее с тем, что возникает каждый раз, когда перечитываю Маркеса. Понимаю, что он писал не о Гаване, а вернее, не только о Гаване, но именно вчера я ощутила то острое, непривычное и, вероятно, не вполне здоровое чувство. С чем сравнить? С удовольствием от мерзко пахнущего сыра? С запахом тлена, который поначалу не вызывает ничего, кроме рвотного позыва, а потом – стоит только принюхаться и поймать правильное настроение – оказывается притягательным ароматом вяленого мяса по-бурятски или байкальского омуля с обязательной «тухлинкой». С острым, нездоровым и даже стыдным порой любопытством, которое порождает вид чужого уродства, страдания, крови, растерзанной человеческой плоти.

Не потому ли на месте самых жутких аварий проезжающие мимо машины неизменно замедляют ход, пассажиры прилипают лицами к окнам и водители, порой откровенно рискуя, сворачивают шеи, пытаясь разглядеть как можно больше кровавых деталей. Позже – фальшиво и, будто оправдываясь друг перед другом, все они непременно станут говорить об «ужасе, который будет теперь стоять перед глазами». А может, и в самом деле потом пожалеют о том, что видели такое. Но в тот момент оно, такое, – притягивало, как магнит и не было сил отвести глаза.

Приятель мой, эстетствующий сноб, в самой высшей степени этого определения, при этом большая умница, интеллектуал, любимец женщин, однажды признался, что, выглянув как-то утром в окно своей старой арбатской квартиры, случайно заметил, как в укромном углу тихого московского дворика пара немолодых бомжей предавалась любовным утехам. В закутке возле мусорных контейнеров. На грязных газетах. Более всего его поразила женщина.

– Она была ужасна – говорил он, и даже по прошествии времени ничего не мог с собой поделать, лицо сводила брезгливая судорога. – Огромная, дебелая старуха, с бледными ляжками... Но – можешь себе представить? – я досмотрел это до конца...

Отвратительное, ужасное, уродливое, противоестественное притягивает. Не в этом ли секрет ярмарочных балаганов, где выставлялись «бородатые

женщины» и младенцы с двумя головами. Маркес, как мне представляется, служит этой потаенной человеческой страсти. Но служит виртуозно. Изысканная проза бесконечно долго, подробно, красиво и сложно живописует у него порой самые отвратительные физиологические акты и проявления. Но этого Маркесу кажется мало, и тогда происходит невозможное: глубоко материалистическая по сути физиология оборачивается мистикой, и самое мерзкое – становится еще более мерзким, невозможно мерзким. Разумеется, не претендую на академизм суждения, не настаиваю даже на его истинности, это – всего лишь – мое восприятие прозы Маркеса. А вернее даже – ощущение. Таковым же было ощущение Гаваны. Потрясающее ощущение.

На руинах былой колониальной роскоши – не сокрушив ее, не разметав до основания, не заменив авангардным революционным новостроем (за одно это, кстати, viva Fidel!) буйным, ярким, но уродливым (иногда даже мистически уродливым) цветом расцвела нищета. Хрупкие испанские виллы колониальной Гаваны, с воздушной колоннадой изящных портиков снаружи и неизменными, вымощенными мрамором патио – внутри. Нарядные дома с высокими проемами окон, прикрытых, как и всюду, где полуденный зной нестерпим, деревянными ставнями-жалюзи. Балконы с причудливой вязью перил.

Это коснулось только дворцов. Все прочее – что принято называть средствами производства, было конфисковано беспощадно. И банковские капиталы. Национализация. Все, как полагается при всякой революции. Без реверансов и купюр с учетом иного времени – середины века. – А наша революция 91-го года – в этом контексте – была Реставрацией? Ренессансом?

– Да упаси боже. Наша революция была классическим государственным переворотом, когда одни элиты – возможно, довольно своевременно и справедливо – оценили неспособность других элит руководить страной в интересах этих самых сложившихся элит. И попытались их сместить.

– То есть – его?

– Ну почему, у Горбачева были сподвижники, которые – так же как и старые элиты – вполне адекватно реагировали на его слабости – решали каждый свои проблемы. Впрочем, у большинства из них проблема была общей. Если хотите – это была первая цветная революция на территории СССР.

– Выходит, удачная?

– Поначалу – как всем казалось – да. Все было готово – изрядная доза наркотика, впрыснутая прессой в головы и души народа, старые прове-

ренные кадры – называйте их хоть на наш манер – агентами влияния, хоть на американский – единомышленниками – не суть. Подопытные крысята – мальчики в относительно дорогих галстуках, с заложенной программой действия, которые в нужный момент должны занять нужные позиции. Да, все было готово и все сложилось. Был ли путч 19 августа санкционирован кем-то извне? Не думаю. Скорее – та самая случайность, скатившийся камушек, который тащит за собой лавину. Не случись этой оперетки на музыку Чайковского, произошло бы что-то другое – уже запланированное. Вероятно, кровавое. Взбудоражившее, возмущившее, взволновавшее, выбившее из колеи. Иными словами – толпа, так или иначе, выплеснулась бы на улицы. И все свершилось бы.

И я вам сейчас скажу – совершенно парадоксальную мысль. Первый этап этого действия был бы позитивен. Для нас. Для России. И даже – еще для СССР.

Вот смотрите: в конце 70-х столкнулись две экономические системы, а поскольку экономика всегда идет рука об руку с политикой, то можно говорить о том, что столкнулись две политико-экономические системы. Прогрессивная, гибкая, технологичная – американская. И наша – про нее вы, надо полагать, все знаете. Система красных баронов. Разумеется, победила первая. И, разумеется же, немедленно начала диктовать свои условия.

Прежде всего – оговаривались, а вернее, диктовались новые, чрезвычайно выгодные и экономически, и политически условия для союзников – Европы, в первую очередь – западной, но понятно было, что на очереди – «братья Варшавского договора». Вернее – дети. Самые яростные из которых уже всюю прищипывали вашингтонских коней.

Идем дальше – система государственной власти и в целом, и персонально складывалась точно по указному их образцу. Нужные люди занимали нужные кресла. Стремительно – как и предполагалось – обогащалась та самая «золотая тысяча» – лабораторные, изученные до хромосом подопытные кролики, которым предстояло стать – и ведь стали же, сукины дети, – финансовой элитой страны, формирующей органы власти и управления и – в сущности – управляющей страной. И все.

Третий способ получения вождеденных углеводов – мы с вами определили его как «способ плаща и кинжала», хотя, полагаю, многие либеральные историки станут настаивать на том, что это был «политический» – и стало быть, самый лояльный и цивилизованный вариант.

Политика, однако, была здесь только ширмой, причем зачастую дырявой и утлой, в прорехи на ней хорошо заметны подлинные действия завоевателей – а речь шла именно о завоевании – и это были именно что

приемы из арсенала людей в «плащах и кинжалах». Поэтому оставим свою терминологию при себе. И будем на ней настаивать. Но дело даже не в терминологии. Технология почти сработала. Еще немного – и мы превратились бы в страну-сателлита, только не банановую, а нефтяную. Такие был перспективы.

– А Ельцин?

– А что Ельцин? Кстати, не только он. Утверждать, что все российское правительство, равно как и весь российский бизнес, были в ту пору наймитами – как это принято говорить в эпоху первой холодной войны – американского империализма, было бы в высшей степени легкомысленно. Да и нечестно, попросту говоря. Он, кстати, противостоял чему-то, когда мог, и понимал, о чем речь. Но выше мы уже говорили о его слабостях, из которых алкоголизм была отнюдь не самой пагубной для страны. Вот, играя на этих слабостях – патологической жажде власти, мнительности, подверженности влияниям, – его попросту отвлекали от процессов, на которые ему не следовало бы обращать внимание, иными словами – которые он бы мог остановить и развернуть вспять. И эти отвлечения – скажу я вам – были отнюдь не детскими самодеятельными постановками. Помните слабости Ельцина, о которых мы говорили?

И главную из них. Даже не слабость – страсть.

– Власть?

– Именно.

Я вспомнила вдруг, много лет назад, случилось оказаться за столом с одним из самых близких тогда президенту человеком. Разговор, под коньяк, струился теплый, душевный. Я – не иначе, коньяк ударил в голову! – вдруг дерзнула:

– Скажите, у него раньше были женщины? Ну, не просто женщины, а, понимаете...

– Понимаю. Нет, женщин не было. Он всю жизнь любит одну-единственную. Знаешь, как ее зовут?

– Нет, разумеется.

– Власть.

Лучший друг невесело усмехнулся, а я с той поры почему-то возненавидела его люто. Будто бы за предательство. Теперь другой человек другими словами говорит мне о том же, да и я сама теперь знаю, возможно, лучше их обоих.

– Власть. И вечный страх – потерять, лишиться. Ему было, пожалуй, хуже прочих, он знал, что такое падение. Он падал. Свергался практически в бездну, номенклатурную, разумеется, но если сравнивать уровни члена Политбюро и первого секретаря МГК и председателя Гос-

стройка – вполне уместно говорить пусть не о бездне, но о придорожной канаве. Еще хуже. И это знание надо полагать, только усиливало страх. Вот на этом страхе играли те, кому полагалось отвлечь президента от тех событий, которые практически незаметно шли в этот момент в экономике страны.

Тут на первом месте, безусловно, – конфликт с Верховным советом и начавшаяся – а она началась, слава богу, только в Москве – гражданская война. Можно ли было смягчить, а позже и остановить противостояние? Безусловно. Но каждый раз, когда стороны – абсолютных идиотов и с той и с другой стороны было не так уж много – так вот, когда стороны вроде бы делали шаги навстречу, происходило что-то, что разводило их еще дальше друг от друга. Пропасть ширилась. А время шло. А задача – напомним – была именно выиграть время. Ни Ельцин, ни уж тем более Хасбулатов с Руцким никого не интересовали всерьез. И минул год 1993-й. А в 1994-м – взорвалась Чечня.

– Но процессы брожения на Кавказе шли веками. Сколько их было-то, кавказских войн. Тем более – в период ослабления России.

– Давайте уж будем называть вещи своими именами – Российской империи.

– Согласна, империи. Так вот империя в очередной раз оказалась слаба. Оказалась колоссом на глиняных ногах.

– И именно в этот момент «на царство» в исторически мятежный регион везут и ставят, политика, аргіогі склонного к авторитаризму, неустойчивого психически – чтобы не сказать, психопата, талантливого истерика, умеющего завести и организовать толпу, вдобавок профессионального военного. И просто отчаянно смелого, умного, небесталанного человека. Блестящая кандидатура для начала маленькой победоносной войны. Не правда ли? Вопрос только в победе, но об этом особо не задумывались.

– Кто везет? Я слышала, что это креатура Бурбулиса и Шахрая.

– Это миф. Изобретенный сначала Бурбулисом и Шахраем, для поднятия собственного реноме, а позже – когда история обернулась тем, чем она обернулась – взятый на вооружение их противниками.

– Но кто-то же рекомендовал его Ельцину? Бурублис? Шахрай? Полторанин?

– Ну, в какой-то мере приложили руку – каждый их них. Однако в целом на такое способна была только женщина. Та самая, которую обычно cherchez.

– Женщина?

– Именно.

Здесь удивительно было все. И маленькие узкие улочки, и небольшие аккуратные дома. И люди – с бесстрастными, но безупречно вежливыми европейскими лицами, одетые неброско, но подчеркнута аккуратно. И женщина – открывшая дверь, неожиданно – блондинка, с нежным, мелодичным высоким голосом, может, слегка высоким – оттого долгий разговор с ней наверняка утомил бы. Но она – не говорила долго. Была приветлива, но немногословна. И это – несмотря на русскую внешность, светлые волосы, милое, округлое лицо – как ничто другое выдало в ней кавказскую жену. Слава богу, опыт общения с этими женщинами – порой странными и непонятными, замкнутыми, откровенно неискренними, порой – распахнутыми до истерики, у нее был. За спиной был Карабах. И Хельсинкская группа, отчаянная борьба за выход маленькой страны из цепких объятий Азербайджана. Не вышло. Но опыт – он, как драгоценные бусы, нанизывается на тонкую нить знаний. Теперь – другое дело.

Теперь ей предстояло понять – сможет ли этот человек, забавно похожий на гангстера из голливудских боевиков тридцатых годов, с тонкой полоской смоляных усов над живыми, подвижными губами – ни много ни мало изменить присяге. Если народ выйдет на улицы. А в том, что он выйдет, она не сомневалась ни секунды. Не сейчас, так месяц спустя они уйдут, прибалтийские страны, уйдут, переступив, если придется, через кровь и новые унижения. Она приготовилась говорить с ним долго и обстоятельно. Специалист по этнографии, она понимала: ему, генералу, мужчине, но – в первую очередь – чеченцу не просто будет выслушать такое предложение. Тем паче – от русской. От женщины. Пусть и в статусе народного депутата. Но все пошло как-то не так, странно и неожиданно. Она почти не говорила. Он только махнул рукой – немного картинно, но это она легко списала на общекавказскую склонность к некоторому артистизму, граничащему с позерством.

– В свое время пытались разыграть известные сценарии – давайте с лопатами на позиции, против мирного населения. Я сказал – это не наши функции. Вот моя задача – западная Европа. Прикажете – я ее сровню с землей, а может, и с водой. Но разгонять митинги, детей – это уже ищите других. Верно?

Он неожиданно остро взглянул ей в глаза и улыбнулся. Улыбка была холодной. И тем не менее, она испытала легкое, но приятное волнение, знакомое только женщинам, когда вот так, неожиданно в упор – совсем

не важно притом, по какому поводу – в глаза, а кажется, что едва ли не в душу, вот так остро и пронизательно заглянет мужчина. Впрочем, это было минутное и ушло, забылось немедленно, как только он заговорил о своем. Совсем не о том, о чем должна была бы идти речь. Он неожиданно – потому что не мог, разумеется, знать их горячих дискуссий на «межрегионалке» о будущем федеративном устройстве России, заговорил о том же. Просто и жестко. Именно то, что – в потоке общего витиеватого умствования высоколобых коллег и вечного интеллигентского нежелания назвать вещи свои именами и тем самым, вероятно, кого-то обидеть или просто задеть – тонуло и никак не могло обрести законченную простую и понятную форму. У него – получилось.

– Только туда тащить никого не надо, надо выгнать всех, а потом уж, пока не отчистятся от скверны прошлого и не создадут базу созидательно-нормального демократически-правового развития, вообще туда не впускать. Вот тогда будет союз. Не впускать. Отторгнуть даже. Идите вон. – Он сделал ударения на трех последних фразах. Но произнес их спокойно, без вызова и надрыва, и даже не зло. Продолжил также ровно, как будто речь шла о деле простом, понятном и легко разрешимом. – А сейчас присосались к России обиженные родственники всех национальных окраин. Сами не производят ничего, ничего в голове нет, ни экономической программы, ни производственной программы, ни путей политического развития, с учетом реалий – вот давай, Россия, корми нас. Мы с тобой подписали федеративный договор. А у России сейчас у самой скоро есть будет нечего, а крохоборы оттуда выкачивают сейчас миллиарды, и ходоки там стоят в Кремлях, и им с удовольствием дают. Но пополам. Половину тебе – половину мне. Зарубежные счета пошли пополняться долларами с переводами у обоих. А народу остается один воздух, воздушная подушка, на которой всем кажется – будто бы мягко и высоко, но стоит только проколоть гвоздем эту подушку, как все сядут в лужу. Таковы перспективы. Я человек прямой, не политик, поэтому я говорю языком солдатским.

Он снова вдруг улыбнулся. Смягчая будто бы сказанное. Но улыбка по-прежнему была холодной, хотя и не злой. А у нее снова что-то внезапно защемило в груди. И позже, в купе аккуратного эстонского поезда, уносящего ее в Москву, она много думала о нем. Разумеется, не о его прохладных улыбках и легком, давно забытом чувстве, которое они рождали в душе. О том, что именно этого человека так натужно ищут сейчас в Кремле. И это о себе и о нынешнем руководителе Чечни Доку Завгаеве говорил он сегодня, когда упрекал Ельцина за то, что делает ставку на старые партийные кадры. И не упрекал даже – предостерегал. Не стес-

няясь, не камуфлируя сказанное пространными рассуждениями. Зачем? Он был прав. И это первое, что она должна будет донести до Бэна в Москве. И главное.

Пройдет не так уж много лет, и ей доведется наблюдать драматические кадры освобождения из чеченского плена журналиста НТВ Лены Масюк, материалы которой были всегда исполнены высокого пафоса – разумеется, повстанческого. И не снискавший еще славу террориста номер один, но уже подбирившийся к этой отметке Шамиль Басаев в ее материалах всегда смотрел с экрана горским прообразом Робина Гуда и Че Гевары в одном флаконе. Неузнаваемо исхудавшую, молчаливую Лену у трапа частного самолета встречал Малашенко с букетом цветов, что-то на ходу торопливо объяснял журналистам Березовский – именно в тот момент она подумала: что, собственно, в них? В боевиках, именующих себя воинами ислама. Освободителями народа. Мужественных – да, но жестоких и неспособных, не умеющих и не желающих слушать, беспощадных, циничных и лживых, презирающих весь человеческий род, кроме некоторых отдельных соплеменников, а вернее – единомышленников. Что так притягивает в них образованных столичных девочек и дам преклонного возраста, впрочем, умиленных по этому поводу мужчин она тоже встречала немало. И не нашла ответа.

Быть может, так угнетает общий инфантилизм столиц? И особенно – столичных интеллектуалов? И подсознательное стремление к тому, чего нет вокруг – к подлинной брутальности. И прав старик Фрейд. Хотя увидев его (Джохара Дудаева, а не Зигмунда Фрейда) однажды – уже в президентстве – в пижонском двубортном костюме и широкополой шляпе а la Капоне, она испытала легкую брезгливость, смешанную с желанием рассмеяться, что случилось когда-то давно при виде модных некогда особой мужеского пола, облаченных в костюмы «с люрексом». Но это было только смешно. Касательно раскаяния – никто уже не узнает ничего. И никогда.

2003 ГОД
МОСКВА

– Словом, дома я был уже часа через полтора, и это с учетом всех пикетов, что перекрыли все подъезды к Москве. И Леня, конечно, был уже обо всем поставлен в известность и прыгал вокруг меня, как молодой козел – Врача? Клинику? Психоаналитика? Коньяку? Потрахаемся, говорят, помогает?

И только на вопросы отвечал неохотно. Собственно – вопрос-то был только один. Откуда его ребята взялись там – на Манежной? И даже не так. Оказаться там они – понятное дело – могли очень даже легко. Выходной день. Хотя массовые шатания по городу гимназиями не поощрялись, но за каждым, как ты понимаешь, не уследишь. К тому же день был такой – располагающий. Вопрос был в другом – в организации и послушании. Понимаешь, я не могла ошибиться, мне не почудилось со страху, и я не приняла желаемое за действительное – все это, как ты понимаешь, было сказано Леонидом, и не один раз. Нет. Я ощутила, и даже не ощутила – я поняла это совершенно отчетливо. Ребята на площади организованы, ими руководят, притом что подчиняются они беспрекословно. Даже в гимназии это не так, ну, или не всегда так.

Здесь было что-то военное, или еще того хуже – какое-то сектантское, тайное, но очень мощное. Не знаю, понимаешь ли ты, о чем я?

– Если про образ, который ты сейчас нарисовала, – понимаю очень хорошо. Сейчас вообще много пишут о молодежном экстремизме, организованном и достаточно влиятельном в определенные моменты. Тогда, на площади, был именно тот момент. Но речь – в таких случаях – по большей части идет о футбольных болельщиках. Ну, сейчас сбивается в стаи всякая политизированная молодежь – от скинхедов до радикальных гринписовцев, громящих лаборатории биофака. Вполне вероятно, что существуют и кукловоды, и самостийный – якобы – эффект толпы на самом деле грамотно режиссируется. Где-то недавно я про это читала. Вопрос в другом: каким боком твои благополучные гимназисты оказались в одной из этих стай. И что это за стая? Чего хочет? Чтобы не было бедных, как в том анекдоте, или наоборот – богатых?

– Думаешь, я этого не понимаю? Могу прочесть лекцию по истории молодежных движений и всяческих манипуляций, которым они подвергаются с разных сторон. Но это теперь. Прошерстила интернет. Посидела в блогах, на форумах. Тогда ночью я поняла только одно –

Лемех врет. Все он знает про то, что гимназисты были на Манежной, и руководили ими его люди. А вот зачем? Этого я понять не могла.

– А зачем – собственно – тебе так уж надо было это понять? Прости, Ли-за, но насколько я помню – хотя, может, с тех времен многое изменилось, ты никогда особо не интересовалась делами Лемеха. Ну, мало ли зачем ему понадобилась заварушка на площади? Свести счеты с кем-то из мэрии или силовиков? Продемонстрировать кому-то возможности. В конце концов, выборы на носу – тоже, между прочим, элемент политтехнологии. Заметь – я навскидку за пару минут предложила тебе три варианта. Могу с ходу изобразить еще пяток.

– Я знаю, ты умная. Просто мы давно не виделись. Да и вообще, не так хорошо знаем друг друга.

– То есть тебя в какой-то момент заинтересовали дела Лемеха.

– Нет. Не наступило такого момента. Просто знаешь... Ты же помнишь, наверное, я выросла в посольстве. Так вот, папа всегда говорил – в этих стенах ничего не должно происходить без моего ведома. Даже кот Мурзик – прости – по весне не оприходует соседскую кошку. Я должен знать. – Я это усвоила. На подсознательном уровне, наверное. Потому что прежде – ты права – меня совершенно не занимало, чем занят Леонид. Оприходует соседских кошек или устраивает показательные демонстрации с битием витрин. Но на сей раз...

– Может, это правда – испуг? Понимаешь люди, пережившие сильные эмоции, иногда, что называется, «заикливаются» на ситуации, которую пережили.

– Знаю, читала и про это. И, вероятно, так все и было. Я испугалась, заиклилась и вцепилась в эту историю мертвой хваткой. Короче – начала копать. Делать – как ты понимаешь – мне все равно больше нечего. Вдобавок – себе на беду – Лемех сам определил меня в попечительницы всей этой образовательной системы.

– И что же?

– Сначала – ничего. Понятное дело, что никто всерьез со мной говорить не собирался, то есть со мной говорили очень даже серьезно и с должным пиететом, ну как если бы какой-нибудь министр образования взял да и приехал в советскую школу. В общем – частный сыск не складывался категорически.

– Еще бы. У Лемеха одна из лучших в стране – если не лучшая – служба безопасности, которая наверняка получила на твой счет четкие указания. Иными словами, мисс Марпл против Скотланд-Ярда.

– Ну, ей-то как раз, кажется, удавалось обойти инспекторов на повороте.

– Так то были инспекторы-джентльмены. Ну да бог с ней, со старушкой.

Тебе, похоже, тоже удалось.

– Да, но отнюдь не джентльменским образом. Вернее, впрочем, будет сказать, что леди так не поступают.

– Ты с кем-то переспала?

– Ну, можно сказать и так.

– Ну, так все леди иногда делают это.

– Вообще-то это было про джентльменов, но будем считать, что совесть мою ты утешила. Словом, помнишь мальчика-учителя, что вывез меня из этой потасовки?

– Разумеется. Вежливый. И, кажется, – красивый.

– Не в моем вкусе. Такой – знаешь – рыжеватый мускулистый викинг, правда, отягощен интеллектом. Даже с избытком. То есть – с некоторым эстетством.

– Совсем неплохо.

– Не для меня. Но это не важно. Гораздо важнее оказалось, что он гей.

– Лизка! Тебя надо занести в Красную книгу. Переспать с геем... Впрочем, следовало бы догадаться: интеллект помноженный на эстетство.

– Ну, как я потом выяснила – из интернета, между прочим...

– То есть, кроме фанатских ты еще шарилась по гейским сайтам.

– Да. И даже регистрировалась кое-где... Иначе было не войти.

– Представляю, как веселились лемеховские компьютерщики. Жена босса проводит время в голубых чатах. Ну, да это их маленькие сисадминские радости. А вот твои виртуальные поиски по части молодежных движений Лемеха могли насторожить.

– А я ничего не скрывала. По крайней мере, сначала. Я спорила, доказывала, он сам – между прочим – предложил мне ту самую инспекционную поездку. В ранге министерской. И говорил, между прочим, в точности те же слова, что ты сейчас: про травму, посттравматику и всякие гадкие ее последствия. Про тетушку свою рассказывал, которая за две недели до аварии на Чернобыльской АЭС, разругавшись с мужем-атомщиком, уехала к матери в Москву. Муж, понятное дело, погиб. А у нее на всю оставшуюся жизнь – не то, чтобы совсем повредились мозги, но так, остался пунктик, – изучала историю атомных реакторов и чуть ли не книжку какую-то на старости лет написала. Так вот Лемех сравнивал меня с ней...

– Книжку про подростковый экстремизм писать не предлагал?

– Нет. Но предложил съездить с инспекционной поездкой... Развеяться и убедиться.

– И ты убедилась.

– Сначала развеялась...

Она невесело усмехнулась, той характерной улыбкой, когда возле губ залегают глубокие тяжелые складки – не те короткие острые лучики, что непременно разбегутся в разные стороны, когда человек счастливо улыбнется или засмеется радостно и от души. Это было другое. Едва заметные штрихи, мне кажется почему-то, что именно они побуждали классиков говорить о «горькой улыбке». Впрочем – как там было на самом деле, не знает никто. У классиков не спросишь. А Лиза усмехнулась невесело.

– Ну, помнишь ведь, как это было в пионерских лагерях и позже – в комсомоле. Не в точности конечно, много свободнее, отвязнее – как сейчас говорят. Но в принципе – то же. Сумерки, костер, гитара, потом музыка, танцы... Конечно, сухой закон, но, конечно же – кто-то куда-то сгонял в окрестности и пойло потому соответствующее. И состояние – тоже. Странное какое-то, не опьянение даже, а какое-то необычное чувство – будто наблюдаешь за собой со стороны, и понимаешь, что делаешь что-то не то, плохое, даже преступное, но при этом повлиять на себя не можешь никак и – вот что самое главное! – получаешь от этого какое-то болезненное удовольствие. Ни с чем не могу сравнить. Даже с травой. Другого не пробовала.

– Полагаю, денатурат с малиновым сиропом.

– Возможно. Словом, он был рядом со мной с самого моего появления, и это было понятно – все знали, что именно он вывез меня тогда из толпы. И как-то само собой вышло – он показывал мне лагерь, он рассказывал, знакомил, представлял. И это тоже было правильно. Потому что ему-то я должна была бы верить, хотя, если вдуматься, именно ему-то верить и не стоило – он там, на Манежке, если не верховодил, то уж явно был не рядовым погромщиком. Но все шло, как шло. Он говорил мягко, вкрадчиво, часто дотрагивался до меня – вроде случайно или поддерживая, помогая подняться на ступеньку, перешагнуть через лужицу. Ну знаешь. Эти случайные прикосновения, откуда-то оттуда – из детства...

– Тогда все понятно про потом – поцелуи на лавочке или в подъезде...

– Ну, здесь шло отнюдь не только к поцелуям. И это отчаянное хмельное удовольствие – вот сделаю сейчас глупость несусветную, пересплю – можно сказать на глазах у всей гимназии с молодым, лет на пятнадцать моложе, мальчиком, обычным школьным учителем. И понятно, что будет потом плохо мальчику, и мне не поздоровится, потому что информация докатится до Лемеха часа за два, а то и пленки отменного качества лягут на стол, кто его знает, как у них тут с техническим обеспечением... То есть – понимаешь – присутствует четкое осознание всего этого. И одновременно – кураж. А вот пусть. Вот хочу и сделаю.

– А ты действительно хотела?

– Ты имеешь в виду физически? В какой-то момент – безумно. Как в том анекдоте про сведенные зубы.

– И все случилось.

– Нет.

Она снова улыбается. И даже не так горько, как поначалу. Скорее – на-смешливо.

– Он струсил?

– Представь себе – нет. Он оказался на высоте. По крайней мере, так казалось. В том смысле, что едва ли не публично, хотя публика – откровенно говоря – уже плохо реагировала на окружающую действительность, недвусмысленно обняв за плечи, увел за собой. В свой домик – коттедж, в которых в наших гимназиях живут учителя. Вполне приличный, кстати, и довольно уютный. И там мы еще выпили – уже совсем неплохого вина, которое было у него припасено уж не знаю на какой случай, но точно – не к моему приезду. Неважно. Все это было уже неважно. И горели свечи. И он стоял на коленях и целовал мне руки, колени и как-то особенно нежно, едва касаясь губами, дотрагивался до лица. Едва захватывая губы – тут же отпускал их – будто пугаясь. И это было так хорошо, так забыто – робкие коленопреклоненные мальчишки, целующие руки. Но... долго. Знаешь, я была изрядно пьяна. И кое-чего теперь даже и не вспомню. Помню, как начала расстегивать ему рубашку, и он вдруг отпрянул. И что-то еще в том же духе.

– Ты имеешь в виду – брюки?

– Нет. До этого дело, кажется, не дошло.

Наконец она смеется. И я смеюсь, представляя, как благовоспитанная посольская дочка Лизавета, надменная и почти оскорбительная в своей безупречной вежливости жена одного из первых российских олигархов, настойчиво пытается снять штаны со школьного учителя, а он – высокий и крепкий, похожий на викинга мужик – не то, чтобы сопротивляется, но – как это она сказала? – отпрыгивает в сторону, в промежутках, однако, умудряясь целовать ей руки и прятать голову в колени.

– И все это молча?

– Нет, разумеется. Он в лучших традициях стонал: «не надо». Я допытывалась: почему?

– И долго эдак-то?

– Да часа два....

Мы закатываемся таким дружным смехом, что официант, замерший у барной стойки, спешит полюбопытствовать – не надо ли чего?

– И что – никаких мыслей? За два часа-то?

– Нет, ну первое, что пришло в голову – понятно. Импотент. Непонятно было, зачем повел, спрашивается, уединился. Но тут выяснилось... То есть в процессе нашей борьбы...

Она снова смеется, уже совершенно искренне, вспоминая, видимо, какие-то детали. Да и сама конструкция «в процессе нашей борьбы» предполагает обычно ситуацию прямо противоположную...

– Куда катится мир... – говорю я расхожее, но вполне подходящее моменту.

– Туда.

– Куда именно?

– В эпоху однополых, самооплодотворяющихся особей, способных обходиться друг без друга.

– И эта сакральная истина открылась тебе в процессе... извини... вашей борьбы?

– Именно. Никакой импотенции. Полная – и я бы даже сказала впечатляющая – физиологическая готовность...

– И ты спросила?

– Спросила. Потому что – слава богу – нажралась этого отвратительного пойла. Сначала я спросила то, что, наверное, приятнее было бы услышать. «Ты Лемеха боишься?» – «Но я же привел тебя сюда, на глазах у всех». Это была правда. «Тогда скажи мне, в чем дело, мне это важно». Мне действительно было важно, потому что за эти два часа я уже передумала черт знает что, разумеется – про себя. И разумеется – самое ужасное. От дурного запаха изо рта до... Ну, я даже не знаю. Фригидность – это когда ты не хочешь мужчину. А когда – мужчина не хочет тебя?

– Это старость.

– Про это тоже были мысли, можешь не сомневаться. Слава богу, он развеял все эти кошмары двумя короткими словами:

– Я – гей. Как видишь – дело тут совершенно не в тебе.

И – честное слово, я вздохнула с облегчением.

И вспомнила Джулию – помнишь Моэмовский «Театр», и чуть было не рассмеялась.

2003 ГОД
ВАШИНГТОН

– На самом деле я могу уступить тебе свою коморку дня на два – сопровождаю президента. Так будет удобно – в том смысле, что все под рукой, и еще я, пожалуй, предупрежу своих ребят, из тех, что остаются на местах, что при случае тебе следует помочь, как если бы ты работал вместо меня. Или, скажем лучше, – по моему заданию.

Это была демонстрация неслыханной щедрости. Дон Сазерленд был в настроении, потому что оказался в списке сотрудников, летящих «бортом №1». Тут были свои аппаратные игры и свои аппаратные радости – попасть на борт президента было почетно, тем более – в носовую часть самолета. Но столь же почетно было – занять кабинет шефа на время его отсутствия. В любое другое время Стив принял бы приглашение с радостью, к тому же – аппарат Совета национальной безопасности под рукой и едва ли не в собственном распоряжении мог весьма облегчить, ускорить работу. Вдобавок Стив любил работать в Белом доме, где каждая комната и коридор неразрывно были связаны с историей, драмами и интригами, которые – собственно – и вершил теперь Стив, разумеется, исключительно для исполнения совсем другими людьми. Но даже в этой опосредованной связи он ощущал некую связь времен, простертую – притом! – во времени и в пространстве. Это было восхитительное, волнующее чувство. Но сегодня Стив сказал: нет. Впрочем, занятый – пока еще мысленно – предполетными сборами на президентском самолете Дон никак не отреагировал на его отказ. Нет так нет.

– Предпочитаешь работать дома?

– Да.

Стиву хотелось бы сейчас сказать, что тема, рожденная на яхте человека, у которого в венах течет нефть вместо крови, так захватила его и показалась столь объемной и важной, что требует осмысления, не говоря уже о собственно сценарии, который всегда требует особой, в некотором, очевидно интеллектуальном смысле – стерильной обстановки. И уж точно – тишины. Стив не сказал Дону – и этого уж точно не хотел и не стал бы говорить ни при каких условиях, что Энтони Паттерсон предлагал Стиву остаться и поработать у него на яхте или в ближайшем бунгало. Но и там – в обстановке, которую прежде Стив наблюдал только на голливудских экранах – тоже не было стерильности и покоя.

Впрочем, кукла Дона, которая тоже, разумеется, гипотетически пылилась на крючке в известной коллекции Стива – этого предложения не оценила бы. А вернее, именно что оценила, но совсем иначе, чем было

оно на самом деле. И испытала бы целую гамму неприятных эмоций – от зависти до ревности. И может, даже укол подозрительности, не вздумал ли Энтони перекупить редкие парадоксальные мозги Стива. И собственно – не перекупил ли? И Стив промолчал однажды. Второй раз он также не пустился в объяснения, потому что Дону было просто не до них. Он уже парил в небе, на борту президентского лайнера, причем, разумеется, в головной части салона. Потому Стив просто сказал:

– Нет. Я поработаю дома. Если ты не возражаешь. Там тихо.

– Ну разумеется, старик.

Тишина. Она и вправду нужна была Стиву – то, что он назвал «человеческой тишиной», иными словами – никакой людской суеты вокруг, случайных вопросов, бездумных реплик и даже вежливого «будь здоров».

В такие минуты его отвлекали только люди. Шум ветра за окном – сколько угодно. И даже хорошо. Тема, озвученная Энтони Паттерсоном, захватила так, как не захватывало уже давно и ничего из того, чем приходилось заниматься. Хотя приходилось вершить и весьма примечательные истории. Но это было другое. Новое. И открывало – не дай только бог Стиву ошибиться – совершенно иной пласт в истории манипуляции политическими процессами.

Надо ли говорить, что новая папка, которую – едва добравшись до компьютера – открыл Стив, называлась «Психи».

Он был верен себе – короткие, хлесткие названия, годящиеся больше для дешевых триллеров, нежели для серьезных политических сценариев. Но ему так нравилось. Потом некоторое время он писал, часто отрываясь, чтобы заглянуть в интернет, – то, что потом станет называть преамбулой. «О роли психов в истории» – можно было бы обозначить тему. Она была коротка и, в общем, не содержала ничего нового.

Ситуаций, когда ход истории, иногда не вполне естественный, а вплетенный в хитрую паутину чьих-то изощренных интриг, вдруг поворачивал вспять случайный человек – как правило, душевнобольной или – по меньшей мере – не вполне адекватный, известно множество. Великое множество. Разумеется, поначалу это происходило случайно. Никто не манипулировал Геростратом, идущим сжигать храм Артемиды. Но позже – способ стал эксплуатироваться вовсю. И даже просочился на страницы модной беллетристики – Стив даже усмехнулся, ибо речь шла о любимом романе его детства – Миледи вполне оценила психическое состояние британского офицера и весьма искусно слепила из него наемного убийцу, которого в других, обычных условиях пришлось бы готовить гораздо дольше. Он вспомнил почему-то еще одну женщину – совсем из другой истории, страны, времени. Реально существующую пси-

хопатку по имени Фанни Каплан. В чью гениальную голову пришла идея вложить пистолет в слабую руку хворой каторжанки, страдающей близорукостью едва ли не в девять диоптрий, он не знал, хотя в свое время – в свое свободное время – история последних дней Ленина занимала его довольно сильно.

Но – как бы там ни было – эта психопатка, была уже совсем не случайной психопаткой. Как не был случайным психом и Рамон Меркадер. А в том, что неистовый испанец, несмотря на все свои будущие государственные награды, обладал не вполне здоровой психикой, он был убежден, ибо, по мнению Стива, ледоруб как орудие убийства – что бы там ни диктовали объективные условия – есть признак определенного психического отклонения. Он вспомнил и описал еще десяток историй, но понял, что для преамбулы этого более чем достаточно. Дальше – констатирующая часть, которую Стиву предстояло написать заново, ибо никто прежде даже не пытался соотнести это явление с проблемами политтехнологий.

Понятно, что классическая функция психов в любой политтехнологической задаче локальна. Ему (ей) надлежит лишь слегка сыпануть перца. Желательно, кайенского. Сиречь – плеснуть крови. Желательно – безвинной: женской, детской. Или собственной. Из серии «рукой разрезанной – собственных костей качаете мешок» (он любил Маяковского). И это было, кстати, о том же – о жертвенном агнце на алтаре всякой политтехнологии. Однако ж – умеренно. Дабы не переборщить. Одногодних Маратов, пару-тройку Перовских, и немного Каплан – на десерт. Но сейчас странный холодок разлился в душе Стива.

Это случилось редко, но всегда – с неизбежностью – указывало на то, что порог, который уже очень скоро назовут значительным, существенным, а – вероятно – и великим, где-то поблизости.

И он, Стив Гарднер, – в эту секунду аккуратно ступает на этот порог, аккуратно и с некоторым даже страхом, ибо велика вероятность, что никакого порога нет, и нет даже лестницы, частью которой должен был бы стать тот самый вождьленнейший порожек, а есть одна бездонная зияющая пустота, которая прикинулась и лестницей и порогом, на самом же деле только ждет своей страшной дани – жертвы, сорвавшейся в бесконечность. Но к подобным экспериментам Стив привык и даже полюбил острый выброс адреналина в канун того первого шага. В неизвестность. Это было развлечение из той же серии, что и схватка некоего странного восточного единоборства, которого не было на самом деле, но которое – в сущности – могло так же отнять жизнь, как если бы все происходило на самом деле. Спорт для неспортивных. С теми же – если

не сильнейшими эмоциями – вот что это было такое. Еще одно изобретение Стива. Итак, суть состояла в том, чтобы увеличить количество психов. Слегка. Или максимально – не суть. Но идея, исполненная психами, теряет всякий смысл. То есть она вполне может быть успешной и существовать, но ровно до той поры, пока не станет известно, кто именно – автор и исполнитель идеи.

И это была страшная, смертельная для любой политехнологической идеи уязвимость. Да и прекратить исполнение можно легко, в любую минуту – просто сделать достоянием гласности, кто есть носители и исполнители идеи. Психи. Следовательно, если мы планируем план «а», в числе исполнителей и задействованных лиц должно быть предусмотрено некоторое количество «психов», в отдельной папке, на всякий случай – но если план «а» начинает давать сбой, психи вступают в игру, и – когда план «а» проваливается – никаких вопросов ни у кого не возникает. Это была идея психопата, психопатов, или – это была нормальная идея, но в какой-то момент к ее реализации подключились психи. И все рухнуло. Вкратце все складывалось стройно и логично.

Технические детали никогда всерьез не занимали Стива – для этого у Дона был целый штат специально обученных мальчиков. Но возникал вопрос. И этот вопрос был уже по части Стива. Россия. Сценарий – его сценарий! – отнюдь не радикальной, аккуратной и, разумеется, бескровной передачи власти. «Преемники» – назывался этот сценарий. И – в сущности – это было действие в три этапа.

Старые элиты, единомышленники и друзья Вашингтона в условиях общего хаоса, творящегося в стране, – передают власть людям, связанным с США куда плотнее и даже жестче. Тем самым лабораторным кроликам и мышкам, выращенным уже сознательно и целенаправленно. И вот они уже – в процессе денационализации основных и наиболее привлекательных массивов государственной собственности СССР, должны были сформировать третий круг элит. Крупную национальную буржуазию, которой достанутся самые сладкие и самые перспективные куски государственного пирога. А дальше все просто. Технически. Юридически. Посредством классических хозяйственных соглашений – пирог становится пирогом общим.

Тот единственный – из двух случаев, когда Стив вблизи видел Клинтонна – был тот самый случай, когда президент хвалил именно его за этот сценарий. И второй – вспомогательный. Стив назвал его «Большое отвлечение», и он – собственно – направлен был на то, чтобы надежно отвлечь тех, кто не задействован в операции «Преемники», и от самой операции, и от персонально – преемников. И все до поры шло гладко.

Но старой лисе – Энтони Паттерсону – виделся крах. А Стив – с его коллекцией трехмерных кукол, гипотетически пылящихся на крепких крючках феноменальной памяти – склонен был доверять Энтони Паттерсону безоговорочно. Сейчас даже не важно было, что, когда и каким именно образом вызовет этот крах. Стив узнает это через три-четыре часа, пораскинув, как обычно, мозгами и просмотрев кое-какую статистику. Но – психи. Каким образом они смогут стать вариантом номер два – спасательным кругом для сценария «Преемники»? Этого Стив пока не понимал.

Но должен, обязан был постичь к завтрашнему утру. И еще. Что-то смутное, тревожное, как отголосок ночного кошмара – не сохранившийся в памяти, но висящий в душе тяжелым эмоциональным грузом. Нет, сейчас он не хотел и не мог в этом копаться. Его ждали собственные «демократические» психи и то, каким образом они спасут «Преемников», если те вдруг вздумают дать течь. И пойти ко дну.

И сегодня мы гуляем по Гаване, потому что жара притихла, похоже, на пару дней, если не больше, Атлантика веет свежей прохладой. А Гавана... Она потрясает меня все больше. Кажущейся узнаваемостью. И ни с чем не сравнимым обликом. Все – похоже, узнаваемо. Марсель или Барселона, может быть – Гавр... Все – реальное, настоящее, можно протянуть руку и потрогать прохладный шершавый камень... И даже краска кое-где сохранилась на стенах кокетливых вилл – и можно почти наверняка судить: эта когда-то была голубой, эта – нежно-розовой с белыми колоннами, обвитыми золотой виньеткой. Одновременно всего этого вроде бы нет. Потому что все – руины, каким-то чудом не рассыпавшиеся в прах. Как в фильме ужасов или ночном кошмаре.

Руины живут. Смотрят на мир пустыми глазницами выбитых окон. Болтаются на весу, как пожухлые осенние листья, сорванные невзгодой когда и чудом зацепившиеся за растрескавшийся карниз, ставни-жалюзи. Будто проказа или чума глодала стены домов – черные, глубокие язвы отвалившейся штукатурки.

Руины обитаемы. Колченогие стулья и столы из яркого пластика на мраморных террасах, веревки с пестрым бельем в высоких окнах, из прохладных подъездов тянет воню дешевого жилья. Старики, старухи, дети, женщины без возраста и совсем молоденькие снуют по узким улицам под бесконечные ритмичные напевы. В прохладных парадных – судя по всему – тоже живут. Как в квартирах или домах. Прямо на лестнице, широкой и когда-то нарядной – стоял и работал старенький телевизор, пожилая негритянка расслабленно устроилась подле него в старом кресле, что-то стряпала вроде на ящичке-столе, накрытом пестрой клеенкой. Я видела это своими глазами.

В сумерки, когда натруженные ноги уже гудели и слушались с трудом, а уходить с этих странных улиц-руин все еще не хотелось, на площади возле кафедрального собора мы взяли белую пролетку, запряженную послушной старой клячей, и снова пустились в путь по узким улицам колониальной Гаваны.

В полумраке, в распахнутых, не знающих занавесок и гардин окнах домов-призраков открывалась жизнь. С пожилой негритянкой у телевизора в подъезде. С попрошайками, воришками, продажными женщинами и маленькими девочками, тоже продажными, уличными музыкантами и торговцами кокаином. И многим другим – что так ужасает и притягивает одновременно.

– Стоп, – говорит мой спутник. И усталая лошадь благодарно останавливается и даже будто бы пытается косить глазом в его сторону. Что сказать все, что значит для нее, отшагавшей по бесконечным улочкам старого города целый день. – Стоп. Сегодня мы пойдем ужинать в самый старый ресторан города. Когда-то, полагаю в XVII или XVIII веке, его основали испанцы. Разумеется, завоеватели и поработители – последнее он произносит отчетливо и чуть громче, чем обычно, – наш возница говорит по-русски и очень этим гордится.

Теперь он согласно кивает головой – по поводу мерзости и коварства поработителей, но быстро меняет тему, расхваливая старинный ресторан на все лады.

– Впрочем – можно сказать, вы там уже побывали однажды.

– ????

– За бархатной портьерой «El Floridita». Да они соседствуют, хотя бар возник много лет спустя. Но это не важно.

И это действительно неважно. Потому что этот небольшой ресторанный зал, с пыльными выцветшими гобеленами на стенах и благородно истертым ковром (именно благородно, потому что это половички в прихожей от бедности хозяев стираются убого, а такие ковры – стираются благородно и становятся только дороже, чем заметнее проступают на тонком орнаменте прогалины цвета слоновой кости), с большими круглыми столами, покрытыми красным бархатом, поверх которого, разумеется, белоснежный батист, тяжелой – вопреки веяниям моды – фарфоровой посудой, и тяжелым, граненым – опять же, вопреки – хрусталем. Здесь все – вопреки.

И слава богу, что такие местечки есть везде: в Париже, Риме, Барселоне, Иерусалиме и Каире. Потому что иначе – как бы мы узнали теперь, как оно там было на самом деле? Здесь чинно и тихо. И уж не знаю, на какие ухищрения пришлось пойти хозяевам, дабы заглушить оглушительные напевы неутомимого оркестра пожилых мачо и гвалт бесконечных тамошних туристов. Здесь – мне кажется – не очень удобно говорить, потому что каждое слово, даже произнесенное шепотом, легко отлетит и немедленно затаится в одном из старинных гобеленов.

– Успокойтесь, – останавливает меня спутник. – Во-первых, все, кто когда-либо – начиная, вероятно с XVIII века – собирался обсудить какие-то тайны, рассуждал совершенно так же, как вы. И сюда не шел. Потому и те, кому по должности или из праздного любопытства хотелось бы выведать разные секреты, – даже не думали заглядывать в этот зал.

Все просто и очень логично. И я немедленно успокаиваюсь. К тому же все наши истории – какими бы недавними, свежими и памятными ни

казались они мне, давно уже принадлежат истории, а потому вряд ли заинтересуют кого-нибудь здесь, в самом центре старой Гаваны.

– Стало быть, Дудаева раздобыла и привела на царство Старовойтова?

– Нет. Ничего подобного я не говорил. Она его заметила и – скажем так – испытала к нему некоторую политическую симпатию, о которой соответственно доложила в Москве. А там произошло то, что часто происходит с вашей сестрой в кулуарах большой политики. Ее оттеснили. Был тогда в Администрации президента забавный триумvirат, именуемый «три Сережи» – Филатов, Шахрай, Степашин, которые генерала под белые ручки – да на чеченский трон. Ну, технически там, разумеется, были всякие народные собрания и камлания старейшин, однако сути это нисколько не меняет. Привезли. Посадили.

– Но зачем?

– Ну, это вопрос без ответа. То есть понять Старовойтову я не могу, но могу предположить некоторые гендерные мотивы. Зато – у каждого из Сереж была, вероятно, своя мотивация. Могу предположить, к примеру, что рафинированный московский интеллигент Филатов побаивался генеральского окружения Ельцина. И правильно делал – как показало время. Тогда до открытого противостояния дело не дошло, но – возможно – хотелось ему, на всякий пожарный, иметь про запас – своего генерала. Впрочем, это всего лишь гипотеза, и не слишком серьезная, если честно. Словом, это не так уж важно, и сознательного злого умысла на первоначальном этапе приведения Дудаева к власти я не усматриваю. Мелкие, собственные, частные страстишки, делишки – это да. Все началось позже. Когда Дудаев показал себя во всей красе, а сделал он это быстро. Помните, как это у старика Хоттабыча: трах-тибедох-та-тах – и независимый президент независимой Ичкерии. И ультиматумы из Кремля. И абсолютное спокойствие Грозного, подкрепленное совсем даже неплохим арсеналом. 42 танка, 66 единиц бронетехники (БМП, БТР и БРДМ), 590 противотанковых средств (ракеты с кумулятивным зарядом), артиллерии и минометов – 153 единицы, в том числе 18 реактивных установок залпового огня «ГРАД», стрелкового вооружения – около 42 тыс. стволов, из них 28 тыс. автоматов Калашникова, 678 танковых пулеметов, 318 крупнокалиберных пулеметов, 533 снайперские винтовки Драгунова, 17 переносных ракетно-зенитных комплексов, боеприпасов для стрелкового оружия – около 14 млн штук, более 150 тыс. ручных гранат. На двух авиабазах – в Ханкале и Калиновской – находилось более 250 учебно-тренировочных самолетов «Л-29» и «Л-39», которые могли нести или по две авиабомбы весом по 100 кг, или две кассеты с 32 неуправляемыми реактивными снарядами каждая.

Кто оставил все это Дудаеву? Зачем? Думаю, ответ на эти вопросы не узнает уже никто и никогда. Опустим детали. Я, кстати, совершенно случайно стал свидетелем беседы едва ли не всего нашего российского руководства в день, когда Дудаев в феврале 1993 года протащил новую Конституцию Чечни, по которой в республике практически установился режим единоличной президентской власти, парламент был распущен. Ельцин был в ярости. Бурбулис, Руцкой, Баранников, Грачев, Гайдар – возможно, кто-то еще, сейчас уж не вспомню, замерли в ожидании бури: – Ну что будем делать? – президент говорил тихо, но его негромкие реплики, как правило, не предвещали ничего хорошего. – Вы мне говорите теперь, что это узурпация власти? И что – в ответ?

– Если вы меня спрашиваете, – отозвался Руцкой, – немедленно поднять самолеты и разбомбить... до последнего камня.

– Поздравить с избранием, – неожиданно подал голос Баранников.

Ельцин развернулся к нему всем своим огромным корпусом, и непонятно было – то ли чтобы лучше вникнуть в идею, то ли – дабы уничтожить собеседника не только словами, но и массой тела.

У Ельцина это получалось как-то особенно удачно и страшно, он нависал над собеседником и, казалось, всей своей медвежьей массой готов подмять под себя и раздавить, заломить, если уж использовать таежную терминологию.

Пауза была короткой, но за это время Ельцин успел оценить идею Баранникова – война сейчас ни к чему.

– Вот и поздравляйте! – бросил коротко. И, развернувшись, вышел, ни с кем не простившись.

И это тоже была не случайная фраза раздосадованного правителя. Он не готов был к войне. Но и поздравлять самозванца он не намеревался. Правительственная телеграмма ушла следующего содержания: «Генерал Баранников поздравляет генерала Дудаева».

Однако ж все это исторические анекдоты. А знаменитая война между «ястребами» и «голубыми» в Кремле была ничем иным, как войной между не слишком дальновидными и, возможно, не блещущими интеллектом государственниками, понимавшими, что Дудаева надо любой ценой убирать из республики и Кавказа в целом, и некоторой частью – я подчеркиваю, некоторой, потому что и среди «голубей» были вполне порядочные люди, искренне желающие России добра, – и людьми, продолжающими тянуть время и пугать Ельцина.

И все эти экзерсисы с Дудаевым, когда ему, практически не таясь, демонстративно внедряют под руку за пределами слабую оппозицию – тихого, интеллигентного, многодетного Автурханова, и рассчитывают –

зная свойства его природы – на что? На то, что он умерит амбиции и смирит гордыню? А не напротив ли – выйдет из себя и наломает дров.

Когда бомбардировщики с бомбовым грузом на борту поднимаются в воздух, имея четкий приказ нанести бомбовые удары по местам дислокации дудаевской гвардии и самого генерала. И уверенность у тех, кто отдает этот приказ, – стопроцентная. Результат будет. А генерала Дудаева и цвета его приближенных – уже нет.

А через пятнадцать минут полета из Москвы по ВЧ звонит один из помощников президента и от его имени требует остановить исполнение операции. Что, кстати, в принципе невозможно, потому что бомбардировщики со своим смертоносным грузом на борту не могут совершить посадку. Но помощнику до этого нет никакого дела, и он настаивает. А президент к телефону подойти не может, хотя откуда-то – издалека – слышится его голос, будто бы повторяющий приказ. Что остается, потвоему, делать человеку, командующему операцией?

– Понятия не имею. Сбрасывать бомбы в какое-нибудь пустынное место.

– Молодец. Он думает так же. И лихорадочно изучает карту прилегающих к Чечне пустынных калмыцких степей, и находит пятачок. И отдает приказ.

– Кирсану звонить будем? – интересуется кто-то из офицеров.

– Обойдется, – решает тот, кто принимает решения, будто срывая зло на всю нынешнюю власть на одном-единственном президенте. А может, располагая каким-то своими соображениями на этот счет. И будто бы все обошлось. Перегорело.

Но когда летчики докладывают о том, что груз сброшен, он с нечеловеческой силой бьет кулаком по столу – и тяжелый литой браслет от часов разлетается как дешевый браслетик из бисера. Такие вот шли в то время игры. Такие вот перетягивания каната. До выборов – 1996 года – того времени, когда новая поросль была бы уже вполне в состоянии претендовать и взять власть в стране в свои руки – оставалось два года. Эти ближайшие два года Ельцин устраивал всех.

– Потому что была цель.

– Разумеется.

– И эта цель называлась – нефть. Ну, или углеводороды в целом. За ширмами войн и политических переворотов некоторые люди должны были стать собственниками. Не так ли? С тем, чтобы потом – на определенных условиях поделиться и бла... бла... бла...

– Совершенно так.

– Но зачем такие сложности? 1993-й. Нефть – что-то около 7 долларов за баррель, месторождения просто не на что разрабатывать. Слушай-

те, я не нефтяник, но я хорошо помню, в каком состоянии тогда была отрасль. Еще лучше я знаю – так уж случилось, для вас это, верно, не секрет – людей, которых якобы готовили в те самые национальные промышленные и финансовые элиты. Чтобы потом – уже полюбовно договорившись с ними, получить желаемое. Так далеко они не считали, поверьте. Модным словечком тогда было «тема» – что означало возможность быстро и без особых затрат поднять приличные деньги. Чтобы немедленно забыть про тему, переключившись на другую.

– Это прекрасно, что вы так хорошо помните те времена и особенности национального бизнеса.

– Помню ли я? Хотите – к примеру – короткую и очень смешную историю, наглядно иллюстрирующую эти самые особенности?

– Ну, разумеется, хочу.

– Ну, так вот, в ту пору именно – было дело – мы боролись за лицензию на организацию мобильной связи на территории одной из бывших советских республик. Кроме нас там присутствовали еще турки, и, по-моему, французы. И, разумеется, предполагалась взятка.

Мы рассчитывали на миллион. То есть – мы готовы были ассигновать миллион. В действительности лицензия «тянула» на все десять. Притом – мы были абсолютно честны. В столицу республики я прилетела за месяц до официального тендера. И сразу же вступила в конфиденциальные переговоры с доверенным лицом тамошнего президента – вице-спикером местного парламента. Надо сказать, он был большой оригинал – встречи назначал в тенистом парке, окружавшем отель, неизменно – в половине восьмого утра. Два дня подряд, едва проснувшись и наскоро проглотив чашку кофе, я отправлялась на свидание. Косые лучи утреннего солнца насквозь пронизывали тенистые аллеи, пустынные в эти ранние часы. Доверенное лицо бережно поддерживало меня под руку – и так, будто счастливые любовники, которые никак не могут расстаться после бурной ночи, бродили мы под сенью раскидистых лип и пятнистых платанов. И говорили, близко сдвинув головы, почти шепотом. Не о любви, разумеется, совсем не о любви. Отнюдь.

В первый же день я предложила «лицу» популярную в те годы схему цивилизованного получения взятки. В любой указанной им офшорной зоне – хоть в экзотическом Гибралтаре, хоть в неприметном Джерси, крохотном городишке на побережье Атлантики – двадцать минут полета из Лондона на маленьком самолете внутренних линий ВА – открывается счет. На чье угодно имя. На счет поступают деньги, однако банковское соглашение составлено таким образом, что воспользоваться ими новый клиент может только тогда, когда банк получит сообщение от лица, сде-

лавшего вклад. Сообщение – понятно – поступает в тот момент, когда получатель полностью выполнит свои обязательства. Если же по истечении оговоренного срока сообщение не поступает – вклад навсегда остается в банке. Обман, таким образом, не выгоден никому. Все было просто, понятно даже школьнику – и безотказно работало на всей территории постсоветского пространства. И даже за его пределами.

«Лицо» слушало внимательно, беззвучно шевелило губами, пытаясь в точности запомнить каждое слово, донести суть хозяину, ничего не напутав. На следующий день все повторилось с точностью до наоборот. «Лицо» старательно, как школьник, вызубривший вчерашний урок, пересказало мой вчерашний спич, сверяя каждый пункт схемы: «Я правильно понял? Вы это имели в виду? Все произойдет именно так?» Я терпеливо кивала – все так. И никак иначе. Через час, уставший, но, похоже, удовлетворенный вполне, он проводил меня до порога гостиницы, многозначительно обронив на прощание: «Это очень интересная схема. Очень. Думаю, наше сотрудничество будет плодотворным».

Я позвонила Антону, в полной уверенности, что дело сладилось, велела предупредить банкира о предстоящей транзакции. И с удовольствием завалилась спать: утренние прогулки – признаться – изрядно выматывали. Поздним вечером «лицо» назначило новую встречу.

Хронический недосып притупил внимание – явившись в треклятые семь тридцать на «наше» место, я не сразу заметила: он был явно не в своей тарелке.

Едва поздоровавшись, мой утренний собеседник начал мелко перебирать ногами, выписывая вокруг меня загадочные круги. Не взял – привычно – под локоток, не двинулся чинно вдоль прохладной аллеи. Что-то было не так. «Конкуренты!» – мысленно всполошилась я. И ошиблась. – Мы с большим интересом изучили вашу схему, – он замолчал надолго, продолжая при этом странное движение по кругу.

– Вас что-то не устраивает?

– Нет, отчего же. Устраивает вполне... Вот только...

– Сумма?

– Да, – немедленно отозвался он.

Я вздохнула с облегчением. Слава богу, не конкуренты. А сумма – вопрос обсуждаемый. Мы готовы были удвоить, и даже утроить. К счастью, ничего этого я не сказала. Он заговорил первым.

– Понимаете, у нас выборы, – он заходил издалека. «Пятерка» – без энтузиазма подумала я. И снова ошиблась. – Деньги понадобятся скоро, причем – здесь и сейчас, как говорят психологи. Вы меня понимаете?

– Пока – не очень.

– Ваша схема, конечно, очень привлекательна. Но ситуация у нас, откровенно говоря, довольно сложная.

– А конкретнее?

– Сто тысяч. Наличными. И – вопрос решен. А? – он наконец остановился и просительно заглянул мне в глаза.

– Чего – сто? – вид у меня, надо полагать, был ошалелый.

– Долларов, конечно, не наших же тугриков. Но – в ближайшие дни. Вас устроит?

Нас устроило. Этим же вечером муж прилетел в уютную столицу с аккумулятивным кейсом, в котором – как кашеева смерть в утином яйце – лежали десять аккуратных пачек, по десять тысяч долларов каждая. Наш пропуск в мир одной из самых высокорентабельных – тогда – отраслей предпринимательства. Он прибыл сам, желая удостовериться, что я не сошла с ума. Такая история.

Такой был бизнес. И вы полагаете, что кто-то в этих условиях стал бы всерьез вкладываться в углеводороды? Кто-то рассчитывал так далеко и тонко. Не верю.

Я знаю – теперь, впрочем, вернее будет говорить – знала их всех как облупленных, как собственные семь пальцев. Впрочем, «семибанкирщина» – скорее некая страшилка, навеянная конкурентами по аналогии с семибоярщиной. На самом деле заметных – на ту пору – персонажей в бизнесе было больше. Не существенно. Но больше.

– Вероятно. И история действительно смешная. И показательная. Кстати, намного более показательная, чем кажется вам в первом приближении. Вы что именно – не затруднит повторить – так удачно приобрели за сто тысяч долларов?

– Лицензию на организацию сотовой связи формата GSM.

– Великолепно. Иными словами – пропуск в один из самых высокорентабельных и стабильных сегментов рынка IT. По сей – кстати – день. А еще – вы уж простите, но вы сами первой заговорили о том, что многое про вас мне известно, – ваш покойный супруг в то же примерно время приватизировал – сиречь получил в собственность – предприятие, именуемое несколькими годами раньше не иначе, как «флагман социалистической индустрии». И отчего-то не поступил с обретенным, как многие – не снес до основания, чтобы затем... непонятно – что. А медленно и шатко, но все же попытался наладить производство. А кто-то – снес. А кто-то вот также же, почти случайно и потрясающе выгодно, возможно, всего-то за пятьдесят тысяч долларов, купил у чиновного жулика нечто, что вскорости не только не принесло прибыли, но и потребовало вложений, которые для «счастливчика» оказались категорически разорительными.

– Но это бизнес. То самое первичное накопление, когда рискуешь и теряешь все или получаешь сторицей, и снова рискуешь...

– Верно. И мы уже говорили об этом. В России эта эпоха – случайных миллиардов – миновала стремительно, а вот уже на следующем этапе в дело включились незаметные люди. вспомните, к примеру, разве не тогда ваш супруг заключил соглашение с крупным, британским – если я не ошибаюсь – адвокатским домом и аудиторской компанией... А кто-то этого не сделал. Или сделал, но с другими структурами и людьми.

– Но это слишком уж сильно смахивает на классическую теорию заговора. Некое мировое закулисное придирчиво выбирало – кому в России быть олигархом, а кому – кануть в пучине провального бизнеса?

– Ну, не так, разумеется. Утрируете. И утрируете сознательно. Процессы шли сами собой, объективно, согласно непреложным экономическим. И общая масса благополучно существовала и развивалась в этих процессах. Но в общей массе – были отдельные фигуры, которые представляли отдельный интерес. На будущее. Вот с ними работали – поверьте мне – более тщательно и тонко. А отбирали эти фигуры мальчишки-кролики, прошедшие подготовку в лабораторных условиях. Под чутким руководством «единомышленников» – мы, кажется, сошлись на этом термине, дабы избежать шпионских страстей и пугалок.

– Они же – пока молодая поросль набирала вес и необходимые аксессуары, занимались операциями прикрытия.

– Гениально. Вам бы стоило попробовать себя на ниве шпионского романа.

– А что я – собственно – делаю?

– Вы – между прочим, с небывалым легкомыслием, практически не отдавая должного – поглощаете сейчас одно из самых искусных блюд этого заведения – «турнедо примадор» – мясо, приготовленное по усмотрению шефа... Кстати, готовьтесь: через несколько минут он выйдет в зал и устроит вам форменный допрос с пристрастием относительно самого мяса, его выбора, его искусства и кулинарных предпочтений вообще.

2003 ГОД
МОСКВА

Сначала мы подумывали о том, чтобы заказать еще бутылку вина, слишком уж занимательной становилась история. Но внезапно развеселившаяся было Лиза будто собралась и даже погрустнела.

– Давай не будем. Вернее, не сейчас. Самой хочется напиться, но приключения с мальчиком-геем уже близятся к завершению. А то, что я скажу тебе потом, требует ясных мозгов.

– Как скажешь. Но приключение-то чем-то закончилось?

– Чем-то страшно далеким от взаимоотношения полов, хотя – собственно, – не сложишь этого дурацкого приключения, мы бы здесь не сидели. Ну, разумеется, я спросила его: почему? А вернее – зачем? К чему все эти ухаживания и публичные полуобъятия? И он ответил совершенно честно и прагматично, хотя и пытался изображать «страдания молодого Вертера». Не от любви ко мне, конечно, от того, что ориентация сильно осложняет его карьерное продвижение.

– Разве? Мне казалось – это теперь повсеместно и весьма способствует. – Ну, в определенных кругах – наверное. Но педагогика. Элитарная гимназия, готовящая, ни много ни мало, будущее России. И потом Лемех – патологически консервативен. Он даже в постели устойчиво отдает предпочтительную позу миссионера. А если вдруг получается иначе – кажется, чувствует себя отцом семейства, застигнутом в публичном доме. Честное слово.

– А... Девочек, ну как он их называет?

– Говядина? Уверена – то же, по тем же канонам. С тем же усердием. Ну, да бог с ним, с Лемехом. Можешь поверить – малыш меня разжалобил поначалу.

– Ну, разумеется. Столько лет в Европе – толерантность в крови.

– Нет, дело не в Европе, нам, посольским детям, в ту пору такую толерантность не прививали. Просто стало жалко – он по всему был талантлив, умен, и уж точно не собирался совращать мальчиков-гимназистов.

– И ты согласилась ему помочь.

– Ну, прежде всего – мерзость, которой меня напоили, кажется, продолжала действовать, но уже другим образом – мне уже не хотелось ни безудержного веселья, ни безудержного секса, – а только спокойного тихого сна. Все равно – где. Хоть за столом – мордой, что называется, в салате. Главное – чтобы никто не мешал.

– И он, конечно, обеспечил условия.

– Ну, разумеется. Отнес в постель, снял джинсы, кросовки, носки.

– Белье?

– Нет, белье оставил. Не поднялась гейская рука на лифчик со стрингами. Не смог себя заставить. Сам, между прочим, тоже разделся до трусов – и улегся рядом. Уютно, надо сказать, улегся. Удобный, мягкий, теплый. И мы заснули. И в полной гармонии проспали до утра, и даже не удивились, пробудившись. Знаешь, как это бывает спяну в чужой постели: господи, да кто же это? Нет. Все вспомнилось сразу, видимо, слишком уж глубоко потрясло накануне сознание. Мое – по крайней мере. Улыбнулись нежно. Пожелали друг другу доброго утра.

– Я сейчас – сказал он тоном заговорщика, из которого следовало, что пошел не писать под соседний куст.

«Неужели принесет кофе? – подумала я – Хотя лучше бы он принес шампанского. Холодного винтажного розового Cristal, которое я иногда любила по утрам. После удачной ночи. Но это – то, что он притащил минут через пятнадцать – было лучше».

– Лучше холодного Cristal утром с похмелья?

– Лучше. Это были кувшинки. Большие белые мокрые, на длинных спутанных стеблях. Он сбегал к реке и сплавал за ними в какие-то заросли. И аккуратно устелил ими всю кровать.

– И это было... искренне?

Она пристально смотрит мне в глаза. И горькая морщинка снова струится вдоль от кончиков губ – к подбородку. Потом она произносит безо всякого зла, без обиды и даже легкого раздражения. Ровно и вежливо, как умеет только она. Наверное, этому учат дипломатических детей на каких-то специальных курсах в школе а может еще раньше – в детских садах.

– Умная ты баба, Машка. Но жестокая.

Я не обижаюсь. Потому что это правда. И только пытаюсь объяснить природу своей невольной жестокости.

– Я просто не терплю иллюзий. Они – опасная штука, потому что следом, когда иллюзии рассеиваются, как дым, а рассеиваются они непременно, становится очень плохо. Так плохо, что лучше отказаться от той короткой радости, что закружится вроде бы в тумане иллюзий.

– Не оправдывайся. Потому что ты права. И еще потому, что я такая же – не знаю, как насчет ума, но жестка до жестокости. И про иллюзии знаю все не хуже тебя. Так вот, отвечаю на твой вопрос: нет, это было не искренне. Притом вдвойне. Или даже тройне.

– И откуда такая множественность?

– А вот давай считать.

– Интерес первый. «Записаться» в гетеросексуалы.

– Я б даже сказала – мачо. Трахнуть жену босса, да еще такого босса, как Лемех, – можно сказать, у всех на виду. И утром... Как это... «лепестка-

ми белых роз наше ложе устелю...» Это мачо. Чистейшей воды мачо, независимо ни от какой ориентации.

– Или альфонс.

– Я, говоришь, злая?

– И умная.

– И что же, он у тебя денег попросил?

– Не денег – протекции. Но какая разница. Но это пусть будет в-третьих, потому что разговор будет долгим.

– Ладно. Интерес второй.

– Вот. Я ведь его первый интерес – разумеется, спьяну, – но какая разница-то, в конце концов, – приняла близко к сердцу. Жалко мальчика стало настолько, что решила подыграть.

– Ты что-то путаешься в показаниях, матушка, то – захотелось переспать, то подыграть.

– Ну, это последовательно. И не важно. Утром, в кувшинках, пусть и без кофе и шампанского, я решила, что подыграю ему, как смогу. Публика – как ты понимаешь, что там, что здесь – со всем своим гламурным рафинадом волнует меня мало. Совсем не волнует, если быть честной. Ну, пять-шесть человек максимум, мнением которых дорожу. Ты – в команде, кстати, хотя тебе это может быть глубоко безразлично.

– Премного благодарны, барыня. Идем дальше. На народ – плевать с высокой колокольни. И это правильно. А Лемех?

– С Лемехом я хотела говорить. И надеялась договориться. Ну, есть у меня в рукаве пара тузов – иначе какая бы я была умная жена, – в обмен на которые он закрыл глаза и на ориентацию, и на мое – якобы – похождение. И в благородном порыве я посвятила в свои планы бедного мальчика.

– И он заплакал и снова стал целовать тебе колени, а потом так увлекся, что исключительно из благодарности все же трахнул тебя на ложе, усталом белыми кувшинками.

– Мимо. Спокойно и вежливо, даже – ласково, он разъяснил мне, что господин Лемех в курсе его сексуальных увлечений...

– И сам... ?

– Нет, до этого дело не дошло. По крайней мере, мне про то ничего сказано не было. И неизвестно. Хотя поручиться – как ты понимаешь – не могу. Время теперь такое.

– Да и кого это волнует на самом-то деле?

– В данном контексте – меня. То есть не волновало поначалу – смешило. Потом – почти умиляло. Какое благородное дело творю – прямо что-то из сентиментальных голливудских историй. Потом мне стало интересно. Лемех знает? Тогда к чему весь этот спектакль?

– Потому что он гений, ваш муж. Это – собственно – его идея. Разумеется, малыш рассказал мне ее другими словами. Запинаясь. И пересыпая текст превосходными степенями.

Но сказано было – уж я-то знаю, что как и кому говорит Лемех – примерно следующее: приедет Лиза, она дама приятная во всех отношениях. Еще молода вполне, красавица, да будь хоть Бабой-Ягой, – моя жена. Приударь. Она дама тонкая, ценит разные изощренные красоты. Короче – сумеешь изобразить свою пылкую влюбленность, а с ее стороны пусть даже легкий флирт, будем считать, тема закрыта. Да и ей пойдет на пользу история про молодого влюбленного Вертера. Я так думаю. Для поднятия общего тонуса.

– Только не говори мне, что и кувшинки придумал Лемех.

– Нет, кувшинки были чистой воды – прости за дурной каламбур – импровизацией. Другое дело – и это меня веселит несказанно – Лемех никак не мог предположить, что я напьюсь какого-то деревенского пойла и с энтузиазмом прыгну в постель несчастного гея. Представляю его физиономию. Но сказать ему особо мне будет нечего – сам виноват, не предупредил. Что до супружеской верности – вообще. Этой темы он не касается принципиально. Себе дороже.

– И это, как я понимаю, был второй интерес твоего романтического альфонса – угодить Лемеху.

– Да. А вот теперь третий – самый интересный. Слушай. Мальчик был, конечно, неглуп, но легкий успех, как ты понимаешь, притупляет бдительность. Ну, и жадность – как сильный побудительный мотив. Так уж все хорошо сложилось у него нынче, что он решил рискнуть, а вдруг повезет и в большем. И попросил. Не денег, нет. Карьерной протекции.

– Подумаешь.

– Еще как подумаешь – он просил продвижения в системе, о которой я даже не имела понятия.

– Ну, мало ли о чем в империи Лемеха ты не имеешь понятия.

– Нет, это была та самая система, куда меня определили свадебной генеральшей. Но оказывается, я и понятия не имела, что это за структура на самом деле. И для чего – собственно – ее создали и готовят. Вот что было главное. С этого – собственно – все и началось.

1993 ГОД
ВАШИНГТОН

Он заснул только около четырех и надеялся проспать до обеда – но при этом он непременно должен был один раз проснуться ровно в половине десятого утра – в это время борт номер один, по его расчетам, должен был занять положенное место в начале взлетной полосы. Именно в этот момент – ни секундой раньше и ни секундой позже – попутчики президента, занявшие места в первом салоне, выключат свои мобильные телефоны. Это был своего рода ритуал и некий признак, говорящий о том, что персона знакома с тем, как ведут себя при дворе. Вроде длины панталон во времена каких-то там Людовиков – ни на сантиметр длиннее или короче. Иначе – всеобщее, молчаливое разумеется, осмеяние. Он даже подумал, засыпая, что смешные и на первый взгляд нелепые обыкновения современных аппаратчиков – из тех, к примеру, что своя секретарша ни за что не имела права переключить аппарат на шефа, пока на другом конце провода другой шеф не взял бы трубку, чтобы свой – упаси боже – не унизился до того, что услышал голос чужой секретарши, – средневековый, в сущности, ритуал. И пришел наверняка из Средневековья и тамошних придворных традиций.

Словом, вассал моего вассала, как и прежде, никак не мог быть моим вассалом. И с этой – почти счастливой мыслью – он заснул. Проснулся, как и предполагалось, оглушенный будильником. И практически рефлексивно – настолько ясно вчера была поставлена задача – схватился за трубку телефона. Слава богу, Дон отозвался сразу, вдобавок – пребывал в отличном расположении духа, из чего следовало, что место в первом салоне он получил без проблем.

– Ты что-то понял про психов, малыш?

– Да, но дело сейчас не в них, хотя это может быть отдельный – и очень любопытный сценарий. Я понял другое. Единственное условие варианта два – в нашем случае.

– Да? И что же это?

– Человек.

– Ну, это уже почти радует. У меня в голове мельтешило уже что-то инопланетное. И что же это за человек? Нам он известен?

– Нет, это гипотетический – пока для меня – человек, который сможет совладать с нашим третьим призывом. Персонально – с каждым. И – всеми вместе взятыми.

– У русских есть какой-то такой богатырь, я забыл, как он называется...

– У русских много богатырей. Есть, например, Илья Муромец, – немолодой женский голос внезапно включился в разговор, и Стив понял, что шефу повезло сегодня совершенно особенным образом – они оказались в соседних креслах с Мадлен Олбрайт. Самой Мадлен, только что назначенной представителем США в ООН.

– Слышишь, старик, миссис Олбрайт интересуется, который именно из этих богатырей разрушит наши планы.

– Я не знаю.

– Мне так и сказать госпоже Олбрайт?

В трубке послышался смех. Потом – коротко и невнятно – заговорил Дон, объясняя Мадлен суть вопроса. Потом повисла короткая пауза. И Стив подумал: все. Они пошли на рулежку, и телефон теперь выключит даже Мадлен. Но время нынешним утром работало на него. Мадлен не только не выключила телефон, но – более того – сама взяла трубку.

– Доброе утро, Стив. Кстати, оно уже наступило. Подозреваю, ночью ты работал.

– Да, мэм. Но уже успел поспать. Потому – доброе утро.

– Значит, большой нефтяной Тони – великий и ужасный, пророчит нам крах и катастрофу?

– Нет, мэм, он только предполагает, что успех нынешнего проекта может оказаться недолговечен.

– Он всегда предполагает худшее. – Она помолчала, и Стиву показалось, что он не только расслышал тяжелый вздох, но и увидел тонкие старческие губы Мадлен, не слишком аккуратно покрытые не слишком удачной помадой, – о вечных ее «ляпах» по части туалетов и макияжа в Вашингтоне не говорил только ленивый, – сложенные в недовольную гримасу. Впрочем, эта гримаса была скорее гримасой согласия, нежели протеста.

И он не ошибся.

– И почти никогда не ошибается. Значит, нам понадобятся психи, чтобы... что? Я понимаю, ты занят сейчас именно этим?

– Чтобы раскатать лодку, из которой выпадет человек...

– Да-да, я помню – богатырь. Но ведь это не Ельцин.

– Нет, мэм, разумеется, нет.

– И ведь он предполагает избираться в 1996 году?

– Да, мэм, это практически решено.

– И – выходит – этот... хм... богатырь его конкурент на выборах?

– Я так не думаю, хотя это будут очень сложные выборы, мэм. Рейтинг Ельцина падает стремительно.

– Это понятно. Как понятно и то, что он должен остаться в Кремле еще как минимум на четыре года. Если, разумеется, это совпадет с планами Господа Бога.

– Нам остается только молиться, мэ.м.

– Молитвы, Стив, – оставим молящимся. Нам остается работать. И знаешь что, дружок, по возвращении я бы хотела взглянуть на пару-тройку твоих сценариев по московским выборам 1996 года. Я ничего не путаю – ты ведь называешь их сценариями?

– Да, мэ.м.

– А знаешь, мне нравится – звучит достойно. И подчеркнуто творчески. Прости, мальш, сейчас у меня, кажется, просто отберут телефон и вышвырнут его в иллюминатор. Впрочем, это ведь телефон твоего шефа, так что ничего страшного. И мы вполне еще можем поболтать пару секунд. Мне нужны сценарии, Стив. Немедленно – по возвращении. И твои соображения по поводу этого загадочного богатыря, которого так боится большой нефтяной Тони.

Связь прервалась. А Стив подумал, что большой нефтяной Тони боится не столько русского богатыря, на которого старушке Мадлен придется выпускать армаду психов. А чего-то, что заставит выпускать тех же психов, его ближайших соратников и партнеров по гольфу – отца и сына, обитателей уютного ранчо под засушливым небом Техаса. И удивился – эта странная, довольно невнятная мысль снова породила в душе чувство необъяснимой, но отчетливой тревоги. Впрочем, день – уже не утро даже – всю диктовал свои условия. И первым из них было: никакого сна. Кем и чем бы ни был Стив – по сути – в структуре СНБ, столь легкие и почти бесшабашные разговоры с Мадлен Олбрайт случались не часто. Теперь он был, безусловно, вдохновлен. Но главное, он получил – даже не от Дона, который, понятное дело, был проводником, глашатаем и ближайшим советчиком, – от нее лично целых два задания, каждое из которых занимало его настолько, что – ей-богу – была бы такая возможность и немного свободного времени – занялся бы и сам. Просто так. Исключительно – для собственного удовольствия.

С предстоящими в России через пару лет выборами многое уже было ясно, и сценарии – а Стив отчетливо видел два основных и третий, вспомогательный, нежелательный, но не фатальный – не составляли никакого труда. Некоторая аналитика из собственного компьютера, немного информации из источников СНБ – и несколько часов работы. На круг – выходил приблизительно день. Стив встретил его в добром расположении духа, сопроводив большой дымящейся кружкой кофе. Без кофеина.

- Вы, кажется, собирались загорать на Варадеро...
- Ну, загорать можно где угодно, а вот послушать ваши истории...
- Ну, разумеется, манипулировать мужчинами – тем более, пожилыми – легко. Немного лести, и он уже готов вести вас если не на край света, на Варадеро – уж точно.

Я не возражаю. Мне действительно все равно, где слушать его истории. И не истории даже – комментарии к событиям, минувшим только что, а возможно – еще продолжающимся. Но как бы там ни было – мы едем на Варадеро. Хотя побережье не вызывает у меня такого эмоционального потрясения, как Гавана. Скажу больше – когда-то, проведя рождественские каникулы на Мальдивах, я начала писать рассказы, которые собиралась составить в сборник. И даже название этому сборнику придумала – «Пальмовый рай». Сборник в итоге не сложился, но определение осталось в памяти и в обороте. Теперь уж, видно, навсегда.

Так вот, если проводить аналогии, Варадеро – пальмовый рай эконом-класса, притом, что существуют на свете пальмовые кущи и бизнес-, и первого класса, и – если уж следовать авиационной терминологии – маленькие частные business-jet Citation, с креслами красной крокодиловой кожи и пледами из шерсти викунии. Впрочем, сами пальмы так же зелены и тенисты. И горячий песок слепит белизной, и океанский прибой ласково лижет ноги, а если вдруг налетает ветер, напомнить всем здесь, что не следует грозной Атлантике вести себя как шаловливому щенку-попрошайке, то это тот самый свежий ветер Атлантики, столь любимый моему сердцу в Довилле, за то, что чудным образом прочищает легкие и проветривает душу. Словом, все это – пальмы, океан, песок и ветер – не подлежат никакой девальвации.

А вот омары – или лангустины, на здешний, Карибский манер – оказывается, подлежат. Здесь их – в более или менее съедобном виде – подают почему-то в одном-единственном ресторане. И совершенно непонятно – почему? Если океан – вот он, со всем своим гастрономическим изобилием... Ласково лижет ноги. Впрочем, понятно как раз, и даже очень. Особенно нам, птенцам эпохи развитого социализма, читателям и поклонникам Михаила Афанасьевича Булгакова с его «профессорско-преображенскими» сентенциями про калоши, которые волшебным образом пропадают с приходом большевиков. С приходом социализма столь же загадочным образом пропало (ну, или почти пропало) искусство готовить свежие лобстеры на Кубе. Впрочем, все поправимо,

и полагаю – в ближайшем будущем лобстеры появятся. Да и при чем – собственно говоря – здесь лобстеры?

– Знаете, я вот тут некоторое время понаблюдал за вами...

– Это в каком – простите – смысле?

– В самом приличном и даже пристойном – можете быть спокойны. Скорее, за вашей реакцией на наши разговоры.

– И что же?

– Любопытно. Вы охотно – без тени даже сомнения верите в любые политические коллизии, но с большим скептицизмом относитесь ко всему, что касается бизнеса. Иными словами, вы готовы едва ли не безоговорочно поверить, что Вашингтон или какое-то мировое закулирье – легко, как колоду дешевых карт, тасовало, тасует и, видимо, будет продолжать тасовать властные элиты нашей страны. Но как только речь заходит о бизнесе, вернее – о людях бизнеса – вас обуревают сомнения. Меня, признаться, это несколько удивляет. Настолько хорошо знаете людей, о которых идет речь? Настолько уверовали в силу денег, перед которыми – все ничто: и власть, и мировое закулирье? – Все купим, все поставим себе на службу? Или – что? Признаюсь, впервые за время нашего знакомства поставили меня в тупик.

– О, так это почти комплимент? Да?

– Ну, если вам это так больше по душе – пусть будет комплиментом. Но почему? Что у вас за железобетонная уверенность такая в этой третьей и заключительной шеренге?

– Третьей?

– Ну, если считать первой агентов влияния вкупе с – как это вы говорите? – единомышленниками, то вторая – это мальчишки-кролики, которых подманили скромными грантами и дорогими галстуками, показали, как – на самом деле – можно и нужно жить национальной элите, обучили кое-чему и лоббировали назначение в разные властные кабинеты – вплоть до вице-премьерских. Вот они-то – вторые – и должны создать для третьих благоприятные условия, чтобы стали третьи уже почти настоящей бизнес-элитой, которая – в сущности – во всем мире и управляет странами и народами. И не было бы в этом ничего плохого, а одно только хорошее – потому что смело можно было бы говорить тогда о полной и окончательной интеграции России в когорту мировых держав, если бы не одно – а вернее, целых три – но. Первые, вторые и третьи только с виду свободны и независимы в своих решениях, а на деле – давно и прочно висят на крепких нитках, похожие на кукол в очень профессиональном кукольном театре, и двигаются исключительно по команде кукловода. Но об этом мы уж гово-

рили многократно. Ответьте все же – отчего вы более всего сомневаетесь в зависимости третьих?

– Ни секунды не сомневаюсь. Подвела вас ваша профессиональная наблюдательность.

– Старею. Расслабился вдобавок совершенно недопустимо.

– А, расслабились?

– А вот этого вам знать совершенно не обязательно.

– Ну и пожалуйста. Так вот – в «третью колонну» – я не только что верю, но могу добавить к вашей информации – впрочем, в вашем случае надо говорить, наверное: информационному массиву, – еще одну историю. Но какую! Полагаю, эта история и стала последней каплей, переполнившей уж не знаю что – чашу божьего терпения или какие другие неизвестные мне емкости – но именно она остановила тот самый процесс. Четвертым ничего не обломилось. Страна остановилась над пропастью, в которой ее ожидала не гибель, конечно, и даже не прозябание – но существование в совершенно ином качестве. Большого, небогатого, послушного и безгласного евроазиатского государства. Наподобие... Ну, не станем приводить примеры, дабы не гневить Бога – обижая малые народы.

– Да, мне говорили о вас и Лизе Лемех. А я, представьте, хорошо знал ее отца. Мир действительно тесен – какой бы банальностью это ни звучало. И мы еще поговорим об этом, если, конечно, вы захотите. Но сейчас – не дайте теряющему квалификацию старику окончательно пасть в ваших глазах. Что смущает в третьем эшелоне?

– Технология. Понимаете, я слишком хорошо представляю себе структуру и систему бизнеса тех времен, все было шатко, все крепилось на живую нитку – ну да, купили мы тогда по случаю лицензии на сотовую связь – повезло. И с комбинатом повезло. Но существуй какая-то система, когда – одним и послаще, другим – поплоче, такой вот – если желаете, неестественный отсев, я бы не могла его не заметить.

– А он был вполне естественный. Поначалу. А вот проблемы, которые начались позже, носили уже вполне системный характер. Ладно, пойдем с другой стороны. Что, по-вашему, целенаправленно – причем вполне определенным людям – вручили одним из первых. Что за отрасль такую?

– Навскидку – не скажу. А гадать давайте не станем.

– Не станем. Средства массовой информации. НТВ – Гусинскому. ОРТ – группе товарищей, правда, довольно быстро переуступившей свои права одному-единственному.

И вдруг – отчетливо, как на экране – я вижу картинку. И вспоминаю историю четырнадцатилетней давности, лежащую к его словам, будто

специально подобранная иллюстрация. Тогда, в 1993-м, случайно вышло так, что буквально на моих глазах в течение полчаса – не больше – решилась судьба НТВ – нового канала. И не в Кремле, и даже не на Старой, а практически – в останкинском лифте...

Я работала в Останкино, в своей телекомпании. Еще выходил в эфир наш «выпуск негосударственных новостей», и скандальная «100° по С» еще собирала в ночном эфире огромную – по тем временам – аудиторию. Но уже зрели новые проекты, и одной ногой я уже была в АП.

Но все это произойдет в ближайшем будущем.

А пока – осенью 1993-го, в Останкино, мы монтировали последние кадры фильма «Поминальный репортаж», посвященного журналистам, погибшим 3 и 4 октября. Потом был короткий телефонный звонок. Пресс-секретарь Бурбулиса без особого энтузиазма сообщил, что шеф едет в Останкино и хорошо было бы его там встретить. К кому и зачем едет, Ларкин точно не знал. Но сам ехать не собирался, потому и звонил, чтобы – на всякий пожарный – переложить свои пресс-секретарские обязанности на меня.

Я не возражала, потому что – было время – довольно плотно работала с Г.Э. и сохранила к нему вполне хорошие чувства. И фильм – тот самый, который монтировала тогда – выходил под эгидой бурбулисовского центра «Стратегия». И мне в ту пору не было никакого дела до кадровых перестановок в АП. А дело, напомним, было в 1993-м. Бурбулиса уже отставили из госсекретарей и безвозвратно отлучили от тела. Впрочем, тело – как следует из будущих его мемуаров – было совсем не против. Словом, выезды Г.Э. утратили державный пафос и лоск, и даже собственный пресс-секретарь мог позволить себе роскошь не сопровождать шефа в Останкино.

Но как бы там ни было, в названное Ларкиным время я отправилась в вестибюль первого подъезда, встречать Г.Э. Особо не спешила, потому что хорошо знакома была с «коэффициентом Бурбулиса», проще говоря, с неистребимой привычкой Г.Э. опаздывать везде и всюду. Причем – весьма основательно. То есть пресловутый коэффициент равен был приблизительно одному-двум часам. В лучшем случае. Я позволила себе опоздать минут на тридцать. Бурбулиса, разумеется, не было. Но в мраморном вестибюле Останкино наблюдалась какая-то странная возня. Сначала мне подумалось, что встречают кого-то другого. Потом – мелькнула мысль, что в АП очередная кадровая рокировка, и Г.Э. вернулся в прежнем величии. И могуществе. Потом стало ясно: никто никуда не вернулся, никто никого не встречает. У стойки гардероба в окружении толпы охранников нервно топтался Владимир

Александрович Гусинский. Самолично. Я в душе подивилась нерадивости каких-то редакторов, позабывших встретить эфирного гостя. И стала ждать. И Гусь ждал. Время тянулось.

Бурбулис и в отставке остался верен себе – он появился спустя полтора часа после назначенного срока. Подошел ко мне. Коротко клюнул холодным, острым носом в щеку, изображая поцелуй, забрал руки – в свои. Зашевелил, перебирая мои пальцы, своими – тонкими, холодными, нервными. Так, не отпуская рук, повел за собой.

Это была известная бурбулисовская манера – бесцеремонно трогать женщин руками, целовать – холодно, но настойчиво, изображая то ли простое ухаживание, то ли – нечто большее. Ничего большего – впрочем – никогда не происходило. Ни с кем. Но манера имела свои плюсы. Ученые дамы из демократической оппозиции, девицы, подвигающиеся на околополитической ниве, не избалованные брутальным мужским вниманием, таяли, как стеариновые свечи на елке. Бурбулис слыл сердцем. Так – рука об руку – мы приблизились к Гусю.

– Ну, что? – в обычной своей кошачьей манере мякнул Бурбулис.

Гусь залопотал. Сумбурно – о том, что проект президентского указа о вещании НТВ на четвертом канале написан. Но никто не хочет нести его на подпись без визы Яковлева, а Яковлев не хочет подписывать, потому что кто-то плетет какие-то интриги, а никто из Кремля не хочет звонить Яковлеву, потому что старый лис Яковлев потом позвонит Деду и пожалуется на то, что... Тем временем мы пересекли холл и все толпой – Бурбулис, Гусь, я, помощник Бурбулиса, охранники Гусинского – загрузились в лифт.

– Хорошо, Володя... Я сейчас все скажу Александру Николаевичу...

Лифт между тем остановился на десятом – «правительственном» – этаже. Бурбулис отпустил мои руки, еще раз клюнул носом в щеку и пообещал заглянуть к нам, в редакцию. И – надо сказать – обещание выполнил. Вскорости появился в редакции. Выходило, что аудиенция Яковлева длилась минут тридцать, пятнадцать из которых они наверняка пили чай.

Спустя несколько дней Дед подписал указ о трансляции программ нового канала. И это – собственно – все.

Он слушает меня внимательно, с некоторым даже любопытством, явно не зная многого, из того, что я говорю. И я польщена. Хотя какая-то тревожная доля сознания аккуратно напоминает – это не худший способ получить информацию – дать понять собеседнику, что сообщает тебе нечто новое и безумно интересное. И тот, раззадоренный искренним вниманием, выдаст такие рулады, о которых и не помнил прежде. Или

полагал, что не помнил. И уж – по крайней мере – не собирался исполнять публично. Но – с другой стороны – что уж такого нового, кроме забавных деталей про топтание Гуся в останкинской гардеробе. Вдобавок еще неизвестно, чьи рулады сейчас породили чье откровение. Или воспоминание, о котором вспоминать не предполагалось.

– Да, показательно. Я б даже сказал, выпукло и ярко. Потом – под крышей незабвенного мэтра Игнатенко, если помните – учредили ОРТ. Те же семеро – тут уж свидетелем оказался по случаю ваш покорный слуга – за исключением, разумеется, Бориса Абрамовича, на мой взгляд, не слишком хорошо представляли себе, с какой целью – собственно – приглашены, кроме как дать денег, но к этому они уже вполне привыкли, потому вели себя совершенно как в процессе этого своего «движения».

– Вам и про это известно?

– Ну, это было широко известное мероприятие. Случалось даже как-то поучаствовать. Однажды. Так вот, под крышей Игнатенко мальчишки быстро заскучили, единственное, пожалуй, занятие было поначалу – рассмотреть поближе мэтров и отцов-основателей отечественного TV, впрочем, и это вряд ли. Те, отцы и мэтры, уж не по разу, надо полагать, съездили на поклон к каждому из семерки: и денег попросить под какой-нибудь сногшибательный проект, и компромат на коллег-конкурентов слить погуще, и себя предложить в качестве придворного телевизора, и – уж конечно – прозондировать почву по части кандидата. Так что и этого интереса не было у мальчишек, и они томились, и обменивались колкостями и названивали подругам и просто кому ни попадя – поболтать и убить время. Никогда не обращали внимания – мобильный телефон чем-то сродни сигареты, когда надо убить или, напротив, потянуть время, когда не о чем говорить, когда нужно замуфлировать эмоции – хватаются за трубку. Эти трепались от скуки. И напрасно. Потому что буквально у них под ногами, а вернее – по их ногам, обутым в уже вполне приличные британские и итальянские башмаки, струились потоки невидимых миру слез. То были слезы журналистов – претендентов и болельщиков за оных, которые, возможно, только сейчас, заглянув в круглые неуловимые глаза Игнатенко, осознали – все будет не так, как они решили. И вообще – никогда уж ничего уже не будет так. Потому что короткая, хотя – безусловно – яркая эпоха уплотнения властей завершилась.

– Уплотнения властей?

– Это когда три первых уплотнились для вида и для красного словца, чтобы временно допустить до правительственной лавки четвертую. Знаете, как на деревенской свадьбе – объявился гость, шумный, скан-

дальный, эдакий амбициозный гордец, ну и потеснились гости на почетной лавке по правую руку от женихова отца, пригласили гостя пригласить, выпить. Тот – понятное дело, загордился еще больше, и ел, и пил без всякой меры – ибо был не так, чтоб уж очень сыт и пьян, и говорил много, напыщенно, и к нему даже какое-то время прислушивались за столом, хотя на селе мужичонка был так себе – не авторитет. Но кончилось все быстро, напились гости – перебрал шумный односельчанин, дальше – как водится, слово за слово, и вот уж – глядишь – легким пинком пикирует с крыльца наш герой.

– Не жалуете вы прессу.

– Смотря какую. Я – вообще – не жалею людей, не понимающих своего предназначения в жизни. Вот положено тебе, к примеру, живописать, так и живописуй. Деньги за работу бери, ври нещадно, если совесть позволяет, не позволяет – живописуй честно, как умеешь. Но вот творцом того самого пейзажа, который тебе писать положено, мыслить себя не стоит. А те самые люди, о которых я говорю, – сброшенные позже увесистыми пинками с разного рода барских крылечек, – свято уверовали в то, что они на самом деле творцы истории. Если не просто – Творцы. Это, между прочим, тоже была часть продуманной и очень толковой программы – введение во власть, пусть и под номером четыре, возведение на пьедестал народных защитников и глашатаев, а главное – кормежка. Еда до отвала, вкусная, отменная, редкая. Понимаете, что – индизказательно. И помногу – чтобы процесс привыкания шел как можно быстрее. Потому что потом, когда настанет момент сбрасывания с крыльца, работать станут уже только за еду. И хорошо работать, вернее – соглашаться на любую работу, потому что когда молодое, воспитанное уже исключительно прагматически, образованное лучше и соображающее быстрее поколение начнет наступать на пятки, страх потерять ту самую вкусную еду, без которой организму уже – никак, будет крепчать и доводить до отчаяния. И порядочные когда-то талантливые люди станут отъявленными мерзавцами, и друг донесет на друга, а известный христианин, много пострадавший за веру, станет писать церковное мракобесие. Но что-то я разговорился.

– И просто изобразили какой-то медийный Апокалипсис.

– А он и настал. И в седле его мрачных коней оказались отнюдь не ангелы тьмы, а люди, умеющие манипулировать любой самой достоверной информацией таким образом, что она – оставаясь будто бы неизменной – становится прямой противоположностью самой себе. Однако даже эти искусные всадники – всего лишь клеветы, слуги тех, кто сказал, как нужно. Вот эту горькую истину и постигли наши медийные мэтры

тем самым вечером в ТАССе. Мальчики, которых они полагали покровительственно вывести на экраны и, возможно, издалека приобщить к важнейшему из всех искусств, не слишком церемонясь – потому что заскучали и заспешили по своим делам, – указали им, кто, как и по каким правилам будет теперь готовить голубое эфирное пойло. И помертвевший лицом Сагалаев, переступавший порог ТАСС едва ли состоявшимся главой ОРТ, и рыдающая Лисневская, и растерянный Листьев, который будто бы уже знал... Это было – я вам скажу, зрелище.

Ну а прочую печатную и эфирную мелочь делили уже тихо, быстро, но по тем же принципам. И вот теперь ответь мне – зачем? Отчего – так массивовано начали со СМИ?

– Ну, это понятно – выборы были уже не за горами. А я всегда говорила и готова повторять снова и снова: дайте мне пять минут эфирного времени в прайм-тайм ежедневно, и через год я из любой макаки сделаю президента.

– Это бесспорно. Но кроме предвыборных ожидалось еще крупные хозяйственные схватки – тот самый естественный отбор, который вы почему-то обозвали неестественным отсевом. И победители уже вплотную приближались к тому, из-за чего – собственно – ведется вся эта игра. К нефти, к углеводородам, которые к тому времени медленно, но неуклонно начинали подниматься в цене.

Но это произойдет двумя годами позже – в 1997-м. А главным событием грядущего 1996 года были, разумеется, выборы президента. Их ждали, безусловно. Но в конечном итоге – все было уже предрешено.

– Знаешь, – говорит она и неспешно оглядывает зал, – давай, может, переместимся в другое место. Хочется какого-нибудь бульвара, зелени, людей вокруг.

Обычный жест. Но мне видится в нем что-то пугливое. И не только видится, но и передается. Не по себе, неуютно, и даже холодно – зябко вдруг. Пытаюсь тем не менее шутить:

– Если за вами не следят, вовсе не значит, что у вас нет паранойи.

Но Лиза шутку не принимает. Понимает, разумеется, и даже улыбается сухо и вежливо, одними губами. Но глаза остаются тревожными. А потом становятся внезапно – испуганными и жалкими, как у ребенка, который не капризничает, а действительно напуган чем-то всерьез.

– А я вот, знаешь ли, совсем не уверена, что у меня нет паранойи.

Она, кажется, собирается заплакать, потому что темные очки с ярким белым логотипом Chanel, до сей поры выполнявшие роль обычного ободка для волос, сдерживающего вокруг лица ее буйные рыжие пряди, сдерживает с головы как-то слишком резко. Притом, что вокруг – в зале все тот же мягкий рассеянный свет. Пытаюсь на ходу обернуть все в шутку:

– Ну, если есть паранойя, то – наверняка следят. И надо валить.

– По одному, – она держится изо всех сил, темные стекла, прикрывшие глаза, помогают, и получается даже шутить.

– Не расплачиваясь, – продолжаю я, – если уж паранойя.

И тут же добавляю, решая сразу две проблемы – окаменевшее лицо официантки и Лизу, стоящую посреди зала, как лошадь на витрине, вдобавок – собирающуюся разрыдаться.

– Ты иди, – говорю я беспечно и демонстративно достаю кошелек, – я тебя догоню.

Все получилось. Лиза пулей покидает ресторанчик. Напуганная было официантка утешается приличными чаевыми. Понять бы теперь – куда отправиться рыдать и постигать государственные тайны. Но этот вопрос Лиза решила сама. В туалете – наше счастье – одна кабинка и замок прилажен на первой двери, так что зайти помыть руки или просто посмотреть на себя в зеркало не может никто.

– Ну и... – спрашиваю я как можно спокойнее... – где тот бульвар, где ты хочешь зелень, людей и кофе?

– Возьми сначала вот это, – в лучших традициях плохих шпионских фильмов она подсовывает под дверь кабинки увесистый пакет плотной желтой бумаги.

- Ну, миллиона там явно нет.
- Там вообще нет денег. Там документы. План.
- Государственного переворота.
- Да. Государственного переворота, хотя Лемех утверждает, что все в рамках конституции.
- Ага. Значит, Лемех в курсе, что план революции у тебя.
- Нет. Я вытащила его из сейфа сегодня ночью. А утром он улетел в Штаты.
- Ясно. Ну что ж, некоторое время, значит, мы еще проживем, если к сейфу кроме Лемеха...
- Никто. Ты же знаешь Лемеха. Мне потребовалось изрядное время, чтобы изыскать способ.
- Ну, выходит, пойдём на бульвар. План революции, я так и быть, поношу в сумке. Потом, если Лемех победит – он, может, поставит мне памятник. Знаешь, я не возражала бы там, на бульваре, где мы сейчас будем пить кофе. Кстати, где?
- Господи, да откуда я знаю? Главное, чтобы людей побольше и зелени.
- И пойдём мы туда, разумеется, пешком.
- А ты, что, предлагаешь, чтобы вся моя – в смысле, вся лемеховская свита последовала за нами. Тут, слава богу, есть несколько выходов. И твой водитель...
- Оставь в покое моего водителя, он думает исключительно о том, в котором часу сегодня попадет домой. У него ремонт. И жена молодая. К счастью, маленькая кафешка, не на бульваре, но шумная, многолюдная и совершенно непременная в узком переулке, находится быстро. И даже стол у окна, занавешенного каким-то пестрым плакатом, – освобождается буквально будто бы специально для нас. И это просто прекрасное место, потому что нам через прорехи в несвежем плакате виден весь переулок, а разглядеть нас сквозь витрину и те же самые прорехи – практически невозможно. Кофе мерзок. Но – по сравнению со всем прочим – это сущие пустяки.
- Ты Мишку помнишь? – неожиданно спрашивает Лиза.
- Помню, разумеется.
- Мишка – партнер Лемеха и мерзкий тип. Когда-то, на заре капиталистической юности наших с Лизой мужей, мы жили по-соседству. Мужья – как я, по-моему, уже писала, синхронно схлопотали тогда государственные дачи по соседству, в Ильинском. Небольшие двухэтажные коттеджики, с казенной мебелью, правда, вполне современной, надо полагать, обновленной в конце восьмидесятых. Однако ж – на Рублево-Успенском шоссе, за зеленым «политбюрошным» забором, так милым тогда сердцам начинающих российских капиталистов. Там же – по со-

седству – поселился Мишка с семьей, и надо сказать – поначалу я не питала к нему никаких неприятельских чувств, разве что расплывшаяся фигура и физиономия молодого мужика, выражавшие всегда высшую степень важности и даже вальяжности, не производили на меня благоприятного впечатления. Но не более того.

Все изменилось однажды зимой, когда – в очередной раз разругавшись с мужем – оделась потеплее и пошла гулять по заснеженным аллеям, сквозь стройные ряды древних сосен, густо запорошенных снегом. Стояла тишина, безветренно, и только отдельные снежинки и искрящаяся снежная пыль изредка слетали откуда-то сверху, едва ли не с небес морозных, темно-синих, пронизанных ярким холодным сиянием звезд. Будто сказочным был этот лес – а вовсе не дачным поселком Управления делами президента России и, изрядно побродив в тишине, успокоившись и даже набравшись таких же светлых эмоций, я решила, что самое время возвращаться домой и мириться с мужем.

Тогда-то случилось это. Я застучала Мишку с каким-то модным сканером – напоминающим небольшую рацию. Крадущимися шагами он медленно двигался вдоль нашей террасы и, хотя сканер был плотно прижат к Мишкиному уху, в морозной тишине отчетливо раздавался голос моего мужа и еще чей-то – потише, слова можно было разобрать, если остановиться и затаить дыхание, но такой задачи передо мной не стояло. Ясно было, что муж говорит с кем-то по телефону, а Мишка со своим навороченным сканером – их благополучно подслушивает. Спору нет, тогда все эти шпионские штучки были в большой моде. Но чтобы так, беззастенчиво, не таясь...

Некоторое время я пыталась идти тихо, чтобы подобраться к занятому промышленным шпионажем Мишке как можно ближе, но предательская ветка громко хрустнула под ногой, и он поначалу как-то испуганно сжался своим совсем не маленьким телом, словно ожидая удара. В голове моей в эту секунду даже мелькнула мысль, что Мишку, наверно, много и часто били в детстве дворовые мальчишки, и я бы, возможно, даже пожалела его в эту минуту, но именно тогда Мишка обернулся. И увидел меня. Как же он разозлился! В ярком лунном свете было видно отчетливо и ясно – это было лицо человека, способного и готового убить.

Немедленно. На месте. Руками, ногами, камнями – чем придется. Такое у него было лицо. Правда – недолго.

Через пару секунд Мишка мелко смеялся и совал мне в руки сканер, из которого по-прежнему звучал голос моего мужа. Переполошившись, Мишка не выключил приборчик, а теперь было уже поздно, и он выворачивался из ситуации, как мог.

Про Горбушку, на которой чего только не продается, про сына, который посмотрелся шпионских фильмов, про то, что сами они – и твой такой же, можешь не сомневаться! – не наигравшиеся в шпионов мальчишки. И все это было отчасти правдой, и в той же мере – неправдой, потому что разговор, который вел мой муж – как выяснилось потом, – для Мишки был чрезвычайно важным, и не исключено, что именно под него был приобретен хитрый сканер, а толстый Мишка самолично морозил ноги в сугробах у нашей веранды.

Но, как бы там ни было, инцидент замялся сам собою, соседские отношения поддерживались на прежнем уровне, однако забыть Мишкиного лица, освещенного холодным зимним светом, я не могу по сей день. Словом, Мишку я помнила хорошо.

– Знаешь, Лемех однажды сказал, что евреи делятся на две категории. Первые – из штанов выпрыгивают от гордости за то, что они евреи. Вторые – стесняются происхождения, как проказы, и считают его карой небесной и залогом будущих бед. Лемех, безусловно, принадлежал к первым. Особенно теперь, когда полуофициальный советский антисемитизм канул в Лету. Мишка был из вторых. Но – преодолевая внутренние комплексы и страхи, теперь – когда евреем стало быть едва ли не модно – объявил себя первым. Но я же вижу, как он ломает себя каждый раз, буквально через колено, даже надевая кипу, – сказал Лемех. Случайный был разговор. Какой-то еврейский праздник, они собирались в синагогу. Тут кое-что вспомнилось и мне. Забытое, как казалось.

Ан нет.

– Погоди. Пока не забыла. Он действительно как-то странно относится к своему еврейству. Муж рассказывал, как однажды в компании с Мишкой заехали по утра в Александровку, на дачу к БАБу, и застали того за завтраком. БАБ с аппетитом уминал гречневую кашу.

«Вот смотри, – отчего-то недобро бросил Мишка, когда, переговорив – и отведав, между прочим, гречневой каши! – они рассаживались по машинам, – он так хочет быть русским, что даже по утрам ест гречневую кашу». И я не понял, констатировал муж, рассказывая мне этот странный утренний эпизод: он полагает, что это хорошо, что БАБ так обрусел, или – наоборот?

– Я так думаю, что он просто завидует, тому, что БАБу это удастся, а ему – нет. Да и бог бы с ним, с его еврейством, Лемех мой, как мама говорит, тоже не буддист. Но однажды я случайно услышала обрывок их разговора с Мишкой. Давно. Но незадолго до возникновения «Будущего России». Они, видимо, спорили, но поначалу негромко, и я ничего не слышала, прислушалась лишь тогда, когда услышала надсадный Мишкин крик:

– Идеи – для единомышленников, частично – для яйцеголовых. Для плебса – другое. И идеи другие, все равно какие. Честное слово – все равно. Коммунизм – ура! Долой дерьмократов! Национал-шовинизм? – Чудно! Долой черных, Россия – для русских! Антисемитизм? – Еще лучше! Обкатано веками. Бей жидов, спасай Россию! Радикальное православию? – Очень хорошо. Смерть сатанистам, и отступникам веры! Вахаббизм? – Годится. Аллах, конечно, акбар, но сначала за мной, ребята! Антиглобализм? – Тоже неплохо, правда, еще не очень понятно, как употреблять. Не морщи нос. Я не алхимик – все эти зелья отнюдь не мое порождение. Более того, призову я под свои знамена отряд плебса, одурманенный одной из этих бредовых идей, или не призову, ничего не изменится. Они все равно выйдут на улицу, погромят, побьют, пожгут, порежут. Сами. Или – направленные кем-то другим в русло исполнения своей идеи. Они же всего лишь роют канал. Понимаешь? Так некогда сталинские зэки соединяли Волгу с Доном и Белое море с чем-то там еще. Это было необходимо сделать. Но где бы он взял столько рабочей силы? Понимаешь?

– Те рыли не ради идеи, а под дулами автоматов, – негромко и как-то неуверенно заметил Лемех.

– Прелестно! У него были люди с автоматами. У меня – нет. То есть есть, но не столько. И я не могу их использовать в этих целях. Но есть идеи, а вернее плебс, одурманенный ими, – почему бы не направить его безумную энергию в моих целях? То есть – в наших.

– Действительно, в наших.

– Слушай, не цепляйся к словам...

Они заговорили о чем-то своем, а я пошла к себе, удивляясь и не понимая, как это Мишка, еврей Мишка – с такой легкостью говорит о привлечении антисемитов, и исламистов, и еще черт знает кого. А главное – привлечении к чему? К добыче нефти? Тогда мы уже всю погрузились в нефтянку.

– И ты не спросила Лемеха.

– Нет. И знаешь почему: я поняла, что в этом споре – он побежден. А Лена не любит говорить о своих поражениях. Он скорее соврет. Соврет виртуозно. Может даже так, что я поверю. И останусь в неведении. А за чем? Я решила подождать и понаблюдать.

А потом мы взялись за проект «Будущее России». Ну, про него рассказывать не буду – все прочтешь. Я привезла программу, устав, брошюры, отчеты. В отчетах кое-что подчеркнуто красным – обрати внимание. Вкратце – довольно скоро я поняла, что мы воспитываем как бы две будущие России. Здесь уже без кавычек. Одну меньшую числом – но боль-

шую разумом, если можно так сказать. Либерально мыслящую, воспитанную на общепринятых европейских ценностях – словом, будущих европейцев, образованных не хуже, а порой и лучше самих европейцев, причем не ниже среднего класса, людей, уже сегодня в столь раннем возрасте интегрированных в мировую цивилизацию, ну и тому подобное. Эти дети, кстати, общались со многими нашими иностранными визитерами, им преподавали приглашенные из лучших университетов профессора, они надолго уезжали на практику и просто пожить в том, ином мире. Короче, полагаю, нет смысла продолжать. Все ясно.

– А вторая Россия?

– Не могу сказать, что она была обделена, по крайней мере, материально. Практически те же средства шли на диаметрально противоположную программу. Прежде всего идеологическую. Знаешь, если вкратце и слегка притянув за волосы, то «православие, самодержавие, народность». И поездки – но совсем другого характера. И летние лагеря на Севере. И приглашенные преподаватели – тоже люди довольно известные, но – как ты понимаешь – отнюдь не либерализмом.

– Я поняла. Западники и славянофилы, как нам объяснили еще в школьные годы. Всегда было. И, видимо, всегда будет. Такая уж страна – на стыке двух культур. Не понимаю, что тебя пугает. Ну, кроме того, о чем ты говорила выше – о культуре Лемеха, о примате корпоративного духа. Ну, так это ведь тоже история повсеместная, нравится она нам или нет. Японцы вон по утрам поют корпоративные гимны.

– Поначалу и я думала так же. Но потом... Знаешь, когда что-то открывается тебе не сразу, а урывками, кусочками, фрагментами, намеками, догадками – очень трудно рассказать это одним массивом.

– А ты и не рассказывай массивом – мы ведь никуда не спешим. Ну, что там за кусочек открылся тебе первым?

– Им исподволь прививают ненависть друг к другу.

– Кому, либералам и славянофилам?

– Да.

– Но, может, это просто дух здорового соперничества.

– Основанный на избиении, нанесении унижительных татуировок, насилии девочек.

– Но это уже криминал?

– Да. Ни одного потерпевшего и заявления в милицию – как ты понимаешь – ни одного. Зато несколько трупов за год – самоубийство, несчастные случаи.

И инструкторы из бывших «альфистов», и боевое оружие, и искусство вести себя в толпе. Я узнавала потом, специально преподавала целая

группа бывших сотрудников КГБ. И наконец, мой милый мальчик-карьерист... Знаешь, о чем он меня попросил?

– О должности, как я понимаю, но вот о какой?

– Ты ведь, наверное, уж слышала о такой организации – ДЗНР.

– Движение за настоящую Россию?

– Да. Они еще называют себя Дозорами, присвоив чужое фэнтези. Он хочет возглавить.

– Но погоди – это же едва ли не скинхеды. Махровые националисты – уж точно. Они же громят рынки и убивают кавказцев.

– И кстати, яростно выступают против однополрой любви. Жгут гейские клубы, да и лесбиянок не жалеют. Двоих недавно – целовались, видишь ли, в подъезде – облили бензином и заставили бежать по улице – спасли случайные прохожие.

– И он просит тебя о назначении? Иными словами...

– Это тоже будущее России. Уж не знаю, в кавычках или без. Он был настолько уверен, что я помогу, и еще в том, что Лемех в компании – главный, а Мишка его правая рука, что разоткровенничался и рассказал, что накануне, осенью лично Мишка дал ему прямое указание начать работу по созданию праворадикального молодежного движения. Собственно – фашистов. Задача – расшатать систему социального порядка, вызвать смуты, озвучить пропаганду фашизма, причем – якобы при поддержке Кремля. Была даже готова эмблема движения – дорожный знак «Остановка запрещена», чем-то напоминающий свастику.

Одновременно либеральное крыло «Будущей России» – он знал это совершенно точно, должно было начать продвижение в обществе тезисов о свертывании Путиным либеральных ценностей и ликвидации по его приказу зачатков «гражданского общества».

И все это – одновременно с работой большой международной конференции по молодежным проектам переустройства мира, с огромным грантом – в полтора миллиона долларов, на который расщедрился Лемех.

– Но зачем, Лиза?

– Но зачем, Лиза? – спросила я себя. – И что ты думаешь, сделала в ответ?

– Пошла к Лемеху.

– Ты не умная, Машка. Ты такая же дура, как и я. Просто тебе повезло, и твой Кирилл погиб.

– Не надо, Лиза...

– Надо. Иначе – сейчас вот так же бегала бы по Москве, ожидая то ли пули в лоб, то ли мины – под машиной. Или не знаю – может, это только я так идиотски, по-советски воспитана. А ты спокойно отправилась бы шить платье первой леди для инаугурации. Главное – не забыть согласо-

вать фасон с Лорой Буш. Чтобы вдруг не доставить неудовольствия хозяйке и не получить публичную отповедь...

На нас уже оборачиваются. Вдобавок настает мое время нацепить солнечные очки. Потому что я и теперь плачу, когда говорят о Кирилле, хотя прошло почти десять лет. Но это совсем другая история.

– И что же Лемех?

– Торжественно вручил мне документ.

– Тот, что теперь у меня?

– Да. Но только не насовсем, а прочесть. В его присутствии.

– И что же там?

– Он считает, что это план прогрессивного переустройства России.

– А ты?

– Думаю, что речь идет о государственном перевороте.

Дон Сазерленд был грубоват, несмотря на гарвардский диплом и женитьбу на женщине, чьи предки – как принято говорить – прибыли к берегам Америки на Мейфлауэре.

Когда от Стива требовался очередной сценарий, причем в самые сжатые сроки – «вчера», как определял их Дон, – он повторял одну и ту же фразу, которая поначалу коробила Стива, потом перестала занимать вовсе и, наконец, настолько вошла в его собственный обиход, что он и сам произносил ее в нужном месте, то есть в тот момент, когда оперативный сценарий должен был быть готов в самые сжатые сроки.

– Да что там писать? Достаточно просто достать из-под задницы нужную папку.

Такова была фраза. И она была почти справедливой, потому что пытливым ум Стива часто занимали проблемы, на которые до поры никто не обращал внимание. Тогда неспешно и вдумчиво он изучал вопрос, копался в его истории, как глубоко ни уходили бы его корни, рассматривал ситуацию в разных ракурсах и даже ставил – теоретически, разумеется – некоторые рискованные эксперименты.

То есть вел себя как истинный садовод-любитель, чьи черенки и саженцы никогда не займут почетных мест на разных почетных стендах, но скромно и достойно отцветут в его саду. На самом деле – в большинстве случаев все происходило с точностью до наоборот, «личная» проблема Стива вдруг начинала занимать огромное количество самого серьезного народа, от него требовали немедленного варианта, а лучше – вариантов решения, иными словами – той самой папки, которую следовало всего лишь достать из-под задницы. Сейчас – впрочем – история была иной. Выборы в России не были внезапными. Их готовили, и соответственные папки были заполнены ровно настолько, чтобы удовлетворить интерес Мадлен, хотя бы в первом приближении.

Меморандум для президента, с учетом ее замечаний и мнения силовиков, – занял бы не более суток. Словом, все было – практически – готово. Даже вариант на случай внезапной смерти президента Ельцина. Это был еще один файл «Россия». Но уже – «Выборы 1996». Внутри хранились еще три папки, озаглавленные, как всегда, коротко и емко: «Избрание», «Отмена», «Смерть».

Зная логику Стива, можно было легко предположить, что ставка в первую очередь будет делаться на избрание. Он взглянул на часы – до встречи с государственным секретарем оставалось полтора часа – впол-

не достаточно, чтобы подготовить документ читабельный и ясный, отражающий картину и предлагающий варианты.

Но полутора часов не оказалось.

– Стив, – голос Дона был спокоен, но суховат больше обычного, что говорило о некоторой тревоге. – Встреча с Мадлен, к сожалению, отменяется, но она все равно хочет говорить с тобой. Учти. Это будет короткий разговор, – мы решили, что Мадлен будет задавать тебе вопросы – ответы должны быть короткими и емкими. Ну, и резюме, разумеется, как всегда, должно содержать единственный – но единственно правильный – план действий. Надеюсь, ты меня понял.

– Надеюсь, что да. И также надеюсь, что не случилось ничего страшного. – Страшного – ничего. Но госпожа Олбрайт... не слишком хорошо чувствует себя после полета. Врачи рекомендуют ей постельный режим и как можно меньше эмоций.

– Я понял...

Стив положил трубку. Он был озадачен. Формат, сроки – само собой. Но – как ни странно – он думал совершенно о другом. Эта странная пауза в тексте Дона. «Но госпожа Олбрайт... не слишком хорошо себя чувствует». Стив слишком хорошо знал Дона. Стив Гарднер был лучшим аналитиком СНБ, а это значило, что для него не составляло большого труда проанализировать интонацию, паузу и расстановку ударений, тем более – речь шла о близком человеке. Словом, Стив был почти уверен – Дон едва сдерживает смех. И даже больше – предпринимает нечеловеческие усилия, дабы не расхохотаться немедленно, прямо посередине столь важной, если не сказать – столь грустной фразы.

Будь Дон постарше, а Мадлен помоложе – Стив легко представил бы их сейчас в постели, захлебывающимися шампанским и давящимися от смеха. Сошедшими с ума от собственной страсти и бесшабашности. Но представить такое было невозможно. Тогда – что же? Слава богу – телефонный звонок не заставил себя ждать. Стив не ошибся. Дон давился смехом, сквозь всхлипывания и повизгивания прозвучало:

– Она в больнице.

– Это так весело?

– Если бы ты знал, что с ней случилось, – Дон надолго зашелся смехом. – Если бы только мог представить...

– Я жду.

– Ну, хорошо, я постараюсь. Ты был на президентском борту?

– Однажды.

– Тебе показывали выдвижные кровати, которые опускаются из потолка на ночь и убираются утром?

- Да, разумеется – едва ли не как восьмое чудо света.
- Так вот. Сегодня утром Мадлен задвинули вместе с кроватью.
- Кто?
- Слава богу – никто. Автоматика. Она, похоже, выпила большую дозу снотворного на ночь. И проспала. То есть ничего не слышала утром.
- И что?
- Что???? Нет, это невозможно рассказать словами. Паника. Похищение. Ну, я не знаю – только что не инопланетяне.
- А она?
- Пришла в себя и, похоже, очень испугалась.
- Представляю... что она вообразила.
- Ну, не знаю, я специально однажды поднимался туда, наверх, – совсем не похоже на гроб, хотя я совсем не уверен, как на самом деле в гробу. Слушай, не морочь мне голову.
- Так что с ней?
- Нервное потрясение, шок – откуда я знаю, как это называется? Ее сейчас наспиговали какими-то трубками и лентами, но она в сознании и хочет с тобой говорить. Может это тоже – нервное? Я не знаю, на черта ей сейчас сдалась Россия.
- Может, мне лучше приехать? И спокойно, не спешно...
- Ты сбрендил. Об этом не знает никто. Иначе – пресса. Я представляю, что они напишут. А нарисуют.. Нет. Никого. Ни одной живой души, даже дочерей. Ну, все... Кажется она, готова... Надеюсь, ты тоже...
- Пауза была недолгой. А голос Мадлен хотя и слабый, но не лишенный привычных интонаций.
- Извини, что пришлось отменить наше свидание, Стив.
- Это пустяки. Надеюсь, ваше здоровье...
- Позволяет мне обсудить то, что мы собирались. Итак.
- У нас три варианта, эм. Первый – легитимное избрание. Практически невозможно, рейтинг кандидата не превышает шести процентов. Динамика отрицательная.
- Ну, слава богу, в современной практике существуют способы легитимизации чего угодно.
- Да, это так. И это – собственно – наша основная программа. Далее – отмена выборов. За эту идею ратует так называемая группа силовиков – во главе с руководителем президентской охраны генералом Коржаковым. Это мощная группировка, располагающая...
- Можешь не продолжать, я знакома с этими господами. С некоторыми – лично.
- Третье – смерть.

– Прости?

– Простите, мэм, я имею в виду, что состояние здоровья президента Ельцина и образ жизни, который он ведет, заставляет рассматривать этот вариант.

– Да, Стив. Этот вариант рассматривать следует всегда, даже когда состояние здоровья не располагает.

– Я понимаю, мэм, – он, разумеется, понимал, о чем она думает теперь, и позволил себе небольшую манипуляцию, которая, тем не менее, сработала. Состояние здоровья президента Кеннеди оставляло желать лучшего.

– Это не так, Стив. У него была очень больная спина. И он безумно страдал от этого. Но в принципе, разумеется, ты прав. Однако меня сейчас больше всего волнует эта силовая группа. Финансовые и промышленные группы, которые стоят за ней, хорошо известны.

– Боюсь, мэм, это те же самые люди, которых мы рассматриваем в качестве третьей силы. За исключением нескольких человек. Одного, по крайней мере, я могу назвать твердо.

– Чубайс.

– Именно он, мэм.

– Это страх, Стиви?

– Нет, мэм. Это сложившаяся в России практика примыкать к властным структурам, кто бы в них ни обитал. К структурам, а не к людям. Проистекает она, на мой взгляд, из традиций политбюро, когда политические возможности человека определялись не его способностями и даже не должностью, а близостью к телу. Правила командной игры еще только формируются и очень слабы.

– И мы потеряем этих ребят?

– Безусловно.

– Послушай малыш, – сейчас ты должен оставить все. Все, чем был занят до этого, даже любимую девушку.

– У меня нет девушки, мэм.

– Будет. У такого замечательного парня обязательно будет девушка. Но потом. А пока мне нужен – как ты говоришь – сценарий. Блестящий, беспроигрышный сценарий устранения этих людей. От – как это ты только что сказал? – от тела президента. Из политики. Из Кремля. К ним никто не должен захотеть примкнуть. Никто, ни один из тех парней, резюме которых ты собрал в мою папку. Ты понял меня, малыш?

– Да, мэм. Я уже примерно представляю себе, что это будет.

– Вот и чудесно. Обнимаю тебя. И помни – я никогда не пропускаю свиданий. Непременно поужинаем где-нибудь на следующей неделе. Разумеется, я приглашаю.

– Благодарю, мэм. Буду счастлив. Поправляйтесь.

Стив аккуратно опустил трубку. Шла бы ты к черту со своим свиданием, старая дура. Как тебе объяснить, что каждый из «наших ребят», опережая собственный визг, мчится на свидание к этим самым страшным генералам-силовикам и почитает за честь – если не просочиться в кабинет, то хоть пару часов проторчать в приемной. Это Россия, в которой, по словам большого Тони, ломаются разные машинки. А люди не понимают, что такое команда, если речь идет не о футболе. Зато слишком хорошо понимают, что такое Кремль, а вернее – кто в Кремле. А других ориентиров нет. Настроение было испорчено. Зато в папке «Россия. Выборы 1996» появился еще один файл «Силовики. Дискредитация».

– Но для этого тебе придется попотеть наравне со мною, Дон, – заметил Стив, выключая компьютер и набирая номер Дона Сазерленда. – Полагаю, ты все понял, босс. Настало время твоих плечистых друзей из Лэнгли. Ибо кто-то должен будет исполнить главные роли в моем сценарии. Притом – оцени широту моей души – я даже не настаиваю на кастинге.

1995 ГОД
ЛОНДОН

Встреча состоялась в одиннадцать часов вечера в Сохо, в китайском квартале, а если быть совсем уж точным – в небольшом ресторанчике с громким названием «Golden Dragon». Такие «золотые драконы» и «дракончики» расплозились, похоже, по всему миру. Приютились во всех мировых столицах и просто крупных городах, да и мелких, надо полагать – тоже. Всюду они – как близнецы-братья – удивительно похожи. Одинаковые – алые с золотом – драконы на вывесках. Похожие залы – небольшие, тесно заставленные столиками, – всегда полные народа. Китайская кухня популярна в мире, да и китайцев, предпочитающих традиционную пищу, везде хватает. Яркие бумажные фонарики под потолком. Вежливые, проворные – на одно лицо – официанты. Здесь кормят вкусно и недорого. Рис с яйцом, рис с креветками, просто жареный рис – в больших пиалах. Расплющенная «по-пекински» утка с пресными лепешками. «Roast duck», особая жареная утка – румяные тушки подвешены у кухонного окошка – манит хрустящей корочкой, сочится, истекает прозрачным, янтарным жиром. Морские гребешки. Кусочки курицы в лимонном соусе... И неизменные палочки – пластиковые или деревянные. И светлое китайское пиво. Впрочем, если клиент пожелает, здесь подадут и дорогое французское вино, и русскую водку.

Ближе к полуночи в Сохо многолюдно: туристы жаждут экзотики, местная публика выползает из всех щелей. Чайна-таун символически отгородился от окружающего мира ярко-красным металлическим шлагбаумом. Разумеется, он не способен остановить толпу. Все они: и туристы, и полуночные обитатели Сохо – просачиваются на узенькие китайские улочки, разбредаются по крохотным – сродни «Золотому дракону» – ресторанчикам. Здесь же – великое множество китайцев и китайнок. Эти честно или нечестно отработали днем в разных уголках Лондона. В офисах Сити, гостиницах, ресторанах, магазинах... Грузчики, горничные, студенты и советники знаменитых британских банков стекаются теперь на маленький островок, осколок далекой родины. Улицы Чайна-тауна кишат народом.

Зато машинам, в большинстве своем старомодным лондонским кэбам, за красный шлагбаум не проехать. Толпа чувствует себя в полной безопасности, свободно плещется меж светящихся витрин. Здесь легко потеряться. И очень трудно найтись.

Это обстоятельство вполне его устраивало. Он приехал в Сохо немного раньше назначенного срока и, отпустив кэб у красного шлагбаума,

мгновенно затерялся в пестром людском потоке. Спустя пару минут молчаливый подтянутый мужчина, с узким бледным лицом и очень светлыми – в белизну – глазами, вынырнув из толпы, переступил порог крохотного уличного бара. Крайний столик, выставленный чуть ли не на мостовую, был занят двумя молодыми людьми – одетыми так похоже, что понять, кто из них девушка, а кто парень, было не просто. Два места за столом оставались свободными.

Узколицый мужчина вежливо спросил разрешения занять одно из них. Пара была не в восторге, но видимых причин для отказа не было – парень небрежно мотнул головой. Узколицый спросил пива, закурил тонкую душистую сигариллу и, развернувшись лицом к улице, затих. Красный шлагбаум, к которому медленно ползла вереница пузатых кэбов-жучков, оказался, таким образом, прямо перед ним – как на ладони.

Меланхолической «unisex»-паре, было невдомек, что с той самой минуты, как вежливый незнакомец устроился за их столиком, тот оказался в центре напряженного внимания сразу нескольких человек. Люди из Лэнгли придирчиво контролировали обстановку. Времена наступали тревожные – восточный отдел был укомплектован как никогда.

Женщина, как и ожидалось, приехала на такси и покинула машину, как все, возле красного шлагбаума. В толпе она чувствовала себя уютно. Это узколицый определил безошибочно, по тому, как она испуганно втянула голову в плечи, затравленно оглянулась по сторонам, и шла – торопливо, сбивчиво, неуверенно переставляя длинные ноги в открытых – крокодиловой кожи – лодочках, на очень высоком каблуке. Неподходящая обувь для здешних мест. Совсем неподходящая. Она и одета была неподобающим образом. Узкое, длинное то ли платье, то ли пальто из той же грязно-желтой, в разводах кожи. Маленькая лаковая сумочка судорожно прижата острым локтем. Руки в тонких лайковых перчатках. Не ее одежда, совсем не ее. И город не ее. И работа эта не для нее. По-моему, они перебирают с конспирацией, наши чеченские друзья. Он допустил бы еще повторение палестинского опыта с девочками-шахидками, живыми нарядными бомбами, обдающими тебя теплым ароматом юного тела, прежде чем разнести в мелкие клочья. Это было, по крайней мере, красиво и даже сексуально.

Он отхлебнул пива и подумал, что восточный отдел плохо действует на людей, если, конечно, они не родились где-нибудь под палящим солнцем Палестины. Он родился в Дейтройте. И сейчас отчетливо ощущал что-то нездоровое в сознании, как несвежий кетчуп в желудке. Сексуальные девочки-шахидки – это не нравилось ему. По возвращении надо будет пройти курс у психоаналитика. А пока. Пока надо работать. «Вам не часто прихо-

дится бывать в Сохо, леди. И вообще на улице, в толпе. К тому же одной», – подумал узолицый, легко поднимаясь из-за стола. Пятифунтовую купюру он аккуратно прижал пивной кружкой и вежливо простился с молчаливой парой. В ответ оба слабо трянули грязными кудрями. Он поспешил за женщиной, пытаясь со спины, по походке и прочим признакам, определить, сколько ей лет. Выходило – не больше двадцати.

– Вам все это очень идет..

– Я так не нахожу, – она хорошо говорила по-английски и была довольно бойкой. Совсем не бессловесная девочка-шахидка с ароматом юного тела, готового проститься с жизнью.

– А что больше по душе – неужели хеджаб?

– Мы будем говорить об одежде?

– Нет, мы вообще не будем говорить. Здесь, – он аккуратно положил перед ней красиво упакованную коробку из Harrods и невольно усмехнулся, – нет, там не одежда, которую ты так ненавидишь, и не взрывчатка, не бойся.

– Я и не боюсь.

– Там план, а вернее, сценарий события, которое должно произойти там у вас...

– В Ичкерии?

– Нет, в России.

– Это значит – у них.

– Мне все равно, как это будет называться. Главное, чтобы произошло в определенные сроки и с тем резонансом, который подробно описан в инструкции. Надеюсь, твой отец в остальном разберется сам.

– Брат.

– Ах, брат. Ну, не важно. Тот, кто тебя послал. Часть денег уже на месте.

– Мы знаем.

– Остальные появятся после того, как операция будет закончена.

– Независимо ни от чего ?

– Ты имеешь в виду, независимо от того, сколько людей погибнет? Цифры играют роль, но не главную. Нас интересует резонанс. А его цена относится к категории фиксированных цен. Понимаешь, о чем я?

– Можете не сомневаться. Это все?

– Да.

– Шамиль возглавит это лично?

– Я не должен тебе отвечать. Но отвечу, потому что я джентльмен, а ты леди. Даже если предпочитаешь хеджаб. Так вот – разумеется. Это, кстати, его условие. Помимо прочих. Теперь все.

Она неловко поднялась из-за стола. Большеголовая. Худая. Густые черные волосы, подстриженные каре. Смоляная челка падала на глаза.

Впрочем, узколиций довольно быстро раскусил примитивный маскарад. Женщина была в парике – тончайший, едва различимый волосок, светлый, вроде бы – рыжий, выбился из-под темных прядей, но ему было достаточно и этой малости. Наивные, дилетантские уловки. Он, к примеру, и не думал прятать свои глаза – маленькие, острые, бледно-серые. Взгляд их неприятен, и потому – хорошо запоминается. Что за беда! Когда-то у Ричарда Тэлбота, офицера ЦРУ, были совсем другие глаза. Какие – он уже и сам не помнил толком. И жесткий бобрлик на голове, искрящийся седной, сейчас – самый что ни на есть натуральный. А прежде...

Что вспоминать?! Каким только не доводилось ему быть прежде! Он заказал еще пива. Идиотская работа для дилетанта. Но, похоже, они готовят какую-то большую заварушку в России, причем руками чеченцев. Впрочем, теперь это уже не имело значения. Первую часть своей работы он исполнил. Потом будет короткое и жесткое натаскивание ее брата и его дружков, которым предстоит стать своего рода супервизорами кампании, чтобы в случае чего – не дать ей свернуть не в ту колею. Его парни уверенно и профессионально повели девчонку прямо от столика, и значит – через какое-то время он будет знать о своих подопечных несколько больше, чем знает уже из оперативных сводок. Но это была уже давно устоявшаяся привычка – проверяться на месте.

«Сука, – внезапно подумал капитан Тэлбот, вспомнив о своей недавней собеседнице, – она ведь готова была торговаться за каждую простреленную голову, независимо от того, чья это будет голова». Но думать об этом дальше явно не следовало. А вот посетить психоаналитика дома – определенно.

Слава богу, мы обе успокоились быстро. И народ в кафешке быстро потерял к нам всяческий интерес, мало ли теток рыдают теперь публично и выкрикивают разные странные слова. Да и менялся он быстро, этот народ, – спешил на московские людные улицы, потому что явно был приезжим. А мы все сидели, испытывая – как ни странно – чувство удивительной безопасности. И только официантке надо было периодически опускать рублей сто в карман за то, что «видишь, как девочка старается» – и она действительно старалась. Кофе то ли действительно стал лучше, то ли я просто к нему привыкла. Словом, ситуация налаживалась. По крайней мере, на ближайшие час-полтора. А там надо будет что-то думать. Или делать.

– Ну, расскажи мне все по порядку. Вот ты прочла этот документ.

– Ты сначала сама его прочти, чтобы разговор был предметным.

Она права отчасти. Надо читать. Хотя – чуется мое сердце – знакомство с планами государственных переворотов до добра не доводит. Но делать нечего. Читаю по диагонали, дабы только уловить суть – в деталях будем разбираться потом. Итак:

«О юридических возможностях формирования в России Правительства парламентского большинства»

СОДЕРЖАНИЕ

1. Аналитическая записка «О юридических возможностях формирования в России Правительства парламентского большинства».
2. Алгоритм формирования Правительства парламентского большинства.
3. Пояснительная записка к проекту Федерального конституционного закона «О внесении изменений и дополнений в Федеральный конституционный закон «О Правительстве Российской Федерации».

Проект Федерального конституционного закона «О внесении изменений и дополнений в Федеральный конституционный закон «О Правительстве Российской Федерации».

Дальше длинно, скучно, с массой ссылок на соответствующие законы и нормы права, обоснования, объяснения и толкования, в итоге же все просто, как божий день.

Кому-то – кому адресован документ, предлагается легким движением пера сменить конституционный строй России, превратив ее из прези-

дентской республики в парламентскую. Из чего с неизбежностью следует, что премьер-министром страны становится лидер партии, победившей на парламентских выборах. И полномочия этого человека будут широки до безграничности. То есть – практически те же, которыми обладает сегодня президент страны. Президент же автоматически превращается в английскую королеву, сохраняя разве что пол – и то по желанию, все прочее – по принципу «властвую, но не правлю».

– Чудно, – говорю я, – смена системы государственной власти в стране. Понятно, зачем. То есть, понятно – под кого. Под того, кого никогда не выберут президентом, но есть шанс прикупить парламентское большинство – и стать премьером, отправив президента – в королевы. Спасибо, что не на гильотину, раньше действовали как-то радикальнее.

– Тебе смешно?

– Смешно. Мне понятно, что Лемех все это затеял под себя. Слухи о том, что он оптом и в розницу скупает партии и отдельных заметных господ парламентариев, независимо от их политической и прочей ориентации, ходят давно. И не слухи даже, вполне определенные доказанные факты известны хорошо. Сюда же теперь отменно встраивается «Будущая Россия» с ее боевыми дружинами, построенными строго по Макиавелли. Понятно, что все это у него получится, потому что, в отличие от многих прочих – денег он не жалеет, и – прости уж, понимаю, что теперь тебя, наверное, это не греет вовсе – но он мужчина, приятный во многих отношениях. По крайней мере, на фоне общего парламентского мурла – смотрится членом палаты лордов. И обаяшкой. Но объясни мне, как, куда, и – главное – каким образом он собирается переместить президента Путина?

– Так это дотошно расписано в той бумажке.

– Расписан механизм. А я имею в виду такую мелочь, как согласие Гаранта. Каким образом он собирается объяснить ему целесообразность такой рокировки? Только не говори мне, что он собирается его...

– Нет, не собирается. И вообще, никакой крови. Лемех боится крови, он в обморок падает, когда разрежет палец.

– Ну, я не имела в виду, что он сам, как Ли Харви Освальд. Да и смысла нет. Все вышеописанные манипуляции имеют смысл исключительно при живом президенте.

– Да. Он, кстати, произнес те же самые слова. Убеждая меня, что все законно.

– Законно. Но бред. С какого перепугу Путин...

– Во-первых, он уверен, что на Путина надавят из США и якобы у них есть козыри в руках.

- Ну, допустим. Хотя последнее время он ведет себя с ними настолько уверенно, что любые козыри кажутся мне сомнительными. Хотя в политике бывает всякое.
- Но это и не главное.
- А что же?
- Он предложит ему денег.
- Что?!!!
- Он собирается предложить ему 15 миллиардов долларов.
- Когда?
- Насколько я знаю, президент готов принять его через три дня после возвращения из Штатов.
- А тебе когда стало известно об этом?
- В ночь перед его отлетом.
- Лиза – прости меня, я знаю, что это больно слышать, но он сумасшедший. Он болен. И его ни в коем случае нельзя допускать к президенту.
- Знаешь, я это уже пережила.
- В каком смысле?
- Задолго до этой бумажки и «Будущего России», в канун выборов Ельцина, в году 96-м мы большим десантом вылетели в Давос... Ну, помнишь – тогда это еще было модно, министры, вице-премьеры, пресса, ну и наши – флагманы российского бизнеса, попросту выражаясь – олигархи. Разумеется, все разговоры сводились к Ельцину, был он уже очень плох, однако ж пил, как и прежде, и выборы, насколько я поняла за ужином, становились для всех нас большой проблемой. Кстати, знаешь, меня тогда сильно изумил Чубайс. Заговорили про то, что к власти придет Зюганов, и тут он довольно спокойно, как о деле решенном, и будто бы даже вскользь заметил: «Ну, проиграем выборы – уедем из России». Все как-то пропустили это мимо ушей, или – напротив – отнеслись как к делу решенному, чего ж тут еще говорить. А я ... – она снова резко надвинула свои темные очки на глаза, отгораживаясь от мира и любопытных глаз... – я вспомнила папу... И как он 7 ноября выходил на мраморную лестницу посольства, нарядный, с орденами... и весь этот посольский и прочий чиновный поток тянулся к нему, с рукопожатиями и объятиями. И как, открывая прием, торжественно, державно гремел гимн и все замирали... Ну, прости. Ты знаешь, я девочка советская, сентиментальная, патриотичная. Словом, разговор за тем ужином пошел серьезный, в какой-то момент перестали даже пить, закладывали чай, воду – речь шла о том, что народ берет на себя обязательства избрать Ельцина на царство еще на один срок. Понятно было, что стоять это будет не просто больших, а очень больших денег, но вза-

мен президент должен был бы пойти на ряд уступок бизнесу – и в частности, вернуть отставленного тогда со всех постов Чубайса, сформировать правительство с учетом их предложений, и что-то еще – из области экономической, по-моему, по части разработки новых месторождений, привлечения иностранного капитала. Чубайс много говорил о том, что с выборами может справиться только серьезное западное агентство, и кого-то предлагал, то ли обещая переговорить, то ли уже договорившись. Потом – понятное дело – перешли к наболевшему. Заговорили о Коржакове и Сосковце, но здесь разговор как-то быстро сник, и видно было – боялись даже на расстоянии, за тысячи верст, на альпийских высотах – боялись.

– А ну как запишет кто, да доложит.

– Ну, и такое вполне могло случиться.

Словом, было уже очень поздно, я валилась с ног, а с Лемехом происходило что-то странное. Он как-то вдруг воспрянул. Возбуждился. Ну, не в том смысле, не усмехайся. В нем вдруг проснулся оратор. Он явно хотел говорить. И даже не говорить – высказаться. И я поняла – понимаешь, каким-то шестым чувством, интуицией или уж не знаю чем, что я должна его сейчас выслушать. Должна. Иначе... Впрочем, что будет иначе, я не знала. И почему должна – тоже. Но – «собрала лицо», села на кровати, поджала ноги по-турецки, я всегда так делаю, когда слушаю что-то внимательно, и всем своим видом изобразила полную готовность. Некоторое время он ходил мимо меня молча, размышляя о чем-то, а может, решая, стоит ли о таком – со мною. Потом – решился.

– Ты понимаешь, что сейчас происходит?

– Ну, насколько я понимаю, вы собираетесь поддержать Ельцина, но на определенных условиях.

– Да. А зачем нам это надо – ты можешь сформулировать?

– Ну, то есть как зачем? Мы живем в России, там – наш бизнес, наши деньги, наши возможности. Стало быть – нам безразлично, кто в Кремле. Потому что ты знаешь не хуже меня, времена меняются, а цари остаются, что бы кто бы ни писал в конституциях. Цари, понимаешь. Люди, так или иначе, наделенные огромной властью и огромным доверием народа. Да, да, я знаю про рейтинги и прочее, но все это – вообще, абстрактно, теоретически. А выйдет Ельцин в толпу – посмотри на лица людей. Сплошной восторг и умиление. И так всегда, со всеми царями. Вот нет его – клянут, желают всяческих напастей, практически ненавидят, и вот появился – сам, живой, из крови и плоти, – и все забыто – любовь и ликование. И прежде так было. Я читала воспоминания одной из царских фрейлин. Представляешь – канун революции, брожение умов,

усадеббы горят, помещиков рубят топорами, газетенки поливают грязью царский дом, печатают пошлые, грязные пасквили. И в это время они, Романовы, собрались на богомолье в Саров. Тамбовский губернатор в ногах валяется – в губернии чуть ли не бунт. Большевистские – или какие там – агитаторы. И чуть ли не «Николашку на вилы».

– И что?

Я так увлеклась историей, что перестала обращать внимание на Лемеха, а он, оказывается, замер напротив меня и буквально ловил каждое слово.

– Что? Что? – нетерпение его достигло, казалось, высшего предела, хотя – казалось бы, где Лемех с его интригами и где Романовское паломничество.

– И ничего. Его окружили, как святого, люди ползли по земле, чтобы только коснуться следа его сапога. А когда семья погрузилась на паром, чтобы плыть дальше, люди шли в воду, следом, только чтобы быть ближе. Некоторые чуть не утонули. Представляешь? Эта сакральность российской власти – она необъяснима. Но она существует и поныне.

– Вот! – Лемех обессиленно рухнул в кресло, не дав мне договорить. – Вот. Очень это ты вовремя рассказала про людей, тонущих, только чтобы быть ближе к царю. В России это было, есть и будет. Но! Он должен быть один. Один, понимаешь, – полубог, ради которого можно радостно утонуть. А вокруг бояре, которых он – только он – казнит или милует. Но чаще – казнит. Потому что народ живет плохо. А народ всегда будет жить плохо, и всегда будут виноваты бояре. А он один будет всегда прав, и справедлив, и мудр, и добр, и щедр.

– Ну, это все совсем не ново. Это целая теория.

– Помолчи со своей теорией сейчас, ладно? Теории хороши тем, что уходят, но оставляют некоторые ценные идеи. Все. Идею я уже уловил. Теперь нужна технология.

– Прости, но теперь я не уловила. Какая тебе еще нужна технология – выборные отработаны сотни раз. Приедут еще эти американские чубайсовские технологи и выберут вашего Бориса Николаевича, даже если он, родимый, этого и не заметит, – у меня уж слипались глаза, последнее я бормотала в полусне, хотя все еще слышала и понимала.

– А при чем здесь Борис Николаевич?

Сна как не бывало. Сначала мне показалось, что это сказал кто-то посторонний. Потом – еще страшнее – в кресле, где только что восседал Лемех, сидел кто-то другой. Но это был он. Только изменившийся до неузнаваемости.

– При чем здесь Борис Николаевич? То есть летом – возможно, еще и он, а дальше... Дальше. Ну, подумай сама, ты так красиво сейчас рассказа-

ла о народной любви и неограниченной власти. Зачем же отдавать все это кому-то другому?

– Леня, но ты же не собираешься баллотироваться в президенты.

– А почему? Можешь не отвечать, потому что я еврей, банкир и сын банкира. И одного этого уже достаточно, чтобы поставить крест на моей идее. Ха, неплохой каламбурчик, из серии надетых крестов и снятых трусов. Да?

– Да. Но ты знаешь, что я не люблю пошлости.

– Прости. Но – нет. В том смысле, что ты не права. В политике, как и бизнесе, нет ничего невозможного. И, следовательно, надо сделать так, чтобы еврей и банкир мог стать тем самым сакральным и возлюбленным.

– Как?

– Этого я пока еще не знаю. Но буду знать очень скоро, можешь не сомневаться.

– А деньги?

– Что деньги?

– Помнишь? Ты говорил мне, что принадлежишь к одной из самых многочисленных популяций коллекционеров – ты собираешь деньги. И это самый увлекательный и захватывающий процесс. Еще говорил, что популяция объединяется на генетическом или физиологическом – уж не помню – уровне. Значит, ничего не может измениться.

– Может. Меняется все. Гены. Физиология. Кровь. Плазма. Популяции. Впрочем, я совсем не отказываюсь от этого занятия. Просто я слишком хорошо понимаю теперь, что, сколько бы я ни собрал денег и сколько охраны ни нанял, в один прекрасный день ко мне может прийти тот самый, сакральный – и сказать: отдай. Мое. Потому что я здесь главный. И будет прав. И спастись от этого можно только одним способом. Стать им. Сакральным. И потом – объясни мне, дорогая, прожившая со мной двадцать лет, делившая ложе и все такое прочее... чем я хуже любого из этих, сакральных. Глупее? Менее образован? Воспитан? Что? Почему они – очень даже вероятно. А я – никогда. Молчишь. Ну, и правильно делаешь. В таких разговорах лучше помалкивать. И все. Спокойной ночи, дорогая. Ты сегодня устала.

Он упал поверх одеяла и заснул моментально, хотя не был пьян и вообще засыпал тяжело. Почти никогда – без снотворного. Он заснул, будто вместе с речами выплеснул из себя какую-то силу и она оставила его, обрекая на немедленный сон. А я лежала тихо-тихо. Потому что и правда было страшно. Потому что именно тогда я поняла – он сошел с ума. Я не знала, что делать утром – притворяться, будто ничего не произошло и он не объявлял себя нынешней ночью государем всея Руси? Уговорить обратиться к врачу – по какому-нибудь другому пово-

ду – бессонница, которой он обычно страдал, раздражительность – да мало ли. Головные боли. Посоветоваться с кем-то. Но не с Мишкой же? Тот, опережая собственный визг, сначала помчался бы с этой новостью к Лемеху, а потом – пробежался бы по всем прочим. Потом, когда голова уже отказывалась думать, и в сознании рождались какие-то дикие идеи из серии сделать пластическую операцию и скрыться где-нибудь в тихой европейской стране, прихватив даренные Лемехом цапки, – их бы хватило с лихвою до конца дней...

Словом, когда казалось, что выхода нет и быть не может, я вдруг вспомнила: завтра Лемех летит в Лондон по делам, а я вечером – в Москву. Это было хоть какое-то спасение. Несколько дней, которые я могла посидеть и подумать.

Итальянский ресторан «Sale e Pepe» находился в десяти минутах езды от Hilton. Было восемь вечера, когда Леонид Лемех переступил его порог, и... в недоумении замер на месте, оглушенный невообразимым гвалтом. Казалось, что стеклянная дверь небольшого ресторанчика вела не просто с улицы в помещение. Но из одного мира в другой. Из пресного мира британской столицы – в радужную феерию неаполитанского карнавала, прибрежных таверн Сицилии, ресторанчиков Рима или Венеции. С севера на юг. Из прохлады в зной. От вежливой скуки к необузданному веселью. Тесный зал ресторана был полон, при этом казалось, что все находящиеся в нем люди говорят одновременно. И не просто говорят. Кричат, поют, ругаются и хохочут, надрывая голосовые связки. Складывалось такое впечатление, что все они дружно сошли с ума, однако не замечают этого печального обстоятельства и потому невозмутимо продолжают трапезу. От души веселятся и наслаждаются своим же весельем. Но впечатление быстро проходило. И становилось ясно, что необузданно горланит небольшая группа людей, ловко снующих по залу. Остальные, чтобы услышать друг друга, вынуждены говорить чуть громче обычного. Всего лишь. Но для создания атмосферы этого было достаточно.

Ради нее, собственно, ради неповторимой национальной атмосферы, и надрывался в центре Лондона дружный ансамбль итальянцев. Десять официантов оглушительно переругивались между собой, кричали что-то, обращаясь к невидимым поварам, те отзывались еще более громогласно. Вдобавок они нещадно громыхали посудой, роняли подносы, били – или делали вид, что бьют – бокалы. Англичане, сидевшие за столиками, были в восторге. Похоже, в обыденной жизни им здорово не хватало именно этого – непосредственности и буйства эмоций.

Представлением дирижировал молодежавый, подтянутый метрдотель, похожий сразу на модного бель-канто, и элегантного мафиози. Увидев Леонида, он на минуту сдернул маску и сразу преобразился. Заговорил негромко, довольно сдержано.

– Добрый вечер, сэр. Надеюсь, вы заказывали столик. У нас, как видите, аншлаг.

– Меня зовут Леонид Лемех.

– Секунду.

Названное имя ничего не сказала метрдотелю. Либо – он действительно обладал недюжинными актерскими способностями. Стремительно про-

листьявая пухлую тетрадь на стойке бара, озабоченно хмурился, а потом – вдруг! – совершенно искренне обрадовался.

– Есть! Buona sera, signore! Добро пожаловать!

Он резко крутанулся на каблучках, вернулся к заученной роли – зычно, так что Лемех невольно поморщился, гаркнул, обращаясь к подчиненным:

– Tavolino per, signore Леонидо!

– Вас зовут Марио?

– Sì, signore! Были у нас когда-то?

– Нет, я здесь впервые.

– Ну разумеется. Я бы вас запомнил. Вы не англичанин?

– Русский.

– Отлично! Обожаю Россию.

Не прекращая болтовни, он, виртуозно маневрируя между столиками, поставленными так тесно, что Лемех пару раз буквально заваливался в какие-то жующие компании, не обратившие, впрочем ни на его падение, ни на его извинения ни малейшего внимания, Марио подвел его к крохотному столику в самом отделенном углу заведения.

– Приятного вечера, синьор. Сегодня я рекомендовал бы горячую спаржу с сыром, мидии – в остром соусе, термидора – в белом, с грибами...

Леонид открыл меню. Есть хотелось зверски. После вчерашней внезапной нервной встряски в Давосе он не ел и не пил практически десять часов. Выбрать, впрочем, ничего не успел. Стив Гарднер возник у столика – почти незаметно, по крайней мере без всякого провожатого.

– Тебя здесь не считают за человека, – это была сложившаяся манера их общения.

Злой юмор. Но не обидный. Впрочем, если случалось такое – следовало немедленное извинение. И принималось. Это случилось почти сразу, Лемех от нечего делать поехал поучиться в NDI – институт, который, по его словам, был в сущности международным отделом Демократической партии США. Полагал, что пригодится по части возможных полезных связей. И не ошибся. Их симпатия была взаимной, одновременной и довольно ровной, то есть – это не было дружбой, когда вспышки обид и ревности сменяются долгим задушевым общением. Приятельство – скорее. Но тогда уже деловое приятельство.

Впрочем, если и говорить о том, что Стив выделил Лемеха из группы русских предпринимателей и чиновников, приехавших учиться азам капитализма, то дело было, разумеется не столько в симпатии, сколько в том, что Лемех лучше прочих ориентировался в мировоззренческих и поведенческих основах западного мира и делал это без малейшего напряжения, потому что был внутренне согласен с ними. И давно знаком с тем, что тут и

как. Биографии обоих Лемехов довершили картину. Будем дружить – решил Стив. Подразумевая, разумеется то самое деловое приятельство. С тех пор прошло шесть или семь лет. Ничего не изменилось. И Стива это несказанно радовало.

– Напротив, я здесь почти босс. Хозяин. Зачем провожать хозяина к гостю?

– Странное местечко.

– Ну да, никакого пафоса и белых перчаток, и вряд ли отыщется бутылочка Chateau Petrus урожая 1966 года. И никакого винтажного Cristal. Так что пить будем молодое тосканское Chianti.

– А есть? Я подыхаю от голода.

– Рекомендую не выпендриваться и дальше – здесь такие спагетти болоньезе! И еще. По поводу местечка. Здесь бывают исключительно британские туристы из провинций и территорий, и ни одного русского. Знаешь, еще хоть одно такое место в Лондоне?

– А мы что, на нелегальном положении?

– Нет, разумеется. Но ты с каждым днем становишься все более узнаваемой персоной.

– Это сомнительный комплимент. Особенно для человека, живущего в России.

– Надеюсь, это уже ненадолго.

– Напрасно надеешься. У нас рекомендуют всем и всякому от тюрьмы и от сумы не зарекаться.

– То есть, когда вы придете к власти, вы продолжите ту же практику?

– Знаешь, я очень не люблю местоимения «вы». Оно какое-то обезличенное. Ну, откуда я знаю, как поведет себя Олечка Бойко, припудрив нос чем-нибудь серьезным? Не смотри на меня так, ты не хуже меня знаешь, чем кто балуется из нас.

– А ты?

– Чем балуюсь я? Ну, старик, я так думаю, у тебя где-нибудь в потайной комнате километры пленок.

– Мы дано уже не пишем на пленки.

– Везет. А мы по-старинке.

– Но я спросил не о твоих забавах. А о том, станешь ли ты так же придерживаться этого вашего – от тюрьмы?

– Это вопрос договоренностей, Стив. Серьезных и предметных договоренностей. Договариваться всегда надо на берегу, обо всем, чтобы потом – в бурном потоке – не возникло никаких неожиданностей. Я, к примеру, свою жену считаю лучшей женщиной современной России. Ну, нашего круга. Правда. Заслуживает. И живем мы двадцать лет. Двадцать. Но знаешь, о

чем до сих пор жалею? Не заключил брачного контракта, не заверил договоренностей. Такой вот я зануда. Еврей. Банкир.

– Ну ладно, еврейский банкир, к этому мы еще вернемся. Сейчас расскажи мне про вашу умную Думу.

– Что, собственно, рассказывать? Работаем. Потому что – между прочим – договорились. Прикупаем. Согласно библейской традиции – каждой твари по паре. Кто персонально тебя интересует?

– Меня персонально интересует проведение решения... Только ты погоди, не перебивай, хотя тебе покажется странным. Я хочу, чтобы Дума приняла решение, всколыхнувшее если не страну, то ее политический истеблишмент. Мне нужна драка. И активизация тех сил, которые призывают к отмене выборов.

– Зачем?

– Чтобы окончательно понять, кто где.

– В качестве эксперимента, стало быть?

– Можно сказать и так.

– А если провалится твой эксперимент? И «ястребы» не просто укрепят свои позиции, но и получают поддержку Думы?

– И пусть.

– Мне нужен ясный расклад сил. А развернуть ситуацию в обратную сторону – надеюсь – сумеют те, на кого я рассчитываю.

– Темнишь, Стив.

– Темню. Но даю тебе слово, как только ситуация разрешится, ты будешь первым, кто узнает, для чего мне потребовалась эта заварушка. И вообще...

– Что – вообще?

– Ну, вообще...

Стив не закончил фразы, но Лемех отчетливо расслышал безмолвный финал – и вообще, будешь первым. И почти обрадовался. Значит, вчерашний разговор с Лизой записали и поняли правильно. Это было его послание, закамуфлированное под пространные рассуждения с женой о сущности российской власти. И похоже, они поняли его правильно. Теперь следовало не оплошать. Речь, конечно, идет не о том, чтобы сверить силы и понять их расстановку. Зачем-то ему нужна эта короткая смута. И он уверен, что сумеет ее погасить. От него – Лемеха – сейчас ждут идеи, которая смогла бы эту смуту породить. Для начала в Думе. Он думал несколько минут, машинально наворачивая на вилку остывшие спагетти, которые были и вправду вкусны, но огромную глубокую тарелку он не потянул.

– У тебя есть некоторое время. Скажем, недели две.

– Нет. Я, кажется, уже знаю. Вот что. Представь, существует группа психов, которая давно уже пытается законодательно отменить Постановле-

ние о денонсации Договора об образовании СССР. То самое, что признавало беловежские соглашения.

Стив расхохотался.

– Обратнo в СССР? Но это невозможно.

– Теоретически, посредством множества процедур – представь себе – возможно. Теоретически, разумеется. Практически этого не произойдет никогда. Но если Дума вдруг проголосует... Или хотя бы поставит на голосование... Нет, проголосует... Они идиоты, конечно, но понимают, что ничего не произойдет, так – очередное сотрясение воздуха, но ведь и очередная возможность напомнить о себе. И какая! Проголосуют. Вот тебе и заваруха.

– И ты за это берешься?

– Считаю, что мы договорились, старик. Когда? Как скоро ты хочешь это шоу? В середине марта, к примеру?

– Полагаю, что – да.

Стив, перегнувшись через стол, протягивая Лемеху руку.

– Значит, ты человек договоренностей?

– Надеюсь, у тебя будет случай в этом убедиться...

Стив ушел первым, и это были никакие не шпионские игры, его еще ждали люди, разговор с которыми должен был состояться именно сегодня. Лемех – вдобавок – жил по соседству. В любимом своем лондонском отеле The Dorchester. Не дожидаясь кэба и даже отмахнувшись от проезжавшей мимо пустой машины с желтым огоньком, призывно притормозившей рядом, Стив с удовольствием вдыхал влажную прохладу лондонской ночи.

Надо сказать, что Лемех нравился ему больше и больше, даже той, вчерашней истерикой, которую якобы закатил жене по непонятному поводу. Это был красивый и тонкий мэсседж. А Стив любил красивую и тонкую работу. Но сейчас он думал не о Лемехе, и встреча была посвящена вовсе не ему.

«Любопытно – спросил себя Стив, натягивая на самые глаза темную вязаную шапочку, – какую именно папку я сейчас отрабатываю из своего досье?» Понятно, что «Выборы и Россия». А дальше? «Дискредитация силовиков». Это верно. Но лишь отчасти. Ибо сама по себе дискредитация ничего не даст – на смену одним придут другие. Новый игрок в либеральном лагере – и только он – может радикально изменить ситуацию. И я сейчас играю на него. И пора бы уже согласовать это с Мадлен. А уж потом – немедленно – завести соответствующую папку. И разумеется, я знаю, как она будет называться.

Несмотря на быстрый шаг, он озяб до костей и призывно выбросил руку, хотя улица и была совершенно пуста. Ему повезло – желтый огонек свободного кэба медленно проплыл в темноте и замер рядом.

2007 ГОД

ГАВАНА

– Мы ведь еще не были во дворце президента Батисты?

– Нет.

– Самое время посетить.

– Почему – теперь?

– Потому что мы часами ведем разговоры о власти, – не замечали? А мне, между прочим, грустно. Раньше, беседуя с красивыми женщинами, я находил другие темы.

– Мне кажется, вы лукавите сейчас немного – вам и самому интересно говорить об этом. Иначе я не вытащила бы из вас и слова.

– Да. Как это замечательно говорят в России – есть немного. Но не будем спорить. Как бы там ни было, наши разговоры о власти уже перетекают из плоскости сугубо практической в некие мировоззренческие дебри, потому взглянуть на дворец Батисты будет в самый раз. И не переживайте, потом я, разумеется, накормлю вас очень приличной жареной свининой с черными бобами. Есть тут неподалеку тихое вкусное местечко.

– Вы всерьез полагаете, что у меня – гастрономический тур?

Он негромко смеется.

– Нет, но есть надо и в промежутках между рассуждениями о высокой политике. В обратном случае в голову лезут разные революционные мысли.

Президентский дворец в самом центре Гаваны похож снаружи на все президентские дворцы, по крайней мере, на юге. Светлый камень стен, огромные проемы окон, помпезная лестница и колоннада. Здесь все так же. И не так. Потому что внутри – дворец пуст. Здесь все осталось как в день бегства Батисты. Даром, что зовется теперь музеем революции. Viva, Fidel, никаких побитых молью знамен и барельефов вождей, их же простреленных шинелей, революционных декретов в рамках под стеклом и табельного оружия в подсвеченных витринах. Ничего. Огромные пустые залы, с мраморными колоннами, лепниной и потемневшими зеркалами в резных рамах, с которых еще не до конца осыпалась торжественная позолота. Пусто. Гулко.

И – совершенно очевидно без всяких агитационных слов – те, кто обитали здесь прежде, повержены, бежали в ужасе и спешке. В доме их гуляют теперь сквозняки и редкие туристы. Никто ничего не разрушил. Никто не поселился. Никто ничего не изменил. На протяжении сорока семи лет. Высшая форма революционного презрения?

– Возможно. Или уважение к поверженному противнику.
– Представляю пустой Зимний. Или Кремль. Невозможно.
– У нас иная традиция. Во-первых, народ должен видеть царя и знать, где он обитает. Неважно, каким путем пришел он к трону, пришел – значит, победил. Победил – значит, царь.
– Сакральность власти?
– Да. В России чрезвычайно сильна, – как нигде в мире – даже в самых закостенелых монархиях.
– Так, может, монархия действительно единственная подходящая нам форма правления? Есть же такие голоса.
– Глухие голоса. Сакральность не передается по наследству, чтобы там ни писали историки и теологи. Ощущение божественной печати избранного – которое, собственно, и порождает чувство сакральности – возникает не вдруг. И познается не вдруг. Равно как и его отсутствие. Вот что страшно. Иногда ведь видится – вон идет былинный богатырь, земля дрожит, булава на плече – трепещите враги, радуйся благодарный народ, вот оно, счастье, а богатырь походит-походит по окрестности, да и отложит булаву в сторону – нет, дескать, не желаю воевать ни с какими врагами. Несите-ка мне лучше какой-нибудь оброк или дань. Или кормите на худой конец, но так, чтобы от пуза. Знаете, меня спросили однажды: какими качествами должен обладать сегодня лидер государства? Я ответил: и сегодня, и вчера, и всегда – непопулярными. Собеседник высказал крайнее изумление. Объясняю. Небольшой личный и огромный исторический опыт позволяет мне заключить, что, когда речь заходит о личных качествах «руководителей высокого ранга», проще говоря, тех, в чьих руках судьбы государств и народов, следует учитывать некий любопытный феномен. Я называю его несколько фривольно – перевертышем. И вот что имею в виду.

Личные качества, которые в обыденной жизни украшают обычного человека, приносят ему любовь, уважение окружающих и добрую память после того, как покинет сей праведный муж этот мир, в случае, когда речь идет о властителе, оборачиваются, как правило, большими неприятностями и даже катастрофами для народа, управлять которым он имеет несчастье. Вернее, впрочем, будет сказать, что это народ имеет несчастье обрести такого правителя. И наоборот. Свойства натуры, в обычной жизни осуждаемые и порицаемые, для особы правящей оказываются не только полезны, но и необходимы.

Теперь пример. Только один, но весьма показательный. Из российской истории, не слишком близкой – чтобы не вызывать нездоровое

брожение умов, но и не слишком далекой, чтобы полностью стереться в умах просвещенных потомков.

Последний русский император, государь Николай Александрович, был человек – в общечеловеческом понимании – в высшей степени добродетельный и милый. Он страстно обожал свою семью и готов был на все, дабы не расстроить жену и не перечить старшим родственникам. Он был мягок, интеллигентен, обходителен и тактичен. Он боялся крови и ненавидел войну. Пищу все это без малейшей иронии и испытывая глубокое уважение к несчастному императору.

Чем обернулись души его прекрасные порывы для России, знают все. За противоположным примером далеко ходить не надо. Батюшка Н.А., государь Александр Александрович был совсем иным человеком. Современники отмечали его грубость, упрямство, жесткость, граничащую с жестокостью. Он писал на министерских отчетах «Какая же ты свинья!» и заявил свитскому офицеру, рискнувшему напомнить, что посланник какого-то европейского двора дожидается уже несколько часов: «Когда русский царь ловит рыбу, Европа может подождать». Он, безусловно, любил семью и имел друзей, но когда речь заходила об интересах государства, был категоричен: «У России только два союзника: армия и флот». Перечень его «грехов» – возмись я перечислять их здесь предметно – займет несколько страниц. Но годы его правления обернулись для страны благом. Замешанный на нигилизме и анархии, кровавый русский террор, бушевавший до прихода Александра III к власти, оказался сведен до минимума.

По темпам развития (8–11 процентов) Россия вышла в мировые лидеры. Потенциал страны удвоился, был сформирован костяк крупной индустрии. Венцом финансово-экономической стратегии стал переход в конце XIX века к устойчивой национальной валюте – золотому рублю. При нем Россия ни разу не воевала, тон российской дипломатии отличался спокойной твердостью. «Он, – писал об Александре III Витте, – умел внушить за границей уверенность в том, что... никогда, ни в коем случае не поступится честью и достоинством вверенной ему Богом России...» И все. Впрочем, в российской и мировой истории таких примеров великое множество. Но этот – пример отца и сына на русском престоле – отчего-то мне ближе. И показательнее. И последнее. Сказанное, а вернее, написанное Александром III перед смертью: «Помни – у России нет друзей. Нашей огромности боятся».

– Ну, это почти идеально подходит к Ельцину.

– Совершенно не подходит. Ельцин – скорее тот самый былинный богатырь с булавой, который изрядно той самой булавой покрушил много чего вокруг. Всякого. Вредного, полезного – без разбору.

– Хорошо, пусть Ельцин не Александр III, но в умении принимать непопулярные решения ему – согласитесь – не откажешь.

– Не откажу. Беда только в том, что это были по большей части не его собственные решения. Помните, мы говорили о влияниях. Вот следствием этих влияний и были решения...

– Принятые на потной коленке.

– Что такое?

– Образное выражение, долгое время гулявшее по Москве. Знаете, когда теннисные пристрастия президента полностью узурпировал Шамиль Тарпищев...

– А разве не он научил его играть в теннис?

– Совсем даже не он. Была – впрочем, почему была, надеюсь, что и есть – немолодая, милая женщина Лида Муранова. Работала тренером в спортивном зале «Дружба», а по политическим убеждениям была отчаянная сторонница демократии. Позже – когда началась история с Ельциным, стремительно перерастающая в травлю, Лида – со свойственной ей непосредственной решительностью, позвонила ему в Госстрой. Кто-то снял в трубку в приемной, и она, довольно бойко, попросила передать Борису Николаевичу, что народ – за него, он непременно победит, ну и что-то в том же духе.

Не знаю, то ли таких звонков тогда было мало – возможно вполне, что эту «малость» просто обеспечивали технически. То ли человек на том конце провода решил, что именно сейчас Ельцину не помешает поговорить с народом. Пусть и в лице одной-единственной бойкой женщины. В общем, их соединили. И они поговорили очень хорошо, и Ельцин, настроение которого, видимо, заметно улучшилось во время разговора – стал расспрашивать Лиду о том, чем она занимается. И она сказала, про теннис. «А я вот никогда не играл в теннис», – неожиданно заметил Ельцин. «Так приезжайте, я вас научу», – не раздумывая предложила Лида.

Хотя организовать это – тем паче для опального политика – в ту пору было совсем непросто. Теннис, если помните, всего несколько лет назад вошел в советскую моду – на корт ринулись все, от зубных техников до кинорежиссеров, абонементы стали дефицитом, и дорогим дефицитом. Но все эти проблемы Лида решила – и корт арендовала на свои деньги, и сауну, и – уже не знаю, где и когда научилась, но заваривала она какие-то совершенно целебные и вкусные чаи и пользовалась настоями разных трав. И уже Коржаков рассказывал мне позже, что после Лидиных чаев и настоев тяжелый, похмельный Ельцин приходил в себя, и даже бледные водянистые отеки вокруг глаз спадали.

Лиду боготворили и Наина Иосифовна, и дочери, но в какой-то момент кто-то из ближнего круга решил, что в качестве тренера и советника по спортивным вопросам Шамиль будет полезнее. В конце концов – это была позиция, обеспечивающая едва ли не максимальную близость к телу, о которой мы уже говорили.

А Лида «решать проблемы» не могла. И просто тихо исчезла тогдашне-го из президентского окружения. Как исчезли потом многие. Но я хотела рассказать не об этом. Понимая значение тенниса в наступающей политической эпохе, Шамиль вместе с тогдашним председателем ФС Борисом Федоровым, ныне уже покойным – довольно быстро учредили крохотный теннисный клуб «Петровский» на территории «Динамо», там очень быстро организовался турнир – «Большая кепка» – участниками которого могли стать только избранные, независимо от умения держать ракетку в руке. На втором этаже клуба, прямо над двумя кортами, располагались VIP-раздевалки, одну из которых, разумеется, занимали Ельцин с Коржаковым. Так вот – проникнуть в эту святая святых с нужным документом в дрожащей ручонке и получить резолюцию президента, минуя все положенные согласования, и называлось «подписать на потной коленке». Большое, между прочим, было везение. И сколько тех важных бумажек, пропитанных президентским потом, ушло гулять по стране – не скажет теперь никто.

– Занятная история. Сам пару раз играл в «Петровском», ни в каких турнирах, понятное дело, не участвовал, ничего не подписывал и не догадывался даже, что нахожусь в стенах, где вершилась судьба страны. А доступ к телу, то есть в раздевалку регулировал, разумеется, Александр Васильевич?

– Исключительно. Ну, или кто-нибудь из совсем уж приближенных – Сосковец, Барсуков.

– Наши снежные барсы. Потому так отчаянно и бились за отмену выборов.

– Ну, некоторая логика в этой позиции была, потому что шансов победить – практически нет.

– Но победили же. Приехали натасканные американские политтехнологи, привезли затасканные американские технологии – в любой другой стране провалились бы с треском, но Россия к таким вещам была еще непривычна. Моя старушка соседка в Москве, врач, между прочим, и неплохой, едва не отправилась к праотцам, проглотив какую-то таблетку. «Зачем же вы ее пили? На аннотации какой-то неразборчивый бред, ясно же, что фальшивка?» Знаете, что она мне ответила? «Так ведь по телевизору сказали». Совсем не старая еще интеллигентная женщина, москвичка, с высшим образованием. Она

еще не научилась отличать рекламу от информации. Что уж говорить об основной, как это у вас принято выражаться, «электоральной массе». Потому в Россию в ту золотую для технологов пору можно было вести любое старье, и оно сработало за милую душу. Нет, основная идея кампании – страх перед возвратом коммунистического прошлого была, безусловно, верна. И медийно обыграна неплохо. Фильмы, книги, публикации, документалистика. Все страшно – от колючей проволоки ГУЛАГА до колбасных очередей 80-х. Страх отчетливо вбивался в подсознание. И одновременно мысль о том, что беды можно избежать. Неплохо, совсем неплохо. Да! И еще эта совершенно замечательная коробочка из-под ксерокса. Когда опасного и сильного противника удалось устранить за 538 тысяч долларов. Достойно учебника истории.

– Но это же была чистейшей воды провокация.

– А не надо было поддаваться на провокации.

– И между прочим, необходимого числа голосов во втором туре все равно не набрали. Просто договорились с Зюгановым.

– Вероятно. Но что с того? Все это уже технические детали, о которых можно вести приватные беседы. Не более. История не терпит сослагательного наклонения, но также не приемлет она недоказанных фактов, сколь очевидными они ни кажутся порой. А кстати – знаете, что привело американцев к победе?

– Американцев?

– Ну, не кокетничайте. Вам идет, но не в таких случаях.

– Технологии, вы сами только что сказали.

– Это вторично, равно как и коробочка из-под ксерокса и договоренности с Зюгановым.

– Так что же?

– Ставка. Они поставили на правильного человека. Хотя до последней минуты сомневались.

– На Чубайса?

– Нет. Чубайс мог только испортить дело своим напором, который откровенно раздражал Ельцина. Кроме того, он панически боялся Коржакова.

– Ну, не тяните.

– А я вам уже говорил однажды эту вечную истину: *cherchez la femme*.

– Дьяченко?

– Да. Именно она. Была их главной и самой верной ставкой.

– Я не спорю, ее влияние на отца – особенно последнее время – возросло и довольно заметно, но – главная ставка?

– Вы не поняли. Им во что бы то ни стало нужно было перед выборами – убрать Коржакова. Политически, разумеется. Это не было проблемой, поверьте, история с коробкой, конечно, хороша, но можно было изобрести еще десяток историй и более громких и смешных или почти незаметных. Главное – было в другом. Коржакову долгое время не было альтернативы. Ну, не было рядом с Ельциным человека, в котором он чувствовал почти собственную харизму, который мог порой позволить себе быть на равных, а порой – изобразить полное и безусловное подчинение, который не смог бы существовать в том же режиме и статусе, к которым привык и терять которые – понятное дело – не хотел, кроме как при Ельцине. Который был не слишком умен и не блистал интеллектом, что изрядно раздражало Ельцина в людях. Который был настолько же решителен и беспринципен, сколь сам Ельцин, и потому любые распоряжения отдавались и исполнялись легко – ничего не нужно было объяснять, тем более оправдывать или – еще хуже – оправдываться, изобретать высокие цели и благородные побуждения. Теперь сравните. Кто еще из ближнего круга президента был носителем тех же качеств, свойств, достоинств и недостатков?

Я задумалась надолго. Перебирала людей, вспоминала лица, взгляды, поступки. И я согласилась с ним. Только она – Татьяна. Эдакий Коржаков в юбке. Безмерно преданная, потому что в одной смертельной связке, еще более прочной, чем у Коржакова, прагматичная, циничная, жесткая, готовая на все, признающая и допускающая любые способы решения проблем, если эта проблема угрожает всерьез, не требующая и не терпящая высокой патетики, а главное – кровно заинтересованная в том же, в чем и отец – безопасности, благополучия семьи. Я бы еще добавила от себя: амбициозная и неглупая, истомившаяся от собственной второстепенной роли. Не слишком счастливая в личной жизни – как все женщины в авторитарных, подчиненных интересам отца семьях.

– Я не слишком в курсе ее личной жизни, кроме того, что знаю – сейчас она замужем за Валентином Юмашевым. И у них вроде бы все в порядке.

– Дай-то бог. Но мне представляется, что это скорее союз единомышленников, впрочем, вероятно, прочный и гармоничный, как и все такие союзы.

– Но в тот момент Юмашев был еще достаточно далек от нее, а сублимация личной не слишком счастливой жизни, вкупе с тем, что от общественной, к которой всегда стремилась, она какое-то время была полностью отстранена, дали хороший импульс. На политической

арене появился человек, способный заменить Коржакова. И главное – она была готова играть по правилам, предложенным американской командой, хотя бы потому, что именно против этой команды и этих правил так яростно выступал Коржаков. А я так думаю, что в тот момент в мире не было другого человека, которого она ненавидела бы больше, чем Коржакова.

– Еще бы. Он столько лет занимал место, принадлежащее ей по праву.

1996 ГОД
ВАШИНГТОН

Снаружи здание Государственного департамента выглядит как огромная унылая коробка, в которой может разместиться что угодно. Внутри – все так же уныло и одинаково. Белые потолки и белые стены, помеченные цветными полосами, чтобы посетители не заблудились. Стиву здание напоминало космический корабль и – в шутку – он доказывал Дону, что если поднатужиться, именно здесь ничего не стоит преодолеть земную гравитацию и пробежаться по потолку, ориентируясь – опять же – по заметным полоскам на стенах. Надо сказать, что этот разговор возникал довольно часто, почти всякий раз, когда оба направлялись на седьмой этаж, где размещался кабинет госсекретаря.

Здесь, разумеется, все было иначе – декорированные красным деревом стены и портреты предшественников миссис Олбрайт на стенах заставляли немедленно забыть о комической стерильности нижних этажей. Но Дон именно в этот момент произносил нечто по поводу решений, которые принимаются в этих стенах, и о том, что по уровню воздействия на мировые процессы – они вполне могут сравниться с космическими. Это был приятный для обоих разговор – потому что Мадлен Олбрайт только что была назначена президентом Клинтоном государственным секретарем США. Оба – и Дон, и Стивен, числились сотрудниками СНБ США, но они оставались ее неофициальными советниками, добровольными помощниками и почти друзьями все то время, пока, покинув Совет безопасности, Мадлен представляла США в ООН. Этот триумвират был весьма продуктивен, а главное – обладал редкой возможностью в чрезвычайно сжатое время выдавать решения проблем, над которыми безуспешно бились другие службы государственного аппарата.

Внутри этой тройцы было сложившееся и тоже, разумеется, неписаное распределение обязанностей – разумеется, Мадлен определяла задачи и обеспечивала – если требовалось – государственное прикрытие их исполнения. Дон находился в постоянном, плотном и доверительном контакте со спецслужбами, притом, что его люди в погонах не просто терпели Сазерленда, как вынужденно терпят большинство штатских из Госдепа и СНБ, с которыми приходится контактировать по разным вопросам. Но терпели с симпатией, причем в некоторых случаях слово «терпели» можно было бы опустить вовсе. Ему симпатизировали и всегда готовы были прийти на помощь. И он никогда не подводил.

Со Стивом в этой компании все было ясно – его задачей были его знаменитые сценарии. Но как-то раз, когда работа Стива была особенно

хороша, Мадлен справедливо заметила, что не будь его продукции, ей нечего было бы прикрывать на государственном уровне, а Дону – на уровне ребят в погонах. И это было так. Сейчас, похоже, обоим ждало на седьмом этаже предложение – перебраться в это странное белое здание-космолет и, собственно, продолжить ту же работу однако уже в непосредственном подчинении государственного секретаря США. И это безусловно было хорошо, правильно и означало – вдобавок – существенный шаг в карьере вверх. И настроение – в этой связи – разумеется, было совсем недурным. Но Лиз Лайнберри – личный секретарь государственного секретаря, которая, по слухам, была личным секретарем едва ли не всех государственных секретарей США, окатила их ушатом ледяной воды.

Такое – по крайней мере – было ощущение. У каждого.

– Какое сегодня число, джентльмены? – вопрос прозвучал резко, будто встреча назначена была на другой день и оба просто непростительно запутались в календаре.

Но дело, разумеется, было не в этом. У вопроса был контекст. И первым его осознал, разумеется, Стив.

– 15 апреля, мэм.

– Вот-вот, на столе у нее, между прочим, кипа газет с жуткими фото. А я только что отправила в Белый дом текст, который президент должен будет произнести в разговоре с русским. Соболезнования, и все такое. Не думаю, что она в восторге от этого текста. Словом, вы поняли меня, джентльмены – и твердо знаете теперь, на что можете рассчитывать сегодня.

– Спасибо Лиз.

Очки в тонкой оправе держались у Мадлен, как всегда, на кончике носа. Губы были сжаты в тонкую, едва различимую линию, отчего еще больше становились заметны морщины вокруг, будто линии, которые наметила старость, имеющая свои планы на это лицо.

Она не стала их томить, хотя любила иногда подержать посетителя в трепетном неведении – замечен или нет, вправе ли дать знать о своем присутствии или следует дожидаться, когда вельможный хозяин кабинета обратит на него внимание самостоятельно. Она сняла очки – небрежно отшвырнула их в дальний угол стола. Газета последовала туда же. «Потом станет искать и то и другое», – отстраненно подумал Стив, но, разумеется, промолчал.

– Ровно год назад. Надеюсь, вы уже ознакомились с прессой, и нашей, и русской, и вообще. И CNN, ВВС... будто в мире не происходит больше нечего. Один прошлогодний Буденновск.

– Это жареное, мэм. Даже с прошлого года – оно хорошо идет с прилавков.

– Если это все, что ты собираешься мне сказать, Дон, то лучше сходи к Лиз и попроси кофе с булочками. Именно сходи – она это любит.

– Разумеется, мэм.

Стиву показалось, что Дон почти счастлив. А он? Пауза повисла в воздухе, сгущаясь едва ли не до осязаемого удушья. Наконец она заговорила.

– Знаешь, малыш, я всегда знала, что политика – это искусство принимать непопулярные решения. Я и теперь так считаю, хотя – поверь, это не обычное дипломатическое лукавство – мне искренне жаль тех людей. Погибших в Буденновске. И эти беременные женщины в куцых сорочках, босиком бегущие под дулами своих и чужих, – каких детей они родят? Что будет с психикой этих людей, виноватых лишь в том, что 15 апреля 1995 года мать оказалась в роддоме. Но. Если бы кто-то вдруг отмотал время назад, к тому нашему разговору, когда я лежала в больнице после этой идиотской истории с креслом. Стив изумленно поднял брови. По крайней мере, попытался изобразить этот жест.

– Да не гримасничай, сделай милость. Про эту историю говорит весь Вашингтон, а ты мне здесь изображаешь святое неведение. Не лукавь, мальчик, тебе не к лицу. Так вот я и тогда, на больничной койке, сказала бы то же самое – и Дон отправился бы к своим друзьям в Лэнгли, и цепочка потянулась бы дальше через Европу или ближний Восток – не суть. Но этот человек – Басаев получил бы свои деньги и сделал бы то, что сделал, но... Все это я готова повторить ради результата, который не только не наступил, но, как мне кажется, стал еще более далеким и недостижимым. Влияние Коржакова растет, не так ли, Стив?

– Да, мэм.

– И Ельцин по-прежнему доверяет ему больше, чем кому-либо?

– Да, мэм. Он слишком предан президенту. К тому же располагает информацией, возможно, более полной, чем мы.

– Было бы удивительно иное.

– И эта информация дает ему основания полагать, что Ельцин не в состоянии выиграть выборы. Потому – идея отмены обретает силу, а Коржаков – союзников.

– Из числа наших мальчиков в том числе.

– Да, из числа... мальчиков тоже. Некоторых.

– Слово «наши» ты опустил сознательно, Стиви?

– Скорее, бессознательно. Вы ведь знаете мою теорию – в России пока не умеют играть командой, каждый старается уцепиться за хвост лидера, и чем быстрее он вычислит лидера, тем ближе достанется место у хвоста.

– Ближе к чему, Стив?

- Ну, к тому, откуда растет хвост.
- Важное место, особенно у русских. Знаешь, я однажды решила блеснуть знанием русской поэзии перед некоей пожилой дамой, русской аристократкой, бежавшей от революции и осевшей в Париже. «Умом Россию не понять», – процитировала я Тютчева. «Ее и жопой не понять», – немедленно отозвалась старая дама. Княгиня, по-моему. У них вообще много шуток крутится вокруг мягкого места. Знаешь, к примеру, что «делать через жопу» не всегда означает делать плохо, иногда – нетривиально.
- Ну, это почти как в сексе, мэм.
- Стив! Я гожусь тебе в бабушки.
- Простите, я к тому, что возможность прицепиться к хвосту – есть именно шанс решить вопрос через жопу.
- Не знаю. Расскажи это лингвистам, возможно, их это порадует. Меня же пока исключительно огорчает программа Коржакова и то, что она набирает силу.
- Не все так плохо. Зимой в Давосе группа крупных предпринимателей – список и кое-что из распечаток я вам передавал – договорилась поддержать Ельцина, при условии, что он выполнит ряд их условий. В сущности – это наши условия, мэм – Сахалин, Якутия...
- Я читала. И радовалась. Но. Во-первых, нам ничего пока не известно о реакции Ельцина.
- Встреча состоится на днях, уже известно наверняка, что в ней участвуют Березовский, Фридман, Гусинский, Чубайс, Лемех...
- И ты уверен, что эту встречу с самую последнюю минуту не отменит Коржаков?
- Нет, мэм. В этом никто не может быть уверен.
- Кстати, когда они обсуждали свой ультиматум в Давосе, неужели никто не предложил включить в него отставку Коржакова и его людей? Кто там – Сосковец, Барсуков...
- Этот вопрос прозвучал, но...
- Очень-очень тихо, чтобы, не приведи бог, техника Коржакова не записала такую крамолу.
- Полагаю, что да.
- А наша?
- Почти – ничего. Можно только догадываться. Но я и так знаю – Ельцин никогда не пойдет на эту отставку.
- Почему? Не хочешь же ты сказать, что он читал Макиавелли?
- Полагаю, что нет, но, во-первых, Коржаков лично предан Ельцину, и Ельцин в этом убежден. Во-вторых, Ельцин панически боится не только за свою власть, но и за свою жизнь – в этой связи Коржаков едва ли

не единственный человек, который будет защищать и то, и другое до последнего. То есть – собственной жизнью.

– Это соответствует действительности?

– Скорее да, чем нет. Но однозначного ответа не даст сегодня никто. Далее – Ельцин подозрителен, мнителен, он постоянно, отовсюду ждет удара, заговора, подвоха – Коржаков умело играет на этом. Ему удалось создать спецслужбу, подчиненную лично Ельцину. Но располагающую возможностями всех других спецслужб, вместе взятых, – ФСБ, МВД, ГРУ.. Над теми – однако – прокуратура и разные парламентские комиссии, и только СБП, как же на Цезаря – вне подозрений. И вне проверок. Под ним ФАПСИ – агентство правительственной связи, а это значит возможность в любую минуту прослушать любую линию связи. Весь собранный компромат он, разумеется, докладывает Ельцину в нужном ракурсе. Или не докладывает – но тогда человек, пойманный на крамоле, плотно заглаживает его крючок...

Дон аккуратно и бесшумно, как вышколенный официант, разливал кофе из серебряного кофейника. Круглую вазочку с теплыми, источающими аппетитный аромат корицы булочками Лиз заботливо придвинула поближе к Мадлен. И незаметно – так же, как вошла, исчезла.

– Остается одно... – покончив с официантскими обязанностями, Дон легко присел на кончик кресла, бесцеремонно подвинул к себе булочки. – В Лэнги полагают.

– Нет! – Мадлен, не пригубив, поставила чашку с кофе на блюде так резко, что звон фарфора показался звоном разбитого фарфора, но блюде уцелело и только наполнилось горячим ароматным кофе, выплеснувшимся из чашки.

Дон поднялся было, заменить чашку, но Мадлен остановила его довольно резко.

– Сядь, пожалуйста. Этим есть кому заняться. А вот кто займется Коржаковым, должен сказать ты.

– Я и начал. В Лэнгли...

– Никаких Лэнгли. Они уже сделали все что, что могли, ровно год назад, и об этом мне теперь с утра напоминают все информационные агентства. А президент приносит соболезнования Ельцину в связи с годовщиной страшной трагедии.

– Но генерал Коржаков – не больница в Буденновске.

– Он больше, Дон. Он единственный человек, которому доверяет Ельцин.

– Это не главное, – Стив допил свой кофе и аккуратно поставил чашку на место. Poleмику вокруг Лэнгли и тех способов, которые готовы были предложить тамошние друзья Дона, он пропустил демонстративно. И все понимали почему. Год назад Стив был против операции

в Буденновске, полагая, что, несмотря на пролитую кровь, акции силовиков – а значит, и Коржакова – в глазах Ельцина только вырастут. Не потому, что операция окажется удачной, а потому что нападение окажется реальным. Это были его слова, сказанные прошлой весной тем же людям, но в другом кабинете. Тогда Дон и пара его плечистых коллег, приглашенных для беседы, оказались речистее. Теперь – вспоминать об этом вслух никому не хотелось, но вспомнили все.

– Тогда – что же?

– Главное – это будет формальный повод отложить выборы. Страна окажется втянута в хаос, в этом хаосе Ельцин, безусловно, поставит на сторонников Коржакова. Премьерское кресло займет Сосковец, который – после всех необходимых выборных процедур – и станет президентом России. Ну, не сразу, через год-другой.

– С Сосковцом, говорят, тоже можно договориться.

– Вероятно. Но это значит все начинать сначала. Это раз. Два. Он человек совершенно другой формации, из числа «красных баронов», которые готовы продать многое, но...

– Родиной торговать... – внезапно по-русски и с какими-то грозными, театральными интонациями вставила Мадлен.

Дон удивленно поднял глаза.

Стив, напротив, кивнул удовлетворенно.

– Да. Наш сценарий написан и уже наполовину осуществлен под людей следующего поколения: прагматиков и космополитов. Мы умеем работать и договариваться с ними, они отдают себе отчет, что будет, если они нарушат обязательства. Их деньги, в конце концов, в наших банках, у половины из них европейские и израильские паспорта... Это наши ребята. Сосковец, говорите? Может – Лебедь? Или все же Зюганов? Дайте, пожалуйста, спички, Мадлен.

– Зачем?

– Я торжественно сожгу сценарий в вашем камине.

– Не выйдет. Камин разжигают исключительно принимая послов.

– Отлично. Терпеть не могу запаха жженой бумаги, – похоже, Дон доедал последнюю булочку, – ну, раз все закончилось так хорошо... Мы сохранили Коржакову жизнь. И не сожгли сценарий Стива... может быть, Стив будет так любезен, чтобы поведать, каким видится ему финал.

– Думаю, я отвечу на этот вопрос завтра.

– Берешь тайм-аут.

– Нет. Сегодня, возможно именно в эти минуты, «семибанкиры» встречаются с президентом, они изложат ультиматум. Он должен будет что-то ответить. Тогда и станет ясен финал.

- А если он не станет отвечать?
- Финал будет другим. И только.
- Но он будет?

- Вне всякого сомнения, госпожа госсекретарь.

Или не будет, как полагает большой нефтяной Тони, но на этот случай – существует вариант два. И только один вопрос – когда? Тогда или теперь?

Узкая дверь нашего безопасного приюта, нашей маленькой дешевой кафешки с трудом пропустила его внутрь. Она заскрипела, затрещала, звякнула треснутым стеклом и с такой силой задела стоящий у входа столик, что на нем опрокинулись пластиковые стаканчики. Слава богу, пустые – люди из-за столика только что вышли на улицу. Они вышли, а он зашел. Большой, аккуратный, почти красивый в своем темном – явно не дешевом костюме и белоснежной рубашке, затянутой у ворота тугим темным галстуком. Не здешнего полета птица, не местной красоты мужчина. Все, побросав дела, смотрели на него. Однако ж довольно напряженно. Появление особой другой популяции – всегда настораживает другую. Тем паче в Москве, где почти никто и никогда не ждет лучшего. По крайней мере, в людном, малознакомом месте. Впрочем, они беспокоились напрасно – его интересовали только мы.

– О, Елизавета Михайловна, что-то мы опять вас потеряли.

Улыбка на его широком лице была искренней. Готова поклясться – он действительно рад был нас видеть. По-настоящему.

– Что-то вы стали какие-то невнимательные, – Лиза язвит без особой, впрочем, досады.

Рано или поздно все равно предстояло обнаружиться. Не пускаться же в бега по полной программе. Впрочем, я пока и не видела оснований. Лемех рвется к власти? Ну, так не он один. Что такого успела узнать Лиза, а в скором времени, очевидно, узнаю я, чтобы «мочить нас в сортире» или где придется, навлекая на себя кучу возможных и вероятных неприятностей. К тому же из прессы, правда, мельком и не так, чтобы слишком всерьез, я знала, что у самого Лемеха нынче не слишком ладные отношения с нынешней властью. Как говорится, таперича, – не то, что прежде. Из фаворитов-любимчиков, из дуайенов олигархического корпуса он, похоже, медленно, но неукоснительно пикировал вниз. Согласно заявленному новым президентом принципу равноудаленности. Словом, страшно мне пока не было. Любопытно – да.

– А знаешь что, – говорит Лиза, когда мы оказываемся на улице, – давай заедем в наш офис. Во-первых, ты еще не видела – новый. Во-вторых, хочу показать тебе, как бывшему журналисту, кое-какую прессу и познакомить с нашим пресс-секретарем. Если не возражаешь.

– Нет. Я сегодня уже свободна совсем.

– Поедем со мной, а твою машину, если хочешь, оставим на стоянке.

– Зачем на стоянке? – легко вклинивается в беседу красивый мужчина в дорогом костюме – наши ребята погонят следом, если доверяете.

– Было бы что доверять – ключи от моей Toyota RAF4. Были когда-то и мы рысаками. Теперь вот скромные японские машинки. Зато компактные и послушные.

Впрочем, золотистый Bentley Лизаветы тоже не так уж велик. В салоне – запах дорогой кожи, так пахнет почему-то только в очень дорогих машинах, независимо от того, сколько им лет. И слегка – пряными Лизинными Joy от Jean Patou, неизменными на протяжении всего нашего знакомства. Выруливая со стоянки, она – тем не менее – замечает слабое шевеление моих ноздрей.

– Да. Вот такое постоянство. С четырнадцати лет, можешь себе представить. И знаешь почему? Прочла в каком-то тамошнем глянце, что это духи Джеки Кеннеди. И все. Копила, клянчила у мамы, папа – тот иногда просто мог подкинуть пятерку – на булавки. Тогда они стоили безумно дорого, около 400 фунтов. Словом – не прошло и года, как я торжественно вылила на себя полфлакона и в истерике была отправлена мамой в ванную – отмываться до тех пор, пока сама не перестану чувствовать запах, а посторонний сможет почувствовать с расстояния не менее одного метра. Протокол, мать его.

– Ты была такой поклонницей Жаклин?

– Я ее боготворила. И страдала от того, что не брюнетка, а рыжая. Красить волосы, понятное дело, мне бы никто не позволил. И стричь не позволил. Мне даже черные очки, как у нее, надеть не разрешили.

– Почему?

– Потому что солнечные очки носят на пляже, а все остальное – надуманный буржуазный шик.

– А потом? Уже в Москве.

– Ну... Знаешь, в Москве я довольно быстро повзрослела. А когда становишься взрослым – кумиры теряют свою прелесть, вернее – ты перестаешь в них верить. Как в том, что куклы живые, а подарки на новый год приносит Дед Мороз.

– Многие не перестают. Я про кумиров.

– Это не от большого ума, кажется. Или от невозможности наблюдать объект с близкого расстояния. Пусть даже – со сцены.

– А Лемех разрешает тебе самой водить машину? – спрашиваю я, вспоминая баталии собственные и ее, Лизаветы, с нашими мужьями, которые категорически были против нашего самостоятельного передвижения по городу. Объясняя это, разумеется, соображениями безопасности, хотя на самом деле мне всегда казалось, что дело ни в ка-

кой не безопасности. А в чем-то другом. Разные могли быть причины, но только не эта.

– Да. На пятнадцатом году совместной жизни стала представлять меньшую ценность. Амортизация, как ты понимаешь. Новые модельные ряды. Ну и прочее. Оставил – вот – охрану на «хвосте», которая – разумеется – больше следит, чем охраняет.

– Один мой друг, большой специалист в области организации личной безопасности, произнес однажды гениальную по своей точности фразу. Любая охрана, сказал он, в любую минуту легко превращается в конвой.

– Ты права. Он гений.

– Ну, не во всем. В охранном деле – однако ж – стопроцентно.

Так, за разговорами о духах и охранниках, мы скоротали путь. Офис – огромное здание в центре, окнами на Кремль. Мрамор, стекло, вокруг – гектар английского газона. По газону – редко – голубые ели. Почти кремлевские, и мысли в этой связи навевают соответствующие. И я говорю об этом Лизе. Она кивает:

– Собственно, это такой прием Лемехова арсенала – штришками, штрихами, деталями, мелочами и разными действительно серьезными штучками – провоцировать определенные ассоциации. К примеру, день рождения одного из первых лиц в государстве. У Лемеха с утра – в кабинете огромный букет цветов и скромная коробочка с хорошо узнаваемым логотипом. Невелика, неприметна. Но лежит так, что заметна каждому. О цветах – и разговора нет. Клумба. К концу дня Леня исчезал вместе с заметными дарами, ничего никому не объясняя. Большинство понимает все правильно. То есть так, как нужно Лемеху. Как обстояли дела на самом деле – не знал никто, кроме охраны, да и та вряд ли что понимала: мало ли в каких особняках справляют какие праздники. У богатых, как известно... К тому же я совсем не исключаю, что подарок действительно попадал по назначению. А может, и не попадал. Или попадал, но отнюдь не из рук Леонида. Сплошной туман. Любимый лемехов камуфляж. В итоге – в сознании людей рождалась необъяснимая уверенность в Лемеховой близости к верхам. Самым-самым. Это теперь-то, когда все – как это – равноудалены...

Новичков подобное величие приводит в трепет, у людей посвященных – рождается чувство собственной ущербности: «Если это так – а я отчетливо чувствую, что это так – стало быть, мною что-то упущено, что-то пронесли мимо моего вездесущего носа. Убью гадов!» – последнее относится к когорте собственных клеветов, ответственных за связи с Олимпом. Справедливости ради, надо отметить – были времена, и близость действительно была. Но, похоже, закончилась.

– Еще тогда, в 1996-м?

– Нет, конечно. Тогда все было в лучшем виде. И люди были другие, и обычаи, и нравы. Да что там нравы – эпоха была другая.

– Но сошел-то он с ума именно тогда?

– Ни с чего он не сходил, прости, не договорила и ввела в заблуждение. Это мне – глупой малообразованной стареющей женщине показалось, что у мужа появились какие-то бредовые идеи. Это я, можно сказать, повредила рассудком, а вернее – мне его просто не хватило, чтобы понять – все рассчитано с филигранной точностью. И все будет.

– Что будет?

Она обнимает меня за плечи, и я понимаю этот жест как предложение замолчать.

– Знаешь что, пойдём, поднимемся в библиотеку, я покажу тебе последние публикации, и пригласим по дороге нашего пресс-секретаря, мало ли – у тебя возникнут вопросы.

Я не возражаю. Я понимаю – у Лизы есть план, и она неукоснительно его исполняет. В лифте у нее рождается еще одно решение – случайно или это часть задуманного плана, я не понимаю, потому просто следую Лизаветиным – как бы случайным – идеям.

– Кстати, ты же не видела и кабинет Леонида и нашего Малевича.

– Малевича? Ну, не в кабинете Леонида – уж точно.

– Заскочим на минутку – там действительно сумасшедший дизайн. И ему наверняка будет приятно, что ты побывала в гостях. Пусть и в его отсутствие.

Переступив порог кабинета, я первым делом упираюсь взглядом в Малевича. Огромное полотно на белой, шероховатой стене. Под ним – вытянутый, волнообразный рабочий стол, размером с маленькое летное поле: зеленоватое муранское стекло в паутине серебристого металла. Странно и страшно. Хрупкий на вид, к тому же безобразно – по мне – искореженный металл удерживает на весу холодную плоскость массивного стола, заставленную всевозможной техникой, заваленную книгами, альбомами, журналами и газетами. Красное кресло со стеганой спинкой. Похоже, ему виделся трон. Разумеется, на колесиках, иначе взлетную полосу стола не объехать. Однако ж главный фокус, не в этом. Высокой спинкой кресло-трон развернуто к двери, и, стало быть, входящих Леонид встречал именно так, спиной.

– Он хотел постоянно видеть картину, – Лизавета дает пояснения голосом опытного экскурсовода. Ровно. Уважительно. Но без восторженных придыханий.

Ах, вот оно что! Мило. Особенно если учесть, что прежде Лемех ни черта не смыслил в живописи, и долго искренне хохотал, впервые увидев

репродукцию какого-то из квадратов. Почему-то я помню это хорошо. И Лизавета, видимо, помнит. Потому и привела меня в кабинет.

– Миллион долларов? За это?!!! Я нарисую лучше. И дешевле, клянусь! Теперь, оказывается, он не мог ни на минуту оторваться от полотна. Что ж! Люди меняются.

– Но когда человек входил? – меня по-прежнему занимает проблема общения с человечеством в присутствии Малевича.

– Если разговор был долгим, он поворачивался.

– И? – я оглядываюсь. В другом конце огромного кабинета, у противоположной стены, маленький красный диван. И крохотный столик подле него.

– Они общались.

– Он за столом, а они...

– Да, это диван для гостей.

– И он никогда не приближался?

– Нет. При мне, по крайней мере.

– А друзья? То есть ближний круг?

– Они собирались в другом месте – в овальном зале. Хочешь взглянуть? Там немного Босха.

– В другой раз.

Черт бы с ним, с Босхом. Меня основательно интересуют те, кто имел счастье лицезреть Малевича. Интересно было взглянуть, как визитеры приближались к столу, чтобы пожать руку хозяину? И что потом? Пятились задом, в лучших имперских традициях? Жаль, не увижу, вероятно. А спросить неудобно пока.

1996 ГОД
ВАШИНГТОН

Стив заглянул в кабинет Мадлен и, не обнаружив там никого, вернулся за дверь. В просторное, ухоженное и увитое цветами царство Лиз – личного секретаря Мадлен Олбрайт.

– Что такое? Она тебя прогнала? – лицо Лиз выражало крайнее изумление.

– Ее там нет.

– Это невозможно. Она там. Даже когда она выходит – извини – в свой личный туалет, у меня загорается лампочка.

Не сговариваясь, они почти рука об руку направились к личному кабинету Мадлен. Комната была пуста.

– Вот видишь, – начал было Стив... и осекся.

Из-за тумбочки стола отчетливо проглядывала – едва ли не ее точная копия – полная ляжка госсекретаря. Лиз молча потянула его за рукав.

Слава богу, Мадлен не заметила их вторжения.

– И что она... там... – Стив не уверен был, что вправе задавать такие вопросы, но Лиз отозвалась легко.

– Очередная брошка. Ты же знаешь, она неровно дышит к брошам. И периодически их теряет. Только и всего.

– Только и всего, – стоя на пороге собственного кабинета, госсекретарь довольно похоже передразнила собственного секретаря. – Моя брошь при мне. А вот документ, ради которого этот молодой человек который час ошивается на нашем седьмом этаже, куда-то задевался.

– Как это задевался? – Стив почти выкрикнул это, хотя крайне редко повышал голос.

– Успокойся. Шифровальщики уже несут копии. Там два документа, и оба, мне кажется, очень важны для тебя.

Разумеется, шифровальщик шел целую вечность. И еще полвека – Лиз расписывалась за документы. Когда формальности были закончены, Стив потянулся за папкой.

– Нет, дорогой. Здешние порядки установлены не нами, и мы не станем их менять. Сначала это увидит Мадлен.

– Ну, ладно. Я пойду тебе навстречу, – Мадлен нацепила на нос тонкие очки без оправы, отчего сразу стала похожа на старушку в магазине, выбирающую писчую бумагу. – Слушай. Это докладывают посольские. Но... это же старая бумажка. И я ее уже читала. Что ты за фокусы выбрасываешь. Стив?

– Читайте, пожалуйста, следующий документ все объяснит.

– Очень на это надеюсь... Иначе...

«15 марта 1996 г. произошло событие, которое имело все основания, де-стабилизировать ситуацию в России до степени государственного переворота и прямого столкновения сторонников и противников распада СССР. Государственная дума РФ приняла решение об отмене Постановления Верховного Совета РСФСР от 12 декабря 1991 г. о денонсации Договора об образовании СССР. Таким образом, теряло юридическую силу постановление ВС РФ, денонсирующее подписание Беловежского соглашения. Наиболее радикальные депутаты Государственной думы на этом же заседании потребовали привлечь президента России Б.Н. Ельцина к уголовной ответственности за совершение государственной измены и иные преступления против государственной власти, предусмотренные Конституцией бывшего СССР. Были высказаны также предложения взять Б.Н. Ельцина под стражу в зале заседания Государственной думы. В ответном слове Б.Н. Ельцин назвал решение Думы провокационным и сообщил о своем решении немедленно подготовить ряд документов о роспуске Государственной думы и запрете Коммунистической партии РФ. Кроме того, он объявил о своем решении о переносе сроков выборов президента РФ на более позднее время, приведя в качестве примера два года. Немедленно, не покидая своего места в зале заседания Государственной думы, президент Ельцин дал распоряжение о подготовке надлежащих документов. Заседание Государственной думы было объявлено закрытым».

– Забавно. Тебе не кажется, что он входит во вкус?

– Во вкус?

– Ну да. Ему нравится разгонять собственный парламент. А мы дружно его в этом поддерживаем. Интересная складывается коллизия, дружок, не находишь?

– Можно подумать, нам остается что-то еще?

– Нам не оставалось ничего больше. Но если он сделает это снова и снова с пальбой и трупами на улицах...

– Не сделает...

– Потому что уже упущено время?

– Да ничего еще не упущено. В 1993-м скандал с парламентом, если вы помните, начался еще в сентябре. Или – августе. А пушки стреляли в октябре. Время здесь ни при чем. Но есть другая причина.

– Что такое? – Она спустила очки на самый кончик носа, и жесткий проницательный взгляд уставился прямо на Стива. – Ты что-то затеял, не согласовав со мной. Или с Доном.

– Нет. Это всего лишь эксперимент одного из наших мальчиков третьей волны.

- Кого именно?
- Лемеха.
- Лемеха. Самая, пожалуй, адекватная фигура, не находишь?
- Нахожу, потому и разрешил ему поэкспериментировать. Практически самостоятельно.
- И в чем же суть эксперимента?
- У вас на столе второй конверт.
- Из Лэнгли. Совершенно секретно. Лично. В единственном экземпляре.
- Мне выйти?
- Зачем же? Мне, слава богу, дано право решать, кого знакомить с какими документами. Итак...

Очки снова вернулись на исходные позиции:

– «23 апреля 1996 года в 6 часов утра...» Господи, что это он возвращает сталинские обычаи, работать по ночам?

– Не знаю, может, у него бессонница, как у всех алкоголиков. Пожалуй-ста, прошу вас, продолжайте.

– Да продолжаю, продолжаю: «...на территории загородной резиденции Президента в «Горках-2», было созвано закрытое совещание, в котором принимали участие В. Черномырдин, О. Сосковец, силовые министры и руководитель президентской администрации Н. Егоров. Б. Ельцин ознакомил собравшихся с разработанным планом по существу очередного государственного переворота и попросил высказаться. Большинство участников поддержало намерения президента. Возражения высказал министр внутренних дел А. Куликов, который заявил, что коммунистическая партия контролирует законодательные органы власти в половине регионов России, и если она выведет народ на улицу, то, возможно, часть военнослужащих Министерства внутренних дел перейдет на ее сторону, что будет означать вооруженное противостояние. После этого своими сомнениями поделился и В. Черномырдин. Ельцину пришлось закрыть заседание, так и не сформулировав никакого решения.

В дело вмешалась Татьяна Дьяченко, которая довольно энергично высказалась против нарушения конституционности. Она убеждала отца в том, что расправляться с коммунистами путем запретов бесполезно, что коммунистическая идеология в головах у людей и никаким указом новую голову им не приставишь. Длительная беседа с глазу на глаз, в ходе которой угроза отхода Запада от поддержки Ельцина прозвучала не один раз, сломила президента. Практически принятое решение было отменено».

– Yes! – это было впервые за годы работы с госсекретарем. Стив Гарднер, безупречный, воспитанный в хорошей семье, педантичный и даже слегка чопорный и подверженный некоторому снобизму, Стив Гарднер

сопроводил громкий вопль характерным энергичным жестом и устоялся на государственного секретаря США в видо́м победителя.

Надо отдать должное, Мадлен сохранила невозмутимость.

– И?

– И мы решили эту проблему. Дискредитации, а затем и отстранения Коржакова со всеми его силовиками, вместе взятыми. Все.

– Прости. Но мои мозги, очевидно, работают не так быстро, как твои, – придется дать некоторые объяснения.

– Вчера ночью она победила. Одна – целую армаду боевых генералов. Он послушал ее, а не их.

– Ну и что? В следующий раз будет наоборот.

– Нет. Она его дочь. И она слишком долго зависела от всей этой гвардии. Теперь она не отступит. Это будет драка. Коварная. Жестокая. Но согласно моему сценарию – она победит.

– Значит, у тебя уже есть сценарий.

– Разумеется.

– И он называется «Татьяна».

– Нет. Татьян много. Он называется «Дочь».

– Я видела ее несколько раз – обычная молодая женщина, милая, но не слишком располагающая к себе, по-моему, забитая – я имею в виду не физическое воздействие, – как все женщины в семье Ельциных. Ты предлагаешь ставить на нее? Но скажи – что мы знаем о ее политических взглядах, кроме этой цитаты из Лэнгли? Где гарантии, что и она поддержит отмену и перенос выборов – ей, полагаю, как никому понятно, насколько слаб и беспомощен Ельцин.

– Все так. Ну, вот смотрите – два чаши весов. На обоих – проигрыш отца на выборах. Однако на одной чаше еще один груз – ненависть. Она ненавидит Коржакова и его команду, долгое время управлявших – в сущности – ее семьей. И ею лично. Вдобавок она с симпатией относится к Чубайсу.

– Иными словами, у нее нет выбора?

– Нет.

– А силы противостоять Коржакову и команде?

– Силу ей заменяет ненависть и ярость.

– Да, это иногда бывает мощным стимулом. Что ж. Полагаю, ее досье есть в моей – твоей папке. Кстати, я заглядывала в нее недавно и обратила внимание – документов изрядно прибавилось.

– Я работаю, мэ́м. Когда вы первый раз позволили мне работать с папкой, вы сказали, что хотели бы превратить ее в хранилище оперативной памяти и аналитики, притом, что кроме сухой фактологии вас ин-

тересуют подробности и детали, чтобы иногда можно было просто почитать на ночь, как занимательную беллетристику.

– Я так сказала?

– Слово в слово.

– И что же – она теперь такова?

– Почти.

– Хорошо, Стив. Тогда я хотела бы почитать сегодня на ночь – уж не знаю, в качестве беллетристики или дамского романа, – досье Татьяны Ельциной.

– Дьяченко.

– Это не имеет значения.

– Разумеется, мэм. Я как раз работал с ее файлами – там появилось много нового, что и позволило мне...

– Дело за малым, Стив, – чтобы я позволила тебе...

Стив Гарднер понял, что перегнул палку. Но даже это не могло испортить его настроения. Это была красивая игра. В успехе которой он не сомневался. Вопрос был только в долгосрочности успеха, здесь он целиком и полностью полагался на опыт большого Тони. Иными словами, успех будет недолгим. Потом? Потом на арену выдут психи. Что будет дальше, Стив не знал.

В библиотеке, оформленной в классическом английском Chippendale, полотна – после Малевича и Босха боюсь даже и предположить, чьи – похоже на «маленьких голландцев». А Лиза – как назло – забывает о роли экскурсовода. И я понимаю, почему.

За столом в центре зала нас ждет высокая яркая блондинка с простым, круглым, милым – какие бывают у северных русских крестьянок – лицом. Глаза у нее тоже «северные» – ледяные в синеву. Тонкие светлые волосы, слегка завиваясь, легким естественным каре обрамляют улыбочливое, с ямочками на щеках лицо. И все это – я определяю на глаз, но безошибочно – свое, натуральное, потому так гармонично и радует глаз. Ничего особенного, но классическое «блондинка» не прищипилишь, как бы ни хотелось. Не глупа и вполне профессионально, талантливо даже изображает радушие и желание помочь. И симпатию.

– Я читала ваши статьи и эссе – жаль, что не пишете больше, – это мне.

– О, так я давно не пишу.

– Так и я давно не читаю.

Молодец, она явно моложе нас с Лизаветой лет на десять, если не пятнадцать, но тонко уходит от сравнения не в нашу пользу. И – готова ради этого даже «состариться» годков на пять-шесть. С нее не убудет. А тетки, глядишь, растают. Кстати, зачем? Зачем расслаблять теток. Что хочет услышать от нее Лизавета? Или это обычная бабская злость – потому что уж эту-то Лемех не пропустил ни за что.

– Помнишь, группа Антона под руководством Михаила Григорьевича делала большую программу персонально для Леонида?

– Разумеется. Это основная наша разработка. Но она... Не для печати. Понимаете, Елизавета Михайловна...

– Это вы, Юлия, по-моему, не совсем понимаете, кто перед вами – ближайший друг нашей семьи, известный журналист и политтехнолог и, возможно, человек, который возглавит весь проект в его медийной и PR-части.

Талый лед в глазах блондинки отчетливо крепчает, превращаясь в белые колючие льдинки. Она взбешена, и непонятно, что так мучительно корбит душу: то ли команда выдать секретный план, то ли сообщение о том, что я могу возглавить некий штаб. Да что уж там – предвыборный штаб Лемеха. Лиза рискует, ледяная блондинка может в любую минуту связаться с Лемехом (в том, что есть и у нее такое право и такая возможность, я не сомневаюсь ни на минуту), и тогда... А что, собственно, – тогда? Откроется вранье. А Лиза скажет, что вдруг решила пригласить ме-

ня на работу. Да, черт возьми, но я не знаю, что произошло между ней и Лемехом, прежде чем она решила, что он готовит государственный переворот, хочет ее убить, и выкрала документы – в общем, довольно безвинные. Не доказывающие ничего, кроме того, что Леонид Лемех сторонник парламентской, а не президентской республики. Но блондинка никуда не звонит. Через несколько минут передо мной на столе тонкая папка, озаглавленная: «PR-стратегия – Леонид Лемех – русский Сорос».

– Спасибо, Юля. Мы больше не станем вас задерживать.

– Но могут возникнуть вопросы...

– Тогда мы, конечно же, вас пригласим.

Они пикировались – разумеется, не на равных – еще несколько секунд. И кончилось все, разумеется, плохо для блондинки, потому что – сама мед и патока – Лизавета Михайловна попросила ее, раз уж она действительно совершенно не занята, приготовить нам кофе. И чего-нибудь – к кофе. А если в библиотеке не найдется, потому что не держат, дабы вдруг не завелись мыши, – сходить в бар. И даже денег предложила на покупки: ну как это «потом» – вдруг у вас нет сейчас. Словом, выволочка по полной. Но я не смогла насладиться. Я уже погрузилась в чтение. «PR-стратегия – Леонид Лемех – русский Сорос». Данная стратегия почти целиком строится вокруг личности г-на Лемеха, как создателя в России фонда, аналогичного Фонду Сороса, но на средства, заработанные российским бизнесменом. В этом случае имидж благотворительной организации и ее миссия являются производными от имиджа первого лица организации. В ходе создания г-ну Лемеху имиджа русского Сороса решаются следующие задачи:

- легитимизация богатства и общественного положения г-на Лемеха;
- корректировка имиджа Лемеха (был олигарх, а стал меценат);
- узнаваемость Лемеха широкими аудиториями;
- привыкание к тому, что Лемех не только и не столько жесткий бизнесмен, сколько настоящий гражданин своей страны, ведущий активную общественную и благотворительную деятельность;
- обеспечение роста доверия и симпатии населения к идеям и высказываниям Лемеха и к бизнесменам в целом.

Данная стратегия является двухступенчатой. Сначала в представлении российского населения закрепляется образ г-на Лемеха как «благотелья», но не политика, за счет чего достигается построение не только положительного имиджа, но и создание устойчивой хорошей репутации. На втором этапе, после достижения узнаваемости, хорошего отношения и, через определенное время, доверия к г-ну Лемеху со стороны населения, начинается распространение им демократических идей. Если эти идеи

будут исходить не от «олигарха», а от «русского Сороса», они будут выглядеть для населения более легитимными, за счет чего большая часть населения будет к ним восприимчива. Благодаря созданной на первом этапе программе репутации мецената идеи, исходящие от г-на Лемеха, будут восприниматься населением с большей степенью доверия и симпатии.

Блондинка Юля, разумеется, принесла нам кофе и каких-то вкусных крохотных печенюшек к нему, хотя ни я, ни Лизавета не могли сказать с уверенностью, что по дороге из бара она не плюнула, и не по разу, в каждую чашку и не покатила печенюшки по полу, прежде чем красиво разложить на подносе. Но мы решили исключить этот фактор из восприятия. И просто пить кофе.

– Знаешь, какой у меня первый вопрос? – я с удовольствием засунула за щеку тающую во рту печенюшку, пусть бы она полежала на полу, под столом и даже в мусорном ведре. Великое это дело – грамотно исключить фактор из восприятия.

– Кто автор опуса?

– Ну, это ясно без слов. Брунгильда.

– Хм, почему ты зовешь ее Брунгильдой?

– Не знаю. Что-то северное. Жестокое.

– Она из Карелии. Но училась в Штатах, на наш грант, разумеется. Думаю, он заприметил ее еще в старших классах школы. Ездил в Петрозаводск тогда часто.

– И ты так спокойно вешаешь ей лапшу на уши.

– Совершенно спокойно. Вернувшись из Штатов, она немного перестаралась.

– Собралась за него замуж?

– Ну, это они все собираются на втором месяце траха. Потому завязывает он обычно на третьем. – Нет, она покусилась на большее: на свободу его «Я». Ну, попыталась исполнить роль альтер-эго, что ли. Которое все знает, понимает и всегда найдет правильный ответ и правильное решение, чего бы это ей ни стоило, такая знаешь преданная интеллектуальная Никита. Охранительница. А Лемех этого не терпит, для него свобода распоряжаться собой – в доме, в еде, в бизнесе, в любви... в телевизионной программе – условие жизни. Словом, достала она его настолько, что он поделился своими мучительными страданиями даже со мной. Рассказал, кстати – потрясающую историю. В Лондоне он, как всегда, поселился в своем любимом The Dorchester, а ее поселил где-то в другом месте.

– То есть привез с собой – но поселили отдельно. Это что – репутационное?

– Да какое там репутационное! Говорю же – Лемех если и терпит кого рядом долго, то только меня. Задачи остальных – прийти, исполнить и

удалится. Не важно, кстати, о чем идет речь, о сексе или о дружеской попойке. Ну и финансовый вопрос, разумеется. Леня прижимист. Это факт медицинский. Он своих девушек, независимо от степени близости, во всевозможные вояжи возит эконом-классом, а сам, разумеется, летит бизнес- или первым. Порой – с друзьями.

– И они терпят?

– Ну, по крайней мере, чтобы отказывали на этой почве – мне ни одного случая не известно. Так вот, после бурной ночи Лемех девушку отправил спать к себе, но выпроводить даму одну из номера, под утро, – совети не хватило. Пошел провожать до такси. На улице, как назло, ни одного кэба, швейцар со свистком нарезает третий круг по округе – не едет никто. И тут Лемех замечает «Роллс-Ройс» на стоянке отеля.

– А это что?

– Лимузин отеля, но ночами – если нет специальных заказов – водитель не работает.

– А если вы дадите мне ключи под залог моей карты, разумеется, которая вами сто раз проверена, – и я сам довезу девушку до дома? И вернусь на вашем же «Роллсе»?

– Нет, невозможно.

Англичане. Итальянцы – содрали бы денег, угнали бы машину на пару часов, а деньги положили в карман. И тут Лемех признался. Видела бы ты его лицо во время этого признания.

– Я им говорю: «Тогда я покупаю эту машину за любые деньги, которые вы назовете».

Дрогнули даже англичане. Пошли кому-то звонить. Но тут – на счастье Лемеха – появился кэб.

– А не появился бы?

– Пришлось бы купить. Нет, купил бы точно. Ты не представляешь, как она меня достала.

Это был аргумент. Я оценила.

– И тем не менее, она работает у вас.

– Я уговорила оставить, деньги потрачены, с работой справляется вполне, прессе нравится, знает, с кем и когда пообедать, чтобы все написали правильно.

– И пытаются сделать из Лемеха русского Сороса.

– Нет, это не она. Это работала целая команда под командованием Мишки – американцы в основном. Мы же тогда активно рвались в Думу и прорвались на хорошие позиции. А что? Полагаешь, документ слабый?

– Когда-то, в добрые старые времена, я писала таких по пять за ночь – главное было поутру не перепутать, какой – для какого клиента.

– То есть ты не видишь за всем этим ничего серьезного?

Она внимательно смотрит мне в глаза, и я понимаю, что именно должна сейчас сказать, и вообще – ради чего затеяна все эта экскурсия от Кандинского к Босху?

И я говорю с отчетливыми успокоительными нотками в голосе, потому что все должны сейчас поверить в то, что моя задача – успокоить старую приятельницу, которой – чего не случается со скучающими сорокалетними женщинами – мерещится по углам разная чертовщина. От государственного переворота. До собственного убийства.

– Абсолютно. Ну, решил Леня поиграть в политику. Раньше – лет десять назад – они, помнишь, играли в шпионов, теперь – в президентов. Еще – говорят – собираются лететь в космос. У них ведь не было детства, в котором можно все, зато потом появились деньги, за которые можно все.

– Ты мой ангел-хранитель, врачеватель и успокоитель, – ласково говорит Лиза и крепко обнимает меня за шею.

– Теперь едем в салон, какой-нибудь твой. С хорошим, к примеру, массажистом, – шепчет она мне в ухо.

И я немедленно отзываюсь с искренней – действительно! – готовностью.

– А для завершения врачевания давай-ка я отвезу тебя в одно укромное местечко, где нас сначала обмажут мерзкой водорослевой грязью, потом пропарят в этом вареве минут сорок, потом отмоют, отмассируют...

И будет нам счастье. И так, в обнимку, мы выходим из библиотеки, оставляя недопитый кофе и секретный документ, регламентирующий превращение Лемеха в Сороса.

1996 ГОД
ВАШИНГТОН

«Что это?» – рука Мадлен, рука пожилой, не слишком здоровой женщины, с отчетливо выступающими набухшими узловатыми венами, уже которую секунду раскачивалась перед лицом Стива. Дон держался чуть дальше, но зато его лица почти касался газетный лист, колеблющийся в нетвердой руке Мадлен. Щеки ее пылали. Такого гнева госсекретаря США ни одному из них не приходилось еще наблюдать ни разу. И это было страшно. Правда, страшно. Как будто она могла легко отшлепать обоим той самой газетой, как нашкодивших котят, или просто ударить, дать пощечину. Все это было, конечно, бредом. Но страх почему-то сублимировался именно в эти бредовые образы. Стив ощутил, как медленно и мерзко прилипает к спине сорочка, пропитываясь холодным потом.

В руке у Мадлен была британская газета Observer от пятого мая, а в ней – они знали его наизусть – короткое интервью генерала Коржакова, впервые открыто заявившего о намерении Кремля отложить проведение президентских выборов в России, дабы избежать беспорядков, которые неминуемо последуют при любом их исходе. По словам Коржакова, в случае победы Бориса Ельцина радикальная оппозиция не признает результаты выборов, заявит, что они фальсифицированы, и выйдет на улицу; если же победит Зюганов, те же самые люди не позволят ему проводить умеренную политику, а это будет опять-таки чревато драматическими конфликтами.

Тон редакционного комментария можно было сформулировать емко и кратко: «с пониманием». Иными словами, британцы явно давали понять, что смуте и крови предпочтут некоторое еще – пусть и не слишком легитимное – пребывание Ельцина в Кремле.

– Я хочу знать, что это? – Мадлен по-прежнему не опускала руки.

– Это может быть исключительно личная инициатива Коржакова... – голос Стива звучал не слишком уверенно, и Мадлен немедленно уловила это. Слава богу, она опустила руку, швырнула газету на стол и тяжело опустилась в глубокое стеганое кресло, запрокинув голову и прикрыв глаза. Стив знал – Лиз только что под большим секретом сообщила ему – давление Мадлен очень высокое. Очень. Ни один врач, узнай он о цифрах ее артериального давления, ни минуты не оставил бы ее в служебном кабинете. Но она ничего и слышать не хотела о враче. Мадлен говорила очень тихо, но Стиву казалось, что лучше бы она кричала – тогда, по крайней мере, возникало бы ощущение, что она полна сил. Так – было еще хуже.

– Он никогда не посмел бы сказать ничего такого, не получи согласия Ельцина. А Ельцин... Ельцин никогда не разрешил бы ему выступать на страницах международной прессы, если бы не сделал ставку. Не определился. Я, между прочим, после такого... сделала бы то же самое.

Не открывая глаз, Мадлен пошарила рукой по столу и безошибочно – разумеется, потому что прочитана была бумага не один десяток раз – извлекла из вороха листов – один.

– Как ты на днях называл этот беспомощный лепет, Стив? Ультиматум? Ну что ж, читай. Учись, малыш, писать ультиматумы, хотя не дай бог тебе когда-нибудь применить эту науку на деле.

– Мы знакомы с содержанием этого документа, – Дон попытался избежать публичной экзекуции приятеля.

– С этим документом надо знакомиться бесконечно, эту чертову бумажку нужно зачитать до дыр, чтобы никогда – слышишь меня, Дон? – никогда не повторить такой ошибки.

– Какой ошибки, мэм? – Стив был расстроен и напуган, но даже в таком состоянии он должен был все понимать правильно, чтобы потом не ошибиться в очередном анализе.

– Поверить, что горстка русских уголовников и мелких жуликов сможет вдруг осмелеть и консолидироваться настолько, чтобы предъявить ультиматум президенту Ельцину. Этому разъяренному несокрушимо медведю. Знаешь, Стив, когда я прочла этот «ультиматум», и даже прежде, когда мне доложили, что никакого «ультиматума» он не принял и ни с кем из них лично встречаться не пожелал. И этот жалкий документ с усмешкой – я уверена, что с усмешкой! – заслушал управляющий делами Кремля. Человек, в компетенцию которого входит ремонт крыш и уборка кремлевских площадей...

– Ну, полномочия Бородина...

– Не смей перебивать меня, Дон. Я не хуже тебя знаю возможности Бородина, но сейчас речь идет о его официальных полномочиях. Так вот, человек с такими официальными полномочиями выслушал – как вы там говорили – «наших ребят», «нашу третью силу», финансовую элиту России, тех, кого мы через пару лет видели в самых высоких кабинетах Кремля – с усмешкой, а потом просто назвал цифры. Кто и сколько. Кто и сколько должен внести в предвыборный фонд Ельцина. В этом случае – Борис Николаевич рассмотрит предложения, изложенные в документе. Потом. После победы. И они простились и молча ушли. Ожидать своей участи. И я спросила себя, да кто же они? Мы отбирали их по группам, люди в Москве, обученные нами на деньги наших налогоплательщиков, – исследовали и вступали в длительные контакты, проводи-

ли эксперименты и тренинги, им – как любящие матери в многодетных семьях – подкладывали в тарелки лучшие куски, чтобы они росли сильными и выносливыми. В результате – нам называли имена. И эти имена оказывались в моей папке. Потом ее стал пополнять Стив, я надеялась, что работа окажется еще более качественной. Папка росла. У нас был резерв. Мы знали, кто придет к реальной власти в России, после формального избрания президента, и потом – когда его не станет, кто-то из тех же, отобранных нами, ребят займет кабинет в Кремле. И я полагала, что все идет по плану, по твоему плану, Стив. И в нужный момент, а он не за горами, мы получим нужные соглашения. Скажи мне, Дон, в каком году должен быть объявлен рентабельным проект «Сахалин-1»? – В 2001-м, мэм.

– Иными словами, мы должны наверняка знать, кто будет подписывать соглашение в 2001 году. И что же?

– Сделай мне одолжение, Стив, сходи в мой личный маленький кабинет. Не пугайся. Там разор, потому что вчера ночью я не спала, я читала папку, которую с чьей-то легкой руки окрестили «папкой Мадлен», а прежде называли кадровым резервом Вашингтона. Я должна признаться, хотя это не делает мне чести, я была в бешенстве. Сейчас вы поймете – почему. Там на полу разбросано очень много бумаг, Стив. Будь так любезен, собери их – это истории людей, на которых мы собирались делать ставку в России. Принеси их сюда, мы прочтем вместе. Кое-что. Этого будет достаточно. Это было странно и почти необъяснимо. Стив направился к двери подавленный и почти сломленный услышанным, но уверенный в своей правоте. Подавлен он был состоянием Мадлен, сломлен тем, что госсекретарь – оказывается – никогда толком не вникала в содержание собственной папки, иными словами, на его титаническую работу просто не обращали внимания. Только – на объем папки. Одновременно он почти ликовал – последние сценарии начинали работать так, будто в Москве сидел невидимый, но дотошный режиссер. Небывало послушный, напрочь лишенный желания сделать что-нибудь по-своему. Таких, наверно, не бывает в жизни, подумал Стив, переступая порог малого кабинета Мадлен, и, потеряв равновесие, едва не растянулся, пытаясь не наступить тяжелым ботинком на тонкие листы бумаги, которыми густо был усыпан пол кабинета.

– А ты читай! – Мадлен упорствовала, сказав длинную речь, она отнюдь не забыла о тонком листе бумаги, который так и держала в руке на протяжении всей тирады. – Читай!

Она протянула листок Дону, и тот покорно, монотонно и медленно, чтобы не получить еще одно замечание, начал:

«Общество расколото. Этот раскол катастрофически нарастает с каждым днем. И трещина, разделяющая нас на красных и белых, своих и чужих, проходит через сердце России. Накаленность предвыборной борьбы побуждает противоборствующих политиков к тому, чтобы одним ударом разрубить узел проблем. Силы, стоящие за спиной политиков, ждут своего часа. Они выйдут на следующий день после победы любой из сторон. Это произойдет с роковой неизбежностью вопреки воле отдельных личностей. Ибо после июньского голосования фактически от лица меньшинства, каким бы оно ни было – красным или белым, – будет получен мандат на реализацию правил жизни, категорически отвергаемых огромной частью общества. В итоге победит не чья-то правда, а дух насилия и смуты. Взаимное отторжение политических сил столь велико, что утвердиться одна из них может только путем, ведущим к гражданской войне и распаду России. В этот ответственный час мы, предприниматели России, предлагаем интеллектуалам, военным, представителям исполнительной и законодательной власти, правоохранительных органов и средств массовой информации, всем тем, в чьих руках сегодня сосредоточена реальная власть и от кого зависит судьба России, объединить усилия для поиска политического компромисса, способного предотвратить острые конфликты, угрожающие основным интересам России, самой ее государственности... Российских политиков необходимо побудить к весьма серьезным взаимным уступкам, к стратегическим политическим договоренностям и их правовому закреплению. Иного выхода просто не существует. Понятна правда каждой из политических сил. Но ни одна из сил не имеет права навязывать насильственно свою правду всему обществу».

– Достаточно. Я, кажется, действительно выучила это наизусть. Ультиматум. Теперь это так называется в России. И что? Чего они хотят? Договориться заранее, чтобы потом не перестрелять друг друга? С кем? Как такое возможно, в принципе? Вот они – русские, Дон. Их сущность. Умение выполнять обязательства. Несколько дней назад эти же люди заверяли нас, что намерены посетить президента Ельцина и поставить перед ним ряд жестких условий. Теперь мы читаем эти строки. Мы читаем! Он наверняка не сподобился на такое.

– Есть мнение, что Ельцин обещал выполнить ряд экономических условий, в случае если его переизбрание пройдет гладко.

– Что это за условия? Кому обещал? Все это напоминает разговор двух торговцев на рынке. Когда мне говорят о некоей божественной справедливости, о высшей правде и конечном торжестве добра, я,

Дон, всегда думаю о России. Пусть Господь простит меня или накажет, но я не вижу ни крупицы справедливости в том, когда одна страна владеет половиной мировых природных богатств. И я клянусь – пока бьется мое сердце – бороться за справедливость в том смысле, как я ее понимаю. Дон счел за благо промолчать, лишь слегка качнув головой. Будто размышляя. На самом деле он с некоторым облегчением даже подумал: удачно, что поблизости нет прессы. И вообще никого нет. Даже Стива, потому что он-то уж точно полез бы в полемику. Которая теперь уж – точно – ни к чему.

Это действительно блаженство. Причем блаженство вдвойне. Слава богу, в салоне спа, в котором я спасаюсь от старости и хандры, нашлось «окошко» в плотной записи клиентов, и нас с Лизаветой взяли в оборот. Сейчас, покрытые с ног до головы слоем зеленых, пахнущих тинной водорослей, замотанные, как в кокон, в тонкую пластиковую пленку, укутанные снаружи пухлыми, массивными одеялами с подогревом, мы тихо плавимся, ощущая почти натурально, на физическом уровне, как вся убийственная для организма мерзость, залегающая где-то внутри нас, потому что дышим, едим и пьем совсем не то, что следовало бы, – все эти шлаки, токсины и прочая опасная грязь медленно и неохотно выползают из тела, смешиваясь с горячим варевом целебных водорослей и масел. И мне отчего-то очень хочется верить, что – сдыхает немедленно.

– Знаешь – говорит Лиза, лица которой я не вижу – только большой серебристый кокон на соседней лежанке, – все эти сказки про сварившихся и омолодившихся царей и цариц и прочие бабьи-ежкины термические эксперименты с кипящим молоком и раскаленными печами – видимо, имеют вполне реальную подоснову. Предки умели ухаживать за собой – не хуже нашего. Другое дело, что это им ничего не стоило – сходил в лесок, нарвал целебной травы, развел печь, вскипятит в котле. Бултых – в котел. Вот тебе и спа.

– Это безусловно. Во времена не столь давние бабушка моя, перед тем как принять ванну, непременно наносила на тело и на лицо густую смесь из соли и сметаны. Я это помню прекрасно, потому что процедуру не жаловала – состав был колючим, царапал кожу, к тому же я не любила сметану, и хотя в этом случае есть ее от меня никто не требовал, капризничала все равно. Но с бабушкой это было зряшное дело. Она истово терла меня соленой сметаной, потом – через какое-то время – вела в душ, и только потом – в ванну. И ты понимаешь, что ни слово «пилинг», ни «скраб» было ей не известно.

– А вся процедура обходилась копеек пятьдесят, если не меньше.

– Ничего не помню про сметану, но пачка соли стоила пять копеек. Можешь себе представить?

– Нет, не могу. И самое обидное, что все эти метаморфозы исполнены нашими руками. Нашими с тобой, между прочим.

– За все воздастся. Но давай теперь о других метаморфозах. Время идет. А другого случая поговорить у нас с тобой, может, не случится долгое время, если я правильно понимаю, что ты затеяла?

– А что я затеяла?

– Хочешь приставить меня к Лемеху политконсультантом.

– Да! Очень хочу. Пойдешь? Я выбью для тебя любые деньги.

– Дело не в деньгах, хотя – понятное дело – работать я буду не бесплатно. Но пока я ничего еще толком не поняла, кроме того, что сначала ты приняла Лемеха за психа, а потом решила, что он готовит государственный переворот и хочет дать президенту взятку в 15 миллиардов долларов, а тебя убить. Согласись, что при таких исходных данных говорить о консультировании – сложно.

– Соглашусь. Вот тебе исходные данные. Все началось как-то исподволь. В середине 90-х, уже после выборов, у нас стали потихоньку появляться иностранцы. Ну, то есть – это мы приглашали их на работу. Юристы, аудиторы... Обычное дело. Тогда, по-моему, это была уже общая тенденция. И понятно, почему – как это пишут и говорят красиво, «расширялась география бизнеса». Потом – Лемех зачастил за границу сам. Ну, опять – понятное дело – бизнес. Потом и вовсе стало модно – сняли виллу на Сардинии, Лемех все присматривался к Лондону. Разумеется, появились какие-то знакомые, – американцы, англичане. Ну, и пресса, понятное дело. Тем более – себя, любимого, на экране и в газете, особенно если на первой полосе, – мы любим. Приходили в гости, куда-то приглашали нас. Потом он поехал учиться в этот самый NDI. Потом – году в 94-м Лемеха пригласили прочитать лекцию в Русский институт Колумбийского университета. Он помчался с радостью и даже возгордился. Тогда звали читать исключительно старших товарищей – Гайдара, Чубайса. И Лемеха. А у меня, знаешь, возникали какие-то странные ощущения, что-то такое подсознательное. Но Лемеха, понятное дело, ощущениями не остановишь. Приехал, однако, какой-то растерянный. Во-первых, никаких тебе университетских аудиторий, с убегающими вниз рядами кресел и солидной профессорской кафедрой темного дерева. Ну, это, впрочем, я предполагала сразу. То есть читать пришлось в обычном, едва ли не школьном классе, но и это было не все. Лекция странным образом совпала с ланчем, Лемеху, правда, вежливо объяснили, что это обычная практика университета и даже традиция – Brown Bag Lunch. Думаю, настроение у Лени было уже далеко не самым лучшим, он не то что жующих – обменявшихся парой фраз во время его речей выставлял из кабинета самым жестким образом. Дальше – не знаю. То ли Лемех был настолько зол, что уже утратил способность адекватно оценивать ситуацию, то ли все так и было на самом деле, но слушателями его истории про особенности становления российского бизнеса оказались несколько крепких ребят, больше похожих на морских пехотинцев, неже-

ли слушателей экономического отделения. Разумеется, они ели – что-то из своих картонных коробочек и, возможно, даже чавкали, прихлебывая кофе из пластиковых стаканов. Но в тот самый момент, когда терпение Лемеха лопнуло и он собрался поделиться с аудиторией, а заодно и с организаторами всего мероприятия некоторыми оборотами русской неформальной лексики, в аудиторию буквально ворвался тот самый симпатичный парень из NDI и буквально грохнулся Лемеху в ножки. Он, как выяснилось, отвечал за эту программу лекционного или культурного обмена и все перепутал. Лемех должен был читать в другом месте и совсем другим людям, а этим крепышам – руководитель какой-то охранной структуры. Но менять что-то уже было поздно, слушателей распустили, а парень повел поить и кормить Лемеха в какой-то приличный местный ресторан, дабы замолить грехи. Лемех размяк, грехи отпустил и – как сказал – решил, что со Стивом будет дружить и дальше. Тот к тому же когда-то заканчивал славистику и если не врал – то к России относился с симпатией. И тут... Знаешь, я даже не знаю почему, зачем я спросила. Идиотский в общем-то вопрос: если человек читает лекции в NDI, а потом организует какие-то программы в Колумбийском университете, где же он работает на самом деле? Да и совсем не волновало меня на самом деле где работает этот Стив, в конце концов он мог просто поменять работу. Но я спросила:

– А он, значит, читает славистику?

– Да ничего он не читает. Он из Вашингтона, аналитик – между прочим – СНБ. Не хухры-мухры,

– И при этом организует лекции русских предпринимателей для каких-то гоблинов в Колумбии?

Лемех задумался. А мое подсознательное внезапно – выдало все сполна. Когда-то, много лет назад и совершенно не помню, по какому поводу, кто-то рассказывал отцу о Русском институте при Колумбийском университете. По-моему, его тогда только что создали.

– Знаем, – с иронией отозвался папа, – наслышаны, и даже чуть больше. Обычная ЦРУ-шная игрушка. Их пока мало. Но погодите – в скором времени они бросятся нас учить с энтузиазмом Макаренко.

– Чему учить, папа? – Кто – было понятно из первой фразы.

– Да чему угодно, хоть свободной журналистике, хоть – как правильно пеленать младенцев. Главное – контакт.

Я рассказала это Лемеху. Реакция была странной. Он почти обрадовался: – Слушай, но я же не засекреченный физик, и все государственные секреты узнаю исключительно из донесений своей службы безопасности, которая за небольшие дополнительные деньги с удовольствием будет

делать для них второй экземпляр. Нет, зачем-то, выходит, я им нужен. И это хорошо. Это очень хорошо.

Спорить я не стала. Наши идеологические споры всегда заканчивались одной и той же фразой Лемеха: просто твой отец-комитетчик воспитал тебя антисемиткой.

– Папа был дипломатом. Послом Советского Союза, – тут я непременно срывалась на крик.

А Лемех спокойно парировал:

– Тем более. На такие должности назначались только люди с Лубянки. Я начинала рыдать – ты знаешь, когда заходит разговор о папе... Ну, ладно. Словом, Стив очень скоро стал лучшим американским другом Лемеха, вызвав даже некоторую ревность Мишки. Однако, узнав, что Стив госслужащий и не собирается в ближайшее время заниматься бизнесом, тем более – в компании с Лемехом, Мишка успокоился и потерял к Стиву всяческий интерес.

– И все?

– Ну, как же – все. У нас появился целый штат аналитиков, по большей части – американцев. А если наших – то непременно прошедших обучение там. Мы активно занялись политикой. И в думские выборы скупали кандидатов, независимо от политической ориентации. Мы готовим проект собственного превращения в Джорджа Сороса.

– Ну, это, кстати, не самый удачный образ для России

– Согласна. Но это не важно. Важна – тенденция. А она прослеживается, согласись и ты?

– Соглашаюсь. Есть отчетливая тенденция – Лемех рвется в политику. Он активно участвует в формировании законодательной власти, чтобы потом лоббировать законопроект об изменении системы государственной власти. Кстати, не помню теперь, не прерогатива ли это референдума. Но не суть. В конце концов, и референдум можно организовать и запрограммировать нужным образом. Его активно подпирают американцы, потому что он их – по каким-то параметрам – устраивает. Полагаю – даны какие-то экономические, скажем – энергетика, и политические обязательства. Все. Но это нормально, Лиза. Это практика всего мира. Ненормально, когда предприниматель предлагает президенту взятку в 15 миллиардов долларов за то, чтобы тот не мешал ему переустроить Россию. И собирается убить свою жену. Но ни про то ни про это я так ничего и не узнала. – Я не успела. А что, у нас уже все закончилось?

– Здесь – да. Но впереди еще, к счастью, сорок минут в минеральных источниках, где вдобавок ко всему шумит вода. Видишь – паранойя заразная штука.

- Ты тоже считаешь, что у меня паранойя?
- Нет, Лиза, я так не считаю. Я знаю, что вспомнила сейчас? Когда мы жили в Ильинском и твой папа был еще жив, он сказал – на каком-то твоём дне рождения: признаюсь, дочь. Никогда не подавал виду, что жалею, что нет сыновей. А сейчас скажу. Жалею.
- Помнишь, когда это было?
- Ну, в августе же у тебя день рождения.
- 19 августа, а год был 1991-й, мы только-только поселились на этой даче. Он до конца жизни не мог смириться с тем, что Советского Союза больше нет. Он умер вскорости – не видел смысла в нашей новой жизни.
- Смысл есть всегда.
- Я знаю. Потому мы сегодня и греем свои старые кости.

1996 ГОД
ВАШИНГТОН

Стив вернулся минут через десять – собрать бумажки, разлетевшиеся по всему кабинету. Видимо, Мадлен, читая, в гневе отшвыривала от себя очередной листок, и он, бедолага, парил и падал где придется. А приходилось порой в очень неудобных местах. Но как бы там ни было, он собрал бумаги, и, разумеется, пробежался по каждой, и успокоился окончательно. Да, это были люди из папки, но Мадлен, сознательно или в гневе, упустила одно немаловажное обстоятельство: каждому персонажу были отведены свои, строго определенные функции. Вот под эти функции и подбирались люди. Тут Стив даже замер на месте, потому что мысль, которая вдруг пришла в голову, потрясла его до глубины души. Психи. И психи – тоже предусмотрены этими функциями, вернее – функции, которые предстояло выполнить некоторым людям, были аргюги не вполне нормальными. Это были действия психически больных людей. И выходило – никакой не большой Тони, накачанный нефтью вместо крови, а он, маленький Стив из крови и плоти, вдобавок – в противно мокрой рубашке, потому что иногда бывает пуглив. И даже – робок. Но все это ерунда, потому что психов придумал он. И об этом следовало, разумеется, рассказать Мадлен, но прежде успокоить ее относительно некоторых персонажей папки.

– Это? – он появился на пороге большого кабинета, едва ли не улыбаясь.

– Это. Спасибо, что навел порядок, но за все остальное придется получить по полной.

– За что остальное, мэм?

– Дай сюда, – она снова властно вытянула вперед полную, слегка подрагивающую руку.

– Пожалуйста.

– Как вы называете этих людей – финансовую элиту России – «семибанкиры»?

Великолепно. «Семибанкир» первый: «Коммерческая деятельность руководителя концерна «ОЛБИ» и АКБ «Нацкредит» Олега Викторовича Бойко осуществляется с серьезными противоправными действиями с момента первоначального накопления капитала. В период учебы в Московском авиационном институте (1981–1984 гг.) Олег Бойко входил в состав группы «кидал», которые промышляли в районе валютных магазинов «Березка», подыскивая доверчивых клиентов и занимаясь «ломкой» (обманом при обмене сертификатов на валюту и рубли). Полученные на валютной «ломке» средства Бойко вложил в создание коммерче-

ского кооператива и магазина, специализирующегося на торговле компьютерными телефонными аппаратами и бытовой электротехникой. Поставки этих товаров для магазина Бойко осуществлялись главным образом из США через друзей, эмигрировавших в Соединенные Штаты. При этом в Россию поставлялась не новая, а уже побывавшая в ремонте и восстановленная техника без гарантии, которая продавалась в Москве покупателям по ценам новой. Благодаря этому обману Бойко имел возможность реализовывать компьютерную технику с небольшой скидкой, что позволило ему успешно соперничать с конкурентами. В течение длительного времени тесные отношения поддерживаются О.Бойко с представителями Солнцевской организованной преступной группировки. Показательно, что члены этой ОПГ работают в штате службы безопасности АКБ «Нацкредит» и других структурах концерна «ОЛБИ», в частности, в АО «ОЛБИ-дипломат», базирующемся на территории НПО «Взлет» в Солнцево. Члены солнцевской ОПГ, находящиеся в штате службы безопасности ОЛБИ, используются О.Бойко для решения «деликатных» проблем – от оказания силового давления на конкурентов до широкой поголовной мобилизации участников этой ОПГ, как это было в период октябрьских событий 1993 г. в Москве. Ну, это, можно сказать, мелочи, заблуждения молодости, игры в полицейских и бандитов.

Идем дальше. «Семибанкир» второй: «Достоверно известно, что к началу 80-х годов Смоленский трижды привлекался к уголовной ответственности. В последний раз, в 1981 году был осужден Сокольническим райнарсудом г. Москвы на два года лишения свободы по ст. 92 ч. 2 и 153 ч. 1 УК РСФСР (хищение государственного имущества). Отстранен от материально ответственных должностей на три года. Наказание должен был отбывать в ИТК общего режима в Калининской обл. На основании ст. 24-3 УК наказание было заменено на условное, с отработкой на стройках народного хозяйства (в г. Калинин работал мастером Калиноблстройтрата). Дело № РО 46219 уничтожено 27.09.90. по акту по истечении срока хранения. Австрийская полиция продолжает расследование в отношении банка «Столичный», а именно его причастности к нелегальной торговле оружием и наркотиками. Австрийская полиция пришла к выводу, что Смоленский сумел создать в Австрии целую сеть подпольных, т.е. нигде не зарегистрированных, а следовательно, и незаконных компаний, занимающихся сомнительной деятельностью, уклоняющихся от уплаты налогов. Проявляя особую заботу о своем личном имидже и расходуя на эти цели значительные средства, Смоленский постоянно идет на обман, когда приводит свои биографические данные: сведения о национальности, образовании. В последнее время пресс-атташе Смоленского заявляет, что

банкир якобы закончил Геолого-технологический институт. По некоторым сведениям, приобрести диплом этого вуза ему удалось за взятку. Попытки утаивания ряда фактов из прошлого при оформлении Смоленским документов на получение права заниматься бизнесом в Австрии имели для банкира негативные последствия, в частности, стали достоянием СМИ этой страны и бросили тень на авторитет российских бизнесменов. Свое негативное отношение к банкиру продемонстрировал министр внутренних дел Австрии Франц Лешнак, который отказался от приглашения Смоленского присутствовать на открытии в 1994 году представительства КБ «Столичный» в Вене. Объясняя этот жест перед австрийской прессой, министр заметил, что деятельность в Австрии «новых русских» не всегда оборачивается пользой. Репутация Смоленского значительно пострадала в результате проверки австрийской полицией его связей, среди которых оказались лица, подозреваемые к принадлежности к русской мафии, действующей на территории Австрии».

Персонаж третий, из «семибанкиров», разумеется: «Мошеннические действия организованной группы, руководимой Фридманом, Кузмичевым, Ханом, включали незаконные финансовые операции, неоднократное нарушение валютного, таможенного и налогового законодательства, совершение должностного подлога, изготовление поддельных документов. Для совершения преступлений под руководством Фридмана, Кузмичева, Хана организованной группой были учреждены различные юридические лица с целью использования их в качестве орудия совершения мошенничества и сокрытия совершенного преступления. При этом Фридману, Кузмичеву, Хану и действующим с ними в организованной группе лицам было достоверно известно, что используемые в качестве орудия преступления коммерческие организации не обладали фактически функциями и признаками юридического лица, их деятельность была предназначена для совершения хищения Фридманом, Кузмичевым, Ханом и другими членами организованной группы».

Идем дальше. Четвертый из семи: «В конце 1991-го или начале 1992 года один из топ-менеджеров BONY Наталья Гурфинкель познакомилась с Владимиром Дудкиным, вице-президентом Инкомбанка, тогда входившего в десятку самых крупных российских банков. Дудкин объяснил Гурфинкель, что Инкомбанку очень нужен неограниченный доступ как к корреспондентским, так и к другим счетам BONY. Доступ, по его словам, нужен для того, чтобы беспрепятственно переводить деньги из России в другие финансовые учреждения на Западе. После этой встречи была придумана финансовая схема, призванная скрыть нелегальный перевод валюты из России. Разработчики, среди которых были все

те же Гурфинкель и Дудкин, а также представитель президента BONY Томаса Реньи по имени Боб Клайн, даже придумали для своей схемы чисто русское название: «Прокрутки». Согласно этой схеме, под эгидой различных «коммерческих» и «инвестиционных» контрактов, заключенных Инкомбанком с российскими предприятиями, средства оседали на долларовых счетах в BONY и сопутствующих офшорных компаниях. Отметим, что все эти офшорные компании были созданы либо лично, либо под надзором заговорщиков из BONY и Инкомбанка».

Понятно, что эти бумаги мы отложим для Министерства финансов, ибо ваши замечательные избранники умудрились втянуть в преступные сделки и американских банкиров.

– Она, по-моему, родилась в России, то ли – вышла замуж русского.

– Какая разница, Стив, она занимала довольно высокий пост в BONY. Впрочем, ее судьбой теперь займутся те, кому положено. Мы, джентльмены, вернемся к судьбам тех, кто интересуется нас.

– С удовольствием.

– С удовольствием, Стив?

– Именно так, мэ. Потому что ваши обвинительные вердикты подошли к концу. Что там осталось? Уголовное дело, возбуждено против Потанина шестнадцать лет назад из-за дорожного происшествия и закрыто, потому что в аварии был виноват не он? Некоторые налоговые претензии к господину Алекперову. Мэм, попросите кого-нибудь из налогового ведомства рассказать вам о погрешностях Haliburton. И? Конфликт московского мэра с «Микродином»? Вполне рабочая ситуация, в которой, кстати, активно участвует Caterpillar.

– Ах, вот как, Стиви?! Вы подобрали мне гениев, но старая мегера...

– Ни в коем случае, мэ. Мы подготовили срез – «лидеров мнений». Каждой из групп российского бизнеса.

– Вы забыли еще господ Березовского и Гусинского.

– Не забыли, но оба из папки «первого резерва» перемещены в другую.

– Какую же, Стив?

– О ней, если позволите, позже. К тому же в ближайшее время она вряд ли будет востребована.

– Но и вы забыли кое-что, а вернее – кое-кого из папки основного резерва.

– Господин Лемех. Все так же безупречен и мил.

– По крайней мере, провел в Думе то самое скандальное постановление о денонсировании Беловежского соглашения, которое привело к тому самому «сталинскому», как вы выразились, совещанию у Ельцина в шесть часов утра. А вот на этом совещании произошло нечто действительно выдающееся. Силовики в России впервые не смогли убедить

президента принять решение о новом витке жесткого, возможно – вооруженного противостояния. Ситуация разрешилась вполне мирно и абсолютно демократическим путем.

– Благодаря господину Лемеху.

– Ему тоже.

– Но главная заслуга...

– Я знаю, знаю... – Мадлен расслаблено махнула рукой. – Я знаю, она сумела убедить отца. Я помню, что ты говорил о единственной альтернативе Коржакову. Но один эпизод не позволяет мне говорить о состоявшейся рокировке. Это слишком опасно, Стив.

– Я и не настаиваю. Давайте организуем череду таких эпизодов. И первый из них – я предлагаю предоставить возможность нашей леди решить еще одну, достаточно сложную проблему.

– А именно?

– Сформировать не один, а два предвыборных президентских штаба с равными полномочиями, и равными, разумеется, размерами финансирования.

– Такая практика где-то существует?

– Навскидку не знаю, но могу озадачить аппарат.

– Не надо, это не так уж важно. Что это дает?

– Многое. Первое – видимость примирения и готовности работать сообща. Второе – явное преимущество результативности нашего штаба, команда Дрезнера, можно сказать, уже несколько дней сидит на чемоданах. Надо ли говорить, что даже самый плохонький их парнишка обыграет в предвыборной гонке любого прапорщика из команды Коржакова.

– На твоём месте я бы не была так самоуверенна, Стив, утверждая, что в штабе Коржакова соберутся одни прапорщики.

– Это был всего лишь образ, мэ. Символ, не более. Но не станете же вы спорить, что ребята Дрезнера – профессионалы высокого класса.

– Которые настолько уверовали в свою непогрешимость, что просто нарисовали однажды десяток калек, которые просто прикладывают к нужным выборам, – неожиданно вмешался Дон.

– Ты просто злишься, что Дэниел однажды не взял тебя в команду.

– Это потому, что я не слишком туда стремился.

– Достаточно. Проблема «кальки» – безотносительно Дрезнера – существует. Ребята заигрываются чистой технологией и совершенно перестают обращать внимание на местный рельеф. У русских на этот счет есть прекрасная поговорка: «Гладко вышло на бумаге, не забыли про овраги». Ладно, будем надеяться, что Дрезнер не наступит на эти грабли. А согласие Кремля?

– Получено.

- Отца или дочери?
 - Дочери.
 - Повторяю тебе, Стив, не спеши. Кто еще в курсе и согласен с тем, чтобы Дрезнер работал в штабе?
 - Чубайс. Он, кстати, и возглавит штаб. Я убежден – Ельцин не станет возражать. Ему сейчас очень не хочется разводить дерущихся.
 - А второй?
 - Сосковец.
 - Боже правый. Вот уж – воистину – политехнолог. Мне, кстати, нужны будут списки обоих штабов. Второго – даже в большей степени. Что ж, господа, можем считать, что для нас предвыборная компания в России стартовала. Запускаются, между прочим, сразу два твоих сценария, Стив. Это, конечно, почетно и приятно, но я бы потеряла сон.
 - Слава богу, я сплю хорошо, мэм, когда удастся поспать. Но уж если мы заговорили о сценариях, хотелось бы напомнить еще об одном.
 - Лемех?
 - Да.
 - Полагаешь, настоять на том, чтобы после выборов Ельцин рекомендовал его премьером, тем паче Дума – как ты говоришь, ему послушна.
 - Ну, от слова «послушна», я бы воздержался. Он может – через своих ставленников – инициировать и провести некоторые решения, тем более такие популистские, как денонсация Беловежья. Но – премьерство? Еврейский банкир во главе российского правительства при почти коммунистической Думе – невозможно в принципе. Потом, я не думаю, что Ельцин сразу после выборов рискнет расстаться с Черномырдиным. Он удобен.
 - Тогда что же?
 - Я бы пока подержал его в резерве, причем самом ближнем, оперативном резерве. Тем более – впереди у него большая и самая главная битва.
 - Да. Нефть. Как ты и планировал, начало 97-го. Решится многое. Но не все.
 - Все и не может решиться, пока Ельцин в Кремле.
 - Ну, если юная леди, которая тебя так очаровала, действительно так деятельна и энергична, возможно, ей удастся убедить его уйти в отставку, по крайней мере, после операции.
 - Уйти? По-моему он не знает такого слова.
 - Да. Это так.
 - Но как бы там ни было, полагаю, папка «Преемники» уже появилась в твоём компьютере?
 - Разумеется...
- Но пока в ней только одна фамилия. Последнее Стив произнес, разумеется, про себя.

19 ИЮНЯ 1996 ГОДА
МОСКВА

- Первый – десятому.
- На приеме.
- Сорок четыре.
- Ноль – ноль.

Это отнюдь не было абракадаброй. Это была система закодированных фраз, посредством которой общалась между собой его охрана. Впрочем, это отнюдь не было его изобретением, так работали все спецслужбы – наиболее часто употребляемые фразы заменялись произвольно взятыми сочетаниями цифр, чтобы ввести в заблуждение возможного противника, прослушивающего радиоволну. В принципе сегодня это не имело абсолютно никакого смысла, поскольку бывшие сотрудники бывших спецслужб, как хорошо известные согражданам надоедливые весьма домашние насекомые, по теплым и чаще – темным щелям, расползлись по всевозможным частным охранным агентствам и охраняли теперь кого ни попадя, от сомнительных банкиров до совершенно определенных бандитов. Никто из них, как правило, не брал на себя труд слегка пофантазировать, посему цифровые обозначения стандартных ситуаций употреблялись всеми практически одни и те же, привнесенные из прошлой их охранной жизни. Но это был ритуал – и ему следовали. Кроме того, это было нечто, что как бы приобщало новых хозяев к касте подлинных небожителей – номенклатурных бонз прошлого, обладавших на деле такой державной властью, какая не снилась ныне ни обитателям Кремля, ни нуворишам, с полным на то основанием вписываемым в число самых богатых людей мира. Им было приятно, а телохранителям привычно – все оставались довольны. Он подумал об этом, краем уха слушая переговоры своей охраны, и усмехнулся. В переводе на нормальный язык таинственный монолог начал всего лишь: «выезжаем – понял», но звучал гораздо внушительнее. В тот же момент старший прикрепленный (и это тоже была терминология спецслужб, привнесенная ими в новую жизнь), широко распахнув переднюю дверцу лимузина, довольно громко поинтересовался:

- Леонид Аркадьевич, а коробочку брать?
- Какую еще коробочку?
- Ну, ту, что вчера передали, с денюжкой. 538 тысяч у.е. Ровно. Я вчера пересчитал и сегодня с утра, на всякий случай.
- А она, значит, так и валялась в багажнике?
- Так ведь распоряжения не поступало...

– Понятно. Ладно, теперь уже некогда. На обратном пути забросим в штаб – они ждут. А может, и не ждут, у них там бабла – по-моему, раз в десять больше, чем нужно.

– Все, в аэропорт. Выходим из графика.

– В графике, я прозвонил по трассе – Ленинградка свободна.

Через сорок минут в VIP-зале прилета аэропорта Шереметьево-2 Леонид Лемех уже крепко – и вполне искренне – обнимал Стива Гарднера.

– Значит, все-таки отпустили?

– Да. Но чего мне это стоило. И – самое главное! – имей в виду: я обычный политконсультант. Работаю на одну контору в Нью-Йорке – вот, кстати, визитка, не потеряй.

– Хорошо, что ты по-прежнему Стив Гарднер.

– О! Остальное все без изменений. Но сам понимаешь – Стив близко склонился к уху Лемеха – сотрудник Госдепа в штабе одного из кандидатов... Это неправильно.

– Ну, может, и неправильно, хотя все про вас все знают и никого это особо не кольшет.

– Про кого это, про нас?

– Про вашего парня политконсультанта. Кажется, его фамилия Дрезнер. Про то, что он работает непосредственно с Татьяной и даже пользуется ее офисом в «Президент-отеле». Там, кстати, обитают оба штаба. Для паритета и справедливости. Так вот, твоего Дрезнера, вдобавок ко всему прочему, обслуживают секретари госпожи Дьяченко.

– В каком смысле?

– Господи, что ж ты такой нервный. Ну, в каком – в секретарском. Кофе варят, бумажки печатают. Про другое мне ничего не известно. Подожди, не сбивай, пока я все не забыл. Вот. Он имеет доступ ко всей необходимой ему информации. И регулярно о проводимой работе непосредственно в Белый дом через помощника президента Клинтона и стратега его избирательной кампании Дика Морриса.

– И ты хочешь сказать, что об этом пишут?

– И снимают. Его сто раз уже показали по телевизору и разместили фото на первых полосах газет.

– И нет скандала?

– А почему должен быть скандал? Не беспокойся, по поводу тебя тоже не будет никакого скандала. У нас к таким вещам относятся проще.

– Нет. По поводу меня не будет ничего. Ни строки и не звука. Послушай, Леонид, у тебя ведь есть загородный дом.

– Разумеется.

– Я могу там пожить?

- Сколько угодно.
 - Но так, чтобы об этом не знал никто.
 - Ну, только если ты сам не напьешься и не пойдешь знакомиться к соседям.
 - Я не шучу.
 - Хорошо, тогда и я не шучу.
 - Тебе необходимо встретиться с Дрезнером?
 - Разумеется, я для этого и прилетел. С ним, еще с несколькими людьми из его команды, с некоторыми посольскими. Не послом. Поменьше. Боже, теперь я понимаю, какая это проблема.
 - Никакой проблемы, Стив. Вернее, будем считать, что это мои проблемы. И я их решу. Эти люди буду посещать тебя в том доме, где ты будешь жить, и никто никогда об этом не то что не напишет, но даже не вспомнит.
 - Но как?
 - Стив – Россия очень специфическая страна. Я бы сказал, что это страна, где нет ничего невозможного. При определенных, разумеется, условиях. Все. Тему встреч считаем закрытой. Еще проблемы?
 - Я должен увидиться и переговорить с госпожой Дьяченко. Желательно в неформальной обстановке и не слишком официально. В том смысле, что ей совсем не обязательно знать, кто я такой на самом деле.
 - Решаемо. Полагаю, у меня дома, но тогда – в обществе моей жены.
 - С огромным удовольствием познакомлюсь с твоей женой.
 - Ну, вот заодно и получишь удовольствие.
 - Еще?
 - Ну, я хотел попить с тобой водки.
 - Это уже из области культурной программы. Вне всякого сомнения. Причем уже сегодня. Главное – не пропить пятьсот тридцать восемь тысяч долларов из багажника.
 - Это такая шутка?
 - Это – бабло, кэш, черный нал – учи, пригодится. Словом, нигде не учтенные деньги для выборного штаба.
 - Я понимаю. Свободные деньги, пожертвования на выборах, это, в общем, мировая практика. Хотя «горят» на этом постоянно. Но деваться некуда – они нужны. Но возить такие суммы в багажнике...
 - Это российская практика. Деваться некуда – надо отвезти тебя на явочную квартиру...
- Явочной квартирой стал один из домов Лемеха, в густом сосновом лесу, на Новой Риге – построенный пару лет назад про запас и на тот случай, когда по Рублевке просто невозможно станет ездить. Дом был совсем

новый, необжитой, в нем не поработали еще декораторы, и только кое-где стояла не распакованная мебель, которую Лиза заказывала по каталогам по рекомендации тех же декораторов. И готовая полностью обустроенная кухня, на которой они и расположились с той самой водкой, о которой Стив подумывал еще в Вашингтоне.

Было уже поздно, но долгий перелет как-то выбил Стива из потока времени, и тот никак не мог проникнуть обратно – ему не хотелось ни спать, ни работать, ни гулять в сосновом лесу, хотя Лемех полагал, что это будет полезно, он не был сильно пьян и просто сидел за столом и редко, медленно, небольшими глотками отпивал водку из большой тяжелой стопки гладкого хрусталя.

И еще ему хотелось говорить с Лемехом.

– У русских, я много читал, очень большое значение придают слову «предательство». Ты тоже?

Лемех был умеренно пьян и готов был коротать еще не одну ночь, но вести философские беседы явно был не настроен.

– Я лучше расскажу тебе историю. И ты решишь сам – как я понимаю предательство. Так вот. Однажды ко мне пришел человек. И даже не ко мне, к моей маме, чтобы там наверняка меня встретить. Не друг, приятель, одноклассник, неплохой парень. Пришел со своей бедой – большой ребенок, неработающая жена, институт, в котором не платят зарплату, неудачные попытки заняться бизнесом, долги, кредиторы, отъем квартиры... все это со слезой – а в конце на надломе, но с пафосом:

– Пойми, старик, я не денег просить пришел – я денег твоих не возьму, ты меня знаешь...

– А я и не дам, ты-то как раз меня не знаешь, – подумал я, но продолжал сочувственно (зачем расстраивать мать?) слушать.

– Я об одном тебя прошу: дай мне возможность работать – во мне академического гонора нет, я уже давно забыл про свои дипломы и диссертации, и амбиций у меня не осталось ни здоровых, ни больных. Я согласен на любую работу – как тот безработный из советской агитки, помнишь? Только дай мне эту работу.

– Отлично, – я уже знал, что могу ему предложить, и вышел за телефоном в прихожую.

Вернулся. Продиктовал ему номер.

– Звони завтра, прямо с утра. Работа у тебя будет, даю слово.

– Сказать, что от тебя? – глаза у него подозрительно заблестели.

– От меня? Да-а, можешь сказать, если хочешь.

Мать смотрела, умилялась и, кажется, тоже собиралась прослезиться. Я понял, что мне пора. И правда – было пора. Теперь слушай самое глав-

ное: телефон, который я продиктовал ему, был телефоном популярной молодежной газеты, которая в каждом выпуске призывала «энергичных и предприимчивых» к распространению. И платили они, между прочим. Так вот, я и сейчас считаю, что поступил абсолютно честно и просто указал парню на то, что заработать сегодня можно везде. Такая история. Вот теперь скажи – я его предал?

– Но разве нельзя было прямо так и сказать все, что ты сейчас сказал, про то, что заработать можно везде.

– Но он же пришел ко мне! Понимаешь – ко мне. А это значит – не за любой работой. Он же рассчитывал, что старый школьный приятель пристроит на какое-нибудь удобное, теплое местечко.

– Но что в этом плохого, если ты бы действительно мог?

– Плохого в этом то, что он врал. Про любую работу. Про отсутствие амбиций. Не терплю, когда мне врут.

– Тогда я, пожалуй, пойду спать.

– Потому что собираешься мне врать?

– Нет, просто действительно захотел.

Они довольно быстро и ловко распаковали две большие кровати, предназначенные, вероятно, для Елизаветиной и его, Лемеха, спальни. И улеглись в постель не раздеваясь, потому что постельного белья в доме не было. Но было тепло. Лемех – несмотря на обычную бессонницу – заснул быстро, но ненадолго. Проснулся он от того, что Стив тряс его за руку, стоя босиком на голом полу.

– Что случилось?

– Деньги?

– Какие, к черту, деньги?

– Те самые.

– В машине.

– Одни?

– Почему, там водитель и охранник и еще одна машина охраны.

– И они всю ночь будут в машинах?

– Это их работа.

– Да, я понимаю. Но скажи...

– Если ты спросишь – накормлены ли они, я скажу, что не знаю, но кроме зарплаты они получают пайковые – на еду, в таких случаях.

– Нет, я хотел рассказать тебе другое. Просто сначала я подумал про твоих охранников, а потом про охранника Ельцина. Про Коржакова.

– Они были бы польщены.

– Я много читал про него последнее время. Он очень подозрительный человек. И не очень умный, хотя считает наоборот.

- Так обычно и бывает. А насчет подозрительности – да. Это его профессия, между прочим.
 - Вот скажи теперь, если он узнает, что ты возишь в багажнике такие огромные незаконные деньги?
 - Лучше бы ему про это не знать.
 - Но если узнает?
 - Даст команду принять меня немедленно.
 - Арестовать?
 - Задержать. Ничего страшного, конечно, не произойдет, но моим адвокатам придется денек-другой побегать, чтобы получить деньги обратно.
 - А это скандал? Если узнают, что деньги для Ельцина?
 - Скандал, разумеется. Коммуняки поднимут такой вой. Да и яблочники не смолчат. Скандал.
 - Значит, можно будет сказать, что из-за генерала Коржакова произошел скандал и выборы в России могут быть признаны нелегитимными.
 - Кому сказать?
 - Президенту Ельцину, конечно. Не международным же наблюдателям.
 - Вон ты о чем... И что, полагаешь, после этого он отодвинет Коржакова от дел?
 - Но если сказать, что он специально хотел сорвать выборы и совершить государственный переворот? И весь мир станет кричать, что Ельцин отступает от демократии.
 - И если все это – спросонок, ночью, со слезами...
 - Да, конечно, Татьяна должна плакать и говорить, что все пропало.
 - Хм... Кто бы мог подумать, что жалость к моим голодным охранникам... Да отнеси ты им поесть, мать Тереза, там, на кухне, полно еды... Я пока сделаю пару звонков.
- Когда довольный Стив вернулся в дом, Лемех сказал, как о деле решенном:
- Только с коробочкой пойду не я.
 - Правильно. Я только что думал об этом. Мы должны думать о твоём имидже и сейчас, и на будущее. Это очень правильно.
 - Ну, если правильно – поехали, великий комбинатор, в город, народ уже всю готовит операцию «коробка из-под ксеркса».
 - У тебя здесь есть интернет, Леня?
 - Нет. И еще долго не будет, Стив. И вообще – старайся в России не щеголять этим словечком.
 - Почему?
 - Могут неправильно понять и начистить рожу.
 - Побить?

– Да, побить. Что и кому ты собрался сообщать в интернете? Обрадовать Мадлен?

– Нет, я хотел стереть одну папку в своем компьютере, но подумал, что это будет преждевременно.

– Все произойдет завтра ночью, в Вашингтоне будет вечер – она увидит все в прямом эфире.

20 июня 1996 года Указом Президента РФ Б.Н. Ельцина освобождены от занимаемых должностей: первый заместитель председателя правительства РФ О.Н. Сосковец; директор ФСБ РФ М.И. Барсуков и руководитель СБ Президента РФ, 1-й помощник Президента РФ А.В. Коржаков.

По дороге из Вараедро в Гавану я вдруг замечаю маленькую нефтяную качалку. Работающую. Это фантастическое зрелище, потому что вокруг едва ли не девственная природа, мы только что миновали каньон, над которым кружили огромные птицы, похожие на орлов, и океан – вот он – в десяти метрах от дороги, лениво кольшется бледной сонной – с утра – поверхностью. И узкое шоссе, совершенно пустое. И женщины, бредущие вдоль обочины, в ярких юбках с оборками, и как-то хитро нарядно завязанными на черных кудрях косынками. И нефтяная качалка, маленькая, с небольшой амплитудой, загребаящая, однако, откуда-то из раскаленных карибских недр черное золото здешней нефти.

– Нефть! – разумеется, я не сдержалась.

– Ничего удивительного, – спокойно парирует мой спутник.

– Разве на Кубе есть нефть?

– Есть. Но немного. И обнаружили ее не так давно, иначе, думаю, совсем не факт, что в 1959-м Фиделю так легко дали бы казармы Монкадо. Американцы были бы куда более активны и вряд ли потерпели бы, чтобы горстка нахальных мачо оккупировала у них под носом нефтеносную землю.

– Ну, тогда бы и вмешались, безусловно.

– Безусловно. И случилась бы третья мировая война. Но история – что?

– Не терпит сослagательного наклонения.

– Верно. А про то, что ничего удивительного нет в том, что вы увидели качалку, хотя до этого мирно дремали, я сказал совсем по другой причине.

– По какой же?

– Вам ведь уже снится нефть, признайтесь? Мы так долго говорим о том, что все происходящее в мире сегодня так или иначе обусловлено ею, нефтью, и вообще – углеводородами. Неужели в вашей милой головке не крутится мысль о том, когда? Когда пробил в России тот час и природное богатство страны стало богатством одних людей? Заметьте, я не иду дальше и не предполагаю следующий ваш вопрос?

– Какой же?

– Как случилось, что я, находясь в непосредственной близости к власти, упустила этот момент и не обзавелась парой нефтяных вышек.

– А зачем?

Настает сладкое мое время – он удивлен.

И даже не находит слов, и точеные черные брови, тронутые сединой, высоко взлетают на смуглый лоб.

– Я действительно довольно долго была рядом и потому уяснила – вышек может быть дюжина – и цена им полушка в базарный день. Иное дело – труба.

И – кстати – эта самая труба, но уже образно – такая же непреходящая ценность в отрасли, страшно далекой от нефтяной. Угадаете?

И – снова – только взметнувшиеся брови. Я радуюсь. Второй раз удивлен и обескуражен тот, кто обычно удивляет и обескураживает меня. Я о телевидении.

Ужинали недавно с человеком, из тех, кого принято называть теперь «телевизионными магнатами». Им это – кстати – приятно, и вовсе не потому, что, говоря о «магнатах», думают прежде всего о деньгах. Здесь дело в другом. Аналогия с «нефтяным магнатом» всплывает в сознании немедленно. А уж в искушенном сознании – так и вовсе сливается в нечто целое. Нефть в России сегодня субстанция особая. Не физическая и даже не материальная, геополитическая – хотя так и напрашивается именно это определение. Нефть – сегодня штука сакральная, и тот, кто, так или иначе... словом, не просто богат и властен, почти небожитель, носитель тайного и сакрального, магистр, и великий мастер, и почти мессир...

Потому легко розовеют холеные щеки телевизионных боссов, отмеченные той подчеркнуто высокохудожественной щетиной, напоминающей, впрочем, одновременно и плохо побритый женский лобок, – но это уже вопросы вкуса, а вернее, вкусовщины – так вот, розовеют холеные лица при упоминании собственного, пусть и телевизионного всего лишь – но «магнатства». И совершенно, кстати, напрасно. Настоящие нефтяные магнаты знают об этом слишком хорошо – сама по себе нефть, сколько ни накачай ее, пусть даже и в полную, безраздельную свою собственность, никакого магнатства, не говоря уж о сакральном, не обеспечит, ибо суть нефтяного владычества – труба, посредством которой и доставляется нужное нужным. И только так.

И вот уже, сидя на трубе – хотя понятно, что с любой трубы в любое время можно свернуться, со страшным грохотом или тихо сползти, перед лицом опасности куда более страшной, нежели громогласное падение, – однако ж, сидя на трубе – пусть и временно, – но вполне ощутимо рефлексируешь себя небожителем. Нефтяники, как дети, именно что на рефлексивном уровне осознают это с рождения – рождения профессионального, разумеется, с того момента, когда в сосудах вместо крови, начинает струиться маслянистая черная жидкость. Телевизионные люди – не так остро чувствуют проблему. Слава притушает чувство собственной безопасности, иногда убивает его напрочь. Формула «узнаваем – значит, защищен» становится одинаково опасной и на мокрой ночной

трассе, и в тихом, уютном властном коридоре. Одержимые ею, очень долго ценность эфира уравнивают с ценой нефти, и только лишившись трубы – понимают, что сами по себе углеводороды плохо усваиваются, даже вприкуску с отменно прожаренной Foie gras, а тихое, ласковое: «Ступайте, NN, снимайте свой «Заслон-5», 6, 7 и – почему бы – не 8, есть выверенная до иезуитской формула приговора, ибо новый властелин трубы захочет снимать что-то иное, и оно, иное, тихо журча или грохоча подобно Ниагаре, полетится в трубу, а оттуда – голубым мерцанием проникнет в миллионы милых, уютных домов. И милых голов, уютно прикорнувших у мерцающих экранов. Впрочем, все это всего лишь отступление имени трубы. И мне на самом деле интересно, когда именно подкормленные некоторыми другими составляющими национального достояния «золотые мальчики» наконец получили то, ради чего, собственно, все вышеописанное и происходило.

– С телевидением у вас, матушка, вышло очень неплохо, главное, образно и справедливо, а вот по части «ради чего» – грубая ошибка.

– Да, я просто не закончила фразу, получают – и, отщипнув положенный профит – передадут на вечное пользование тем...

– Кто знает, каким должен быть мировой порядок и как жить человечеству дальше. Да. Так вот. Настало время раскрыть вам страшную тайну. На самом деле приватизация нефтяной отрасли России началась со страшной государственной нищеты, в которую теперь трудно, почти невозможно поверить. Злонамеренные сложные планы экономического захвата наших природных богатств, грабительские принципы залоговых аукционов – вызрели позже. И, слава Богу! Иначе вся – вся, без остатка нефть России – могла быть продана промозглым, дождливым 19 сентября 1991 года на закрытом совещании в гостинице «Россия», которое проводил сам Ельцин.

После августовских событий бюджет страны был пуст. Пустыми были полки магазинов и карманы тех, кого принято называть бюджетниками – врачей, учителей, библиотекарей, пенсионеров. И это понятно – платить было попросту нечем. Тогда-то перед Ельциным и положили указ о приватизации нефтяной отрасли России. Знаете, я не питаю теплых чувств к Ельцину, но когда мне рассказали эту историю, я испытал к нему чувство жалости.

Я почему-то хорошо представил себе этот момент, может, потому, что нечто подобное случилось с моей семьей в моем детстве, но забылось – оставив только бессознательное: что-то тяжелое, горькое. Когда совсем уже худо и нет даже картофельных очисток и горстки крупы, застрявшей на дне жестяной банки на кухне и стыдно просить у соседей.

Тогда кто-то старший в семье принимает решение – продать вещь. Именно так, с большой буквы, независимо то того, что это за вещь. Семья дорожила ею и берегла до последнего.

Такая ассоциация.

Говорят, он практически не сопротивлялся.

Когда перед ним положили проект указа, только почесал – по привычке – у виска ручкой и совсем несвойственно для него и даже необычно спросил у Филатова, бывшего тогда руководителем его администрации. – Сергей Александрович, думаете, это нам поможет?

И, не дожидаясь ответа, поставил подпись.

Так, собственно говоря, радикально изменилась расстановка сил в нефтяной отрасли. Вчерашние руководители «нефтянки», как по мановению волшебной палочки, превратились в собственников 15% своих предприятий. Еще 15% отошли местной власти. Понятное дело, что ни те, ни другие недолго были собственниками и нефтяными магнатами. И нефть – теперь уже как свободно конвертируемый товар – не раз переходила из рук в руки, и было на тех руках много и крови, и пороху, и чернил. Но как бы там ни было, сегодня в России сложились девять крупных нефтяных компаний, в большинстве своем – как акционерные общества, то есть частные предприятия, с некоторой – кое-где – долей государства. Прежде всего это «ЛУКОЙЛ», созданный в 1991 году в форме концерна на базе трех крупнейших нефтегазодобывающих предприятий Западной Сибири.

Далее следует «ЮКОС» – вертикально-интегрированная нефтяная компания, ответственная за снабжение нефтью и нефтепродуктами Центральной России и Среднего Поволжья. Акционерное общество открытого типа «Нефтяная компания «ЮКОС» было учреждено постановлением Совмина РФ в соответствии с указом Президента РФ от 17 ноября 1992 года.

ОАО «Тюменская нефтяная компания» (ТНК) было образовано согласно постановлению правительства РФ в 1995 году, на ОАО «Нижневартовскнефтегаз» и ОАО «Тюменнефтегаз».

ОАО «СИДАНКО» создано в 1994 году в соответствии с постановлением правительства РФ с целью решения проблем обеспечения потребностей в нефти и нефтепродуктах районов и областей Дальнего Востока, Крайнего Севера, Восточной Сибири и юга России.

«Сургутнефтегаз» как государственное предприятие был создан в 1965 году. В 1977 году получил статус многопрофильного производственно-объединения, а в 1991 году был преобразован в государственное производственное объединение. В акционерное общество открытого типа

ПО «Сургутнефтегаз» было преобразовано в соответствии с Указом Президента РФ в 1992 году.

Производственное объединение «Татнефть» было создано в 1950 году. До 1993 года компания являлась государственным производственным объединением. В акционерное общество открытого типа ГПО «Татнефть» было преобразовано в соответствии с указом президента Республики Татарстан.

Нефтяная компания «Роснефть» основана постановлением правительства Российской Федерации в 1993 году. Компания образована как государственное предприятие на базе государственной корпорации «Роснефтегаз» (корпорация «Роснефтегаз» создана в октябре 1991 года на базе упраздненного Министерства нефтяной и газовой промышленности СССР. АО «Сибирская нефтяная компания» («Сибнефть») была образована в октябре 1995 года в соответствии с Указом Президента РФ «Об учреждении открытого акционерного общества «Сибирская нефтяная компания» в 1995 году, а также с постановлением правительства РФ.

ОАО «Славнефть» создано в 1994 году в соответствии с решениями правительств России и Белоруссии.

И бесчисленное множество «дочек», «внучек» и прочих организационно-финансовых родственников в России и за ее пределами. Но это уже не важно. Важно то, что восемь собственников («Роснефть» принадлежит государству) в разное время, за разные деньги приобрели в сущности всю нефть России. Справедливо ли это? Честно? Не подлежит пересмотру? Не знаю. Хотя представьте ситуацию, которую я изобразил в начале. Гипотетическую. Голодная семья. Реликвия, которую несут на рынок и продают. Вероятно, намного дешевле, чем стоит Вещь на самом деле. Но можно ли представить сегодня кого-то из наследников той семьи, предъявляющих претензии потомкам покупателя. Нет, вряд ли. Абсурдная выходит сцена. А рассудить сможет только время. Я так полагаю. А вы?

А я не знала. Правда не знала. Потому что неправильно было и то, и это. Покупать за копейки дорогую вещь, понимая, что люди продают ее от безысходности. И отнимать эту вещь потом, когда она уже куплена – то есть, отдана добровольно и за деньги. Но выход, как мне кажется, все же можно найти.

О РЕЗУЛЬТАТАХ ВЫБОРОВ ПРЕЗИДЕНТА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ПОСТАНОВЛЕНИЕ
ЦЕНТРАЛЬНАЯ ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ КОМИССИЯ РФ

9 июля 1996 г.

№ 110/837-II

(РГ 96-128)

3 июля 1996 года состоялось повторное голосование по выборам

Президента Российской Федерации по двум кандидатам – Б.Н. Ельцину и Г.А. Зюганову, получившим на выборах 16 июня 1996 года наибольшее число голосов избирателей.

На основании 89 протоколов избирательных комиссий субъектов Российской Федерации и 397 протоколов участковых избирательных комиссий избирательных участков, образованных за пределами территории Российской Федерации, путем суммирования содержащихся в них данных Центральная избирательная комиссия Российской Федерации определила, что голоса избирателей, принявших участие в повторном голосовании, распределились следующим образом:

за **Ельцина Бориса Николаевича** подано

40 миллионов 208 тысяч 384 голоса избирателей;

за **Зюганова Геннадия Андреевича** подано

30 миллионов 113 тысяч 306 голосов избирателей;

против всех кандидатов подано

3 миллиона 604 тысячи 550 голосов избирателей.

На основании протокола Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 9 июля 1996 года о результатах выборов Президента Российской Федерации по итогам повторного голосования и в соответствии со статьями 55 и 56 Федерального закона «О выборах Президента Российской Федерации» Центральная избирательная комиссия Российской Федерации постановляет:

1. Признать выборы Президента Российской Федерации 3 июля 1996 года действительными.
2. Считать избранным на должность Президента Российской Федерации на второй срок Ельцина Бориса Николаевича.
3. Опубликовать результаты выборов Президента Российской Федерации по итогам повторного голосования, состоявшегося 3 июля 1996 года, и настоящее постановление в «Российской газете» и направить их другим средствам массовой информации.

Председатель Центральной избирательной комиссии РФ

Н.Т. Рябов

№ 110/837-II

9 июля 1996 г.

2007 ГОД
ГАВАНА

И настала нам пора прощаться. Мне было пора возвращаться в Москву. Он оставался здесь, в Гаване. Надолго ли? Я уже знаю, что таких вопросов задавать ему не следует. И только одного не могу понять – это такой вечный отголосок прошлого, рефлекторная привычка, сродни привычке курильщика трубки, давно уже бросившего это занятие, посасывать пустой янтарный мундштук. Или – он по-прежнему не вполне располагает собой и своей биографией и не вправе отвечать на такие вопросы. Был в моей жизни человек, чем-то похожий на этого, тот на вопрос о том, служит ли еще или уже в отставке, отвечал спокойно, без пафоса, но и без тени улыбки: «У нас одна форма отставки». И спрашивающий, как правило, смущался и даже, бывало, просил прощения, будто спросил что-то неприличное. Вот и я сейчас чувствую нечто похожее и не хочу неловкости между нами.

VIP-зал аэропорта в Гаване отчего-то запахнули в тесный цокольный этаж, там полумрак и довольно душно, потому что слабо работают кондиционеры. И бармен, у которого я хотела напоследок попросить чего-нибудь кубинского на его усмотрение – мохито или дайкири, исчез куда-то, оставив бутылки с ромом в полное наше распоряжение, но пить неразбавленный теплый ром, даже прощаясь с Гаваной, я еще не готова.

– Вам это важно? – интересуется мой спутник, имея в виду, очевидно, статус и бесплатный ром в баре.

– Нет, конечно.

– Тогда идемте наверх, в обычное кафе. На дайкири не рассчитывайте, но, улетаая из Гаваны, можно для разнообразия отведать и Cuba Libre.

– Это ром с колой?

– Ну да. Американская месь Фиделю.

На втором этаже – пусто, просторно и солнечно, до боли напоминает какие-то маленькие южные аэропорты из моего детства. Меня отправляли на море каждое лето – то в Крым, то на Кавказ; – эти стеклянные коробки, пронизанные солнцем, остались в памяти, конечно, оттуда.

Но здесь лучше – прохладно, потому что кондиционеры работают на полную мощность, немногочленно – не сезон, – и московский рейс улетает полупустым, а в местном баре яркая моложавая кубинка с большой грудью, украшенной замысловатой татуировкой, от души плеснула нам рому в пластиковые стаканчики и чуть-чуть брызнула сверху кока-колы, подмигнув при этом моему спутнику. Мы усаживаемся у самой стеклянной стены, выходящей на летное поле, такое же пустое, как зал ожидания. И нам грустно. То есть наверняка я могу говорить только о себе, но мне кажется, что и он грустит, расставаясь, и вопрос потому звучит чуть более резко, чем обычно, чтобы суровостью завесить грусть. Знаем мы эти мужские приемы.

– Ну, что там еще у вас, наверняка припасли пару коварных вопросов на прощание.

– Только один. Я знаю меру.

– Ну, так давайте ваш, мерный. Один.

– Путин.

– Что именно Путин?

– Кто привел его в Кремль?

– Ну, этого я вам не скажу. И никто не скажет. Есть несколько версий. И одна из них – простое расположение Бородин.

– Я не про Кремль вообще. Я про то, кто решил, что он будет преемником.

– Ельцин. Борис Николаевич. Лично. Такие вопросы он не доверял никому, иногда мне казалось, что и себе самому – тоже. И тогда просто – что называется – тыкал пальцем. Наугад. И попадал. Рассказывали, что когда он вдруг собрался лететь в Чечню в 96-м году и там, перемещаясь на вертолете, – посетить какую-то российскую часть, Коржаков уже в воздухе дал команду разработать несколько вариантов маршрута. К их прибытию – работа, разумеется, была выполнена – для президента и его свиты предлагалось несколько вариантов на выбор. Однако никто из генералов этот выбор делать не хотел. Слишком опасным был этот перелет над горами, слишком большой ответственность избравшего. Когда Ельцин вошел в помещение, повисла неловкая пауза, однако никакой неловкости не случилось.

– Дайте сюда, – беспалой лапой Ельцин заграбастал планы полетов, мельком взглянул на каждый и, не раздумывая, вытянул один, – сюда летим.
– Он не знал местности, плохо ориентировался в специфических летных картах, не владел оперативной информацией о ситуации в тех районах, над которыми пришлось бы лететь, а она менялась стремительно. И тем не менее он выбрал самый безопасный и верный маршрут. И часть, которую посетил во время того полета, более других заслуживала президентских наградных часов и подарков, – рассказывал мне после один из генералов, встречавших президента в Чечне.

– Такая у него интуиция, – ответил я. И к этому нечего было добавить.
– Возвращаясь в конце 1999 года, разумеется, надо четко понимать, что те люди, которые уговаривали и уговорили его добровольно покинуть пост, разумеется, предполагали кандидата-преемника. Я не знаком со всем списком, но знаю наверняка, что там присутствовал ныне покойный Аксененко, помните, был такой изрядно проворовавшийся министр путей сообщения, был Степашин, было еще несколько фамилий – тех я не видел. Так же сложно сейчас говорить о том, кто внес чью кандидатуру. У победы, как известно, много отцов. И что остается несчастному Березовскому, о котором вот-вот все забудут вовсе, как не утверждать, что Путин именно его детище. Разумеется, жестокое и неблагоприятное. Все это – в той или иной степени всего лишь гипотезы.

Одно известно наверняка. Список остался в руках в Ельцина, и так же, как в 96-м в Чечне, он выбрал того, кого выбрал. Возможно, так же – интуитивно. Но интуиция Ельцина, когда он прислушивался к ней всерьез, не отвлекаясь на шепот изо всех углов и прочие влияния, о которых мы много говорили прежде, ни разу его не подводила. Не подвела – и теперь. Но это, разумеется, мое личное мнение.

Я хочу сказать, что думаю так же. И много еще чего-то хочу сказать. Но неспешные и будто бы сонные кубинцы вдруг срываются с места и нас буквально на рыси гонят к самолету вернее, темному зеву шланга, ведущего на борт. И я успеваю крепко обнять его и ощутить сухой жар гладко выбритой кожи и тонкий аромат какого-то неизвестного мне парфюма, и отчетливее всего – намертво въевшийся в волосы и кожу пряный запах сигар. И закрыть глаза. И только почувствовать, что сигарный запах становится сильнее, и понять, что его губы где-то рядом с моими. Но не более того, потому что я знаю – он не решается сделать это – просто поцеловать меня на прощанье. Не в щечку, как любимую племянницу или дочь друга. И тогда я делаю это сама, потому что это просто – наши губы совсем рядом, и легко – потому что я хочу этого поцелуя, и приятно – потому что его губы сухие, горячие, зовущие...

Только – поздно. Когда-то, рассказывая мне сказки, бабушка спросила, знаю ли я, какое слово самое страшное в мире. И я назвала много слов и не угадала. «Поздно» – сказала бабушка, – это слово «поздно», потому что в каком бы контексте оно ни звучало, всегда говорит о чем-то неприятном, обидном, а порой – горьком до слез. И – возможно – безвозвратном. Это он оттолкнул меня, конечно, потому что сама бы я вряд ли расцепила руки, обвитые вокруг его шеи. Но теперь я уже иду по темному гофрированному, как у старого пылесоса, шлангу-коридору, и не отвечаю на приветствие стюардессы, и, не слушая ее, занимаю свое место в первом ряду у окна. Это он попросил человека у стойки регистрации посадить меня на самое лучшее место.

И выходит теперь, что оно, это место у иллюминатора, – его последний подарок. Ко всем тем, что увожу с собой в тонком ноутбуке.

Последний день закончился именно так, как и все последние дни, – Стив собирал документы, освобождая кабинет преемнику. И радовался. Дисков было совсем немного. А бумаг – не было вообще. Стив – дитя XXI столетия, пусть не по календарной дате рождения, но уж по духу-то точно, терпеть не мог бумаг – и любой документ при первой возможности переносил на электронный носитель.

Все восемь лет – с того момента, когда охранник у западных ворот Белого дома изучал его права, а Дон Сазерленд разрешил временно занять угол в собственной каморке, он подвергался критике, порой доходящей до суровых административных взысканий, – но держался и стоял на своем. Его личный архив, в котором – если покопаться – можно было рядом со сканами газетных вырезок и ссылками на популярные новостные и аналитические сайты найти копии документов с грифом «совершенно секретно» и рукописные записки, написанные рукой Мадлен и даже самого президента Клинтона, с короткими замечаниями или распоряжениями, эти бумаги уж точно не должны были бы покидать стен Совета национальной безопасности – сначала, и Госдепа – потом. Но, собственно, бумаги и не покинули – сгорев дотла в зеве каминов или глубоких чашах тяжелых хрустальных пепельниц. Или погибли – изрубленные в лапшу специальными машинами, которые Стив ненавидел особенно люто – ибо расстался не с одним галстуком, попавшим в эту чертову бумажную мясорубку вместе с листом бумаги. Это всегда был чувствительный выброс адреналина, потому что всякий раз, испытывая то мерзкое чувство, когда некая жестокая сила вдруг упорно и непреодолимо тянула его вниз, туда, где, тихо поскрипывая, острые ножи рубили в соломку бесконечные стопки бумаги, он испытывал приступ острого, почти животного страха. Разумеется, он всегда успевал нажать на кнопку, и страдал только очередной галстук, обращаясь в пучок бахромы, но сердце Стива колотилось в бешеном темпе еще минут пять и холодный пот намертво пропитывал сорочку.

Впрочем, эту проблему Стив решил для себя давно, он знал, что потеет, когда волнуется или пугается, и потому запасная сорочка всегда висела в его шкафу. И галстук, разумеется, тоже. Он – кстати – с детства знал, что пуглив, и долго страдал от осознания этого, но как-то раз в самолете, на котором они с Мадлен летели на Балканы, борт внезапно тряхнуло с такой силой, что из открывшихся полок посыпались сумки, а несколько человек, стоящих в проходе, не удержавшись на ногах, упали

между креслами. Первой мыслью была, разумеется, мысль о попадании снаряда. Все знали, что сербы отлично вооружены русской техникой, в том числе и так называемыми зенитками. Это был один из самых жесточких и бескомпромиссных этапов конфликта – сбить самолет госсекретаря США было бы для сербов большой удачей. К счастью, обошлось, самолет всего лишь резко нырнул в воздушную яму.

Но Стив испытал приступ настоящего ужаса и, разумеется, взмок как мышь. Когда на борту более или менее навели порядок, он достал сумку свою дорожную и отправился в туалет – освежить мокрое тело и переодеть сорочку. Именно ее, свежую сорочку, похоже, заметила Мадлен и, разумеется, все поняла правильно. Взмахом руки она подзвала к себе Стива и, похлопав по плечу, еле слышно заметила: «Никто не может обладать всеми человеческими достоинствами, вместе взятыми, тебе и так досталось очень много такого, о чем другие не смеют даже мечтать. Безрассудное мужество можешь смело оставить нашим пехотинцам, оно им намного нужнее, чем твои мозги».

И – как ни странно – с того момента Стив успокоился окончательно. Пара запасных сорочек в багаже не обременяла. А мозги – они действительно иногда приносили много пользы, а порой и удовольствия. Он был уже практически готов закрыть эту тему – навсегда. Или на ближайšie четыре–восемь лет. Сейчас – откровенно говоря – он не думал об этом. К тому же на завтра Мадлен назначила ему встречу своем новом кабинете, где-то в центре Вашингтона, где она собиралась работать над книгой и какими-то другими проектами.

Это был совсем неплохой, разумеется, вполне респектабельный кабинет, хотя назвать его роскошным Стив не решился бы. Впрочем, и Мадлен, насколько ему было известно, не была большой поклонницей помпезной роскоши дворцов. И тем не менее, кабинет ее не радовал.

– Из моего прежнего кабинета открывался вид на мемориал Линкольна. Из нового – на «Деликатесы Лозба»*, – нельзя сказать, что настроение Мадлен было мажорным. * Деликатесная кулинария, расположенная неподалеку от Белого дома.

– Зато можно заказать что-нибудь вкусненькое к кофе, – Стив понимал, что фальшивит, но ничего другого в голову не пришло. А промолчать вообще было бы совсем нелепо.

– Кстати, о вкусненьком... – Мадлен отошла от окна и, расположившись за столом, сняла трубку телефона.

Неужто и правда закажет сладкое? Это плохо. Втянется, растолстеет – Стив знал, что всю свою сознательную жизнь Мадлен боролась с лиш-

ним весом, и если эта борьба складывалась не в ее пользу – а такие периоды, как правило, совпадали с не самыми лучшими временами в жизни, – Мадлен, как, впрочем, это и бывает обычно, переживала, вплоть до депрессии. Теперь это было бы совсем некстати. На сей раз аналитика подвела – Стив ошибся.

– Дорогая, – сказала Мадлен, обращаясь к кому-то в трубку, – я понимаю, что теперь следовало бы послать приглашение в твой секретариат, но я решила, что по старой памяти...

На другом конце провода женский голос что-то активно возражал. Мадлен смеялась.

– Ну, хорошо, хорошо. Тогда – если ты не забыла – сегодня в восемь.

На том конце провода, похоже, снова возмутились.

– Нет, успокойся, я звоню не ради того, чтобы напомнить. Я хочу спросить у тебя разрешения пригласить к нашему ужину одного молодого человека.

Снова что-то активное на том конце трубки.

– Нет, увы. Ты слишком хорошо обо мне думаешь, вдобавок он годится мне во внуки, а тебе – в сыновья. Впрочем, ты, возможно, слышала это имя – Стив Гарднер?

И снова реакция собеседницы показалась Стиву довольно активной.

– Вот как? Интересно, откуда? Ну, впрочем, теперь это уже не так уж важно. Важно другое – я хочу вас представить и полагаю, что вы можете быть очень полезны друг другу.

На этот раз собеседница ответила коротко.

– И Соединенным Штатам, разумеется, в первую очередь – Соединенным Штатам.

Мадлен положила трубку и некоторое время молча смотрела на Стива

– Ну, что, малыш, готов поработать на республиканцев?

– Нет, мэм. Вся моя семья...

– Знаю, можешь не продолжать. Речь, я думаю, пойдет не о том, чтобы занять какую-то должность, полагаю, у нас в NDI для тебя уже готово приличное место. Однако то, чем ты занимался у меня, необходимо делать и дальше, и лучше – если под руководством человека, способного самостоятельно принимать решения на самом высоком уровне. Ты можешь быть негласным советником, консультантом, тебя вполне могут приглашать в качестве эксперта по тем или иным вопросам. В конце концов, вы можете просто подружиться. Как и мы с тобой. Ведь правда, малыш, мы стали друзьями?

– Я и горжусь этим, и счастлив, мэм.

– Вот и отлично. Но одна дружба вовсе не исключает другой. Подумай об этом.

– Вероятно, мэм. Но, откровенно говоря, мне будет намного легче думать, если я буду знать, о ком речь.

– А ты еще не понял?

– Признаться, нет.

– Сегодня вечером, Стиви, у меня дома ты будешь ужинать с новым государственным секретарем США мисс Кондолизой Райс. Надеюсь, это общество тебя устроит?

Случилось так, что прежде Стив никогда не был дома у Мадлен, хотя, судя по рассказам коллег и студентов, дом госсекретаря, особенно после ее развода с Джо Олбрайтом, журналистом и не слишком удачным наследником известной, хотя и подрастерявшей славы и респектабельности газетной империи, был домом, что называется, с широко открытыми дверями. Гостиная ее была простой и уютной. Ужин – заказанный в одном из любимых Мадлен ресторанов – вполне удовлетворил гастрономические запросы Стива. К тому же цель его визита была никак не гастрономической.

Кондолиза Райс удивила его своей молодежавшей стройностью, особенно заметной на фоне расплывшейся тяжелой фигуры Мадлен. Она была внимательна, темные глаза буквально впивались в собеседника, притом демонстративно, хозяйка и не думала скрывать, что, слушая, изучает и пытается вытащить как можно больше информации, всеми известными ей способами. Сама же была немногословна, но улыбчива. Дело еще только шло к десерту, и разговор пока вертелся вокруг общих, ни к чему не обязывающих тем. Хотя уже из этого легкого светского трепа Стив неожиданно почерпнул информацию, по его мнению, чрезвычайно важную. Особенно – если в будущем ему действительно предстояла работа с Кондолизой Райс.

– Теперь я уже могу рассказывать об этом без слез, – и все же Мадлен машинально поднесла руку к глазам, – мы познакомились с Конди в очень тяжелый для меня день. Умер папа. На похороны в Денвере собралось много людей, разумеется, дом был полон цветов, но даже среди них заметно выделялась изящная, но странная композиция – маленькая корзина в форме фортепиано, заполненная филодендронами.

– От кого это? – спросила я маму.

– От любимой студентки твоего отца. Ее зовут Кондолиза Райс.

– Но почему все-таки фортепиано? – поинтересовался Стив.

– Я начинала как пианистка и предполагала специализироваться в музыке, но прослушав однажды – совершенно случайно – лекцию докора Корбеля, перевелась в Школу международных отношений.

– Такое возможно? – Стив был искренне изумлен. Он знал истории, когда ради музыки люди бросали серьезные академические исследования, но чтобы наоборот?!!!

– Возможно. Если оно перед вами. Практика, как известно, критерий истины – а моя практика была долгой: под руководством доктора Корбеля я изучала международные отношения, но прежде всего славистику – и особенно историю СССР, которой он, как известно, уделял особое внимание. И работала над своей диссертацией, долго и упорно.

– Она скромничает, Стиви, – очень быстро последовала ученая степень магистра и докторантура, и в возрасте 26 лет госпожа Райс стала стипендиатом-исследователем в Стэнфорде и одним из самых заметных специалистов по Советскому Союзу. И однажды я чуть было не взяла ее на работу... Обе расхохотались, вспомнив нечто забавное.

– Я была тогда политическим консультантом Майкла Дукакиса по вопросам внешней политики и подбирала «мозговой трест» для его президентской кампании. Конди была в моем списке едва ли не первой кандидатурой – лучший специалист по СССР, живет недалеко от Вашингтона, женщина, афроамериканка... Идеальный по всем параметрам член предвыборной команды. Я немедленно набрала ее номер и, как всегда жалея время на дежурные вопросы, начала излагать свой план. Она выслушала меня, не перебив ни разу, но когда мои аргументы были исчерпаны, тихо и вежливо ответила: «Мадлен, уж не знаю, как тебе сказать об этом, но я республиканка».

Теперь рассмеялись все трое.

– И, собственно, это хороший переход к тому, о чем мне бы хотелось поговорить с вами, Стив, – мягко начала Райс, – разумеется, я не стану вербовать вас в республиканцы, но ту бесценную работу, которую вы делали для Госдепа при Мадлен, вы делали не для демократов и не для Мадлен, хотя я вижу, что вас связывает искренняя крепкая дружба. Вы делали ее для страны. Не стану впадать в пафос, никого здесь не надо ни в чем убеждать, когда речь заходит об интересах Америки. Поэтому просьба моя будет проста – продолжать. Заниматься тем же самым. И все. Разумеется, к вашим услугам будет, как и прежде, весь мой аппарат и при необходимости содействие любых спецслужб и прочих ведомств. С одной лишь разницей – первой о вашей надобности должна буду узнавать я. Почему – полагаю, понятно.

– И еще лучше. Потому что все прочие будут получать распоряжения из уст Конди, а не просьбы Стива Гарднера.

– Да. И, разумеется, связь у нас с вами будет бесперебойной, это я гарантирую. Если только не произойдет чего-то экстраординарного – Всемирного потопа, к примеру. Или не грянет Апокалипсис на наши головы.

– Господь с тобой, Конди.

– Не обращайтесь внимания, я вчера так устала от того хаоса, который надо сделать стройной колоннадой, по которой, спокойный и уверенный в завтрашнем дне, станет прогуливаться президент...

Образ был настолько ярким и забавным, что Стив позволил себе расхохотаться громче дам. Мадлен понимающе улыбнулась и кивнула головой. А Кондолиза продолжала.

– Вам, впрочем, это можно не объяснять. Так вот, вчера от усталости и злости я пошла в кино.

– Одна?

– Ну, охрана, разумеется, находилась где-то поблизости. Но я надела свою любимую вязаную шапочку, джинсы, в которых пропальываю газон, и куртку, по-моему, купленную в Денвере по совету твоей мамы. И пошла в кино. К сожалению, весь этот маскарад был напрасным.

– Тебя узнали и попросили автограф?

– Нет. Но фильм был ужасным. Какая-то катастрофа: в городе проваливаются тротуары и рушатся дома. И море крови. И бесконечная панорама человеческого ужаса.

– «Апокалипсис»?

– Возможно. Честное слово, Стив, я не смотрю кино. И с этого ушла – не досмотрев. Но ассоциации – видишь – засели в подсознании.

– Они уже покинули его – ведь вы проговорили это вслух.

– Да? Тогда, пожалуй, я рискну отправиться домой и, может быть, даже заснуть.

– Ты доволен? – спросила Мадлен, когда они проводили Кондолизу до двери, а вернее, до плечистого охранника в дверном проеме.

– Да. Я хочу заниматься этим. Хотя, отправляясь сегодня утром к вам в офис, даже размышлял о том, что мозгам иногда тоже полезно отдохнуть.

– Жаль, что ты не сказал этого при Конди. Как профессиональный пианист, она объяснила бы тебе, что играть нужно ежедневно – иначе пальцы теряют гибкость, а руки уверенность и силу. С головой происходит то же самое, мой мальчик.

Стив уже садился в машину, когда, отворив дверь, Мадлен крикнула ему строгим профессорским голосом:

– И не забудь хоть иногда выходить на работу в NDI. Я проверю.

Поначалу Стив на всю катушку врубил в машине своего любимого Диззи Гиллеспи. С переливами Шопена, сопровождавшими ужин, вышел некий перебор. Вдобавок Стив, не жаловал классику, отдавая предпочтение джазу. Но какая-то мысль настойчиво пульсировала в голове, требуя внимания и тишины. Он убрал звук. И благодарная мысль немедленно сложилась в короткую и ясную тезу, не требующую даже пояснений. Русским не повезло. Конди училась ненавидеть Советский Союз у того же человека, что и Мадлен. И все говорят, что она была хорошей ученицей.

– Не кричи, – говорю я Лизе, но понимаю, что кричу сама. Шум воды термического источника, в который нас погрузили после обертывания, грохочет, как настоящий горный водопад. Конечно, записать здесь ничего невозможно – да и кому здесь писать, если мы сорвались из офиса и были в салоне уже через пятнадцать минут. Но и поговорить тут непросто. Особенно если кричать не хочется – будто внутренний цензор цепко держит изнутри. Быстро все же человек адаптируется к предлагаемым условиям, какими бы дискомфортными они ни были. Живуч человек. Потому что – приспособленец. Изловчившись – мы как-то устраиваемся, голова к голове, не без труда распластавшись телами на больших скользких валунах, по которым с грохотом катится поток прохладной минеральной воды.

– Я буду быстро, чтобы успеть.

– Но не в ущерб информативности и достоверности.

– Ладно. В общем, Леня вцепился в Госдеп мертвой хваткой, или они – в него, вероятно – это был обоюдный процесс.

– В 96-м приезжал, я так понимаю, полулегально и даже жил у нас в пустом доме на Новой Риге тот самый парень – Стив Гарднер, который и присмотрел Леонида. Лемех говорил, он должен был у нас же дома, приватно встречаться с Дьяченко, но после истории с коробочкой из-под ксерокса – умчался первым же рейсом. Причем, если я правильно поняла перед этим, его отчитала по телефону сама Мадлен Олбрайт. Так что птицей он был высокого полета. Однако влюбился.

– В тебя?

– Ну не в Лемеха же. И так смешно. Со взглядами, вздохами – в общем, восьмой класс, четвертая парта. Поговорить не решился. Но уезжая – оставил письмо. Трогательное. Будешь у меня – прочту.

– А он тебе – никак?

– Да ну. Не мой стиль. Этот – маленький клерк с большими перспективами. Умный чертовски. Тонкий. Ранимый. Сентиментальный.

– Ну, так...

– Нет, не мое. Да и не до него было.

– Я так понимаю, они видели Лемеха премьером после выборов.

– Лемех тоже так думал, но Стив объяснил ему, что Россия не готова к премьеру-еврею, да еще – банкиру. Лемех надулся, но потом они довольно долго говорили, и он отошел. Потом появилась команда этих – технологов, имиджмейкеров – словом, Леню начали к чему-то усиленно готовить.

– И он изменился. Заметно. Стал таким, знаешь, европейским интеллектуалом.

– Еще бы. Работает столько народу. Потом подкатили выборы в Госдуму. Представить не можешь, да и я до конца не могу, сколько денег мы вложили в кампанию. За одних коммунистов выложили 70 миллионов.

– Долларов?

– Ну, не рублей же.

– Яблоки – обошлись дешевле, миллионов в десять, по-моему, говорят, не побрезговали и СПС-ники. Но тут я мало что знаю.

– Иными словами, он готовит Думу под себя, а вернее – под то решение, которое она должна будет принять.

– Да.

– И ты уверена, что речь пойдет именно о том документе, который сейчас у меня.

– Он сам мне об этом сказал.

– А про взятку президенту?

– Тоже.

– Но это абсурд.

– И я так сказала.

– А он?

– А он ответил, что если все сорвется, первым трупом буду я. Потому что много знаю, но ни во что не верю. И еще потому что я гэбэшная сука, генетически не способная ни понять, ни тем более – поддержать его. Но это, как ты понимаешь, старая песня.

– Ты говоришь, он на днях встречается с Путиным? Между ними – вообще существуют какие-то отношения? Ну, ведь не первый раз они видятся? И вообще...

– Сейчас трудно сказать. Ты же слышала про равноудаление, и вроде он придерживается этого правила. Но Лемеху поначалу, мне казалось, он симпатизировал. Приезжал к нам в гимназию. Хвалил. Брал Леонида с собой в поездки, тот рассказывал потом, что сажал неизменно в первый, свой салон, в то время как некоторые министры довольствовались вторым. Но что и там было и как, ты ж понимаешь, я не знаю. Леня – великий мастер мистификаций. И манипуляций тоже. Сколько раз просил Мишку звонить по АТС-1, кода у нас какие-то люди: «Извините, премьер». «Извините, из-за стенки». Он и АТС Мишке пробил исключительно ради этого – чтобы в нужный момент зазвонил нужный телефон. Словом, туман. Потом начались какие-то финансовые, вернее, налоговые проблемы. Тут я, честное слово, не понимаю. Мы не ангелы. Но то, что делаем мы, делают все. Почему начали с Лемеха?

– И что ты думаешь – почему? Не могла же ты не думать на эту тему.
– Ну, разумеется, – голова пухнет. Знаешь, я полагаю, что вся эта история чистой воды политика. Не рванули бы у Леонида его политические амбиции, никто бы и не обратил внимания на его налоговые грешки. И вот еще... Он довольно долго не был в Америке, ну сентябрь, понятно. Потом Ирак.

У меня сложилось впечатление, что про него все забыли, даже Стив, который звонил и писал постоянно. И тогда этот идиот решил напомнить о себе сам.

В Кремле устроили какое-то олигархическое собрание на предмет борьбы с коррупцией, насколько я понимаю. Позвали олигархов. Присутствует президент, разумеется. Все выступают в классических канонах о том, что коррупция – злейшее зло в России, хуже дураков и дорог, а вернее, и дураки и дороги тоже от нее, от коррупции, потому что воруют, когда строят, и воруют, когда учат. В таком духе. По сценарию. Разумеется, пресса.

И вот доходит очередь до Лемеха, и он начинает нести такой бред. То есть – по существу – он говорит все правильно, но, во-первых, это правильное все и так знают, а во-вторых, выводы, которые он делает из этого «правильного», – чистой воды провокация и – в сущности – призыв к той самой смене системы государственного управления, о которой мы говорили. То есть сначала он говорит о взятках, о том, кто, кому, когда, сколько – называет имена министров, заместителей, губернаторов, еще каких-то чиновников из высших эшелонов власти, сдает с потрохами коллег – потому что рассказывает, как те дают.

И вдруг, как по команде, смягчает тон и произносит примирительно и многозначительно: «Казалось бы, после таких заявлений каждого второго в этом зале надо брать в наручники...»

Президент, буквально с каменным лицом, никогда не видела его таким, даже когда случались какие-то катастрофы, парирует ему. Первый раз, кстати, за всю речь:

– Ну, уж это не вам решать, кого брать в наручники и за что.

– Разумеется, – видно было, что Лемех напуган до смерти, но пытается сохранить лицо, – решать вам. Но наша страна, увы, имеет печальный опыт подобных акций. А все возвращается на круги своя. Неужто нет другого пути?

И... как ты понимаешь... начинает излагать ту самую концепцию парламентской республики. Народ в зале – сидящий так в кружочек, как сейчас у них модно, – в ярости. Его не то что слушать бы не стали, его просто вышвырнули бы за порог, если бы не президент. Он-то как раз слушает, и очень внимательно.

И постепенно, как мне кажется, даже смягчается. По крайней мере, когда Лемех закончил, он довольно мягко попенял ему, что, дескать, такие проекты надо готовить и предлагать в соответствующем формате. И что-то даже про то, что готов рассмотреть и встретится отдельно. Потом, правда, уже с металлом в голосе – про то, что вопросы коррупции и налоговых недоимок довольно остро стоят и в холдинге «Лемех», и если уж каяться прилюдно, то надо бы начинать с себя. Ну, на этом, собственно, все и кончилось.

Леонид выходил из зала, как прокаженный, – руки ему не подал никто. Кроме президента, когда прощался со всеми. И этим же вечером объявился Стив. По телефону, разумеется. Причем звонил мне и умолял приехать в Америку. Вместе с Леонидом. Причем едва ли не ближайшим рейсом. Я сказала, что никуда не поеду, а Леня как хочет. Ну, вот он и захотел – улетел. А я вытащила из сейфа программу и пошла куда глаза глядят. К тебе. Потому что не к кому больше. Папины друзья давно уж покойники, детей их я не знаю. А делать что-то надо. Потому что – смотри: Дума лемеховская процентов на шестьдесят. Совет федерации – он говорит, и того больше. Если он протащит эту программу и станет премьером, и мировое сообщество его поддержит, то можешь считать, что нет больше такой страны – Россия.

– Ну, мать, это ты перегнула. Что ж он с ней сделает, с Россией?

– В том же сейфе, из которого я вытащила этот проект, лежат соглашения о переуступке пользования и совместном использовании, и еще что-то в этом духе – большинства нефтяных месторождений. То же – с Газпромом. Про предлагаемых партнеров ничего сказать не могу – не знаю, ничего не говорят мне названия каких-то корпораций и консорциумов.

– Но погоди, большинство нефтяных компаний, ну кроме Газпрома разве – частные структуры. Как премьер-министр – даже сам президент – может заставить их отдать свое каким-то безвестным корпорациям?

– А знаешь, сколько компромата на каждого из владельцев этих компаний, на детей, жен, прочих близких родственников? А счета у них – и, значит, основные капиталы – в каких банках? А серьезная недвижимость? И все это вместе называется – ры-ча-ги. Рычаги влияния. Так что можешь не сомневаться, возражающих будет немного, и с ними договорятся.

– Ну, хорошо, а народ?

– Кто? Хорошо это у покойного Филатова: «Там собрался у ворот этот, как его? – народ». А что народ? В жизни народа ничего не изменится. Ровным счетом ничего. Ну, спроси у своего массажиста сейчас, важно ему, кому принадлежит нефтяная компания «Лемех-груп», мне или какой-нибудь другой даме? И он тебе скажет – если будет, конечно, честен,

что ему глубоко безразлично, чью – извини – задницу массировать. Мою или какой-нибудь дебилой теткой из Южного Техаса. Повизжит – безусловно, наша славная интеллигенция, но кто же ее, убогую, когда слушал. Часть прикупят – и они завизжат прямо противоположное. Часть – припугнут, припомнят юношеское стукачество и доносы более зрелого возраста, половые излишества с лицами, не достигшими половой зрелости, незамеченный будто бы плагиат. Часть – оставят, как есть, визжащими – дабы у мирового сообщества сложилось впечатление плюрализма мнений и свободы слова. Впрочем, мировому сообществу в этом конкретном случае гораздо важнее будет наличие дешевого собственного топлива. И за это – за теплый камелек у рождественской елки – оно, прогрессивное мировое сообщество, с радостью забудет, что была на свете такая страна – Россия.

– И что же делать? Поднимать прессу? Сейчас не те времена, половина не поверит, другая половина побежит советоваться к хозяевам, а хозяйва – как я понимаю – заседали за тем самым круглым столом. Им такие утечки ни к чему.

– Нет, никакой прессы. Завтра с тобой встретим Лемеха, я покаюсь, скажу, что дура баба, не видела действительной и полной картины мира, а ты разъяснила мне кое-что, и очень вдохновилась планами, и готова помогать. И все это будет очень достоверно и удачно, потому что Лемех действительно очень уважает тебя как политического журналиста и политтехнолога и говорит, с твоим уходом с телевидения не стало серьезной политической аналитики. Словом – Лемех будет рад, в этом я уверена абсолютно.

– Ну, допустим. А потом?

– Потом он идет на встречу с президентом. А оттуда – я уверена – выйдет или в наручниках, или в смиренной рубашке. Потому что такое нельзя спускать с рук безнаказанно.

– А если не выйдет, мало ли какие у президента соображения? И потом – вдруг на него действительно надавят из Вашингтона?

– Ну, не надо. Не убивай во мне последнюю надежду. Ну, посмотри – на него разве можно давить? Я вот, знаешь, я однажды спросила себя – чем мне симпатичен Путин? То есть не просто симпатичен, а кажется лучшим из всех бывших наших правителей. И не смогла ответить сразу. Но потом нашла ответ. Понимаешь, я человек очень совестливый, мне часто бывает стыдно не за себя. Ну, чтобы долго не объяснять – один пример. Мы с мамой возвращались откуда-то с юга, в купе, как водится, четыре человека – мама, я, какая-то незнакомая толстая женщина и молодой моряк. Ночь, укладываемся спать, и толстуха на нижней полке

немедленно начинает храпеть. Да так громко! Долго ворочается мама – не может заснуть, морячок тоже, чувствуется, засыпает не сразу, но потом все они засыпают. А я нет. И вовсе не потому, что мне мешает храп. Мне стыдно. Стыдно до слез за эту храпящую чужую тетку, понимаешь? – Теоретически – да. Хотя я совсем из другого теста. А главное, я пока не улавливаю связи между Путиным и храпящей теткой.

– Сейчас объясню. Вот смотри, я родилась при Хрущеве, понятное дело – помнить его не могла, но задним числом все эти истории с ботинками, кукурузой, бульдозерами вызывали у меня стыд. Потом Брежнев. Особенно поздний. Мучительно стыдно за все эти его ордена, «большие земли» и «сосиски сраные», потом Андропов – облавы в магазинах, показательные расправы с брежневской элитой, самоубийство Щелоковых – стыдно, потом Черненко – просто ходячий шамкающий труп, потом Горби – вечное вранье, ни одного прямого ответа, трусость в Форосе, потом Ельцин – ну, тут куда ни кинь – от моста до оркестра. И Путин. И я вспоминаю все его годы и понимаю, что ни разу мне не было стыдно, что он глава моей страны. Не согласна я с ним была, и не раз, злилась, раздражалась, смеялась – но стыдно не было. Ни разу.

– А «тырить», «мочить в сортире»?

– Так он говорит так, как говорит народ. Может, не литературно. Но метко. Газ у нас действительно не воровали, а тырили. Гадов надо мочить, где придется. Придется в сортире, значит, там. Смысл в том, что нет такой точки на земле, где их бы не замочили. И замочили же.

– Лиза, не знаю, как Путин, но ты говоришь как омоновец на зачистке.

– А я, некоторым образом, и есть – он.

– Ладно, боец Лемех, представим все же, что он выйдет из Кремля живой и невредимый. И совершенно свободный. Тогда...

– Тогда у меня остался папин наградной «вальтер».

– Вот и приехали: две голые бабы, в дорогом элитном спра, решают замочить одного из самых богатых людей России. Спасения ее, России, ради.

– Выходит, что так, – Лиза смотрит на меня без улыбки. – Если больше некому.

Некоторое время Стив занят был переездом и обустройством своего нового офиса в NDI. Потом долгими пространными разговорами с тамошним руководством о том, чем – собственно – будет заниматься мистер Гарднер. Нет, все были просто в восторге и, безусловно, отдавали себя отчет в том, как им всем повезло в том, что мистер Гарднер будет теперь работать в NDI, но непонятно, ради какого собственного научного или педагогического подвига мистер Гарднер прибыл в институт, и в этой связи – какое подразделение осчастливить его присутствием.

В итоге – после звонка Мадлен, как полагал Стив, хотя напрямую об этом никто не говорил, – его оставили в покое, взяв только обещание хоть иногда, изредка, когда группа будет очень-очень интересной и перспективной, прочесть пару лекций по планированию избирательных компаний. И Стив, разумеется, обещал. Потом оказалась, что зарплата Стива в NDI как-то непропорционально высока, но с этим Стив спорить не собирался, потом выяснилось, что Госдеп каким-то загадочным образом недоплатил ему приличную сумму за те поездки в «горячие точки», в которых он сопровождал Мадлен, словом, на Стива вдруг свалились довольно приличные деньги, и он решил поехать, покататься по Европе, добравшись даже, возможно, до России, чтобы неспешно оглядеться и подумать о будущем.

О тех папках, которые еще никто не использовал всерьез, а о существование некоторых было и вовсе известно всего троим людям, но двое из них – Стив и Мадлен были теперь не у дел, Дон переместился в команду ребят, к которым тяготел всегда, – он возглавил специальную аналитическую структуру ЦРУ.

Словом, Стив предполагал дописать, переписать и написать заново несколько сценариев, но сделать это уже по возвращении, напивавшись свежими впечатлениями, проветрив мозги и душу.

Все это было так и не так одновременно, потому что уже седьмой год в спальне Стива, в сумеречном уютном углу, который первым он видел, просыпаясь, висела большая фотография красивой рыжеволосой женщины, с тонким, слегка нервным лицом и беспокойным взглядом карих глаз. Фотограф-профессионал с Манхэттена, который делал этот портрет из обычной фотографии, вытасченной Стивом из досье Лемеха, сумел многое. Фотография стала портретом, и нервная, живая художественная Лизинога лица будто обрела ту самую подвижность, которая в жизни придавала ей особенную прелесть.

И только одного фотограф сделать не смог: на портрете глаза Лизветы казались темными, в то время как в жизни Стив сходил с ума от их густой, глубокой каризны, напоминающей редкий коричневый янтарь или крепкий свежесваренный чай, поверхность которого кажется покрытой тонкой, едва заметной золотистой пленкой. Но даже за эту работу Стив был безмерно благодарен мастеру. И даже приучил себя засыпать на том боку и в той позе, чтобы утром, открыв глаза, – первым делом увидеть ее, Лизу.

За долгие годы работы он настолько привык анализировать любую ситуацию, что и в этом случае рассчитал все до мельчайших деталей и подробностей. Расчеты были мучительными для него, никогда в свои тридцать восемь лет, вынося вердикт, он не страдал так сильно. Он понимал, что Лиза совершенно холодна и безразлична к Лемеху, и даже более того, склонялся к мысли, что в определенный момент она оставит его, наплевав на состояние и социальный статус.

Он был почти уверен, что она уйдет, не забрав и булавки, но это ничего не меняло в тех отношениях, которые могли, а вернее – не могли – сложиться между ними. Сильная, независимая, упрямая, бесстрашная, целенаправленная, порой отчаянная и безрассудная, Лизавета могла принять и полюбить мужчину, обладающего теми же качествами, но во сто крат превосходящими ее собственные.

Этот союз, безусловно, был бы обречен на тяжелое существование в состоянии постоянного эмоционального накала, противостояния и борьбы за лидерство, но это был бы по-настоящему счастливый союз. Все остальное было бы всего лишь суррогатом ее долгого брака с Лемехом и не имело ни малейшего смысла – в мире нашлось бы не так много мужчин, способных обеспечить Лизу всем тем, что мог себе позволить Лемех. Кроме того, общаясь с Лизой и пытаясь понять ее как можно лучше – потому что и ей, несмотря на любовь кукольника, отведено было место в коллекции трехмерных человеческих образцов, Стив понял, что мировоззренческие установки Лизаветы не только в отличие, но и в противовес лемеховским, крайне устойчивы и основываются на глубоком русском патриотизме.

Он покопался в документах и понял истоки этой идеологической крепости – отец Лизаветы был крупным советским дипломатом, послом Советского Союза в нескольких европейских странах, и понятно было, что основы воспитания девочки были заложены основательно, а главное, показательно – в детстве она наблюдала исключительно положительные аспекты советского строя. Критическое осмысление, которое, возможно, пришло позже, уже не могло изменить общего настроения. Никогда

и ничего. Таков был вердикт, и Стив принял его как данность, как принимал любое свое заключение, уверенный в его абсолютной точности. Да, это было больно. Но живут же люди, страдающие от вечной физической боли и увечий, но не только как-то приспособляются к ним, но и умудряются наполнить жизнь неким содержанием, которое помогает им держаться на поверхности. Сможет и он.

Стив пока не собирался жениться, но в перспективе не исключал такой возможности, не исключал из жизни общения с женщинами, периодически встречаясь и проводя время с несколькими подругами. Тем не менее путешествовать он собирался в одиночестве.

Другое – исключалось категорически, хотя одной из подруг, по возвращении, ему, похоже, пришлось бы недосчитаться. Девочке очень хотелось в Европу, и еще больше хотелось в Европу, со Стивом.

С Кондолизой Райс со дня памятного ужина он встречался лишь однажды. Они попили чаю в кондитерской, которую она, похоже, облюбовала для неформальных встреч по формальным обстоятельствам. Она была, как всегда, немногословна, улыбчива и любезна, но, покидая кондитерскую, Стив ощутил в сердце острый укол тоски по Мадлен, однако быстро все расставил по местам, разъяснив себе, что такая дружба случается в лучшем случае раз в жизни, а в рамках сугубо делового партнерства, о котором шла речь, Конди была безупречна.

Она объяснила Стиву – в сущности цитируя одну из его папок, что главным направлением администрации в ближайшее время будет Ближний Восток, и в частности Ирак, специалист по которому класса Стива работает в аппарате госсекретаря. Поэтому в ближайшее время часто беспокоить его не будут.

Что же касается России, Госдеп и она лично рассчитывают исключительно на Стива. Потому, пошутила она, для связи она может использовать газеты или интернет, любое заметное событие в России будет означать его немедленное приглашение для работы.

Из вежливости, а скорее даже, чтобы дать ей возможность спокойно допить чай и расправиться с пирожным, Стив спросил, достаточно ли информации для принятия решения по Ираку. Конди, похоже, не поняла его, поскольку слишком увлечена была собственными мыслями на эту тему. Она оторвалась от пирожного и взглянула на Стива с симпатией: – Вы тоже полагаете, что мы обязаны прийти туда и навести порядок? Стив решил не портить настроение госсекретарю, к тому же – от его мнения в этой ситуации ничего, слава богу, не зависело. При этом, отвечая, что называется, оставил дверь приоткрытой.

– Я полагаю – вполне, если для этого есть достаточно оснований.

– Основания? Мы располагаем убедительными доказательствами, что у режима Хусейна в наличии 8500 л питательной среды, содержащей бактерии сибирской язвы. Помимо этого, Ирак обладает запасом в 100–500 тонн химических отравляющих веществ. Этого количества достаточно для начинки 16 тысяч боевых снарядов. Что касается иного запрещенного согласно резолюции ООН вооружения, то иракские ракеты класса «Аль-Самуд» и «Аль-Фатах» обладают дальностью полета, большей разрешенных ООН 150 километров. Я могла бы продолжать, но тогда вам придется выслушать целый доклад. Впрочем, мы не намерены ничего утаивать, и вся информация будет в разумных пределах поступать в прессу. Этого она могла и не говорить. К тому же, произнося расхожую фразу, случайно или сознательно упустила одно-единственное слово, которое Стив Гарднер знал слишком хорошо, потому что восемь без малого лет занимался тем, что определял разумные пределы содержания той информации, которую Госдеп регулярно передавал прессе.

Дома в почтовом ящике его ожидала целая кипа ярких проспектов туристических компаний, которые он добросовестно обзвонил на минувшей неделе. И Стив уже предвкушал приятный вечер у телевизора с бокалом красного калифорнийского, посвященный любимому, так или иначе, занятию – изучению, анализу, прогнозу и принятию на их основе единственно правильного решения. Со стены на него грустно и, как всегда, немного взвинченно взглянула Лиза.

– А к вам я приеду в конце сентября. Будет уже холодно. Да? Но это ничего, ты ведь все равно почти не ходишь пешком, а какая разница, что за погода на улице, если мы немного покатаемся на твоей машине? – спросил Стив.

И только теперь заметил моргающий на мониторе конвертик пришедшего электронного письма. Лиза почти никогда не писала ему и не звонила, но каждый раз пришедшее письмо и звонок телефона заставляли испуганно и радостно сжаться сердце. А вдруг? Разумеется, это была психосоматика чистой воды, логическому анализу она не подчинялась категорически. Он вздрогнул и теперь, и, рассыпая проспекты, поспешил к компьютеру.

Письмо было не от Лизы. Но это было в высшей степени удивительное письмо – потому что отправителем его значился mr. Энтони Паттерсон. Хотя писал – как следовало из текста – кто-то из помощников или секретарей большого Тони.

«Дорогой мистер Гарднер, мистер Паттерсон был бы крайне признателен Вам если бы вы ознакомились с прилагаемым документом. И по возможности высказали свои соображения насчет серьезности описанных

ниже намерений и степени их влияния мировой рынок нефтепродуктов. Всего наилучшего...»

Похоже, большой Тони с кем-то меня спутал. С кем-то из нефтяных экспертов, которых, надо полагать, побывало на его яхте не один десяток. И все, наверное, ловили дораду. Тони даже причмокнул, вспомнив аромат рыбы, поджаренной на бамбуковых палочках, и открыл файл приложения:

«19 мая 2001 года в Багдаде открылась секция защиты сирийских интересов в Ираке, на которой в числе прочего будет рассмотрена информация о планах строительства «стратегической железной дороги Тегеран–Багдад–Дамаск с выходом к Средиземному морю».

Сирия реализует планы возобновления транспортировки иракской нефти через свою территорию с дальним прицелом. По некоторым данным, Сирия уже в ближайшее время начнет испытывать острую нехватку собственного жидкого углеводородного сырья. Между тем доходы от нефти (около 3–3,5 млрд долл. в год, по неофициальным данным) играют ключевую роль в поддержании сирийской экономики, особенно в финансировании оборонных статей бюджета и закупок военной техники и вооружений за рубежом. Из-за падения и резких колебаний мировых цен на нефть в текущем году многие экономические и оборонные программы Дамаска оказываются под угрозой срыва.

В этой ситуации Сирия активизирует экономические контакты с Ираком, в том числе и по вопросу прокачки иракской нефти, доходы от которой могут ориентировочно составить до 400 млн долл. в год. В 1997–1998 гг. были подписаны контракты на прокладку новой нитки нефтепроводов по линии Киркук–Баньяс, возобновление старой, а также строительство нового нефтеперерабатывающего завода в Баньясе, что, по расчетам сирийских экономистов, должно существенно пополнить доходную часть бюджета.

В ноябре 2000 г. Б. Асад принял решение возобновить прокачку нефти по действующему нефтепроводу Киркук–Баньяс (500 миль), через который ежедневно пропускается около 150 тыс. баррелей нефти. После завершения ремонта мощность указанного нефтепровода составит 800 тыс. баррелей в день.

Для проблемной сирийской экономики это чрезвычайно важно. Сирия покупает нефть у Ирака по цене 10–15 долларов за баррель, перерабатывает ее и экспортирует продукты переработки наряду со своей нефтью по существующим мировым ценам. Транспортировка значительного количества иракской нефти через территорию Сирии осуществляется в обход санкций СБ ООН.

От поставок своей нефти в Сирию Багдад может получать около 2 млн долларов в день.

Да, что ж тут комментировать? Стив был удивлен дважды – и скоростью, и аппетитами сирийцев и иракцев. И тем, что большой Тони запросил комментариев.

Что ж тут комментировать – еще одна огромная брешь в нашей и европейской экономике. Иными словами – баррель с уже критических для нас 35 долларов легко подскочит до 50 долларов. А это сейчас для Буша будет швах. Причем очень большой швах. И что уж тут говорить о серьезности последствий? Большой Бен, как сказала сегодня Кондолиза, мог и сам прочесть мне лекцию на эту тему. Если бы захотел. Разумеется, Стив написал вежливый ответ, потом – подумав – на всякий случай переслал письмо с вложением Мадлен, и только потом, наконец, откупорил бутылочку красного калифорнийского и, устроившись у телевизора, взялся за проспекты.

Через пару часов он уже знал, что летит в Париж завтра. Ему был известен номер рейса и, разумеется, время отлета, а также отель в Париже, где его будет ждать одноместный номер с окнами на Сену. Из Парижа он летел прямо в Москву – полбутылки красного калифорнийского сделали свое дело.

И про этот перелет тоже все было известно, и про отель в Москве, – на всякий случай, – Стив был уверен, что найдет кров под крышей одного из домов Лемеха. И он был почти счастлив. Калифорнийское закончилось как нельзя более кстати, иначе парижский рейс мог бы отмениться вовсе. Но бутылка была пуста, Стив умеренно пьян и настолько еще разумен, что, аккуратно разобрав постель, улегся спать, не забыв пожелать Лизе спокойной ночи.

Разумеется, Лиза просчитала все филигранно. И я не то, чтобы сомневалась в ее расчетах и знании Лемеха – двадцать лет совместной жизни легким жестом не сбросишь со счетов. Это гиря пудовая, она давит на плечи, но она же – таит в себе огромный массив знаний, из которого – если на плечах хорошая голова – в нужную минуту можно извлечь одноединственное, важное и необходимое именно сегодня.

Она все сделала именно так – и так, по ее, все и вышло. Лемех не просто обрадовался мне, он впал в эйфорию и с криком: «Ну все, теперь мы точно победим!» – долго кружил меня по комнате. Потом посерьезнел.

Усадил в кресло напротив – но близко, и постоянно, случайно вроде, коротко и слабо дотрагивался руками – до колена, до руки, до плеча... Старый прием – уж не знаю, научили его всему этому американские консультанты или – как я – прочел когда-то в глянцевом журнале. Но тискал основательно. Я терпела.

– Ситуация сложная. Я встречался с помощником президента по национальной безопасности, госсекретарем, людьми из СНБ. Ситуация у них патовая. Понятно, что война в Ираке была опасной авантюрой. Но авантюры – даже опасные – порой оборачиваются успехом. Тем, кстати, и живут авантюристы. Эта не обернулась. И они завязли. Прогнозы по нефти – он произнес слово как заправский нефтяник, с ударением на последнем слове. И я чуть было не усмехнулась – давно ли ты, душенька, профессионал этого нефтяного дела – самые радикальные. При определенном стечении обстоятельств уже к середине этого века – до сотки за баррель. Ну, и газ, разумеется, без которого Европа просто замерзнет. Поверь – никто не хочет нам зла. Ни у кого в голове нет бредовых мыслей – захватить, поработить, подчинить Россию. Есть единственное понятное и – согласись – справедливое желание стабилизировать ситуацию в этой области, до четкого, почти математического понимания – в этом году мы имеем столько-то и платим за это столько, в следующем – тоже, если возникают новые обстоятельства – они разрешаются в ходе переговоров. И главное. Нефть это нефть. Газ это газ. Это бизнес, и он никогда – ни при каких обстоятельствах – не должен превращаться в оружие политического шантажа.

– А превращается?

– А ты не знаешь? Пойми. Мир принял его с симпатией. Закрыли глаза на все – на гэбэшное прошлое, на то, что за спиной – пустота.

– То есть?

– Времена одиноких монархов прошли. Сегодня лидер государства может функционировать спокойно и уверенно только в том случае, если за его спиной надежно поддерживающий его крупный бизнес, сильные политические структуры, силовики, наконец, армия, хотя это, разумеется, не лучший и совсем не демократический вариант, его любят средства массовой информации.

– Ну, эту любовь вполне в состоянии обеспечить крупный бизнес.

– Молодец! Это я уже пошел на второй круг.

– И – главное – он принят и понят лидерами мирового сообщества, понятно, что мы имеем в виду США. Так вот – ничего этого за ним не стояло. И на это закрыли глаза. И пустили за стол – как ровню. И целых три-четыре года честно пытались договориться. Порой – манкируя собственными интересами, переступая через собственное «я» – если хочешь. Речь-то идет о руководителе сверхдержавы.

– Ты о Буше?

– Ну, разумеется. Тщетно.

– Погоди, я последние годы – как ты знаешь – была довольно далека от политики. И вообще – вашего олигархического мира.

– Да. – Лемех картинно закрывает глаза, собирает морщины у переносицы, цепляет их двумя пальцами правой руки – словом, демонстрирует собственную вину, справедливость моего упрека и раскаяние. Потом сползает с кресла, встает на колени и обнимает меня, пытаюсь прижать к себе как можно крепче. Чтобы я почувствовала уж наверняка – теперь эта добрая раскаявшаяся сила – со мной. Вернее – за мной, и если надо – встанет во всей своей богатырской мощи, отстаивать мои интересы. Такая аллегория. – Прости. После гибели Кирилла мы – впрочем, «мы» пусть объясняются сами – я повел себя, как последняя свинья. Грязь. Прости. Прости, пожалуйста, если сможешь.

– Успокойся, Леня и встань, мне трудно говорить – ты зажал мне рот. Никакая ты не свинья. Ничего ты не должен ни мне, ни Кириллу. Это жизнь, и она развивается по своим законам, чем выше социумы, тем более они замкнуты. Бывшим – женам, вдовам... да кому бы то ни было с меткой «бывший» – там делать нечего. И это правильно, человек может существовать и чувствовать себя комфортно только в своем социуме. Скажу тебе больше – не уверена, что мы не поступили бы так же, случись что с тобой. Тьфу, тьфу, тьфу, разумеется... – я стучу по подлокотнику кресла и попутно замечаю всплеск откровенного страха в глазах Лемеха. Ну, это понятно. Умирать страшно всем.

Он быстро возвращается в кресло, но до конца еще не вышел из роли, мнет переносицу, отрицательно мотает головой: ты не права, нет, не права. Мы люди.

– Ладно, оставим полемику о высоком. Говоря о том, что выпала из оборота, я имела в виду только то, что не очень понимаю, что такого сделал Путин за эти три года, что терпению сверхдержавы пришел конец?

– Ну, то есть как не понимаешь? Это же на поверхности. Это каждый день и вокруг нас. В воздухе ощутимо сгущается диктатура – неужели ты этого не ощущаешь?

– Откровенно говоря, нет.

– Это потому, что ты действительно выпала из жизни. Замкнулась – прости, повторю, это я виноват – в своем горе. Но открой глаза? Демократия – та самая, которую ты собственными руками строила в России, потому что я теперь говорю – твои политические программы...

– Ладо, Леня. Оставим мои личные заслуги. Я хочу услышать примеры сворачивания демократии.

– Да свобода слова, прежде всего! Все телевизионные каналы принадлежат госструктурам и говорят то, что велят из Кремля. Давление на правозащитные организации, давление на Грузию, Украину – по поводу этих спорных территорий. Постоянный газовый шантаж. В международном плане – упрямство на Балканах, требование платить за транссибирские рейсы из Европы в Азию, отказ вывести войска из Приднестровья и Южной Осетии, Сербия, отказ допустить западные компании к российским газопроводам... Слушай, я сейчас говорю несколько сумбурно и бессистемно, прости. Но уже завтра у тебя будет полный аналитический материал по каждому пункту, в котором Путин не желает идти на уступки и провоцирует Запад.

– Лучше информационный.

– Что, прости?

– Я не люблю чужую аналитику, предпочитаю информацию в чистом виде.

– Хорошо, ты получишь все, что тебе надо.

– Но, собственно, и так многое понятно – Запад недоволен Путиным, Путин несговорчив, а главная проблема сегодня – когда, как ты утверждаешь, баррель достигнет сотни.

– И перевалит, вот увидишь!

– То есть главная претензия к Путину – это отказ допустить западные компании к нашей трубе.

– Ну, не только, там есть еще целый ряд дальневосточных и северных проектов, в которых участвуют, и заметь – весьма существенными инвестициями – крупные западные компании. Сегодня их откровенно вытесняют из бизнеса. Обычным, нашим, бандитским образом – пожарники, налоговики, санэпидстанция.

- Я что-то читала про серьезные экологические проблемы?
- Правильно. Читала. И смотрела по телевидению. И миллионы людей – вместе с тобой. Так ведь я это и начал – пресса несвободна. Независимой прессы в стране больше нет. Ты, журналист с именем, – понимаешь, что это значит?
- Понимать, безусловно, понимаю, но...
- Что – но?
- Ладно, Леня. Я так понимаю, что если наше сотрудничество сложится, говорить нам еще придется долго и много о чем. Сейчас – моя задача, как я ее понимаю, подготовить тебя к встрече с президентом. Ты, кстати, получил подтверждение, она состоится?
- Да. Хотя я тоже сомневался, особенно после моей поездки в США. Эта встреча состоится.
- Кстати, о поездке. Мне нужны основные вехи и идеи, которые ты озвучивал, потому что все это, разумеется, уже известно Путину. И просчитать его реакцию, полагаю, необходимо.
- Да какая у него может быть реакция – ярость. Только ярость.
- Леня, так имеет ли смысл встречаться с человеком, находящимся в ярости?
- Знаешь старый анекдот? Хохлушка вышла замуж за узбека, и тот учит ее уму-разуму. Если я возвращаюсь с работы и тюбетейка у меня на правом ухе – настроение хорошее, подарки тебе дарить буду, любить буду. А если – на левом, лучше на глаза мне не попадайся. Я злой и опасный. Она ему и отвечает: так вот запомни и ты, если возвращаешься с работы, а у меня руки скрещены на груди, я в хорошем настроении – ждет тебя борщ, галушки и моя горячая любовь. А если видишь, что руки уперла в бока – так и знай, что мне по хую, на каком ухе твоя тюбетейка. Вот и я сейчас как та хохлушка. Мне – по хую, в ярости они или нет, потому что за моей спиной все то, о чем я тебе говорил выше – финансы, политическое влияние, Дума, которая почти в кармане, гарантированная поддержка сверхдержавы.
- Не хватает только армии и спецслужб.
- Да. Этого нет. Хотя моя служба безопасности работает во сто крат профессиональнее всей нынешней Лубянки. И знаешь почему? Потому что лучшие кадры оттуда, которые господа радикальные демократы в революционном пылу вышвырнули на улицу, работают теперь на меня. Да и НАТО, знаешь, не за горами.
- То есть в Америке тебе обещали поддержку, вплоть до вмешательства НАТО?
- Практически – да.

- Это сильно. И все же о тех обещаниях, которые ты дал в США.
- Ну, во-первых, совершенно сумасшедшая по своему размаху и смыслу сделка – утилизация ядерного оружия (включая переработку оружейного плутония). Они уже сегодня готовы выложить за это 50–60 миллиардов долларов.
- Всего ядерного оружия?
- Всего ядерного оружия России, разумеется.
- Но зачем?
- А зачем тебе ядерное оружие? Вот лично тебе оно зачем? Ты ведь должна понимать, что в начале XXI века никто, пребывая в здравом уме и ясной памяти, не развяжет ядерную войну. А если и развяжет – то никак не против России. Это же аксиома. Дальше – нефтянка. Много нефтянки – блокирующий пакет «Лемеха», к примеру, готов приобрести Chevron примерно за 6–7 миллиардов долларов. Неплохо так уйти из бизнеса, как полагаешь? Я полагаю – очень неплохо. И о товарище позаботился. Лиза! Кстати, я с момента прилета не видел и не слышал Михаила. Это что еще за фокусы? Он же у нас давно не пьет, не предается никаким вольностям, словом, ведет абсолютно здоровый образ жизни, который предполагает хорошую память и свежую голову ежедневно. Лиза появилась в дверном проеме, невозмутимая, бесстрастная.
- Он улетел в Израиль.
- Давно?
- Как только ты улетел в Штаты.
- И что, в Израиле теперь образовались проблемы со связью – я что-то пропустил?
- Нет. Связь в полном порядке. Но мобильные у него выключены. А дома, в Герцеле, его нет.
- А жена?
- Которая из них? Лариса здесь, надо полагать, – на очередном богомолье. Так что до нее не дозвониться, да и нет у нее теперь мобильного телефона. Бесовское это.
- Ты знаешь, да, – обращается ко мне Лемех, – Мишкина жена вдруг истоиво ударилась в религию, и муж-иудей не помеха.
- Муж-иудей завел себе новую жену, с которой и отбыл в Землю обетованную. Ее координатами – уж извини – не располагаю.
- Да извиняю, извиняю, – Лемех снова обращается ко мне, – она, говорят, девушка фартовая, такая, знаешь «Сонька золотая ручка», то ли из Тамбова, то ли из Саратова.
- Но независимо от этого – в федеральном розыске. Мне, между прочим, пришлось на эту тему общаться со следователем – так же бес-

страстно сообщает Лиза. – Вы, кстати, не проголодались? Или, может, кофе сварить.

– Ты как? – обращается ко мне Лемех.

– Я кофе, если можно.

– И я. А пообедать съездим куда-нибудь попозже. Вот только закончим с государственными делами.

После ухода Лизы он некоторое время молчит, а потом без особых эмоций констатирует:

– Сбежал Мишка. Ну, да это прогнозировалось. Он всегда был трусом. Хотя иногда – полезным трусом. Ну ладно. Идем дальше. Нефтянка. Те самые проекты, о которых я уже говорил, разумеется, возвращаются в исходное состояние – я имею в виду по составу участников, их долей и прав. Дальше. Европейская энергетическая хартия, разумеется.

– Это что – если коротко, признаюсь, не владею проблемой.

– Это поощрение инвестиций в энергетику, соблюдение государственного суверенитета над природными ресурсами, а также следование правилам трех фундаментальных свобод – свободы доступа к энергетическим рынкам, свободы транзита энергоресурсов и свободы движения капиталов, связанных с инвестированием в энергетику. То есть хартия гарантирует западным инвесторам право участвовать в освоении российских нефтегазовых месторождений, а независимым производителям газа – равный с Газпромом доступ к проходящим по территории России магистральным трубопроводам.

– И сколько мы на этом теряем?

– Порядка десяти миллиардов долларов год.

– И зачем нам такая радость?

– Эта радость – называется интеграцией в мировую экономику. И без нее мы просто не можем двигаться дальше.

– Ясно. И все это ты завтра намереваешься сказать Путину?

– Все это он знает лучше меня. Завтра я намереваюсь сделать ему предложение, от которого он не сможет отказаться. Все будет просто и буднично. Я предложу президенту внести изменения в российскую конституцию. Россия должна стать парламентской демократией, в которой я займу пост премьер-министра, а Путин будет играть престижную, но во многом парадную роль спикера. И все. И это будет спасением для России и единственным, в сущности, путем позитивного продвижения вперед. Потому что только в таком виде и со мной – после тех обязательств, которые я дал в Вашингтоне – в качестве премьера, она будет полностью, справедливо и на равных правах интегрирована в мировое сообщество. Другого пути нет.

– И все?

– Ну, да. А, понимаю, Лизавета все же не удержалась. Но ты понимаешь, насколько это конфиденциально. И небезопасно. Разумеется, идя на этот шаг добровольно, Путин должен получить некие компенсации. Помимо номинальной должности и государственной дачи. Полагаю, сумма в 15 миллиардов долларов в этой связи будет и уместна и достаточна.

– И ты полагаешь, что он возьмет?

– Послушай, что ты думаешь, кто такой Путин?

– Президент России.

– Ну разумеется. Это сейчас и целых четыре года. А до того? Маленький, серый полковник. Служака, намертво встроенный в систему, которая делала винтиками и не таких людей. Непубличный, закрытый, закомплексованный – от этого невозможно уйти, это профессиональное да психофизическое – ты посмотри на его походку, на руки, на мимику. Беликов – человек в футляре, для которого еще совсем недавно счастье – это кружка пива и новая кофточка синтетического трикотажа с люрексом у жены. Бледная тень – при ярком харизматичном Собчаке, «засланный казачок», по мнению многих. Объект для шуточек бойкой дочурки. Мне Ксюша рассказывала. Звонок. Путин: Ксения, можно – папу. Ксения: Папа, там Вова Путин звонит – пьяный в хлам. Путин: Анатолий Сергеевич, я не пьяный... Потом случилось чудо. Злое. Вариация на тему «Крошки Цахеса». Да. Чудеса еще случаются, как видишь. Его научили ходить, одеваться, говорить.

– Он часто говорит от себя.

– Да, ладно... Ну допустим. Обтесался. Но сущность осталась, и этой сущности некомфортно в этой новой оболочке. Ну, заставь тебя сейчас носить юбку с кринолином – уютно тебе будет? Вот. И ему неудобно. А я предлагаю выход. Красивый. Достойный. И для него, и для страны. И, главное для него, – на всю оставшуюся жизнь, а не жалкие четыре года, которые он, может, продержится в Кремле. А потом жизнь. Свободная, не связанная никакими обязательствами. В любой точке земного шара. С хорошим историческим реноме, между прочим. И парой строчек в учебниках истории. И мраморным бюстом на Новодевичьем, когда время придет. Что? Много ты знаешь людей, которые откажутся от такого?

– Нет, не много, – отвечаю я, подумав.

– Но знаешь?

Я молчу. Потому что думаю, предложи мне такое... Не знаю. Правда, не знаю.

2001 ГОД

ПАРИЖ

Париж был как Париж. Иногда редкая способность Стива представлять заранее, что и как сложится, где, чем обернется и прочая, прочая... начинала ему досаждать. И не важно было, чему посвящен сценарий – судьбе средней европейской державы или ближайшим каникулам в Калифорнии, он сбывался с точностью до цвета шляпки первой леди той самой державы и протекающего крана в мотеле в Калифорнии. И в этом не было никакого чуда – а только один доведенный до совершенства анализ информации, подобранной правильно и скрупулезно. И с Парижем – все было так же.

И в первый вечер он – как и должно было случиться – напился до чертиков с двумя веселыми девчонками из Нормандии, приехавшими развеяться не на глазах своих довилльских и трувилльских тетюшек, и до утра кувыркался с обеими в своем номере, окнами на Сену. Под утро девчонки умчались на вокзал – их ждали Довилль с Трувилем и, видимо, работа – то ли горничными в отеле, то ли официантками в тамошних рыбных тавернах – и сто долларов, доставшиеся каждой, возможно, сделали эту поездку незабываемой.

Стив долго боролся с желанием – пойти прогуляться по утреннему Парижу, позавтракать в уличном кафе горячими рассыпчатыми круассанами или поспать несколько часов. И разумеется, выбрал последнее.

Засыпая в комке смятого постельного белья, он удивленно подумал: странно, они пользуются одинаковыми духами, или одна – не пользуется вовсе. Что вряд ли – такие девицы всегда пользуются духами. Причем именно такими, какими теперь благоухала его постель. Но даже этот пронзительный сладкий аромат не помешал ему заснуть мгновенно, как только голова коснулась подушки.

Разбудил его телефонный звонок и спросонок, в гостиничной, пропахшей чужими духами кровати, в чужом городе, чужой стране он все равно первым делом подумал: «Лиза? А вдруг?» – и только потом снял трубку.

И чуть было не уронил ее из непослушной вялой руки, потому что на том конце провода действительно была она, Лиза.

– Стив, я не знаю, что сказать. И вообще что говорят в таких случаях... Но это ужасно. Это какой-то оживший кошмар...

– Что у вас случилось Лиза? – он уже окончательно проснулся, но понимал пока только одно: у нее случилось что-то ужасное. И она звонит ему. И – как ни странно – ко всем прочим чувствам: тревоги, испуга, жалости – примешивалась радость. Впрочем, недолгая.

– У нас? Ты что, ничего еще не знаешь? Стив! В Нью-Йорке взорвали Близнецов и что-то еще, и все горит. Там такой ужас.

– Взрыв ядерный? – Копящаяся годами тревога и ожидание ядерной катастрофы внезапно вырвались наружу.

– Ядерный? Нет, насколько я знаю, это были самолеты, которые угнали шахиды. А вообще – толком еще никто ничего не знает. Я здесь в Москве смотрю CNN – у них такая путаница и сутолока... У тебя рядом есть телевизор?

– Что? Телевизор. Конечно. Прости, Лиза, я сейчас должен сам во всем разобраться. Я позвоню еще.

– Конечно. Держись. Помни – мы всегда тебя ждем в Москве.

– Но теперь, наверное, я уже не приеду.

– Я понимаю.

Ему показалось, или в голосе ее промелькнули нотки грусти? Черт бы побрал этот проклятый взрыв. Черт бы побрал эту чертову политику. Черт бы побрал этот сумасшедший мир. Из-за них он, возможно, только что пропустил самое главное. В Вашингтон он добрался на перекладных и только сутки спустя.

В электронной почте, среди вороха писем, первым открыл письмо от Мадлен. «Очень хочу ошибиться. Но все это может кончиться ужасно». О чем это она? Он взглянул на дату: 10 сентября 2001 года.

Ну, разумеется, 10-го он отправил ей копию того странного документа, который прислал большой Тони. Стив открыл письмо Паттерсона: «Соображения насчет серьезности описанных ниже намерений». Вероятно, я схожу с ума. Потому что этого не может быть, потому что не может быть никогда, но – черт возьми – речь здесь идет не о нефти. И Мадлен поняла это. «...все это может кончиться ужасно».

– Я не верю, – сказал он Мадлен, когда через несколько часов они встретились и пошли гулять по Джорджтауну.

– Милый мой, вера – категория эмоциональная. Нам надлежит говорить об убежденности, но убежденность требует полного объема достоверной информации, а мы им не располагаем. И вряд ли когда-нибудь сможем заполучить. Потому – вернее и честнее – будет сказать: у меня нет убежденности, что весь этот ужас задумал и исполнил кто-то иной, кроме Усама бен Ладена. Вот так.

– Да. У меня нет и не может быть такой убежденности.

– Знаешь – Джорджтаун становится у меня местом грустных прогулок и невеселых размышлений.

– Почему?

– Много лет назад, когда мы с Джо принимали трудное решение о разводе, чтобы не выяснять отношения дома, мы шли сюда. И гуляли подол-

гу. И однажды моя подруга заметила с плохо скрываемой завистью: «Я видела, как вы гуляете по вечерам вдвоем. Как это мило. Как бы я хотела так же гулять со своим мужем». Я промолчала и только подумал про себя: «Так – не хотела бы».

– Я давно хотел спросить вас об этом, Мадлен, но не уверен, имею ли на это право?

– Нет ли связи между моей карьерой и разводом? Я не люблю этот вопрос и почти никогда не отвечаю на него. Когда одна из активисток дамского клуба попросила меня выступить на тему: как связаны были моя карьера и мой развод, я отказала ей так резко, как вообще редко позволяю себе говорить с людьми. Но тебе я отвечу. Есть. Я никогда не смогла бы подняться так высоко, если бы была замужем. А ты? Почему ты до сих пор не женат?

– Не знаю. Я не ставлю перед собой такой цели, а случайно это пока не складывается.

– Но у тебя есть девушка?

– Я вас не очень разочарую, если скажу – девушки?

– И ты никого не любишь?

– Люблю.

– А она?

– Нет.

– Думаю, для тебя это покажется слабым утешением, но таких историй в мире гораздо больше, чем представляется на первый взгляд.

– Я знаю, мэм.

– Кстати, готовься к большой работе на Конди.

– Разве сейчас? Сейчас они будут воевать с Саддамом, хотя, полагаю, им, также как и нам, понятно, что блицкрига не будет.

– Именно потому они возьмутся за Россию. Путин молод, некрепко стоит на ногах, они предпримут несколько попыток приручить, прикормить, потом – возможно – запугать его. И понадобится ты. Вернее – твой сценарий.

– А помните, я написал не так давно, кстати? Мы организовали поставку оружия и создали на территории Пакистана тренировочные базы участников Афганского сопротивления, моджахедов. Незапланированные последствия создания этих баз, которых на протяжении следующего десятилетия становилось все больше, будут ощущаться в будущем.

– Очень хорошо помню и уже думала об этом сегодня утром, но сегодня об этом лучше забыть.

– Если бы это было возможно.

– Невозможно. Но промолчать можно всегда.

Вечером в электронной почте его ожидало еще одно письмо-сюрприз, подписанное Энтони Паттерсоном. Никаких вложений. И никаких приветственных слов. Это наверняка писал сам большой Тони. Только одно слово: «ПСИХИ», набранное крупным шрифтом.

– Я понял, – ответил Стив мерцающему монитору компьютера.

И, закрыв файл письма, открыл в собственных документах одноименный.

2003 ГОД
МОСКВА

Тот, кто уравнивал однажды ожидание и погоню, очевидно, мало был знаком и с тем, и с другим процессом и сказал красивую фразу исключительно ради оригинальной красоты. Не более. Те, кому доводилось заниматься и тем и другим, меня поймут.

Они разнятся уже по природе, потому что погоня – всегда действие, притом сопряжено с напряжением, душевным и телесным, бешеным током крови, отчаянным – на грани возможного – биением сердца, лошадиным выбросом адреналина, который бодрит и оживляет, швыряет вперед, спиралью скручивает мышцы и, отпустив внезапно, заставляет творить невозможное. Погоня – это жизнь на предельных оборотах. Но – жизнь.

Ожидание – всегда маленькая смерть. Мучительное или не очень, но занимающее время и душу, отвлекающее от всех прочих мыслей и дел, заполняющее собою все – сознание, волю, память. Вытесняющее любые иные желания, кроме желания дожидаться кого-то или чего-то. А еще оно убивает время – не сразу, а постепенно, будто вводя в поток времени какой-то хитрый препарат из тех, какими пользуются анестезиологи, усыпляя больного на операционном столе – и время сначала просто замедляет ход, потом начинает ползти совершенно черепашьям ходом, потом едва передвигает стрелки, наконец, останавливается вовсе. Но этого никто не замечает, ибо все заняты ожиданием, подчинены и послушны только ему, глядят на замершие стрелки и корят себя за то, что слишком часто смотрят на часы. Вот так – подчиняясь ему, ожиданию, – жизнь постепенно замирает. И наступает маленькая смерть.

И мы были полумертвы с Лизаветой, почти одни в глухом сосновом лесу – если не считать десятков двух охраны, но охрана – как сказал однажды мой хороший приятель, знающий толк в охранном деле – легким движением руки превращается в конвой. И мы с Лизаветой знали эту нехитрую истину, и мужества она нам не добавляла. И время не шло.

И мы даже не пытались понять, сколько уже миновало минут или часов – по солнцу на небе, по густой тени сосновых крон, которая неспешно смещалась по поляне, отчего изумрудный, залитый солнцем газон казался пятнистым.

Два просторных плетеных кресла вынесли нам из дома и поставили на газоне, и кофейный столик с чашками и кофейником, который мы просили периодически менять, и телефонную трубку, разумеется, не одну – из дома, из домика охраны, мобильный Лизаветин и совершенно бесполез-

ный, но в общем ряду – мой, еще сигареты и пепельницу. И все. Мы довольствовались этим, только понятия не имели – как долго. А еще ожидание – как-то незаметно и хитро – украло у нас наши обычные разговоры. И сейчас мы говорили исключительно об одном и том же. С некоторыми интервалами и сменой ролей, в том смысле, что одни и те же фразы мы повторяли по очереди. Сейчас, похоже, была Лизветина очередь:

– Нет, но выпустить его оттуда на волю... они же не идиоты. Он предложит взятку президенту страны.

– А доказательство – не с собой же он повез все эти пятнадцать миллиардов?

– А разговор? Неужели, ты думаешь, они не будут записывать все на пленку?

– В кабинете президента?

– Ну, я не знаю. Но скажи мне бога ради – разве можно после такого отпускать человека на волю? Он же без всяких денег устроит государственный переворот. Они что, этого там не понимают?

– А эмиграция – может, они отпустят его в эмиграцию? Он же говорил, что Госдеп обещал ему всяческую поддержку.

– Я никуда не поеду.

– А тебя никто и не зовет.

– И он не поедет, слишком далеко уже зашел, вроде уже примерил на башку шапку Мономаха, и что-то там, в мозгах, сдвинулось. Он ведь искренне верит, что один может спасти Россию.

– Я так не думаю. Это поза. А он всегда был позером. Вот что он действительно думает, так это то, что он гений и рано или поздно переиграет всех. И здесь, и там. И все сделает по-своему. Потому что нет вокруг никого достойнее его для российского престола.

– Но это значит – он псих?

– Ну, это надо будет устанавливать медицински. Представляешь, что начнется, если они упекут его в психушку.

– Ну, есть другие страны – Швейцария, к примеру, он может выехать на обследование...

– Ну да, добровольно... Не псих ли я, ребята?

– Но я не хочу больше его видеть! – вдруг срывается на крик Лиза. – Не хочу. Никогда не хочу.

Это был уже сороковой, если не пятидесятый круг – одного и того же разговора, разбавленного кофе, сигаретами, молчанием и отдельными ничего не значащими репликами, вроде: не принести ли тебе свитер из дома? Я даже не пытаюсь ее успокаивать, потому что через несколько секунд она затихнет, закурит и обязательно извинится. Впрочем, не успеет – от дома легко и пружинисто идет Лемех. И что-то, кажется, напевает

– Кто? – спрашивает меня Лиза, пока Лемех еще далеко, как будто сама не видит, кто к нам идет.

– Ну, здравствуйте, дамы, – я не могу уловить настроения Лемеха, он взвинчен, возбужден, но чем вызвано это состояние – радостью или отчаянием, понять невозможно. – Кресла для меня, понятное дело, не приготовили.

– Садись со мной, – предлагает Лизавета.

– Да ладно, я по-простому. На травку.

Он растягивается на траве, и я только тут замечаю, что он в джинсах и легкой замшевой куртке, поверх рубашки с расстегнутым воротом.

– Ты к президенту ходил в таком виде?

– А что, собственно? Сегодня суббота. Не в смысле шабада, у нас президент православный. А в смысле неформального общения. Без галстуков. Модный теперь формат.

– Что? – спрашивает Лиза, и Лемех хорошо понимает, что в этой одной фразе – все. И отвечает так же:

– Все.

– Он отказал тебе?

– А как ты думаешь?

– Я уверена в том, что отказал.

– Ах ты прелесть моя советская, дорогая ты моя посольская девочка. Можешь мысленно расцеловать своего папочку-дипломата в гробу, потому что они – одной породы. Люди без фантазии, без полета, без творчества, без перспектив и вкуса к жизни.

– Зато у них есть Родина. И честь.

– Где? – Лемех пружинисто срывается с места, нависает на Лизой так близко, что мне становится не по себе, – где она, эта Родина? Ты оторви задницу-то от итальянского кресла, прокатись километров за сорок отсюда – оглянься по сторонам. А лучше – на вокзал, помнишь еще – что это такое? А оттуда – электричкой по родным полям и весям. Ты народу в глаза загляни. Людям. Если встретишь людей. А этого я тебе обещать не могу, потому что народ давно превратился в скотину. Спившуюся, ленивую, тупую скотину, насосавшуюся дешевым пивом, независимо от пола и возраста.

– А ты, значит, вернул бы их к жизни?

– Нет. Но и он не вернет, и никто не вернет. А деньги, ресурсы, последнее, что у нас осталось, – потратит. На Родину. Потому что за душой – как и говорил – ничего больше нет, и за спиной – нет, и в кармане – пусто. Остается только Родина.

– И тем не менее, денег твоих он не взял.

– Не взял.

– Леня, – я допускаю, что не услышу правды, но не спросить не могу, – а что он ответил тебе, когда ты изложил свою концепцию и предложил... компенсировать уход?

– Ответил очень вежливо, тихо, в своем обычном стиле. Ручонки так сложил перед собой на столе: «Я уже слышал, Леонид Аркадьевич, о вашей теории государственного переустройства России. Скажу откровенно – я с ней не согласен. Но я обещал вам, и я готов внести проект на рассмотрение Государственной думы в установленном законом порядке. Что же касается всего прочего... Знаете, я мог бы сейчас... словом, вы понимаете. История вышла бы, кстати, не столько ужасная, хотя если вдуматься – это ужасно... Это на краю какой же пропасти мы все оказались, если крупнейший предприниматель страны предлагает президенту страны взятку? Но история – повторюсь – вышла бы довольно смешной. И вы бы оказались посмешищем не только в России, но и во всем мире. Не думаю, что кто-то – после такого – захотел бы иметь с вами дело. Но я не намерен давать ход этой истории. И вот что я вам скажу на прощание, Леонид Аркадьевич, потому что видеть вас больше я, признаться, не имею ни малейшего желания. Согласно одному восточному учению, люди делятся на четыре категории: творцы, пахари, купцы и воины. Так вот, я – воин».

И все. Аудиенция была окончена.

– Руки он тебе, конечно не подал.

– Могу тебя осчастливить, радость моя коммунистическая – не подал. Так я и не тянулся.

– А книжка? – в руках у Лемеха, когда он подошел к нам, был небольшой томик в плотной обложке – похоже на что-то мемуарное. В полемике он оставил его на траве.

– Книжка... Это он остановил меня уже у двери. Случайно оказалась под рукой. «Дочка прочла, понравилось, дала посмотреть. Воспоминания какой-то великой княжны, родственницы последнего царя. Я вот открыл наугад... Как раз о праве власти на отречение. Возьмите, дарю. Может, найдете и для себя что-то интересное».

– Прочел?

– Не было печали...

Мы с Лизаветой одновременно хватаем книжку. Раскрываем заложенный листок. Склоняемся, касаясь головами:

«Голос командира: «Полк смирно, палаши вон!» – тонет в зычном реве конногвардейцев, которые приветствуют государя в подманежнике.

Потом – внезапно – все стихает. Звенящая тишина... Двери распахиваются. И вот он, в конногвардейской форме, в сопровождении брата великого князя Михаила Александровича.

В тот же миг в ложу вошла императрица, улыбнулась слабо, натянуто, будто сама того не желая. Мне было все равно – горло перехватил спазм восторженных рыданий. Я обожала его, и ей – осененной радостью этого обожания – готова была простить все: холодную неживую улыбку, испуганные – навек застывшие – светлые глаза. Если бы знать.

Какой – к слову – был тогда год? Девяносто седьмой, наверное, – еще живы рара, тамап, еще все мы живем в Павловске – вместе, счастливо, не отдавая себе отчет в том, что это так. Но ведь счастье только тогда и бывает по-настоящему полным, когда оно безоглядно. И ты не думаешь о том, что счастлив. А стоит задуматься – приходят тревожные мысли: все может кончиться скоро. Или не скоро, но кончится неизбежно.

Выходит, с той поры прошло не так уж много – всего-то двадцать лет. Не срок для истории, для России и уж – тем более – для любви. Но как все изменилось. Эти трое... При виде которых тогда в манеже у меня, десятилетней, восторженно перехватило дыхание. Я, маленькая девочка, – подумать только! – ради каждого готова была немедленно умереть. Что это – патриотизм? Вера? Любовь?

В ответ – два предательства. Одно за одним – отречения. Отреклись. Слово-то какое: оскорбительное, подлое, безысходное...

Отреклись, отвернулись, оставили один на один с обезумевшей чернью. О первом не могу ни думать, ни писать – так больно. И до сих пор не укладывается в голове. Самодержец всея Руси отрекся от данной Богом власти из-за того, что в столице недостаток хлеба и на улицах беспорядки. Изменил петроградский гарнизон? Ах ты, Боженька, какая напасть! А армия числом пятнадцать миллионов? Еще готовые развернуться штыки? А люди, простые русские – не горстка злобствующей интеллигенции, не семья, погрязшая в распрях и разврате, – народ, для которого он – все, помазанник Божий на земле.

Я помню Саров. Мне было тринадцать. Паломничество в Тамбовскую губернию, к мощам старца Серафима. В тот год Синод решил наконец канонизировать святого. Я видела Ники в окружении огромной толпы паломников – они обожали его. Такому невозможно научить, тем паче – приказать, такое чувство не воссияет в глазах корысти ради. Да что там Саров... Солдаты в манеже, крестьяне – по пояс в воде, когда он на пароходе движется по Волге. Только чтобы оказаться ближе. Всех предать, от всего отречься...

Потому и «Милашку», с его вечными истерическими влюбленностями, сужу не так строго. Ему десятой доли не досталось такой любви. Хотя теперь кажется: он бы смог. Даже когда все уже летело под откос. Смог бы развернуть эту самую сотню штыков. Подхватить стержень, который выпал из тонких, нервных рук старшего брата.

Не Романовы отрекались, отдавая Россию на попроение, – уходило последнее, что могло удержать, сплотить те самые штыки, – идея, тысячу лет скреплявшая Русь. Не идеология – вера. Как в Бога, которого никто – прости, Господи! – никогда не видел. В царя, который – спору нет – живой, обычный человек, не чуждый слабостей и ошибок. Но царь! Сквозь судьбу Михаила – по рождению, по воле Божьей – проходил этот стержень. Согласись он тогда – все могло обернуться иначе. Говорят, он думал. О чем, Господи? Вспоминал первую, безумную страсть к Дине, фрейлине великой княгини Ольги Александровны, лишившейся должности из-за внезапной привязанности великого князя? Тогда все обошлось. Железной рукой вдовствующая императрица Мария Федоровна удержала сына в узде.

В августе 1906-го вышло иначе. Наталья Шереметьевская, дочь присяжного поверенного из Москвы, разведенная жена купца Мамонтова, вторым браком – на беду – оказалась за поручиком синих кирасиров Вульффертом. Командиром лейб-эскадрона его полка был великий князь Михаил. И закрутилось. Бежали из России, скрываясь, кочевали по Европе. Тайно венчались в Вене. Второй – по очереди – наследник престола, женатый на разведенной и неравномерной, по закону навеки утратил право престолонаследования. И, тем не менее, отрекаясь, за себя и за сына, Ники указал на него, Михаила. Впрочем, чему ж удивляться? Простил еще раньше, и титулом неравномерную супругу удостоил – графиня Барсова. То было время послаблений и попустительства. Романовы подавали пример. Да что там пример – гирлянду самых отвратительных и показательных одновременно примеров. Он думал. Говорят, несколько часов. Кажется, я уже писала об этом...

Как странно, именно в эти часы, когда решалась судьба России – едва не сбылось древнее пророчество. Впрочем, почему едва? Именно что сбылось. Сказано было: как только воцарится на Руси царь Михаил – русские возьмут Константинополь. Позже, уже в Крыму мы узнали: те несколько часов, что «Милашка» размышлял, войска генерала Юденича стояли у ворот Стамбула. Победа была близка. Однако ж время побед – похоже – закончилось для России».

– Да, прямо как в детстве – погадал на книге. И видишь, просто ответ, оттуда, из 17-го.

– Чур, я первая читаю, хотя я уже читала ее когда-то. Несколько лет назад, – заявляет Лиза.

– Ты бы лучше с мужем поговорила.

– А где он?

Лемех действительно словно растворился в легких, слабо-лиловых сумерках.

– Переодеваться пошел. Или пить. Ладно, пойду проведу.

Лиза уходит, я с книгой устраиваюсь в кресле. Буквы уже различаются с трудом, но идти в дом желания нету. Вот позовет Лиза, или выйдет сама. Но все складывается иначе – тишину соснового леса разрывает отчаянный женский крик. Кричит Лиза. Сначала: «Леня, Леня! Что с тобой?!» Потом – «Врача! Скорее!» Скорее, кажется, не бывает: машина реанимации, откуда-то отсюда, с Рублевки, появляется у дома уже через пятнадцать минут. Проходит еще минут сорок.

Лиза спускается по лестнице, ведущей из дома, доктор пытается поддержать ее под руку, но она отстраняется, идет сама, твердо, прямо держит спину.

– Он знал, что у него аневризма. Это такое болезненное расширение и истончение артерии в мозгу, – говорит она мне. – Он собирался делать операцию. Все решал – в Швейцарии или Израиле. В принципе, она его не беспокоила.

– В принципе, она мало кого беспокоит, она сразу рвется и убивает, – профессионально комментирует доктор.

– А отчего, например? – интересуется Лиза.

– Да отчего угодно. Любое напряжение и усиление кровотока. Один тенор в Большом умер на сцене – взял высокую ноту, и все. Да просто – накричал на кого-то. Или давление слегка поднялось. Спортом позанимался. Нагнулся слишком резко.

– Или потянулся слишком высоко.

– Да. Тоже вполне возможно, – согласно кивает головой доктор. – Не беспокойтесь мы его сейчас заберем, все сделаем. Все.

Проходит еще несколько минут. Яркие всполохи мигалки на крыше «скорой» разрывают густой полумрак совсем уж сгустившихся сумерек.

– Ну вот, даже теперь – с мигалкой, и никак иначе, – говорит Лиза. И тут же привычно добавляет. – Извини.

Вой сирены еще какое-то время будоражит тишину окрестностей. А потом наступает тишина.

Мадлен звала его на Рождество, но он представил себя в кругу ее дочерей, зятьев и внуков, и понял, что будет чувствовать себя инородным телом. Приятным, желанным, симпатичным – но инородным. Это состояние Стив ощущал очень остро и очень его не любил. Он бы уехал к родителям, в Калифорнию. Или опять закатиться в Европу, но оттуда – он знал – его немедленно и неумолимо потянет в Россию, а в том единственном разговоре, который случился у них с Лизой на похоронах Лемеха, она просила его больше никогда не появляться в ее жизни.

Тогда, в 2003-м он прилетел на похороны едва ли не официально – то есть формально просто как друг Леонида, но это было не то что санкционировано – больше – об этом попросила его Кондолиза Райс.

С той памятной встречи в кондитерской они не виделись больше и – встретившись снова все там же, за тем же столом, она немедленно заговорила о том, что, если в его жизни ничего не изменилось, все договоренности остаются в силе. Его услуги по-прежнему остро необходимы, но время его работы настанет несколько позже. Сейчас – вы понимаете...

Она развела руками и невольно будто бы указала на молодого парня в военной форме, сидящего за соседним столиком. И они рассмеялись – случайному символизму этого жеста и тому, что поняли друг друга без слов. Стив почувствовал, что она испытывает некоторую неловкость, и дело тут было не в нем. Возможно – а скорее всего, даже вероятно, у них были какие-то договоренности с Мадлен, по крайней мере, уже пару раз, жестко сжимая губы, что говорило о крайней степени ее раздражения, Мадлен говорила о Стиву о том, что в такие дни Госдеп не имеет права на такую роскошь – манкировать услугами специалиста его уровня. И оба раза Стив вяло отмахивался, напоминая, что он не специалист по Востоку.

– При чем здесь Восток? – возмущалась Мадлен. – Они не прекращают – и правильно делают – работу в России, хотя то обстоятельство, что все силы и внимание отданы Саддаму, сыграло с ними злую шутку. Путин заматерел и подрос, вокруг него сложилось кольцо единомышленников, и это отнюдь не только кремлевские лизоблюды. Он становится все уверенней, а уверенность преображает его на глазах. Неужели ты не видишь этого?

– Разумеется, вижу. И многое другое.

– Тем более. Ты необходим сейчас.

– Вопрос, насколько мне это сейчас необходимо?

- Что такое?
- Ничего принципиального. Скорее – личное.
- Та женщина?
- Давайте не будем об этом, Мадлен.
- Конечно, дорогой, как скажешь. И прости, если сделала тебе больно. Но кое-что я обязана тебе сказать. Помнишь, ты спрашивал меня о моем разводе? И я ответила тебе честно, как могла бы ответить только нескольким людям в своей жизни.
- Спасибо, Мадлен.
- Теперь я скажу тебе еще кое-что из серии очень личного, но это будет не про Джо. Не удивляйся, это будет про Россию. Ты знаешь, какую роль в моей судьбе сыграла эта страна. Казалось бы – грех жаловаться, я достигла вершин политической власти, я побывала замужем за одним из самых замечательных мужчин, я родила и воспитала прекрасных детей и внуков, пора забыть то зло, которое причинила мне и моей семье эта страна. Возможно, я и смогла бы. Но дело в том, что эта страна – такова уж ее историческая миссия – всегда будет противиться процессам либерализации. У русских есть хороший поэт – Александр Блок, а у него замечательная поэма «Скифы», найди и прочти, она стоит того. Смысл – понятен из названия, русские никогда не были и никогда станут европейцами, он назвал их «скифами» и, может, был не так уж далек от истины, но дело не в терминологии – дело в том, что какие бы правильные слова они ни говорили, каких бы либеральных лидеров ни демонстрировали миру – они никогда не примут наши ценности и никогда не будут следовать им. Есть высшая несправедливость, о которой я говорю постоянно – именно им, огромной, дикой, скифской стране, достались такая территория и такие природные богатства, они одни владеют такими землями, как Сибирь. Когда они слабы – они не опасны. Но глубоко ошибался адмирал Канарис, утверждая, что Россия – колосс на глиняных ногах, он дорого поплатился за свое заблуждения, Гитлер повесил его. Россия колосс, который иногда – в силу объективных исторических причин – оказывается на коленях. Но когда она поднимается с колен – это страшный, жестокий и непримиримый враг. Поэтому – лучше всегда поддерживать ситуацию, когда она не может подняться с колен. В начале 90-х всем казалось, что мы одержали окончательную победу, но я и тогда говорила, что это эйфорическое чувство триумфа приведет нас к излишней самоуспокоенности и опасному уклонению Америки от исполнения ее обязанностей в мировом сообществе.
- «Любопытно было бы узнать, кто возложил на нас эти самые обязанности», – подумал Стив, разумеется, про себя. И еще о том, что надо

быть терпимее к слабостям друзей. Гневная речь Мадлен, обвиняющей Россию, уже порядком поднадоела и начинала раздражать, вдобавок он слышал ее много раз. Это был известный всему Вашингтону «пунктик» Мадлен.

«Странно, что она никогда не посмотрела на эту проблему с другой стороны – что случилось бы с ее еврейской семьей, если бы победили немцы», – подумал однажды Стив, но быстро упрятал эту мысль в самый дальний уголок сознания, как весьма крамольную и даже опасную. Но как бы там ни было, Мадлен наверняка говорила с Кондолизой о нем, а вернее, о его теперешней невестребованности, и теперь Кондолиза испытывала чувство неловкости и даже, изменяя своей привычке буравить собеседника взглядом, отводила в сторону свои большие темные глаза.

– Послушайте, мисс Райс, все в полном порядке, – Стив даже положил руку поверх руки госсекретаря США, затянутой в тонкую коричневую лайку.

– Зовите меня Конди, – она поняла, о чем он, и благодарно улыбнулась.

– Так я должен слетать, похоронить Лемеха в Москве?

– Мы подумали, а почему – нет? Вы были хорошо знакомы.

– Мы были приятелями. Я жил у него дома.

– Тем более. И вы теперь почти частное лицо. Все нормально.

– Абсолютно. Но что вы хотите от этой поездки?

– Того же, что обычно хотят от вас, Стив. Анализа и прогноза, основанного на личном и близком наблюдении.

– Кстати, Конди, у меня еще не было случая задать вам этот вопрос, а он важен.

– Моя вина, – теперь она хлопнула его по руке своей, затянутой в коричневую перчатку. – Задавайте.

– Если бы Лемех остался жив?

– Полагаю, продолжал бы жить, как и прежде, разумеется, как и все теперешние олигархи, – платил бы налоги и выполнял те поручения президента Путина, которые тот раздает направо и налево – стал бы, к примеру, губернатором экономически отсталого региона и посредством – уж не знаю чего – то ли собственных вложений, то ли собственного таланта – вывел его в передовые. Или выкупил у какого-нибудь музея царские ценности, проданные большевиками. Или занялся бы оснащением школ компьютерами.

– Я не о том, Конди.

– О его программе переустройства России?

– О проекте в целом.

– Он не прошел бы, даже в Думе, купленной Лемехом едва ли вполтину. Хотя, полагаю, Путин сдержал бы слово. И внес документы.

– А мы?

– Что – мы?

– Мы оказали бы ему поддержку?

– Каким образом?

– Хотя бы на уровне рекомендации Путину – рассмотреть и подумать.

– Ну, во-первых, должна вас огорчить, времена, когда Билл мог звонить и советовать Ельцину – канули в Лету. Мы не советуем Путину. Просто – не можем. Скажем так – такая практика не сложилась. Но после того как Лемех вылетел в Москву, я звонила Путину. Это было почти протокольное – он завтракал с президентом и выступал перед Конгрессом. Я должна была это сделать.

– И?

– Я сказала, что предложение Лемеха показалось нам чересчур авантюрным и мы считаем необходимым поставить в известность об этом президента России.

– И что ответил он?

– Что в России много интересных людей с интересными идеями.

– Что ж, поеду, пожалуй, взгляну на этих людей повнимательнее, вдруг окажется действительно что-то интересное. – Стив отщутился не без труда, собрав волю в кулак и сжав зубы, стараясь скрыть то, что почувствовал в этот момент. Ничего хорошего. И даже больше. Выходило, они просто сдали Леонида, но дело было даже не в этом. Это политика. Это почти норма. Хуже было другое – они даже не поставили в известность его, Стива. Человека, который придумал Лемеха от и до. И мало ли еще какие сценарии были увязаны с этим. Стив был в бешенстве, одновременно он готов был разрыдаться.

Слава богу, допивая свой чай, она ничего этого не заметила и только отозвалась на шутку.

– Согласитесь, – хотя так говорить, безусловно, нехорошо – но случай предоставляется очень удобный.

– Да уж. Лучше не придумаешь. Договорились. Я поеду с удовольствием. Конечно, он хотел ехать. Он рвался. Он мечтать не мог о такой удаче.

– Народных волнений, как видите, не случилось, – посол США в Москве принимал Стива более чем радушно, уделял времени, пожалуй, несколько больше, чем хотелось бы Стиву.

Но его появление предвещал звонок Кондолизы Райс, и с этим ничего уже нельзя было поделать.

– Ну, народ, насколько я знаю, не жалуется олигархов. Откуда бы взяться волнениям?

– Да, но он умер спустя полтора часа после того, как пообщался с президентом Путиным.

– Да, понимаю. Из этого можно было бы испечь симпатичный пирожок.

– Не сложилось. Вы там, в Вашингтоне, по-прежнему видите идиллическую картину: либеральная общественность – против полковника КГБ. На самом деле ситуация никогда не была именно такой. Хотя первое время в адрес Путина сыпались колкости.

– А потом?

– Потом ситуация стала меняться. Не радикально. Он вообще не терпит радикализма. Педант, аккуратист, очень осторожный человек, живущий по известной русской поговорке: семь раз отмерь – один отрежь, он все делает неспешно, но удивительно последовательно. И так, последовательно, он начал устанавливать контроль над компаниями с государственным участием – а это огромный сегмент рынка, – расставляя там своих людей, Затем последовали силовые структуры – и снова тихие пристойные назначения, ни скандалов, ни показательных порок, как это любил Ельцин. Кстати, о Ельцине: он тихо, но твердо – как говорит, да, собственно, и делает все – дал понять Семье, что неприкасаемых, кроме ближайших родственников Бориса Николаевича, нет. Один за другим ключевые посты покинули семейные ставленники. Он повел довольно открытый разговор с крупным бизнесом, который здесь именуют олигархами, и прямо объявил правила игры, которые, насколько я понимаю, устроили всех. Не все и не сразу поверили, что договоренности будут соблюдаться, вернее – как прежде – при личном контакте можно будет оговорить для себя отдельные послабления. Но он вдобавок огласил принцип «равноудаления» бизнеса от власти. И номер – как принято говорить у русских – не прошел. Некоторых экспериментаторов предметно и показательно выпороли на Красной площади. Остальные все поняли сами. Разумеется, все это не прошло незамеченным – но должен заметить, что к усилиям государственного телевидения, едва ли не на добровольных началах присоединили свои голоса СМИ, принадлежащие олигархам.

– Иными словами....

– Рейтинг его растет довольно динамично. Кстати, его политконсультанты в качестве одного из приемов выбрали принцип отмежевания – «я не такой». Вместо дряхлого, нетрезвого, импульсивного Ельцина – молодой подтянутый спокойный человек. Они начали это, кстати, уже в новогоднюю ночь. Здесь принято: перед наступлением нового года президент поздравляет народ. Ельцин обычно делал это из своего кабинета, украшенного небольшой елочкой. Путин – первый из кремлевских лидеров – вышел на улицу. Понятно, что снимали это заранее – но было очень эффектно. Ночь, кремлевская стена, корпуса Кремля, падает снег – он в легком пальто, без шапки... Мелочи, но...

– Да, я понимаю. Красиво. Правильно.

– И вот такого красивого и правильного вокруг него сейчас делается очень много. И результат – налицо. Я готов уже сейчас назвать приблизительные цифры его победы в 2004-м.

– Полагаю, они совпадут с теми, которые сейчас вертятся в моей голове. На похороны Лемеха Стива отправился сопровождать шеф протокола посольства. Веселый и разговорчивый, он провел в Москве уже двенадцать лет, оставаясь и при республиканцах, и при демократах.

– Кажется, про меня просто забыли в Госдепе, как про одного лакея в пьесе Чехова.

– Думаю, в Госдепе просто ценят твое знание московской публики.

– Здесь говорят – «тусовки».

– Ну, так вот, ты как свои пять пальцев знаешь тусовку, тусовка знает тебя и обожает, потому что ты приглашаешь на всякие статусные мероприятия.

– Ты полагаешь, меня больше не за что обожать?

– Полагаю – есть, но мы еще слишком мало знакомы.

– Отлично, тогда сегодня вечером я поведу тебя ужинать в один сумасшедший московский дом.

– Разве по-русски не принято после похорон ехать в дом покойника...

– Да, принято, принято – это называется поминки. И теперь это обычно проходит в каком-нибудь ресторане. В данном случае совершенно точно. Ехать туда уже совсем не обязательно.

– Но я хочу.

– Хорошо, поедем, а потом я повезу тебя в московские гости...

Лемеха хоронили на Ваганьковском кладбище. Шеф протокола объяснил Стиву, что это одно из самых престижных московских кладбищ, уступающее только Новодевичьему, но после дикой выходки Лемеха на совещании у президента шансы его быть похороненным на Новодевичьем были равны нулю.

Стива покорила эта кладбищенская иерархия, и он отчего-то вспомнил Мадлен с ее скифами, но в этот момент появилась Лиза – слегка побледневшая и осунувшаяся, но такая же, как обычно, – с высоко поднятой головой и прямой спиной. Она была в черном костюме, но без шляпы и черного платка на голове, как у всех женщин. Стив не понял, что это значит и значит ли вообще что-либо, он ринулся к Лизе, хотя многоопытный спутник не советовал ему этого делать именно сейчас, потому что «затопчут» – пояснил он, но Стив его не слышал.

Его действительно оттеснили от Лизы, вернее, так и не позволили подойти к ней, толпа подхватила ее и повела по центральной аллее кладбища к тому месту, где уже была готова могила. Народу прибывало, его оттеснили еще дальше, и он уж больше не видел Лизу и собственно сам процесс погребения. Только гроб на открытом катафалке, который медленно проехал сквозь расступившуюся толпу, и мельком – бледное, неузнаваемое лицо человека, утопающее в цветах. Он не был похож на Лемеха. Ничуть. Но Стив знал – смерть неузнаваемо меняет людей...

Потом он слышал отрывки речей, и шеф протокола, если узнавал говорящего, а он узнавал почти всех, – давал короткие пояснения. Как понял Стив, из членов правительства присутствовал только один министр, который якобы просто дружил с Леонидом. Но представители крупного бизнеса, несмотря на недавний демарш Лемеха, были почти все. «Что это? – подумал Стив, – корпоративная солидарность? Понимание, что на его месте в любую минуту может оказаться каждый из них? Или молчаливый демарш – фига в кармане, продемонстрированная президенту Путину?» Это требовало осмысления. Его спутник настроен был более философски: – У русских вообще особое отношение к смерти. Более возвышенное, что ли. Церемония, судя по всему, близилась к завершению, Стив думал только о том, как сквозь толпу протолкнуться к Лизе или хотя бы попасться ей на глаза, но в этот момент произошло довольно странное явление. К ним – обычному посольскому клерку и частному лицу – потянулись люди. Это было почти протокольное, ритуальное движение – сложилось нечто вроде небольшой очереди. Стив пребывал в полном изумлении. Шеф протокола привычно представлял подошедших, те жали руку ему и Стиву, говорили какие-то общие слова о бренности жизни или любви к Америке, делились короткими воспоминаниями, связанными со страной, иногда – чуть ли не детскими, кто-то желал успеха в Ираке, кто-то, напротив, говорил, что это долгая и опасная авантюра. Из представлений Стив понял, что большая группа подошедших были те самые русские олигархи, которые, якобы, показывали Путину фигу в кармане, другие оказались известными деятелями культуры, режиссерами, актерами, писателями.

– Покойный был меценат, – успел шепнуть спутник Стиву на ухо в промежутке между очередным рукопожатием.

«А я-то – нет. – подумал Стив. – Что им всем от меня нужно? А этим – из списка Forbes?»

Надежды разыскать Лизу, понятное дело, не было уже никакой.

– Скажи мне, что это было? – спросил он своего спутника, когда, отыскав посольскую машину, они наконец оказались в салоне.

– Любовь к Америке.

– Что, прости?

– Русские – не все, разумеется, но большинство интеллигенции и часть бизнеса, питают к нам совершенно необъяснимые теплые, почти родственные чувства.

– Откуда же?

– Знаешь, я думал об этом. Особенно когда только приехал работать в Москву и наблюдал на приемах такое... Хм, я даже не знаю, как это назвать. Трепет? Умиление? Низкопоклонство? В общем – небывалую любовь. И я, как ты сейчас, спросил себя – почему? Откуда? Не за помощь же по лендлизу? И мне кажется, я нашел ответ, и не ответ даже – целую концепцию. Я даже придумал ей название. Только не смейся.

– Даю слово.

– Так вот, Россия – страна больших, сильных людей. Здесь их культ, их правила, их земля, здесь не любят «шибко умных», хотя знания и ученость уважают, но в сочетании все с той же смелостью и русской безрассудной отвагой. Ну, пусть я маленький и слабый, и ты наверняка мне накостыляешь, но я все равно врежу тебе футляром своей скрипки. А там – будь что будет. Но знаешь – не все же таковы? И появляются люди с комплексами. Вернее – с одним. Я назвал это «комплекс маленького скрипача».

– А почему скрипача?

– Ну, был у меня по соседству такой скрипач-доходяга. Ох, и доставалось ему от нас.

– Значит, не только в России?

– Подожди. Дослушай. Тогда поймешь, причем здесь Россия и Америка. Так вот, собственно, о комплексе. Вот представь себе. Маленький, талантливый, но слабый мальчик-скрипач, разумеется, подвергается жесткой обструкции со стороны дворовых мальчишек. Заступников у мальчика нет – ну, вышло так – ни папы, ни старшего брата... Сам он трусоват – драки боится. Жалуется маме, хнычет, взрослые одергивают сорванцов. Но любви к маленькому скрипачу это – понятное дело – не прибавляет. Тогда он придумывает – и верит в собственный личный миф – больших и сильных друзей, ребят откуда-то издалека, из другого двора, улицы, города... которые при-

дут и накажут обидчиков. Накостыляют им по шее. И жизнь становится веселее. Потом мальчик вырастает. И происходит перенос детского комплекса и детского мифа во взрослую жизнь – обидчикам-властям противопоставляются заступники-власти из дальних стран. А вернее, страны – Соединенных Штатов Америки. Так вот – собственно – почему российская интеллигенция испытывает такой – едва ли не сакральный – трепет перед США. Я, к примеру, не склонен списывать все исключительно на счет голодного (тогда еще) российского бытия, меркантилизма и витальной зависимости от грантов.

– Значит мы – те самые большие хорошие парни, которые придут и надерут задницу обидчикам.

– Ну да. Как образ.

– И сегодня?

– Нет, сегодня – это уже генетическая память. Особенно у деятелей культуры. Олигархи – отдельная история.

– Да, это уже история про совсем другой комплекс.

Лизу он увидел спустя два часа в огромном зале какого-то помпезного ресторана, она сидела во главе стола, спокойная внешне, и невозмутимо слушала уже изрядно пьяные речи каких-то людей, воспевающих Лемеха, и даже благодарно кивала в ответ. Кто-то из присутствующих, видимо близких людей, собираясь уходить, направился к Лизе проститься, она поднялась – охрана, плотной стеной прикрывающая все подходы к столу, расступилась. Стив призывно поднял руку.

Она увидела его и, наскоро расцеловавшись с двумя пожилыми женщинами, подошла, отмахнувшись от двинувшегося следом охранника коротким, резким жестом руки.

– Лиза, я...

– Послушай, Стив. Я не могу, не хочу сейчас говорить с тобой.

– Когда?

– Не знаю, через год, два – во мне сейчас внутри – одна сплошная пустота. Там ничего: ни боли, ни страха, ни любви, ни даже сожаления. И в этом отчасти виноват ты. Только отчасти, причем твоя часть – может, самая маленькая, даже мизерная.

– Да. Есть.

– Я понимаю, ты всего лишь делал свою работу. И не знал ничего обо мне. Я понимаю. Но говорить с тобой сейчас я не могу. Уходи. Пожалуйста.

– Но я могу?..

– Не знаю. Когда-нибудь... на то она и есть – судьба.

2004 ГОД
ВАШИНГТОН

– Надеюсь, у тебя все в порядке? – поинтересовался Стив у Дона Сазерленда, когда неожиданно по телефону тот спросил, не выпьет ли он с ним пива.

Стив – не большой любитель пива, потому название бара не сказало ему ничего определенного, зато немедленно ответила интерактивная карта Вашингтона, благо компьютер был включен. Бар «Анакостия» носил имя реки, протекавшей на юго-востоке столицы, – откровенно говоря, не самого фешенебельного, и даже – совсем наоборот, бедного и неблагополучного района, со всеми вытекающими из этого печального обстоятельства последствиями.

– В полном. А-а-а, вот ты о чем... – Дон уловил мысль на лету и снисходительно заметил. – Не беспокойся, с тобой рядом будет парень из Лэнгли.

– Аналитик из Лэнгли, – уточнил Стив.

– Ну, мы два раза в неделю занимаемся спортом. И это не фитнес, как ты понимаешь.

– Я тоже иногда поднимаю гантели. Когда затекает спина. Ладно, конспиратор, до вечера.

Бар оказался намного приличнее, нежели заранее представлял Стив, и даже вопрос – не найдется ли вместо пива бутылочки красного калифорнийского, не вызвал у бармена чувства неприязни к невысокому худощавому белому парню, одетому в слишком дорогие джинсы для этих мест. Он дотянулся до полки и, покопавшись в армаде пыльных и по большей части пустых бутылок, извлек то, что требовалось. И даже протер булку полотенцем, смахивая пыль и паутину. Единственный вопрос выдавал неожиданность этого заказа:

– Ты будешь пить из бокала, сынок?

– Да, спасибо, – ответил Стив, оставив при себе вертящееся на языке: «А что еще вы можете мне предложить?»

С бутылкой и бокалом он побродил по залу, пока пустому – было еще довольно рано – и выбрал столик в углу, который показался ему самым неприметным. Дон появился скоро, пожал руку бармену и перекинулся с ним парой фраз, из чего Стив понял, что бар «Анакостия» для Дона Сазерленда все равно что неприметная чайная для Кондолизы Райс. И еще успел подумать: хорошо бы, кто-нибудь из моих конфиденентов облюбовал для подобных встреч Maison Blanche.

– Я спросил у старого Дика, не ждет ли меня кто? «Француз, – ответил Дик. – Или итальянец. В следующий раз предупреждай, когда к тебе бу-

дут приходиться люди, которые не пьют пива. В этот раз обошлось – у меня была бутылка красного калифорнийского, еще со свадьбы Сюзи».

– Надеюсь, Сюзи не семьдесят лет?

– Успокойся, старик, не больше сорока, но последний раз она выходила замуж меньше года назад. Так что пей спокойно свое красное калифорнийское.

Но спокойно не вышло. Кто-то щелкнул пультом, над стойкой бара ожил экран небольшого телевизора. И сразу стало тихо. Кадры, которые сегодня Стив отсмотрел раз пять, а Дон – надо полагать – все пятьдесят, в этом баре, вероятно, видели впервые. И наступила тишина. Крупный полуголый мужчина с бородой бережно прижимал к груди младенца. Вокруг суетились вооруженные люди. Отчетливо звучали выстрелы. Русский журналист в кадре возбужденно говорил что-то, указывая рукой куда-то назад, за свое плечо. Комментатор в студии не успевал переводить. Никто ничего не понимал.

– Где это? На Балканах? Снова воюют?

– Это в России, – старый Дик тоже был в курсе событий. – Какие-то подонки захватили в заложники триста или четыреста детей. Школьников.

Народ в зале заговорил разом. Дон отвернулся от экрана, отхлебнул большой глоток пива. Стив сделал шаг навстречу. Он понимал – Дону трудно. В истории с Буденновском, против которой тогда Стив возражал категорически, Дон поддержал своих будущих коллег из Лэнгли. Вышло то, что вышло, но изначальная задача – дискредитировать и отстранить от «тела» Ельцина силовиков Коржакова, решена не была. Более того, к ней даже не продвинулись ни на йоту. Теперь – как понимал Стив – ситуация была схожей. Дай только бог, чтобы автором этого сценария не был Дон.

– Я так понимаю, ты хотел поговорить об этом, – Стив кивнул в сторону экрана.

– И кое о чем еще. Тебе известно имя Ирмы Гудвин?

– Ну, это что-то вроде Дона Сазерленда и Стива Гарднера в одном флаконе. Для мисс Кондолизы Райс.

– Верно. Так вот, тебя так редко привлекают к работе сейчас именно из-за нее.

– Ну, это нормально. Она работает в штате и вправе сама решать, нужен ей свободный консультант извне или нет. Я тоже часто обходился собственными силами.

– Нет. Дело не в этом. Ирма – изначально специалист по борьбе с терроризмом, работала в нашей конторе, одновременно защитила диссертацию, и Конди потащила ее за собой. Сегодня она – как когда-то ты у

Мадлен – в сущности, занимается Россией. Она, кстати, очень высокого мнения о тебе и многое из твоих наработок взяла на вооружение. В частности – теорию раскачивания лодки. Помнишь?

– Разумеется. Стабильность – враг уступчивости, лодка, готовая перевернуться – мощный аргумент принятия правильного решения. Того, которое подсказывает человек, плывущий рядом на катере.

– Да. Она, похоже, выучила это наизусть.

– Я рад.

– И напрасно. Раскачивать лодку – видишь ли – можно по-разному.

– Боже правый... Не хочешь же ты сказать...

– Я ничего не говорю, но – вспомни – как часто за время своей работы ты обращался в наше ведомство?

– Думаю, раза три, может – четыре.

– А я – на сегодняшний день – член постоянной оперативной группы миссис Гудвин. И, между прочим, как в добрые старые времена, хожу на службу в наш милый подвальчик.

– И никто из аппарата Конди не в состоянии ей объяснить, что подобные акции расшатывают лодку слабых лодочников, сильные – напротив, только укрепляют свои позиции?

– Мне не известны специалисты такого уровня. Я всего лишь аналитик из чужого ведомства. И вот кое-какая информация для аналитической записки, которую я собираюсь написать завтра. Надеюсь, ты понимаешь, что ничего этого не видел и видеть не мог.

– Этого ты мог и не говорить. Стив развернул тонкий лист бумаги.

2003

1. 12 мая 2003 года в селении Знаменское Надтеречного района Чечни трое боевиков-смертников совершили теракт в районе зданий администрации Надтеречного района и УФСБ РФ. Автомобиль «КамАЗ», начиненный взрывчаткой (около 1 т), пробил шлагбаум и взорвался. Погибли 60 человек, более 200 человек были ранены.

2. 14 мая 2003 года в Гудермесском районе Чечни во время многолюдного религиозного праздника женщина привела в действие пояс смертника. Погибли 18 человек, 46 ранены. Произошел теракт на аэродроме в Тушино (Москва), где проходил рок-фестиваль «Крылья». Две террористки-смертницы взорвали пояса шахидов. Погибли 16 человек, 57 получили ранения.

3. В ночь на 10 июля у ресторана на 1-й Тверской-Ямской улице погиб взрывотехник ФСБ, который пытался разминировать еще один пояс шахида, спрятанный в сумке, которую сняла с себя чеченка-смертница. Она находится под следствием.

4. 1 августа 2003 года произошел теракт в Моздоке (Республика Северная Осетия). Террорист-смертник на грузовике «КамАЗ», груженном взрывчаткой, въехал на территорию Моздокского госпиталя и привел бомбу в действие рядом с главным лечебным корпусом. Госпиталь был разрушен, под обломками погибли 50 человек, более 60 получили ранения разной степени тяжести.

5. 25 августа 2003 года на трех остановках общественного транспорта в Краснодаре взорвались безоболочные взрывные устройства от 200 до 400 г в тротиловом эквиваленте, начиненные гайками размером 6–8 мм и металлическими пластинами. Погибли 4 человека и более 20 ранены.

6. 3 сентября 2003 года прогремел взрыв в электричке, следовавшей по маршруту Кисловодск–Минеральные Воды. В 7.30 утра сработали два мощных взрывных устройства, которые были заложены под полотно. Мощность бомбы была около 15 кг в тротиловом эквиваленте. Погибли 7 пассажиров поезда, еще 92 человека получили различные ранения.

7. 5 декабря 2003 года мощный взрыв произошел во втором головном вагоне поезда Кисловодск–Минводы, когда электропоезд отъехал от вокзала Ессентуков на 500 м. Погибли 44 человека, еще 156 пострадало, в том числе 62 ребенка.

– Аналогичные данные есть по 2004 году. Возможно, еще без сегодняшней истории, которая одна могла бы... – Дон не договорил и снова взялся за пиво. – И это только состоявшиеся акции. А сколько терактов удалось предотвратить их спецслужбам? А сколько командиров высшего звена уничтожить?

– Я понимаю, что это не твоя тема, но рейтинга президента Путина за этот период у тебя, случайно нет?

– Упал на 9%. С 84 до 75%. Весьма принципиально, как ты понимаешь.

– Особенно по сравнению с нашими – 41%.

– Да. Но сейчас ты усядься покрепче. Потому что если ты грохнешься со стула – а ты вполне можешь грохнуться, тебя сочтут слабаком и хлюпиком. И уж точно – французом. Потому что ты не допил даже и половину бутылки своего красного калифорнийского.

– Ну?

– Она исполняет все это, руководствуясь еще одним твоим изобретением.

– И каким же?

– Психами.

– Боже правый, так это все делаем не мы?

– Знаешь, Стив, если бы ты не был моим другом так долго...

– Все! Прекрати! Сейчас не время и не место для шуток.

– Эж тебя развезло с полбутылки красного калфорнийского. Ладно. Ладно. В твоей папке «Психи» она выбрала человека по фамилии Березовский. Он каким-то образом связан со всеми этими чеченскими сепаратистами и ненавидит президента Путина. Остальное дело техники, я думаю, с ним работает даже не она сама.

– Значит это я – автор всего этого кошмара?

– Ну, не напрямую....

– Это по моему сценарию заживо горят дети?

– Стив, остановись!

– Все. Остановился. Будем пить дальше?

– Нет. Поедем по домам. Я напишу свою скромную бумажку, а ты – сделай все, чтобы Конди приняла и выслушала тебя внимательно. Потому что даже самая целебная таблетка, выпитая не вовремя или не тем, кому она прописана, может стоить жизни. А в твоём чертовом компьютере – целая аптека. А у этой сучки Ирмы Гудвин фигова туча амбиций. Понимаешь, что это такое, вместе взятое?

– Я все-таки допью свое калифорнийское, – неожиданно спокойно заявил Стив.

И Дон понял: он знает, что делать завтра. И не спеша допил свое пиво.

Делать – собственно – ничего не пришлось. Утром – едва проснувшись – Стив взялся за телефон и, не включая линию, принялся репетировать текст, который должен будет сейчас произнести государственному секретарю США – госпоже Кондолизе Райс. Он делал так всегда. Иногда – если речь шла о публичном выступлении – даже перед зеркалом. Чтобы речь была максимально краткой. Это был залог успеха любого выступления, особенно если времени на него было отпущено немного. Или собеседник вообще не собирался слушать речь. Такое случалось. Несколько правильных слов, сказанных быстро и услышанных, иногда меняли ситуацию кардинально. Он только начал, обращаясь в воображаемой Райс, довольно сухо и решительно, как телефон зазвонил сам.

– Мистер Гарднер – металлический женский голос не выражал ничего, кроме того, что должен был сказать, и никаких эмоций, – госпожа Райс хотела бы видеть вас сегодня в своем офисе в два часа дня. Я могу подтвердить эту встречу?

Стив был так растерян, что чуть не ляпнул:

– То есть, не в чайной?

Но вовремя взял себя в руки.

– Да, я буду.

– Будьте добры, назовите номер и марку вашей машины и номер водительского удостоверения – пропуск будет заказан...

– Через западные ворота, мэм. Благодарю, я знаю, как найти к вам дорогу.

– Разумеется, мистер Гарднер, я должна была бы сообразить, – металл в голосе заметно потеплел.

Стив положил трубку. И встал напротив зеркала – репетиция будет долгой. Он знал – Конди, в отличие от Мадлен, никогда не пускается в пространные рассуждения, но короткими точными репликами иногда может отправить соперника в нокаут задолго до конца поединка. Но она не была настроена на поединок. Мед и патока. И кофе с его любимыми печенюшками на столе. Стив подумал про Дона – но в ту же секунду гневно отогнал эту мысль. Если только бар, названный честь реки, стал уже чересчур популярен. Но теперь рассуждать об этом было поздно.

– Я знаю, вы рассержены и даже обижены, Стив.

– Отнюдь. Я огорчен. Зол. Разочарован. Но обижаться – собственно, за что?

– За то, что ваши разработки, без согласования с вами – хотя мы и договаривались об этом – были использованы моим сотрудником. Причем – теперь это очевидно – с грубейшими ошибками. Я виновата, Стив. Простите меня.

– А те дети?

– Это уже демагогия, Стив! – ему показалось, что, произнося одно из этих слов, она оскалилась и стала похожа на большую черную кошку или даже пантеру, рассерженную и опасную чрезвычайно. – Человек, приходящий в политику, должен знать, что целый ряд нравственных установок, полученных в детстве и принятых в обществе, ему придется – и не раз – переступить, во имя целей более высоких. Мы подчиняемся закону больших чисел и политической целесообразности. Некоторые называют это профессиональной деформацией, но то же можно сказать о военном, аргюи готовом нарушить главную Божью заповедь. И все. Надеюсь, мне не придется возвращаться к этой теме. Сегодня мы должны обсудить с вами две темы, касающиеся России.

Надеюсь можно не говорить, как важно то, что нам предстоит сейчас обсудить и решить. Первое – папка. «Папка Мадлен» – как придумал называть ее кто-то, и я не вижу причин это менять. Пусть так и остается впредь. В конце концов, справедливо, она кропотливо начала эту работу, хотя справедливее было бы назвать ее «папкой Мадлен и Стива».

– Нет, мэ. Я полагаю, что у таких документов должен быть один автор, независимо от количества помощников.

– Пусть так. Сегодня в этой папке меня интересует одно вложение. И это вложение – возможные кандидаты на пост президента страны. Президент Путин устраивает нас все меньше и меньше, и, полагаю, вам не надо объяснять почему.

– Да, мэ. Однако рейтинг, несмотря на все трагические события...

– Спасибо за напоминание, но цифры его рейтинга я знаю порой с большей точностью, чем наши цифры. И полагаю, не мне объяснять вам природу этого рейтинга – нефть, экономический рост, возможность уделить внимание социальным программам, воинственность, популизм, ренессанс пансоветской идеи, которую помнят и одобряют большинство русских. И наконец, ваш тезис, который безрассудно проигнорировал мой сотрудник – о том, что катастрофы расшатывают слабых и укрепляют сильных. Но речь сейчас не о нем. Преемник. Я внимательно перечитала папку. Я уже говорила вам когда-то, что в свое время сочла Лемеха слишком авантюрным, а сейчас я вижу его единственным – но, увы, не на этом свете. Такое впечатление, что со смертью Лемеха ушли все.

– Отчасти так и есть, мэ.

– Поясните.

– Людей, которые могли бы с нашей поддержкой занять место в Кремле на определенных – наших – условиях, сегодня эксплуатирует Путин.

Причем допускаю, что кому-то из них, не в ближайшее время, но тоже обещано место в Кремле.

– Что значит – эксплуатирует?

– Назначает на должности губернаторов, лоббирует их интересы на международной арене, способствуя превращению российских компаний в транснациональные корпорации, использует свое растущее политическое влияние для участия русских в громадных и выгодных проектах за пределами России.

– Вы всерьез полагаете, что я всего этого не знаю, мистер Гарднер?

И снова – уже второй раз за время сегодняшней встречи, она показала ему большой черной кошкой или маленькой пантерой, в любую секунду готовой к смертельному прыжку.

Но отступить было некуда.

– Вы задали вопрос...

– А вы, отвечая на него, сказали слишком много хорошо мне известных вещей, вместо того чтобы просто констатировать: «наши мальчики» – как их любовно называла Мадлен, теперь «мальчики Путина».

– Кстати, далеко не всех из «наших мальчиков» приняли в «мальчики Путина», с некоторыми просто заключили взаимовыгодные финансовые и политические сделки. Человек уходит с поста добровольно или что-то столь же добровольно возвращает, и остается жить с тем, что – щедро – оставлено. Самых непонятливых наказали, порой – демонстративно, напоказ, дабы другим неповадно было. Но главное – обуздали губернскую вольницу. И занялись, наконец, пропагандой. При мне президент Ельцин отчитывал руководителя своей пресс-службы: «Пропаганда? Забудьте это слово. Оно больше никогда не зазвучит в этих стенах». Я, помнится, еще подумал тогда: а как же народ узнает о том, что и почему вершится в Кремле? А главное – зачем.

– И что же теперь?

– А ничего. Забудьте про Путина и того преемника, на которого он укажет пальцем, а народ с радостью выберет. Выбросьте вообще из головы президентские выборы. Забудьте про них. Потому что повлиять на них нам никак не удастся.

– Не понимаю.

– Ну, если одна дверь закрыта наглухо, замурована и попасть через нее нет никакой возможности, а попасть в дом нужно до зарезу? Вопрос жизни и смерти. Что следует делать?

– Искать другую возможность – крышу, дымоход, окно.

– Правильно. И какова другая возможность в нашей ситуации?

– Выборы. Парламент.

- Абсолютно верно.
- Но какая связь? Правящая партия не избирает президента, если только они не изменят конституцию. Но он перед всем миром и не раз клялся, что этого не произойдет.
- Холодно.
- Я скажу, чтобы разожгли камин.
- Холодно. В смысле далеко от правильного ответа.
- Отмена выборов? Но на каком основании? Опять что-то кровавое, но вы же сами говорили...
- Теплее. Но не то.
- Тянуть. Стопорить. Как на Украине.
- А зачем? Чтобы баррель перевалил за сотню? Хотя Украину вы вспомнили не зря.
- Нелегитимны.
- Есть!
- Но каким образом, почему?
- Вот для этого, а вовсе не для того, чтобы убивать маленьких детей – уж простите, я еще недостаточно профессионально деформирован, – создавался проект «Психи».
- Вы можете объяснить?
- Конечно. И даже показать. Видите ли, Конди, сидя в изгнании в NDI, с командой, разумеется, мы потихоньку готовил материал, работали с людьми из этой папки. С будущей российской оппозицией, которая – единственная – будет противостоять партии власти на выборах. И конечно, проиграет. Но в предвыборном процессе будет творить такое, что власти вынуждены будут принимать ответные меры. В итоге – у нас будет больше чем достаточно оснований для признания выборов нелегитимными. И вопрос президента, как на Украине, станет уже не вопросом выбора, а вопросом торга.
- Занимательно. Но вы обещали что-то показать.
- А! Сию минуту – кое что любопытное я захватил:
Ну, вот, к примеру:
« – Гарри, когда состоялась Куликовская битва?
– Не знаю...
– Ярослав Мудрый, Батый и Фридрих Барбаросса – это в самом деле один человек, лишь называемый по-разному?
– Не знаю...
– Правда, что Христа казнили в Константинополе и что именно в сегодняшнем Стамбуле следует искать гору Голгофу?
– По поводу Иисуса и всего с ним связанного советую повнимательнее перечитать «Мастера и Маргариту» Булгакова. Как известно, великая

литература может содержать массу откровений. Чалма на голове у Иешуа, два километра, отделяющие городскую крепостную стену от Голгофы... Похоже на Иерусалим? По-моему, мало. Но наиболее интересное – фраза Маргариты: «Двенадцать тысяч лун за одну луну когда-то, не слишком ли это много?»

– А евреи?

– Что евреи? Евреи – это не народ, а профессиональное сообщество финансистов.

Следуя вашей логике, Гарри, можно предположить, что ни Древней Греции, ни Древнего Рима не существовало?

– Да, именно так. История этих цивилизаций не выдерживает критики, она не втискивается ни в какие рамки.

– И Древнего Китая не было?

– Похоже на то. Ведь европейцы в XVIII веке на месте Поднебесной империи обнаружили одни руины... Не могу заставить себя поверить, что жил великий народ, процветал, а потом все вдруг рухнуло, развалилось. Почему китайцы не воспользовались своими открытиями и изобретениями? Почему, придумав порох, не создали артиллерию? Почему, имея компас, не открыли Америку? Говорят: в страшные Средние века знание исчезло, поскольку оно никому не было нужно. Как? Неужели сразу всем правителям отказал разум и они перестали понимать очевидное: знание – сила? Значит, в Римской империи существовала фундаментальная наука, а в Византии, пришедшей на смену Риму, нет? Ну глупость же! Только не надо говорить, будто церковь возражала против научных изысканий. В Византии патриарх полностью подчинялся императору, который обязан был понимать, что знание – даже не сила, а власть. Таков закон диалектики. Поэтому научные открытия всегда старались засекретить, сохранить».

– Что это?

– Интервью одного из лидеров объединенной оппозиции.

– Но это комикс?

– Нет, это совершенно серьезное интервью по поводу одной теории происхождения и справедливости принятой исторической хронологии.

– И любой человек может это прочесть?

– Разумеется. Тут уж кремлевская пропаганда расстарается, моя задача была – исключительно подбросить им информацию. А вот еще, из программного заявления, правда уже другого оппозиционера:

«Надо перестать давить малый бизнес – это безумие, люди бегут из России, только в Англии уже триста пятьдесят тысяч русских. Открываются русские магазины, рестораны, газеты...»

- Так это мальй русский бизнес в Лондоне открывает газеты и рестораны?
- И покупает футбольные клубы. Это я к тому, насколько оппозиция владеет ситуацией в России. Еще будете читать?
- Нет, достаточно. Ну, хорошо, вам удалось собрать, подготовить и даже обучить нехитрым приемам команду не совсем адекватных людей. Что дальше?
- Нет, кое-что вы должны прочесть. Это мое едва ли не самое главное достижение.
- Ну, давайте.
- « – Допустим, на президентских выборах вы, вопреки собственным прогнозам, не победите. А наберете 2–3%. Как кандидат Малышкин. Вы готовы к тому, что вас причислят к политическим маргиналам?
- Давайте пропустим этот вопрос.
- Почему «пропустим»?
- Молчание...
- Вы знаете, что так интервью журналистам не дают?
- А вы знаете, что так себя не ведут?!
- Как?
- Молчание...
- ...
- Известна ли вам позиция, допустим, «Яблока» относительно формирования коалиции?
- Да.
- В чем же она заключается?
- Ну-у... Вы знаете?
- Нет, не знаю.
- Это общеизвестно. Посмотрите прессу.
- Может, вы, Михаил Михайлович, и расскажете, раз уж это общеизвестно?
- Сами и скажите, если вам известно.
- Говорю же, неизвестно.
- Я вам сейчас дам распечатки, и тогда посмотрите.
- А почему вы сами не можете сказать?
- Потому что это – общеизвестная позиция! Вы что, хотите, чтобы я пересказывал мнение других?!
- Почему нет?
- Молчание...»
- Ну и что это?
- Интервью.
- По некоторым признакам я догадалась. Чье же?

– Экс-премьер министра России и лидера объединенной оппозиции. А возможно, кстати, и кандидата в президенты России.

– Вы шутите.

– Какие шутки. Есть подлинная газета, вышедшая в свет миллионным тиражом. И эти люди, Конди, еще смеют критиковать нашего президента, когда он...

Она не дает ему договорить, грозно покачивая перед лицом тонким длинным пальцем с ярким лаком на длинном ухоженном ногте. Но при этом – улыбается. «Интересно, какая бы из нее вышла пианистка», – внезапно думает Стив. А она думает исключительно о своем:

– Ну, ладно. Допустим, вы их филигранно подобрали и очень забавно представили миру. Что дальше?

– Дальше эти не совсем адекватные люди выйдут на улицу, Заметьте, в отличие от Майдана у них не будет четких политических требований, кроме отставки Путина и криков «это наш город», вести они себя будут неадекватно, потому что такие люди просто не могут вести себя адекватно. Дальше – техника, но в результате власть разгонит их демонстрации под сотни телекамер и крики избиваемого шахматиста. Причем я полагаю, что это должно повториться многократно. И в разных городах России. Тут есть еще один тонкий момент, связанный с президентом Путиным, – местные князьки старой формации, чувствующие, что дни сочтены, сделают все, чтобы продемонстрировать Кремлю свою лояльность. Вот в этих городах и следует планировать акции, потому что реакция властей будет наиболее жесткой.

– Допустим. А еще?

– А еще нужно будет немного мирового кошмара. Но, разумеется, по-дальше от нас, где-нибудь в Европе. Или Британии.

– Это что еще за зверь?

– Я не знаю, но буду думать. Это должно быть что-то ужасное, угрожающее всему человечеству, непременно исходящее из России. Вот тут пригодится господин Березовский, которого так бездарно использовал ваш сотрудник.

– Уже не сотрудник.

– Аминь. Так вот, он по-настоящему безумен и поглощен идеей уничтожения.

Вот послушайте, у меня есть короткие выдержки, их смотрели психиатры, и у них нет никаких сомнений.

«Я располагаю достоверной информацией, что меня собираются обвинить в создании и финансировании незаконных вооруженных формирований на Кавказе и попытке покушения на жизнь президента Рос-

сии. Это делается, чтобы исключить какую-либо возможность моего возвращения на родину. Большинство и толпа никогда меня не интересовали. Они всегда консервативны. Все перемены будет осуществлять активное меньшинство, как это произошло на Украине.

Страх власти передо мной – безусловное свидетельство моей не только юридической, но и моральной победы. И я согласен с тем, что власти есть чего опасаться. Я и дальше буду прилагать усилия, чтобы убежденность в своей правоте и моральное превосходство всех недовольных Кремлем конвертировать в разгром криминального режима. Президент Путин нарушает конституцию, и сегодня любые насильственные действия со стороны оппозиции будут оправданы. Это относится и к силовому захвату власти, и именно над этим я сейчас работаю. Последние полтора года мы готовимся взять власть в России силой. Нам нужна жертва. Это должен быть кто-то популярный и узнаваемый, персонаж, смерть которого наложит на власть несмываемое пятно».

– Да, это действительно ужасно и похоже на бред. А ведь он был...

– В первой «папке Мадлен», хотите сказать. Был. Ну, у русских есть поговорка про богатыря, который прошел огонь и воду, но умер, услышав медные трубы. Символ славы и власти. Я полагаю, кстати, что и сознание Лемеха было изрядно деформировано к тому моменту, когда он уже видел себя государем всея Руси.

– Потому-то я позвонила Путину, хотя я заметила ваш взгляд, когда вы слушали это, – в нем было осуждение. Вы полагаете, что мы его предали?

– Я полагаю, что мы отвечаем за тех, кого приручаем.

– Ну, это, допустим, полагаете не вы, а Антуан де Сент-Экзюпери.

– Но я с ним полностью согласен. И с Березовским – отчасти.

– В чем же?

– В части узнаваемой жертвы. Она нужна. И может, не одна, причем с таким расчетом, чтобы вина властей не вызывала сомнений. Это должен быть человек узнаваемый и любимый, неполитичный, добрый...

– За что же власти его убивать?

– Ну, это надо думать. Это уже следующий сценарий. А может, и несколько сценариев. С моими «психами» теперь вполне справятся ребята из NDI, а я займусь сюжетами.

– Наш голубь мира возжелал крови?

– Но не школьников 1-го сентября.

– Хорошо, давайте закроем эту тему. Обещаю, что ваши сценарии будут реализованы исключительно под вашим руководством.

– Будем считать, что мы договорились.

Промозглый. А какой он еще может быть, ноябрь в Москве? Сырой, холодный, продуваемый порывами ледяного хлесткого ветра. Вдобавок с неба сыпалась какая-то непонятная мелкая мерзость – похожая на дождь, но ледяная и колючая, как снег.

Стив прилетел в Россию накануне, хотя в Вашингтоне его решительно отговаривали от этой поездки.

– Мы не знаем, что произойдет сегодня в Москве, но у нас есть вполне заслуживающая доверия информация о том, что выступления объединенной оппозиции будут наиболее массовыми и наступательными. Западные журналисты, аккредитованные в Москве, полагают, что на этот раз власти, которые до этого сдерживали натиск оппозиции, оставаясь при этом в рамках закона, сегодня намерены ответить жестким подавлением любого сопротивления. Как сообщают некоторые информационные агентства, в Москву доставлены из регионов большие силы ОМОНа, специальной полиции, предназначенной для разгона массовых манифестаций. Так, руководство получило право на использование так называемой «спецтехники»: водяных пушек, гранат со слезоточивым газом и тому подобное. Учитывая решительный настрой обеих сторон – мы допускаем наличие жертв. Со своей стороны администрация США предостерегает президента и правительство России от любого насилия...

Пресс-секретарь Белого дома дочитывал заявление, уже поглядывая в зал, битком набитый журналистами, прикидывая, с каких вопросов, которые сейчас, разумеется, посыплются со всех сторон, начать, чтобы хотя бы в первые минуты удержать пресс-конференцию в нужной тональности.

– Выйдут ли на улицы лидеры объединенной оппозиции и какова вероятность, что они будут арестованы?

– Разумеется, оппозиционные лидеры возглавят шествие, гарантий их свободы и безопасности не может дать никто. разве что президент Путин. Но он молчит.

Зал отозвался легким смешком, пресс-секретарь довольно хмыкнул. Это была удачная реплика.

– Сколько человек примет участие в шествии?

– Мы не располагаем точными цифрами, но полагаем, что несколько сотен тысяч людей.

– Сотен?

– Да, именно.

– Идиот, у них заявлено пятьдесят тысяч человек, а придут – пять.

Стив наблюдал за пресс-конференцией из малого кабинета госсекретаря на седьмом этаже того самого белого здания, которое они с Доном когда-то сравнивали с космическим кораблем.

– Ну, к заявленным могут присоединиться люди, поддерживающие оппозицию. Теоретически.

Она сделала ударение на последнее слово.

– Надо было добавить, что в воздухе будут кружить боевые вертолеты. Под музыку Вагнера.

– При чем здесь Вагнер?

– Так было принято у немцев во время Второй мировой.

– Глупости, это был всего лишь советский фильм.

– Вам виднее, вы специалист по Советскому Союзу. Но – на самом ли деле или в кино – я представляю. Красиво.

– Не люблю Вагнера.

– Опять же – вам виднее.

– И мне виднее – лететь ли вам в Москву или нет.

– А вот это уже не так. Официально – я сотрудник NDI, двадцать с лишним моих людей уже там, потому – моя святая обязанность присоединиться к ним, в минуты этой страшной опасности.

– Но она все-таки существует.

– Не больше, чем на дискотеке в Бруклине, после полуночи.

– Власти все это время просто игнорировали их хаотические блуждания по Москве. И мелкие хулиганские выходки просто не замечали. Дрались с ними участники других молодежных движений – тех, которые идут на выборы под разными флагами. Но дальше обычного молодежного мордобоя дело не шло.

– Но сегодня, судя по всем, они решили...

– Дать последний и решительный бой...

– Ого. Так кто из нас знаток Советского Союза?

– Я уже не помню, откуда я это знаю? А – вспомнил! – на выборах в 96-м пугал людей реставрацией коммунизма, подкладывали под видео Зюганова. Точно.

– Значит, опять ничего не будет? Стив, у нас не так много фактуры для того, чтобы говорить о нелегитимности.

– Не так много, как хотелось бы, – но вполне достаточно. Убийство оппозиционных кандидатов. Журналистов. Расправа над этой девочкой в Лондоне, которая написала книжку про Путина. Завтрашнее побоище, ну, разбитые физиономии и избитых старух – это уж мы организуем. Шахматиста до выборов надо будет упрятать в камеру.

– Они этого никогда не сделают.

– Положись на меня, я пропишу ему роль в таком сценарии, что у них просто не останется выбора.

– Это невозможно.

– То же самое ты говорила, когда я впервые произнес слово «полоний».

– И это было ужасно. Этот лысый умирающий человек...

– Кто-то когда-то объяснял мне суть закона больших чисел и последствия профессиональной деформации.

– Да. Но, я надеюсь, ты не заставишь шахматиста рассыпать полоний по Москве?

– Я никогда не повторяюсь, Конди.

– Но Кремль запретил проведение этой демонстрации, следовательно, действия всех этих людей незаконны и полиция имеет право их пресечь, – пожилая немка все-таки дотянулась до микрофона, хотя пресс-секретарь упрямо не замечал ее всю пресс-конференцию.

– У Кремля нет права запрещать...

– Он debil, – Стив так всплеснул руками, что больно ударил себя по коленке. – Я полчаса объяснял ему порядок проведения массовых мероприятий в Москве.

– Ладно. Она все равно ничего не поймет. И напишет, что Кремль запрещает народу выражать свою волю. Чем плохо?

– Ну, если она так напишет..

«Не напишет», – сказал он теперь сам себе, но его никто не услышал, вокруг горланила толпа журналистов в ярких оранжевых жилетах, это было почти как на показах мод, когда пресса требует звезду подиума развернуться и принять ту или иную позу. Сейчас они требовали от жидкого потока демонстрантов агрессии и экшена. Но демонстранты реагировали вяло. Какая-то старушка с портретом Сталина в руках вдруг с разбегу бросилась на цепь милиционеров, растянутую вдоль кромки тротуара. «Не добежит», – вяло подумал Стив, но старушка добежала и даже исхитрилась портретом вождя сбить ушанку с головы молодого милиционера. Ее аккуратно подхватили под руки, повели к милицейскому автобусу – толпа журналистов, сметая кордон милиции, ринулась следом. «Хорошо бы в кадр не попал Сталин. Но это вряд ли», – уныло констатировал Стив. Настроение его портилось с каждой минутой. Акция не то, чтобы провалилась совсем – были и потасовки, и драки с ОМОНОМ, и окровавленные люди на мостовой, и штурм садовой ограды, бесполезный, зато зрелищный, и речи оппозиции, и даже шахматист, для которого он все же придумал подходящий сценарий, срывая портрет Путина, сорвал одновременно с ним российский флаг и кто-то, оказавшийся рядом, тут же – пару раз пнул его ногой в тяжелом ботинке, и тут же – другая группа,

изображавшая противников и периодически затевавшая потасовки и драки, закричала, что шахматист глумится над флагом России, и тут уж подоспел ОМОН и шахматиста увезли.

«Они ведь могут его ударить и даже избить по дороге. Они все воевали и чокнутые по поводу флагов, знамен и всей этой мишуры», – испуганно шепнула Стиву девочка из команды шахматиста.

«Вот и отлично», – подумал Стив. Пара синяков и выбитый зуб усилят впечатление, потом объявится человек, сорвавший флаг, и выяснится, что он принадлежит к кремлевской молодежной организации, и можно будет долго и подробно говорить о спланированной провокации. То обстоятельство, что парня, сорвавшего флаг, давно уже выперли из организации за какую-то мерзость, всплывет не сразу. Это технология. Она работала. И удивляться тут было особо нечему, потому что этот собственный сценарий Стив отработал уже раз сто, в разных точках земного шара, с большим или меньшим успехом, но всегда с некоторым положительным результатом. Сейчас результат был на троечку, хотя день еще не закончился. И – собственно – основной ударный сценарий Стив подготовил на день выборов. И – в сумме – у Кондолизы сложится вполне весомая папка, с которой можно идти к президенту и убеждать его в том, что признание выборов в России будет величайшим предательством демократии, память о котором уже никакими силами не вытравишь из истории. Это для президента было самым страшным проклятием.

Толпа, бредущая по мостовой, редела на глазах, к тому же Стив основательно замерз. Можно было уходить в отель и там, в баре, обсудить со своими, что и как следует давать в прессу, потом связаться с Госдепом и объяснить им, какой должна быть их реакция. А возможно, и реакция президента. Он уже сделал шаг назад, намереваясь смешаться с толпой на тротуаре, когда вдруг увидел Лизу.

То есть поначалу ему показалось, что это Лиза, и он импульсивно рванул вперед, чуть не сбив ног девушку-милиционера из оцепления. В следующую минуту он понял, что ошибся. Женщина в колонне митингующих была просто отдаленно похожа на Лизу – высокая, худая, с прямой спиной и рыжими с проседью волосами, небрежно выбивающимися из-под вязаной шапки, надвинутой на глаза.

Он пошел по тротуару, параллельно колонне, вглядываясь в эту немолодую, неопрятную женщину, одетую в какую-то безразмерную и будто бы цыганскую юбку – но не пеструю, а грязно-серую, подол которой волочился по мокрому асфальту. Темную стеганую куртку, напомнившую ему телогрейку, которую видел когда-то в каком-то музее, и тяжелые почти мужские сапоги.

Нет, это не могла быть Лиза. Но что-то в ней было от Лизы: то ли прямая спина, то ли вздернутый подбородок, то ли походка – с широким, уверенным, но изящным шагом. Кто-то тронул его за рукав, Стив досадливо обернулся, в толпе он боялся потерять из виду ту странную женщину.

– Вы ведь Стив? – невысокая женщина, лет сорока, была ему незнакома.

– Да. А вы, простите?

– Я Маша, подруга Лизы.

– А Лиза... Это Лиза?!!! Там? – он еще не мог в это поверить.

– Да, это она, только давайте пойдем тоже, а то потеряем ее из виду. Я вот теперь хожу за ней, как врач, охранник и адвокат в одном лице. Вытаскиваю из драк, откупаю у милиции, колю инъекции – если приходится. Потом отвожу домой.

– Но что случилось?

– Шизофрения.

Она сказала это так просто, будто речь шла о насморке или радикулите.

– Но – как?

– Ну, это долгая история, шизофрения – ведь не обязательно и далеко не всегда наследственное заболевание. В данном случае врачи связывают ее с негативным воздействием всей этой истории с Лемехом и в этой связи – нарушением функций головного мозга.

– Она всегда...

– Нет, конечно. Как у всех больных, бывают ремиссии, тогда мы живем хорошо, дружно и даже весело – ходим в театры, на концерты. Приступы, как правило, связаны с обострением таких вот политических событий, черт бы их побрал вместе со всей этой политикой.

– Но если увезти ее отсюда?

– Она не хочет, даже когда чувствует себя хорошо.

– Я пойду к ней.

– Попробуйте, хотя ничего приятного для себя вы не увидите. И не услышите. Она агрессивна в такие периоды. И в каждом видит врага.

Протолкнувшись через милицейскую цепь, не слишком плотную и бдительную, Стив, догнал Лизу и некоторое время шел рядом, заглядывая в лицо. Надеясь, что она хотя бы обратит внимание и, возможно, узнает. Но она шагала как оловянный солдатик, глядя прямо вперед и высоко вздернув свой точеный подбородок.

– Лиза, здравствуй, это я – Стив, – он аккуратно дотронулся до ее руки. Она остановилась резко, будто споткнувшись обо что-то. Люди в колонне замедлили было шаг, разглядывая их, кто-то пошел дальше, кто-то, напротив, остановился, любопытствуя. И тут произошло неожиданное. То, чего меньше всего ожидал Стив.

– Это он, – пронзительно закричала, Лиза, некрасиво раскрывая свой крупный рот, – это он. Провокатор. Я запомнила его лицо. Из-за него тогда забрали людей на бульваре.

– Ты ошибаешься Лиза, я Стив, я из Америки, помнишь...

– Да, – она продолжала кричать так же громко, визгливо, широко разевая рот, – он представляется американцем и люди ему верят, а потом... Колонна встала, резко уплотнилась, забурлила, сворачиваясь в плотный человеческий узел,

Кто-то схватил Стива за рукав куртки, он рванулся, ткань треснула, чьи-то руки тем временем сорвали с него шапку, кто-то тянул за шарф, и тот затягивался на шее все туже. Одной рукой Стив вцепился в узел шарфа, пытаясь ослабить петлю, другой – прикрыл голову, потому что увидел над собой чью-то руку с зажатым в грязном кулаке куском арматуры. Удара он не почувствовал, но понял, что лежит на мокром асфальте и чьи-то ноги пинают его тело, одновременно он видел другие ноги, в одинаковых серых брюках, бегущие откуда-то со стороны. Он понял, что это та самая милиция, стоящая кордоном вдоль мостовой, и подумал:

«Скорее же!» Потом ощутил еще один сильный удар по голове. Вероятно – кто-то профессионально и точно бил ногой. И больше не было ничего.

Она вошла через северо-западную дверь Овального кабинета, минуя приемную. Ей было позволено. Тем более сегодня, сейчас. Президент был занят тем, что внимательно изучал большую пушистую ель, которую поставили только сегодня в просвете между двумя окнами, но еще не успели нарядить.

– Тебе не кажется, что так даже лучше?

– Без игрушек?

– Ну, да. Без всей этой мишуры, лампочек и прочей ерунды – душистое дерево, еще живое – смотри, видишь, капли смолы еще не застыли на ветках... А запах... Вдохни этот запах, Конди. Когда ты последний раз была в лесу?

– Не помню, сэр. Действительно не помню.

– Ну, ладно. Не помнишь про лес, рассказывай про русских.

– Предварительный итог избирательной комиссии – 57% у «Единой России»...

– Кажется, это называется сокрушительной победой, а Конди?

– Нет, сэр. Вернее, да, сэр.

– Забавно, Конди. Так да или нет?

– Мы обсуждали этот вопрос, сэр. О легитимности.

– Я помню.

– Так вот – в случае, если мы признаем легитимность этих выборов, то – да, это безусловная победа «Единой России» и – в сущности – президента Путина. Если – нет, ни о какой победе не может быть и речи.

– Это понятно. А мы?..

– Нет, сэр. На этот вопрос можете дать ответ только вы. Лично.

– Вот, значит, как обстоят дела, Конди?

– Да, сэр.

– Ну, хорошо. Я дам ответ, но прежде мне хотелось бы выслушать мнение государственного секретаря.

– Сэр, разумеется, у меня есть мнение на этот счет. Но несколько часов назад аналитики Совета национальной безопасности закончили этот короткий меморандум. И прежде чем я выскажу свое мнение и прежде, чем вы примете решение, хочу, чтобы вы это прочли.

– Хорошо, Конди. Ты замечаешь, насколько я сегодня податлив и добр. Давай свой меморандум.

Он наконец оторвался от ели, которую все это время ласково теребил пальцами, близко приближая лицо к зеленым пушистым веткам,

вдыхая аромат свежей хвои. И занял место за рабочим столом у южного окна.

«Вашингтон.

Надежный доступ к нефти и газу по приемлемым ценам – краеугольный камень международной безопасности. Но на современном рынке энергоносителей сбои в поставках могут приводить к дипломатическим осложнениям и неблагоприятным последствиям для безопасности.

Мы сталкиваемся с серьезной проблемой – Америка испытывает зависимость от нефти, которая часто импортируется из нестабильных регионов мира.

Энергетическую независимость, за которую давно ратуют руководители США, можно обеспечить путем технологического прогресса. Однако эксперты в области безопасности и энергетики сходятся на том, что в обозримом будущем ископаемые виды топлива и единая система глобальных поставок, которая снабжает ими мировые рынки, делают «энергетическую безопасность» ключевой транснациональной проблемой XXI века.

В настоящее время в мире ежедневно потребляется примерно 86 млн баррелей нефти, и Управление информации Министерства энергетики США прогнозирует, что к 2030 году спрос увеличится почти на 50 процентов, до 118 млн баррелей в день. Ожидается, что до 70 процентов этого объема придется на долю складывающихся крупных экономических и политических держав – таких, как Китай и Индия.

По данным Управления информации, Соединенные Штаты производят 70 процентов потребляемых в стране энергоресурсов и остаются крупнейшим в мире потребителем нефтепродуктов, расходуя 20 млн баррелей в день.

Поскольку добыча нефти внутри страны продолжает сокращаться, Управление считает, что к 2030 году Соединенные Штаты будут импортировать 27 млн баррелей в день, если условия не изменятся. Масштабы этой проблемы угрожают нашей долгосрочной безопасности. И эта угроза обещает со временем стать еще серьезнее, поскольку традиционные источники энергии истощаются, а спрос продолжает расти. По этой причине законодатели должны рассматривать в качестве сырья не только ископаемые виды топлива.

Подлинную энергетическую независимость наилучшим образом обеспечивает система энергетической безопасности, основанная на стабильности рынков и международном сотрудничестве при реагировании на сбои в мировых поставках. Годами международное сообщество

стремилось не допускать сбоев, налаживая многочисленные каналы поставок, поощряя открытые рынки и поддерживая стратегические запасы. Эти шаги необходимы, но недостаточны для обеспечения будущей энергетической безопасности по трем причинам.

Во-первых, разведка ведется в более отдаленных и потенциально нестабильных регионах мира. Даже в ведущих по производству энергоносителей регионах, таких как Ближний Восток и Латинская Америка, политическая нестабильность в будущем может подвергнуть опасности мировое энергоснабжение.

Во-вторых, с открытием новых источников энергии на большем расстоянии от их потребителей в мире будет происходить быстрое расширение инфраструктуры – нефтепроводов, нефтеперерабатывающих заводов и портов, которые могут стать привлекательной мишенью для террористов, партизан и организованных преступных групп. Стихийные бедствия также будут представлять угрозу для этой инфраструктуры.

На многих глобальных судоходных маршрутах, подобных проливу Хормуз в Персидском заливе или Малаккскому проливу в Юго-Восточной Азии, танкерное сообщение подвергается опасности со стороны террористов и пиратов.

На суше строящиеся трубопроводы все чаще пересекают многочисленные границы, что осложняет расчеты политического риска для компаний, вкладывающих значительные средства в обеспечение безопасных поставок нефти и газа на рынок.

Третья угроза энергетической безопасности – недостаточная прозрачность рыночных процессов. Половина мировых запасов нефти находится в руках государственных энергетических компаний, которые не так гибко реагируют на рыночный спрос, как частные транснациональные нефтяные компании.

Государственная собственность может давать преимущество, как в случае работы Саудовской Аравии в Организации стран – экспортеров нефти по сдерживанию мировых цен. Однако подобная ситуация может приводить к злоупотреблениям, когда одни поставщики грозятся сократить поставки энергоносителей для достижения своих политических целей, а другие перебивают цены частным энергетическим компаниям, заключая сделки, которые предусматривают дополнительные межправительственные выгоды – такие, как экономическая помощь и поставки оружия.

Все эти факторы складываются в один простой тезис: для решения проблемы глобальной энергетической безопасности необходимо международное сотрудничество. Мы не можем позволить энергоресурсам стать пере-

менной величиной, фактором риска, вопросительным знаком в общей картине экономики и безопасности нашей страны – или всего мира».

– Да. И Россия – значит – один из этих вопросительных знаков в общей картине экономики и ...как там они пищут? – безопасности нашей страны и всего мира?

– Да, сэр. Отчасти.

– И у нас сейчас есть, судя по всему, такая возможность – распрямить этот вопросительный знак. Превратить его, скажем, в восклицательный. Или – точку.

– Это образно, сэр.

– А основания?

– Международные эксперты указывают на целый ряд нарушений...

– Нет, Конди, это оставь для официального заявления. Сейчас я хочу услышать хоть одно – одно! И мне этого хватит вполне – но совершенно, безусловно реальное основание.

– В Москве, в уличных беспорядках убит Стив Гарднер, сотрудник NDI.

– А что он там делал, в уличных беспорядках?

– Сэр, наша работа...

– Я знаю, Кондолиза, в чем заключается ваша работа. И в чем заключается работа других моих сотрудников. В том числе специальных моих сотрудников. Это грустно, что он убит, но это недостаточный повод. Еще раз спрашиваю – есть ли достаточные?

– Вот отчет международных наблюдателей. Прочтите. Возможно, он поможет вам принять решение.

– Хорошо. Я прочту. И решу. Ты можешь идти.

Она положила тонкую папку на стол и направилась к тому же северо-западному выходу, через который вошла, минуя приемную. Президент остановил ее уже у самой двери.

– Скажи, Конди, чья это была идея – рассказать стране и миру, что однажды, 28 июля 1986 года, я решил стать совершенно новым человеком. Ну, помнишь, я взял и рассказал тогда всем, как проснулся в номере отеля в Колорадо-Спрингс наутро после застолья с ровесниками в честь коллективного 40-летия и с горечью подумал, что мне лично праздновать нечего.

– Это был ваш рассказ, сэр – нам, Лоре и мне. И нам показалась, что это очень знаковая история и то, что через похожее проходят сотни тысяч мужчин. И если каждый из них, вслед за президентом, задумается на эту тему, возможно – жизнь станет немного лучше.

– Так и вышло, я дал тогда себе много обещаний и выполнил почти все, одно из них было – ты помнишь, Конди? – изменить тон Вашингтона и вернуть в Белый дом дух чести и достоинства.

– Да. Я помню, конечно.

– Что ж, который сейчас час в Москве?

– Полночь.

– Прекрасное время для выполнения обещаний.

Он снял трубку, но прежде чем дать распоряжение телефонистке – задал еще один вопрос госсекретарю.

– Ты ведь знаешь русский язык, Конди?

– В рамках академического.

– Думаю, этого будет достаточно. Скажи мне, как будет по-русски «поздравляю»?

Он неожиданно подмигнул все еще стоящей в дверях Кондолизе:

– Сейчас – сама понимаешь – наступает такое время: все – всех поздравляют. Хорошее время, ты не находишь?

28 августа 2007

Москва

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Т. МакКарти «Война в эпоху невидимых машин».
2. З. Бжезинский «Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство».
3. З. Бжезинский «Великая шахматная доска».
4. З. Бжезинский «Второй шанс».
5. З. Бжезинский. «Глобализация».
6. М. Олбрайт «Госпожа госсекретарь».
7. М. Олбрайт «Могущество и всемогущий:
Бог и религия в американской внешней политике».
8. Е. Гайдар «Нефтяное проклятие».
9. В. Крючков «Доклад 17 июня 1991 года на закрытом заседании Верховного Совета СССР
«О планах ЦРУ по приобретению агентуры влияния среди советских граждан».
10. О. Доброчеев «Пятая Россия».
11. Д. Ергин «Добыча».
12. Материалы из открытых источников: периодической печати, информационных и аналитических интернет-сайтов.

Коротко о главном

Марина Юденич – писательница, юрист, психолог, политтехнолог. Окончила Московскую государственную юридическую академию и Сорбонну. Вела авторские программы на радио («Молодежный канал», радиостанция «Юность») и телевидении («Центр», «100° С», «Nota bene», «Москва – Кремль», «Из первых рук» – на Первом канале). В 1994–1995 годах – заместитель начальника Информационного управления Администрации Президента РФ, в 1995–1996-м – руководитель пресс-службы Президента РФ Б.Н. Ельцина. Автор 13 романов, написанных в жанре психологического детектива с элементами мистики.

Ты носишь историческую фамилию.

Насколько это для тебя важно?

Это гордость или ответственность?

Буду откровенна. Поначалу – был лишь удачный маркетинговый ход. Я закончила – как думала – политическую карьеру, отучилась в Сорбонне и поняла, что психологией заниматься не стану. Было некое перепутье, которое психологи называют кризисом середины возраста.

Тогда – и совершенно случайно, но это совсем отдельная история, – я начала писать детективные романы с элементами мистики. Издаваться под прежней фамилией – Марина Некрасова – мне не хотелось, по той простой причине, что в узком мире политики, политтехнологии и околополитической журналистики это имя было хорошо известно. От меня ждали бы мемуаров (тогда вообще было модно писать мемуары), и сколько бы ни написано было предисловий о том, что это всего лишь детективная беллетристика, между строк все равно бы выискивали – и находили! – узнаваемые события и персонажи.

Был выбор: девичья фамилия, фамилия мужа или бабушкина девичья фамилия. Вот

она-то была Юденич. Муж, который в ту пору был и моим издателем, – остановился на последней. Его мотивация, полагаю, ясна.

Я согласилась, во-первых, потому, что хотелось начать жизнь и профессию – с чистого листа. Во-вторых, потому что любовью и тягой к литературе, истории, особым не казенно-патриотическим отношением к России, безусловно, была обязана именно бабушке – Нине Дмитриевне Юденич, которая – собственно – и воспитывала меня в детстве. Ее отец, Дмитрий Павлович Юденич, приходился генералу двоюродным братом. Родство, как видишь, весьма далекое. Кроме того, бабушка умерла в 1971 году, во времена, когда рассказывать о такой родословной было не слишком принято, да и я была еще слишком мала, чтобы задавать вопросы.

Словом, о Юденичах я знала мало. И только потом, много позже – пришло осознание, какую огромную ответственность я взвалила на плечи, взяв бабушкину фамилию. Именно ответственность за имя, которое в истории России по сей день воспринимается неоднозначно. За память о человеке, умершем в изгнании, одиноким (Н.Н. Юденич с супругой были бездетны), не понятым ни Родиной, ни

единомышленниками, – до конца жизни он отказывался принимать участие в белом движении за рубежом и не состоял ни в каких белоэмигрантских организациях.

Что же до гордости – то ее нет. Не вижу причины гордиться чужими подвигами, даже если человек, их свершивший, находится с тобой в некоем далеком родстве.

Ты проявила себя во многих профессиях – юрист, психолог, политтехнолог, журналист, писатель. Кем ты считаешь себя в первую очередь?

Безусловно, на первом месте – и с большим отрывом – политтехнология. Представь, я начала заниматься этой профессией, когда в российской политической жизни такого слова, не говоря уже о роде занятий, не было вообще. И я по сей день хорошо помню, как в прямом эфире «Молодежного канала» его впервые озвучил, а вероятно – и придумал мой тогдашний коллега, один из первых российских политтехнологов Григорий Казанков. На второе место, наверное, следует определить журналистику. Потому что, во-первых, именно она привела меня в политтехнологию, а во-вторых, потому что, так или иначе, я не прекращаю заниматься этим ремеслом на протяжении всей сознательной творческой жизни.

Потом – возможно – следует говорить о писательстве. Потому что это занятие снова увлекает меня сегодня – вполне можешь расценивать это как некое мое сегодняшнее ноу-хау – я все более предметно рассматриваю литературу (разумеется, не всю, а ту, которой предполагаю заниматься) как составляющую часть политтехнологии, способную решать самые глубинные и расчитанные на отдаленные перспективы политтехнологические задачи.

«Нефть» – это книга о политике? Это некий «фантастический репортаж» или какое-то послание?

Безусловно, о политике. Но поскольку я полностью (да, да!) разделяю Марксов тезис о базисе, который определяет надстройку, то эта политика самым тесным образом увязана и основательно зависит от экономических процессов. Основой же мировой экономики сегодня, безусловно, являются углеводороды. Та самая нефть, просто нефть, за обладание которой идет страшная, порой очевидная – под аккомпанемент оружейной канонады, порой тайная, невидимая миру борьба.

Потому – никаких фантазий и уж тем более никаких посланий. Скорее уж – творчески переработанный репортаж, мое собственное видение того, какими были и какими являются вехи этой борьбы. И на краю какой пропасти – экономической, во-первых, но и политической, во-вторых, – оказалась Россия как страна, обладающая огромными запасами нефти и газа, на рубеже веков.

Считаешь ли ты себя «человеком политическим»? Без чего ты легче могла бы обойтись – без политики или без литературы?

Безусловно, политическим. А зачем обходиться? Существует политическая литература. И – как я уже сказала выше – я отчетливо вижу сегодня возможность участия литературы в политтехнологических процессах. Речь идет, как ты понимаешь, не о написании листовок и памфлетов.

В 90-х ты была в политической «стратосфере». Что для тебя важнее всего в этом опыте? О чем жалеешь и чем гордишься?

Осознание того, что в политике нет ничего невозможного. Жалею о том, что порой не проявляла должной настойчивости и даже упрямства. Горжусь тем, что собственными руками – строила новую Россию. Вернее – расчищала площадку для ее грядущего строительства.

Ты наблюдала вблизи Ельцина и его «ближних людей». Что ты о них думаешь?

Покидая Администрацию Президента в 1996 году, я дала себе слово не писать мемуаров и не давать оценок своим тогдашним коллегам и руководителям. Здесь все очень просто. Политика – командная игра. Играя в команде, ты не высказывал претензий, даже если считал капитана недальновидным, вратаря – дебилом, а центрфорварда – слабаком. Стало быть, ничего подобного ты не имеешь права делать, покинув команду. Впрочем, прототипы многих из тех, с кем мне довелось работать, «оживают» на страницах моего романа, но уже как литературные персонажи.

Многие «большие люди» 90-х сегодня «выпали» из жизни и подались во всяческие «несогласные». Почему это произошло?

Обида. Нежелание, а порой и невозможность смириться с потерей не столько материальных благ (хотя это, безусловно, тоже), сколько статуса «небожителя», вершителя судеб и гуру. Трудно, пройдя сквозь все это, оказаться, а главное – признать и почувствовать себя вновь обычным, рядовым человеком, который некоторое время – так случилось – руководил страной.

Почему у тебя нет тех проблем, которые есть у многих твоих бывших коллег по АП?

Если речь идет о проблемах материальных – то я после ухода из АП некоторое время, и довольно успешно, занималась бизнесом. Ну, а помимо всего прочего – женщины, как ты понимаешь, имеют обыкновение выходить замуж, так вот, мне с мужьями везло. Если же речь идет о проблемах нравственных – я уходила добровольно и даже преодолевая сопротивление тогдашнего руководителя АП Н.Д. Егорова. Потому – у меня не осталось обиды, нет недосказанности, ощущения изгнания.

Как ты сама воспринимаешь различия между 90-ми и «нулевыми» годами?

Как преодоление огромной общенациональной проблемы, «полет над пропастью», завершившийся, к счастью, для России благополучно.

Чего ты ожидаешь от нынешних выборов? Как они поменяют жизнь в нашей стране?

Стабильности, исполнения «плана Путина», независимо от того, кто окажется в Кремле. Надеюсь, только лучшего, но – ни в коем случае – не посредством революционных прорывов.

Ты активно ведешь свой блог в Интернете. Что это для тебя? Канал общения, способ самовыражения, забава?

Обратная связь. Арена для обкатки новых идей. Порой – площадка для некоторых политтехнологических упражнений. И конечно же – открытие огромного количества новых имен.

Можешь ли ты назвать три самых ярких события в твоей жизни?

Рождение дочери. Август 1991 года. Третье – пока еще не произошло... Но произойдет непременно.

Беседовал Юрий Гиренко

Литературно-художественное произведение

Юденич Марина Андреевна

НЕФТЬ

Текст печатается в авторской редакции.

Корректор Мальгина Е.Н.

Компьютерная верстка: Гусев Д.А., Чернышев Е.В., Короткевич А.В.

Дизайн Юданов И.Д.

Дизайн обложки Маслов А.В.

Фото Марины Юденич – Игорь Мухин.

ООО Издательство «Популярная литература»

Россия, 119270, г. Москва, Лужнецкая наб., д. 2/4, стр. 16,

тел./факс: +7 (495) 510-18-69

www.poplit.ru

poplit@newmediastars.com

Подписано в печать 13.11.07 г. Формат 162x210.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура BookmanC 9,5 pt.

Условных печатных листов – 17.

Дополнительный тираж 100 000 экземпляров.

ISBN 978-5-903396-06-1

9 785903 396061 >

Отпечатано в полном соответствии

с качеством предоставленного электронного оригинал-макета

в Graphischer Grossbetrieb Possneck Media GmbH

Karl-Marx-Strasse, 24, 07381 Possneck, Deutschland

Tel: +49 (3647) 43-05-54,

Fax: +49 (3647) 43-03-77